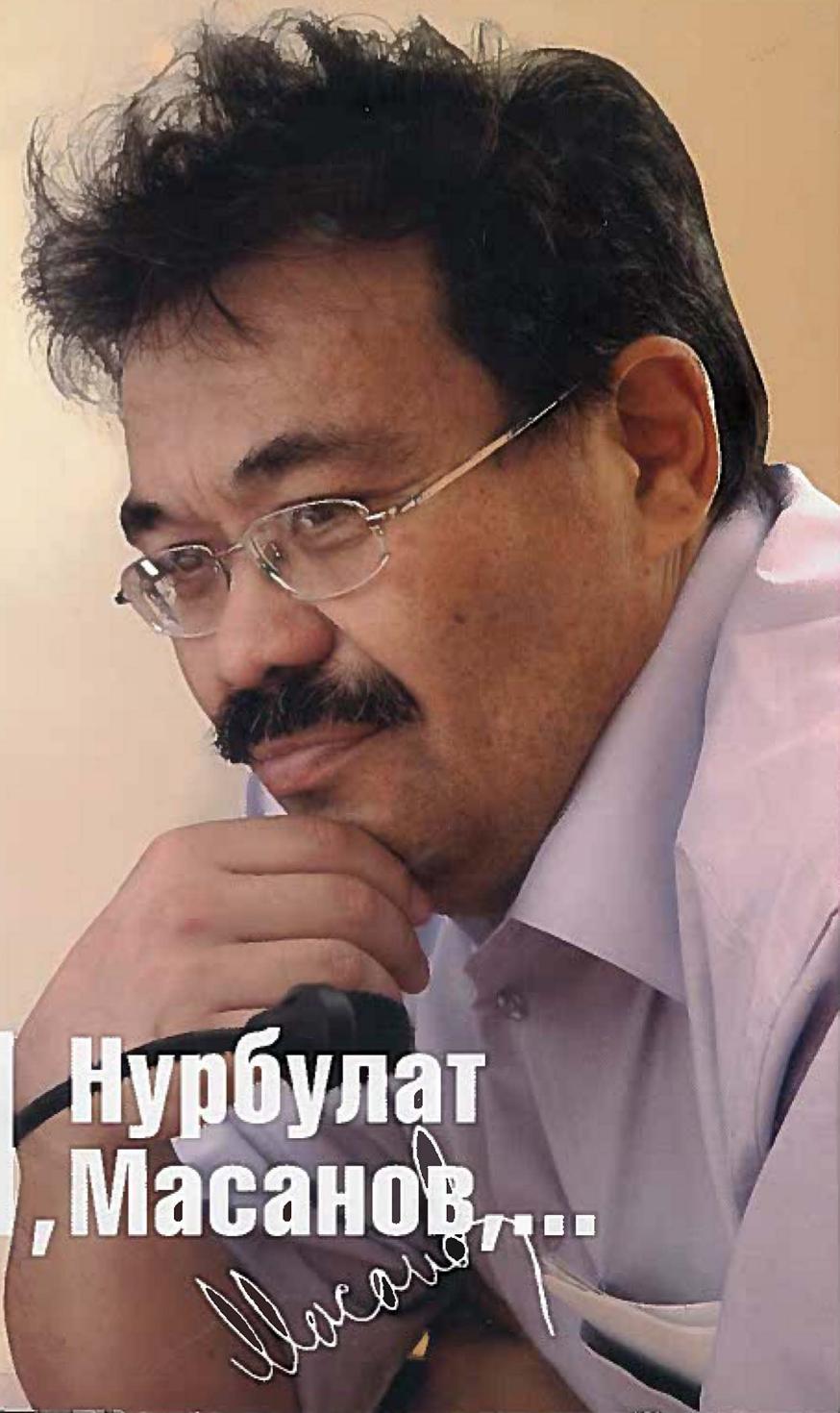

Я

Нурбулат
Масанов,...

Масанов

Я, НУРБУЛАТ МАСАНОВ, ...

Сборник статей и интервью

Алматы, 2007

ББК 66.3 (5каз)3
Я 11

Я 11 Я, Нурбулат Масанов, ...
Сб. ст. и интервью Н.Э.Масанова. – Алматы, 2007. – 396 с.

ISBN 9965-763-52-6

Данная книга – это своеобразный портрет личности Нурбулата Эдигеевича Масанова – известного историка, этнолога, политолога, общественного деятеля, яркого представителя своей эпохи.

Основу книги составляют многочисленные интервью, данные Нурбулатом Масановым различным СМИ по разным событиям экономической и общественно-политической жизни страны на переломном этапе становления суверенного Казахстана. Разнообразие тем и вопросов раскрывает многогранность богатой натуры и мировоззрения Нурбулата, а жанр книги позволяет услышать его живой голос, почувствовать интонации, эмоциональное настроение и психологическую реакцию на острые злободневные события в стране и мире. В личных интервью и статьях Нурбулат Масанов живо рассказывает о своих пристрастиях, интересах и увлечениях, о научных взглядах и морально-этических принципах, о трудностях, которые ему пришлось преодолеть, а главное, о том будущем нашего общества и государства, в котором он мечтал жить.

Книга ориентирована на широкую читательскую аудиторию.

ББК 66.3 (5каз)3

Я 0803010405
00(05)-07

ISBN 9965-763-52-6

© Масанова Л.Е., 2007
© «Искандер», 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нурбулат Эдигеевич Масанов – выдающийся казахстанский ученый современности. Яркий публицист, глубочайший интеллектуал, разносторонне образованный ученый, человек с обостренным чувством ответственности и гражданственности, он обладал уникальным аналитическим умом и широким кругозором, разбирался во многих отраслях знаний. О многих вещах имел он свое собственное мнение, взгляды его всегда были оригинальны, глубоки, аргументированы, поражали новизной, часто были неожиданными для окружающих. Нурбулат во многом опережал свое время. Ему был присущ редкий и удивительный дар – раздвигать горизонты человеческого познания и восприятия мира, щедро делиться своими мыслями.

Нурбулат всегда был в центре общественного внимания. Его мнение, взгляды и суждения часто становились предметом обсуждения и дискуссий. У него было много сторонников, единомышленников, но и много злопыхателей.

Нурбулат был многолик: помнил о своих кыпчакских корнях, делом его жизни стала история казахского кочевого общества, как патриот своей страны называл себя казахстанцем, будучи подлинным ученым, считал себя космополитом, был приверженцем западных демократических принципов и ценностей, а по широте мышления и открытости восприятия, безусловно, был человеком мира.

В настоящий сборник вошли отдельные интервью Нурбулата Эдигеевича Масанова, данные им казахстанским

и зарубежным газетам, радио- и телеканалам в течение 1988-2006 годов. Интервью, как правило, отражает злобу дня, но попутно захватывает много других тем. Это очень живая, непосредственная и активная форма общения, требующая молниеносной реакции, умения в сжатой форме донести суть проблемы, кратко и образно передать свои мысли. Вместе с тем оно наглядно демонстрирует кругозор дающего интервью, глубину его размышлений и представлений по различным вопросам. Это своеобразный, сложный, очень «живой» жанр – и Нурбулат Эдигеевич владел им в совершенстве.

В сборник также включены некоторые газетные статьи Нурбулата о своих любимых видах спорта – футболе и хоккее.

На страницах этой книги Нурбулат сам рассказывает о себе, о своих человеческих пристрастиях, о том, что его волновало как ученого, как гражданина, как человека.

Лаура Масанова

Я, НУРБУЛАТ МАСАНОВ, ...

1. Во мне пропадает талант...

Я думаю – дар спортивного комментатора. Всегда мечтал стать им. Отчасти реализую эту страсть в кругу близких: обсуждаем спорт, знаем всех хоккеистов, баскетболистов, бейсболистов, я уж не говорю о футболистах.

2. Я отдал бы все ради...

Все отдать невозможно. Но виртуально, абстрактно – отдал бы все для того, чтобы у нас в стране изменилась политическая система, чтобы мы были нормальной парламентской республикой, и у власти находились добрые, честные люди, ответственные перед народом.

3. Мне было бы проще жить, если бы...

...я не занимался политикой, а только наукой.

4. Я люблю...

...лошадей, собак и спорт. Свою семью, в первую очередь. Если говорить о кулинарных предпочтениях, выбираю хорошую рыбу. И как можно меньше мяса.

5. Я отыхаю, когда...

...занимаюсь хобби, статистикой, смотрю телевизор. Отдых – это смена деятельности.

6. Меня могут тронуть до слез...

...любые человеческие искренние чувства, хорошая мелодрама.

7. Я становлюсь неуправляемым после того, как...

...сталкиваюсь с какими-то проблемами моих близких, тогда выхожу из себя.

8. Моя самая экстравагантная выходка...

Я всегда контролировал свои поступки, всегда знал, чего хочу.

9. Я краснею...

...за людей, которых люблю и уважаю, когда они попадают в неловкую ситуацию. Хочется помочь. За себя, может быть, часто краснею, но не считаю это большой проблемой.

10. Пользуюсь транспортом...

...обычно городским. Иногда возит жена на «Мицубиси-спайс-вагоне», а лучший транспорт – пешком.

11. Мое прозвище в детстве...

Было множество производных от имени Нурбулат – Нурик, Нур.

12. Одежду покупаю...

Членам семьи привожу что-нибудь из-за рубежа. А для меня покупает только жена.

13. Когда в доме уборка...

...сачкую, как все мужчины, или смываюсь под предлогом дел. Или просто сажусь за компьютер.

14. Мои вредные привычки...

Раньше много курил, не стесняясь окружающих. Семь лет назад бросил. Из домашних вредных привычек – не умею распоряжаться деньгами. Они мне «жгут карман». Трачу обычно на спортивные справочники. Цена не останавливает. Я теоретик во всем. Под любую вредную привычку могу подвести теорию.

15. Сообщение, которое хотелось бы оставить на автотоответчике близкому человеку...

«Я с тобой!»

Газета «Новое поколение» (НП),
№ 4 (88), 28 января 2000 г.

...ИСТОРИК

(Первое интервью газете)

Знакомьтесь: Нурбулат Масанов, кандидат исторических наук, ученый секретарь Отделения общественных наук Академии наук Казахской ССР. В свои тридцать четыре занимает весьма солидный пост. Это тот счастливый случай, когда личные устремления совпадают с общественным признанием. Нурбулат – представитель исторической династии в самом хорошем смысле: отец, дед, два его дяди занимались историей и этнографией, так что другого выбора он просто не мог сделать. На его счету серьезные научные работы. Кроме того, Нурбулат – горячий пропагандист и популяризатор науки, он ведет исторический клуб при Доме ученых Академии наук.

Нурбулат, в последнее время сделалось модным ругать историческую науку. Она-де и служанка политики, и плетется в хвосте общественных преобразований. Появились так называемые «белые пятна» истории, раздаются голоса о полном пересмотре существующих исторических концепций. Как ты оцениваешь состояние исторической науки?

Наука отражает состояние общества. Каковы мы, таковы и наши наука, искусство, культура, мысли и так далее. Наша наука была лишена права на поиск истины. Монополия на истину была у государства. А наука лишь приспособливалась так или иначе трактовать исторические события в угоду текущему моменту. Кроме того, в нашей науке вся система отношений расписана «от» и «до». Эта табель о

рангах приводит к закостенелости, подминанию личности общественным статусом.

Каковы, на твой взгляд, самые актуальные направления научного поиска?

Поскольку сам занимаюсь изучением проблемы кочевничества, буду говорить о ней.

Почему у нас в Казахстане плотность населения 6-7 человек на квадратный километр, тогда как в развитых странах Европы 2-3 тысячи? Почему там высокий уровень урбанизации, индустриализации, а у нас эти процессы лишь в зародыше? На все эти вопросы можно получить ответы, изучая опыт предыдущих поколений, народные традиции. Помните, в 1973 году Л. Брежnev поставил перед Казахстаном задачу довести поголовье овец до 50 миллионов? Но народный опыт гласит, что за многовековую историю у казахов никогда не было больше 20 миллионов овец. Попросту потому, что большее количество не в состоянии прокормиться. Нет кормов, к тому же территория пастбищ неуклонно сокращается, четверть их вышла из употребления. И еще. Чтобы овца нагуляла вес, она не должна в день пройти больше 4-5 километров. Безумная концентрация, погоня за валом привели к тому, что многотысячные отары гоняют за 30-40 километров в поисках кормов. Происходит обратный результат – потеря веса, а отсюда массовая гибель животных. Кочевая система мудра, отрегулирована веками, надо использовать ее опыт.

Ты часто обращаешься к этнографии, связываешь общество и человека в единое целое с природно-климатическими условиями. Это случайность или приверженность новому методу?

Традиционная историческая наука – наука о развитии общества во времени. Поэтому основой конкретно-исторических исследований являются свидетельства, письменные памятники, документы различных эпох. По сути, ученые занимаются толкованием текстов. Насколько они достовер-

ны? Каждый письменный источник субъективен, поскольку отражает мысли, сознание своего автора, очевидца. А где реальная эпоха?

Необходимо пространственно-временное развертывание всемирно-исторического процесса, необходимо совершенствование внеисточникового знания за счет новых приемов и методов исследования.

Поиски источников, их изучение, накопление знаний – это экстенсивный путь. Необходимо приращение знаний за счет принципиально новых подходов.

Газета «Ленинская смена»,
23 сентября 1988 г.

Интервью записала И. Утеулина.
«Пусть не довлеет груз традиций»

©88

Газета «АЗИЯ» не раз обращалась к различным вопросам истории, поиску правды в прошлом. Статьи эти, как правило, вызывали немало читательских откликов. Сегодняшнее интервью посвящено не тому или иному аспекту былого, а проблемам самой исторической науки. Своими взглядами на них делится доктор исторических наук Нурбулат МАСАНОВ.

Нурбулат Эдигеевич, в последние годы мы стали свидетелями возросшего интереса к истории. Система, умудрившаяся породить лысенковщину не только в генетике, отвратившая на десятилетия людей от их настоящей истории, рухнула. Начали издаваться документы и книги, ранее недоступные, зазвучали запретные имена. Для ученых-историков вроде бы наступил золотой век. Но соответствует ли уровень нынешнего интереса к исторической науке её сегодняшнему состоянию?

Сейчас действительно наблюдается заметный рост интереса к истории вообще, и к прошлому Казахстана, в частности. Всё это объяснимо: с одной стороны, исчезла монополия на исторические знания, нет больше тотального контроля со стороны господствующей идеологии и всего того надуманного, что она привнесла или, скорее, навязала исторической науке. Передовая роль рабочего класса, недооценка роли личности в истории, совершенно надуманная пятичленная схема (помните? – пытались втиснуть всю историю в пять общественно-экономических формаций – от первобытно-общинной до коммунистической) – всё это теперь уже не довлеет над ученым. Одновременно мы начали отказываться и от поссибилистского подхода к истории (то есть географического нигилизма), и от евроцентризма, и от антропоцентризма («человек – центр мироздания»).

Обращение к прошлому Казахстана в значительной мере обусловлено достижением республикой независимости. Однако это то, что касается интереса широкой аудитории. Интерес же со стороны ученых к Казахстану существовал всегда во всем мире и не зависел от политической конъюнктуры. Отдельные этапы и некоторые проблемы истории нашего региона подробно изучались в самых авторитетных университетах мира: Гарвардском, Йельском, Висконсинском, Кембриджском, Оксфордском, Сорбонне, Индианском, Иерусалимском. И это далеко не полный перечень. Большой вклад внесли канадские и японские ученые, наши бывшие союзные, а ныне российские институты: Институт востоковедения, Институт этнологии и антропологии, исторические факультеты МГУ и ЛГУ.

Какие именно проблемы прошлого Казахстана привлекали столь широкое внимание ученых?

Тут можно выделить четыре основные группы вопросов. Первая связана с проблемами антропогенеза – происхождения человека. По археологическим данным, человек на

территории Казахстана появился примерно 1-1,5 миллиона лет назад. То есть Казахстан был одним из древнейших очагов расселения человека и, возможно, тем мостиком, через который происходило освоение человечеством Евразии. Второе, что вызывает интерес к Казахстану во всем мире, это проблема происхождения индоевропейских народов. Одна из точек зрения на эту проблему локализует прародину индоевропейцев именно на территории современного Казахстана, но так это или нет, в любом случае в судьбе этих народов Казахстан сыграл огромную роль.

Третье – это проблемы кочевничества. Интерес к ним обусловлен той огромной ролью, которую играли кочевники в мировой истории, особенно в определенные её моменты и, конечно, Казахстан как крупнейший в мире регион распространения кочевничества привлекает в этой связи внимание учёных.

И последнее, что надо отметить здесь, хотя этот аспект определялся в значительной мере политической конъюнктурой и ныне уже отошел на второй план, это интерес к Казахстану на Западе в рамках проблемы межнациональных отношений в ныне канувшей в Лету супердержаве СССР. Считалось, что именно нерешенность этой проблемы, особенно в Средней Азии и Казахстане, станет причиной краха державы.

Комплекс этих проблем и предопределял постоянный, не подверженный политическим веяниям интерес ученых к прошлому Казахстана.

Что же касается состояния исторической науки у нас сегодня, то, на первый взгляд, она действительно переживает подъём. Но это лишь на первый взгляд. Статус науки в последнее время несколько вырос, ученых гораздо больше возможностей, чем было раньше, но в то же время история остается по-прежнему одним из мощных средств идеологического воздействия, к ней апеллируют в политических спорах, используют как аргумент для отстаивания порой край-

них точек зрения. На мой взгляд, сейчас можно говорить не о расцвете науки, а о расцвете интереса к ней. Реальная история по-прежнему не востребована, зачастую остается вне поля зрения ученых. Поменялись лишь оценки – плюсы на минусы, да ещё примат одних штампов сменился приматом других, например, классовых – на этнические. Одна крайность поменялась на другую. По крайней мере, по дореволюционному периоду истории Казахстана за последнее время не появилось сколько-нибудь серьёзных исследований. Для этого нужно время, а мы пока ещё даже не открыли все архивы. В ущерб серьезным работам появляются псевдонаучные исследования. На первый взгляд имеющие объективную историческую основу, они в действительности не гнушаются порой и грубым плагиатом. В частности, об этом «Азия» писала в известной статье «Накипь».

У нас, по сути, до сих пор функционирует сложившаяся в СССР система научных градаций, которая носила статусный характер и не отражала реального положения вещей в науке: человек мог иметь докторскую степень и быть некомпетентным специалистом, а другой мог внести в науку огромный вклад, но в силу различных причин так и не получить этого официального статуса. Пример тому – замечательный ученый Юдин. Эта система предопределяла и выбор тем исследований: в Казахстане из всех академиков и членов-корреспондентов историков дореволюционного периода было лишь несколько человек, то же и с докторами. Впрочем, в СССР это было повсюду: до 90 процентов историков защищали диссертации по истории КПСС.

Картина получается довольно мрачная, можно даже подумать, что серьёзные и объективные исследования по Казахстану можно найти лишь в Оксфордском или Индианском университетах.

Ну, это слишком утрировано. Во-первых, нельзя отрицать огромный вклад ряда исследователей еще в гор-

половины XVIII века: отца и сына Рычковых, академика Палласа, Георги, Фалька и особенно капитана Андреева. Крупные исследователи были и в XIX веке: Гавердовский, Левшин, Бларамберг, Мейер, Красовский, Потанин и особо хочется подчеркнуть вклад в изучение истории Казахстана Вельяминова-Зернова, Радлова, Аристова, Добросмыслова, выдающихся казахских ученых Валиханова, Бабаджанова, Сейдалина, Чорманова, Кустанаева и, конечно, Букейханова. Уже в те годы занимались Казахстаном и западные историки: Вамбери, Скайлер, Ховорс, Мозер. На рубеж веков пришла деятельность таких великих ученых, как академик Бартольд и Грум-Гржимайло.

Невозможно переоценить вклад всех этих людей в изучение нашего прошлого. Так, академику Вельяминову-Зернову мы обязаны созданием концепции о происхождении казахского народа, которая получила наибольшее распространение; он первым разыскал и перевел средневековые персидские и тюркские источники по казахам. Интересно то, что кроме академических сотрудников изучением Казахстана и казахов очень профессионально занимались простые чиновники, военные, которые, не будучи учёными, писали именно научные труды: чиновник Алекторов опубликовал около двухсот материалов о казахах, а ветеринарный врач Добросмыслов одним из первых расписал всю историю казахов.

Выходит, что дореволюционная история Казахстана прекрасно документирована?

Со второй половины XVIII века до начала XX увидело свет около двадцати тысяч публикаций, посвященных Казахстану. Чего стоят одни только «Материалы по киргизскому землепользованию», многотомный сериал, издававшийся на рубеже веков: в нем содержалось подробнейшее описание казахов по 200-300 позициям (анализ половозрастного состава населения, количество скота, перекочёвок, стоянок,

вплоть до описания утвари в семьях). Ни по одному другому народу в мире не существует столь подробного описания, даже сейчас нет таких источников. Кроме того, с 80-х годов прошлого века и до 1913 года издавались ежегодные отчёты губернаторов, содержащие подробнейший анализ по всем областям Казахстана.

Хорошая, добротная основа для серьёзного изучения истории всего Казахстана была заложена еще в дореволюционный период. Мы, ученые, и весь казахский народ в неоплатном долгу перед всеми людьми, создавшими эту основу, и если уж говорить о переименовании улиц и площадей, то в каждом казахстанском городе должна появиться улица имени Аристова, Бартольда, Вельяминова-Зернова.

Неужели не было тенденциозных, предвзятых работ?

Были и поверхностные, и такие, где казахи представлялись дикарями, варварами, которых не надо просвещать. Но удельный вес таких работ незначителен, в целом преобладали честные, гуманные исследования, в которых история и культура казахов оценивалась положительно.

Как же складывалась судьба исторической науки в Казахстане после 1917 года?

В 20-х годах еще были живы старые традиции и у многих историков преобладал более-менее объективный подход. Но уже тогда стали заметны две тенденции, определявшиеся новой идеологией. Одна стремилась доказать существование классов в дореволюционном Казахстане и тем самым обосновать закономерность победы здесь революции. Другая, исходя из убеждения, что царизм – бесспорное зло, рисовала всю колониальную историю Казахстана исключительно в чёрных тонах. В 30-е годы в связи с всеобщим огосударствлением наука идеологизировалась и перестала быть независимым средством научного познания. Но даже в период господства марксистско-ленинского подхода

были и объективные историки. Хочется отметить вклад в историческую науку Асфендиярова, Вяткина, Бекмаханова, Шахматова, Бернштама, Маргулана. В изучение этнографии казахов немалый вклад внесли Аргынбаев, Муканов, Захарова; в изучение древней и средневековой истории Казахстана – Ибрагимов, Юдин, Зуев. Среди исследователей последних лет необходимо назвать Ахинжанова-младшего, Акишева-младшего, Моисеева, Дулатову, Ерофееву, Абусеитову, Кадырбаева.

Да, в советское время изучение истории носило конъюнктурный характер, рассматривались в основном политические аспекты: различные восстания, развитие рабочего движения, присоединение Казахстана к России, которое рисовалось исключительно в розовых тонах (сейчас – лишь в черных, хотя, как показывает анализ, история взаимоотношений России и Казахстана включала в себя спектр самых различных цветов). Но, тем не менее, и советская историография внесла огромный вклад в изучение прошлого Казахстана.

Мы в основном касаемся дореволюционного периода. Как выяснилось, тут есть и объективные научные разработки, и огромная документальная база. Но как же быть с периодом послереволюционным, который и был воплощением заидеологизированности науки. Переписывать заново?

Писать, а не переписывать. Здесь также есть и необходимые источники, документы. И масса проблем, подходить к рассмотрению которых надо объективно, без стремления как можно скорее, в ущерб историческому анализу, выдать готовое исследование. Такое стремление, на мой взгляд, привело к тому, что очень многие работы сегодня носят не научный, а, скорее, публицистический характер.

Каковы же перспективы исторической науки? Сумеет ли она получить свободное развитие или останется идеологическим подспорьем в политических спорах?

Настоящий, серьезный подход к пересмотру истории в Казахстане ещё лишь формируется. Беда наша в прошлом состояла не только в давлении идеологии на науку. Процесс исторического развития общества изучался как-то сам по себе, в отрыве от общесоциологических закономерностей. Забывалось, что историческая наука не есть лишь наука о развитии общества во времени. Целый ряд важнейших аспектов, без учета которых невозможно понять те или иные процессы, игнорировался. Так, например, у нас лишь сейчас начинает приниматься во внимание экологический аспект, без которого не понять, что кочевничество в Казахстане – не случайность, а социально-закономерное явление, связанное с адаптацией человека к природным условиям аридной зоны.

От того, насколько серьёзно будут учитываться историками общесоциологические закономерности, во многом будет зависеть и будущий уровень науки. Кроме того, необходима и серьезная государственная поддержка науки: в наше время, когда полная идеологизация сменилась полной коммерциализацией, у исследователей зачастую просто нет возможностей опубликовать свои работы.

И главное, с чем я связываю будущий подъём науки, это высококвалифицированные и профессиональные историки, подходящие к научным проблемам с серьёзным, неконъюнктурным анализом.

Газета «Азия»,
№2, июнь 1993 г.
Интервью взял Я. Разумов.
«Невостребованная история»

ОТВЕТЫ

Нурбулат Эдигеевич, многие из ваших работ получили далеко не однозначную оценку в «верхах», были весьма критично оценены первыми руководителями страны. В результате вы попали в разряд оппозиционеров. Неужели современному ученому-историку невозможно обойтись без активного участия в политике?

Здесь есть определенная закономерность. В советское время девяносто девять процентов историков предпочитали заниматься историей КПСС. Это было наиболее безопасно и удобно для защиты диссертаций, получения званий и, соответственно, успешной карьеры. Посвящать себя древней истории или, тем более, дореволюционному периоду было настолько непrestижно, что специалистов можно пересчитать по пальцам.

После обретения суверенитета ситуация изменилась полностью. Теперь стало опасно заниматься современностью, и большинство моих коллег переметнулись в древнюю историю. Если каких-то 15-20 лет тому назад за изучение, допустим, деятельности Аблай хана можно было нарваться на крупные неприятности, то теперь звания и чины получает тот, кто громче всех воспoёт ему хвалебную оду. Вот и получилось так, что нам, некогда серьезно исследовавшим дореволюционный период, сейчас там стало нечего делать. Не хочется участвовать в процессе мистификации, а, зачастую, и прямой фальсификации истории. Поэтому мы обратили внимание на историю современного общества. Подобная ситуация характерна не только для Казахстана, но и для России. Могу привести множество примеров, когда крупнейшие специалисты по древнему миру в один мо-

мент осознавали, что не потерять своё «я», свою квалификацию можно, лишь занимаясь современностью.

А это автоматически предполагает оппозиционность взглядов?

Видите ли, тут несколько двойственная ситуация. С одной стороны, любой порядочный человек, живущий на постсоциалистическом пространстве, невольно вынужден становиться в оппозицию к власти. Почему? Да потому что безобразия, творящиеся практически в любой стране бывшего соцлагеря, просто не могут оставлять никого равнодушным.

С другой стороны, как ученый, я не стремлюсь в ряды оппозиции. Мне больше импонирует роль стороннего наблюдателя. Однако если учесть, что любой ученый, а тем более историк, просто обязан быть порядочным человеком, правдиво описывать события и по возможности предвидеть, куда может завести тот или иной правящий режим, то у него неминуемо возникнет оппозиционный настрой.

Что же касается непосредственно меня, то наибольшее раздражение у некоторых чиновников вызывали мои критические высказывания в адрес механизма государственной власти, который сформирован в Казахстане. Также не могла получить одобрение и моя оценка процесса приватизации, который обернулся монополизацией собственности в руках очень узкого круга людей. И, совершенно очевидно, что этот процесс в том виде, в каком он существует в настоящее время, препятствует прогрессивному, поступательному развитию общества, фактически отбрасывая нас в феодализм. Отсюда и авторитарный стиль правления, где практически все властные рычаги сконцентрированы в руках одного человека.

В свое время вы довольно резко высказывались о проблеме трайбализма. Сейчас она снята с повестки дня?

В чем-то она, действительно, стала неактуальна, хотя по-прежнему продолжает оставаться на первом плане. Трай-

бализм имеет место тогда, когда идет борьба кланов за власть. Сегодня борьбы кланов нет. Однако в потенции все остается неизменным, и при каких-то крупных кадровых перестановках клановое противостояние резко обострится.

В таком случае, что для вас сегодня наиболее актуально?

Наверное, как любой интеллигент, неспособный сконцентрироваться на чем-то одном, я сейчас работаю практически по десяти направлениям сразу. Упомяну две будущие книги. Одна – чисто историческая – о происхождении казахского народа. Элементарно не хочется терять квалификацию. Другая книга будет называться «Социально-экономический и государственно-политический портрет суверенного Казахстана». Это будет история Казахстана с момента обретения независимости и до наших дней.

Неприятие авторитаризма сказалось на вашей семейной жизни? Царит ли у вас в семье подлинная демократия?

Начнем с того, что я вообще считаю главной силой общества не государство, не этнос, не нацию, а именно семью, в которой происходит формирование личности человека. Любой нормальный мужчина в своей жизни должен иметь опыт общения с разными типами женщин, уметь строить свои взаимоотношения с разными поколениями. Это возможно лишь при наличии матери, бабушки, сестры и, впоследствии, дочери и внучки. Если выпадает хотя бы одно звено, – неминуемо возникнет определенная неполноценность. То же самое касается женщин. Далее. Как известно, мужчина в большей степени реализует себя, как личность, в обществе. Семья для него – это «нора», куда он заползает залечивать раны. Только в чем-то ущемленный, неспособный полноценно реализовать себя в обществе мужчина начинает «качать права» в семье. Не стоит претендовать на лидерство. Гораздо мудрее уступить, дабы возникли равноправные гармоничные отношения. Поэтому у нас никто не доминирует, никто ничего не навязывает, просто все любят

друг друга. Кстати, здесь можно провести параллель с государством. Ужасно, когда ненормальная модель отношений в «ячейке общества» начинает переноситься на другие уровни.

Как правило, любимая работа утомляет не сильно. Но периодически нужно отдохнуть и от неё. Как строите свой досуг?

Действительно, читать лекции студентам или писать книгу для меня и работа, и удовольствие. Но настоящим хобби является спорт. Про любимые виды спорта: хоккей, футбол, бейсбол – хочется знать абсолютно все. С 1991 года я выписываю и досконально изучаю все справочники Национальной хоккейной лиги (НХЛ), поэтому имею полное представление практически обо всех хоккеистах мира. То же самое можно сказать и о футболе. Мы с сыном горячо болеем за многие английские, итальянские, голландские команды.

А как же Казахстан?

Сейчас от славы казахстанского футбола мало что осталось. Нет атмосферы зрелищности, нет класса мастерства. Отсюда и отсутствие зрителей, полупустые трибуны. Короче – нет дела. А раз нет дела, то там и делать нечего.

Большой спорт в мире неотделим от большой политики. Получается, что у нас здесь крупный просчет?

Настоящий профессиональный спорт могут себе позволить только очень богатые страны. Существуют четкие экономические выкладки, свидетельствующие о том, что если на трибунах присутствует меньше 16-17 тысяч человек, а входной билет стоит менее 25 долларов, то спортивная команда будет убыточной. Вариант осетинской «Алании», где вся страна фактически работает на эту команду, – тоже не выход.

Развитию спорта может помочь только обязательное включение в школьную программу некоторых его видов. Допустим, футбола и шахмат. При минимальных затратах ничего, кроме пользы, от этого не будет.

При столь критическом восприятии окружающей действительности не возникала мысль эмигрировать из страны?

Как ученоуму, мне довелось немало поездить по миру. И я давно пришел к выводу: нас там никто не ждет. Каким бы я ни был профессионалом, никогда за рубежом я не буду оценен подобающим образом. Дай бог, чтобы это могли сделать дети или внуки. Кроме того, существует долг интеллигента перед своим народом. Может, мои дети и откажутся от него, но сам я не могу.

Каким вы видите будущее своих детей?

Самое главное, чего я хотел бы для своих детей и внуков, – чтобы у них была возможность выбирать. Наличие свободы выбора. И мне хочется дожить до такого времени, когда моя жизненная позиция, мой выбор будут определяться только моими поступками и делами, а не оценками каких-то случайных людей.

Я желаю своим близким, самому себе и всем читателям газеты, чтобы единственным мерилом экономического положения любого человека, его степени свободы был только труд, знания, а также умение и желание работать.

Газета «Ваше право»,
№31, 08 августа 1997 г.

Вел интервью Е. Косенко.

«Изучать современность – опасно!»

В стране, которую власть предержащие пытаются представить в самых радужных красках, отношение к оппозиции и просто к инакомыслящим остается негативным. Вопреки известной поговорке, они пытаются «накинуть платок на каждый роток», выражаящий несогласие с действиями режима. Причем используют для этого не самые цивилизованные методы.

Нурбулат Эдигеевич, недавно вы вернулись из Караганды, где в одном из университетов вам не разрешили преподавать. Расскажите, пожалуйста, что произошло?

Началось все гораздо раньше. Как только я начал заниматься общественной деятельностью, то сразу почувствовал психологическое давление на работе. Это старый испытанный советский способ давления на инакомыслящих. В первый раз меня попытались уволить еще в 1993 году в КазГУ, когда я стал профессором кафедры истории Казахстана. Предлогом стало то, что летом, в отпускное время, я поехал в Голландию на международную конференцию. Когда я вышел на работу, вдруг с ужасом узнал, что согласно приказу ректора, меня увольняют из университета за прогулы. Я был очень удивлен. Главным обоснованием было то, что я не согласовал свою поездку с ректоратом университета. В тот раз профсоюз отстоял мои права и восстановил на работе.

После этого власть начала меня отслеживать по всей линии. Но поскольку я на свои занятия ходил всегда исправно и хорошо, то проблема возникала тогда, когда меня приглашали участвовать в международных конференциях. А так как меня приглашали часто, то каждый раз, когда я шел к заведующему кафедрой и декану и сообщал

об этом, они были страшно недовольны и категорически запрещали мне уезжать. Тогда я стал делать это в приватном порядке. Договаривался с преподавателями и просил меня заменять. Но декан с заведующим кафедрой «блюли морально-нравственную чистоту». Они не пускали в аудиторию преподавателя, который должен был заменять, и фиксировали прогул. В итоге я получал очередной выговор. В начале 1994 году меня снова уволили якобы за систематические прогулы. Опять вмешался профсоюз, ибо, по закону, для увольнения человека с работы нужно провести определенную процедуру, о которой руководство факультета в спешке забывало. В итоге они вынуждены были восстанавливать меня на работе. Помимо постоянных проверок, вокруг меня была создана такая атмосфера страха, что преподаватели просто боялись ко мне подойти, ибо об этом немедленно становилось известно декану и заведующему кафедрой.

И, наконец, им это удалось. В 1998 году меня не переизбрали на новый профессорский срок и уволили из университета. Для этого был использован совершенно некорректный с профессиональной точки зрения способ. Состоялось заседание кафедры, на которое привели некоторых моих бывших студентов. Их поднимали и предлагали высказатьсь о Масанове. Ну, а поскольку многим нечего было сказать, то один из преподавателей даже заявил, что, дескать, у Масанова туберкулез и поэтому ему нельзя работать со студентами. В общем, все это было грязно и мерзко.

Примерно во время работы на историческом факультете, в 1996 году, меня пригласили читать лекции на факультет политологии. Это была инициатива профессора Мустафина. По его рекомендации я был включен в Совет по защите докторских диссертаций. Однако когда прошел год, он не стал продлевать мое участие ни в Совете, ни в работе факультета. Я спросил Мустафина о причинах этого. Тлемис

Тлеугабылович ответил мне, что не хочет терять на старости лет работу. Конечно, я уважал Мустафина и понимал, что на него оказывается колossalное давление. Он был вынужден так поступить.

Особенно серьезный прессинг в отношении меня начался в 1996 году. Президент республики выступает перед средствами массовой информации и ругает меня за то, что я, с его точки зрения, плохой историк и политолог. Тут же на факультете начинаются какие-то собрания и обсуждения. Меня с удвоенной энергией пытаются уволить. И когда они, наконец, избавились от меня, я был приглашен в Институт иностранных языков читать лекции по истории. Но когда в том же году я начинаю активную политическую деятельность, открыто заявляю о поддержке А. Кажегельдина, ко мне обратились сотрудники института со словами: «Ты же понимаешь, нас всех уволят...». Я сказал, что все понимают и сам написал заявление об уходе. Таким образом, с ноября 1998 года я не работаю по специальности и все это время испытываю на себе постоянное «внимание» власти. Когда меня приглашают на встречи, я честно предупреждаю, что у них могут возникнуть проблемы. К примеру, недавно мне позвонили студенты отделения политологии КазГУ и попросили с ними встретиться. Я им сказал, чтобы они, во избежание различных проблем, спросили разрешение у декана. Они пошли, и декан им строжайше запретил. Произошедшее в Караганде стало еще одним звеном в этой цепи. Ректор частного Карагандинского университета пригласил меня читать лекции. Я честно предупредил его, что университет может оказаться «в черном списке». Он не поверил, заявив, что не может власть опуститься до такого уровня. Хорошо. Я приезжаю в Караганду в 4 утра. А уже в 10 часов ректор мне сообщил, что ему угрожают закрытием университета. Естественно, мне пришлось в тот же день вернуться в Алматы.

Не есть ли то, о чем вы рассказали, ничем иным, как результатом человеческой зависти к более талантливому коллеге? Ведь не секрет, что подобное имеет место в академической среде.

Конечно, этот фактор также немаловажен потому что, скажем, на историческом факультете у меня было в год публикаций больше, чем у всех преподавателей. Это, бесспорно, многих раздражало. Однако не стоит все сводить только к мелким личностным раздражениям. Ведь невозможно всех ученых дружно заставить ненавидеть и завидовать Масанову. Это невероятно. Я не думаю, что зависть – основополагающий фактор. К тому же она не снимает моих отрицательных характеристик в адрес Назарбаева, с которых, фактически, и началась кампания по моему увольнению. Говоря точнее, это – зависть, помноженная на соответствующую политику властей.

А каковы были первые причины начавшейся против вас кампании?

Я думаю, что все связано с политикой. В 1992 году я не критиковал режим прямо, однако негативно высказывался в отношении многих политических решений выбранной властью стратегии. Я предупреждал, что если они будут приняты, то режим ждет вырождение. К концу 1993 года я уже прямо говорил о том, что во всех негативных явлениях, происходящих в стране, виноват данный политический режим. Именно с этого времени в отношении меня начались гонения. Замечу, что до этого, напротив, режим несколько раз приглашал меня на работу. Но я отказался от сотрудничества. После этого власть перешла к иной тактике, когда человека объявляют персоной «нон грата» и постепенно начинают выдавливать из общественной жизни. А как меня можно выдавить, ведь я никак не связан с государством? Поэтому началось давление по работе.

И последний вопрос. Чем вы занимаетесь сейчас? Удается ли полноценно работать?

Любой ученый, профессионал, безусловно, космополит. Он работает в широком интеллектуальном пространстве, но, увы, не в политическом. Я работал в журнале, издающемся в Швеции – «Центральная Азия и Кавказ». После того, как 30 марта дверь моей квартиры замуровали, главный редактор прислал мне письмо, в котором написал, что журнал не занимается политикой и поэтому они вынуждены разорвать со мной контракт. То есть это событие напугало не меня, а его. Я думаю, что с этим человеком поработали, ему писали, чтобы он так поступил.

Как ученый, я член общепланетарного сообщества. И здесь я доказываю свою компетентность, состоятельность, чтобы работать дальше, получать гранты на исследования. Однако как гражданин Казахстана я чувствую, что власть меня все время контролирует. В течение недели после состоявшегося митинга РНПК у меня был отключен телефон. Сейчас, чтобы я не мог работать в Интернете (я заключил контракт на ночное пользование Интернетом), мне отключают телефон с 11 вечера и до 9 часов утра. Власть все время демонстрирует либо свою хулиганскую сущность, когда пишет в моем подъезде нецензурные слова, либо совершает различные подлости: отключает телефон, не дает возможности работать. Я считаю, что это характеризует наш политический режим. Я думаю, что все эти действия скординированы и согласованы на самом высоком уровне.

Газета «XXI век»,

20 апреля 2000 г.

Интервью вела С. Исмаилова.
«Инакомыслie преследуется»

СЭВ

Историей дореволюционного Казахстана в недалеком прошлом заниматься было непrestижно и даже опасно: легко могли обвинить в идеализации феодального или буржуазного прошлого, особенно когда это касалось изучения вопросов происхождения казахского народа и кочевого образа жизни. И, как следствие, все книги, монографии, статьи на эту тему в советскую эпоху были наперечет. К ним можно отнести и работу доктора исторических наук Н. Масанова «Кочевая цивилизация казахов». В полном объеме этот труд увидел свет только после крушения советской идеологии: в 1995 году монография была издана тиражом в 1000 экземпляров и быстро разошлась.

В советские времена в исторической науке существовала так называемая пятичленная схема – первобытное общество, рабовладение, феодализм, капитализм и социализм, – рассказывает ученый, которого в 80-е называли идеологом казахского национализма, а ныне – манкуртом и предателем своего народа.

Всякий историк, решивший заняться проблемой кочевого скотоводства, должен был подгонять закономерности исторического развития кочевых племен под одну из этих формаций. Но они никуда «не вставлялись», потому что у кочевников существовала особая система взаимоотношений, в корне отличающаяся от постулатов советской идеологии.

Я заинтересовался этой темой еще в студенческие годы, обратив внимание на то, что многие исследователи анализируют кочевничество в отрыве от реальной жизни казахов. Дело в том, что 50 процентов территории Казахстана составляет пустыня, 25 – полупустыня, 20 – степь и лишь

5-7 процентов – лесостепь. Для того чтобы заниматься не-поливным земледелием, требуется, как минимум, 400 мм атмосферных осадков в год, а в Казахстане в среднем их выпадает вдвое меньше. Совершенно очевидно, что в таких условиях кочевое скотоводство целесообразнее любого земледелия. Кочевой образ жизни – способ адаптации человека к сложным природно-климатическим условиям региона. Попытки некоторых исследователей представить дело таким образом, будто бы казахи кочевали только потому, что это было их субъективным желанием или чьей-то злой волей, являются абсолютной чепухой. Точно так же, как и нынешние утверждения некоторых авторов о том, что древние казахи были сплошь земледельцами и жили в городах.

Чем могла заинтересовать французов история кочевников?

Во Франции очень старые традиции по изучению жизни, истории и культуры кочевников. Они берут начало еще со времен французской колониальной империи, которая господствовала в Северной Африке, где как раз проживали кочевники. В свое время подлинным открытием для меня стала классическая работа французского ученого Р. Капо-Рея «Французская Сахара», по которой я учился исследовать и понимать кочевников. Несмотря на то, что во Франции очень сильная научная школаnomadizma, научно-исследовательский алгоритм, описанный в моей книге, заинтересовал их.

А что такое кочевое скотоводство вообще?

Если говорить популярным языком, то это – кочевка по сезонным циклам. В отличие от монголов, кочевавших в зимний период года, казахи зиму проводили стационарно, то есть находились на одном месте от трех до шести месяцев. Это было обусловлено тем, что в Монголии, расположенной на высоких плоскогорьях, ветер сдувает снег в зимний период года. А в Казахстане снег зимой залегает плотным и глубоким слоем, иногда достигающим 50-70 см. В этот период несколько семейств объединялись в один хо-

зяйственный аул, где должно было быть сосредоточено не более 300-400 голов овец. При большем количестве на зимнем пастбище не хватило бы корма. В короткий зимний день овца может ежедневно проходить не более двух-трех километров, поэтому радиус пастбища составлял полтора, максимум два километра.

Алгоритм исследовательской практики показывает: вначале надо изучить особенности среды обитания номадов, затем способы их адаптации в пространстве и механизмы хозяйствования, из которых вытекают, прежде всего, социальная организация и материальная культура, затем социально-экономические взаимоотношения, и только после этого духовная культура и общественно-политические процессы. Если выдернуть из этого ряда один из контекстов, то кочевничество как феноменальное явление становится абсолютно непонятным. Большинство же исследователей начинали изучать проблему с третьего, а то и с пятого уровня, то есть сразу с социально-экономических отношений, этногенеза, социальной организации или духовной культуры.

Высшей стадией развития кочевничества многие ученые считали оседлость. Но в условиях пустыни это просто невозможно, поэтому часть населения Саудовской Аравии и многих стран саванно-сахельской зоны Северной Африки до сих пор кочует. Отсюда вывод: кочевое хозяйство было максимально адаптировано к природным условиям. Чтобы выжить в экстремальных условиях дефицита воды в летний период, крайнего холода, доходящего до 40 градусов, зимой, резких суточных перепадов температуры, каждый кочевник должен был иметь, как минимум, две квалификации: скотовода и собственно кочевника. То есть уметь ориентироваться в пространстве, предугадывать направление ветра, время атмосферных осадков, знать особенности произрастания растительного покрова, находить воду в безводной пустыне и многое-многое другое.

Эти две квалификации можно было получить только от отца и деда. Отсюда и статус человека. Сироте такую информацию никто бы не дал, а значит, он был обречен либо на гибель, либо на зависимость. Именно поэтому у казахов существовали генеалогический принцип родства и, как следствие, родоплеменная система. Кстати говоря, даже между родными братьями могла существовать конкуренция за информацию. Известны случаи, когда отец самую важную информацию о природных условиях данной местности, находясь на смертном одре, сообщал только младшему сыну, который наследовал его зимовку. В рамках колхозно-совхозной системы потомки кочевников в значительной степени утратили двухтысячелетний опыт ведения кочевого скотоводческого хозяйства, при котором человек рассчитывал только на себя и свои знания, накопленные его предками.

Малочисленность народа как-то связана с образом жизни предков?

Кочевое скотоводство при экстремальных условиях жизни вело к высочайшей конкуренции, когда выживал только сильнейший. Единственный достоверный источник того времени – материалы переписи 1897 года – сообщает, что на тот период численность коренного населения на территории Казахстана составляла всего четыре миллиона. За сто последующих лет число казахов увеличилось лишь вдвое.

Много горя казахам принесла эпоха коллективизации, приведшая к их массовой и неестественной оседлости. Необходимо от трех до шести поколений, чтобы адаптироваться к новому образу жизни. У казахов это проходило очень сложно (переход к оседлому образу жизни сопровождался голодом, массовыми болезнями и снижением продолжительности жизни). Тем не менее, наше общество показало высокую степень выживаемости и адаптивный потенциал. Сейчас удельный вес казахов, проживающих в городах, уже

превысил 50%. Но это не снимает проблем, связанных с так называемой деспотией пространства.

До революции плотность населения составляла всего лишь полтора человека на 1 кв. км, а по переписи 1989 года – 6,3 человека. Это означает, что степень освоенности территории у нас выросла всего в три-четыре раза. Это не так много: в советский период в Казахстане города развивались точечно, а все остальное как было пустыней во всех смыслах этого слова, так и осталось ею. Сегодня сложные природные условия продолжают доминировать над нашими возможностями. Перепись населения 1999 года показала, что за десять лет плотность населения упала с 6,3 до 5,7, а значит, уменьшилась степень освоенности и контроля территорий. Разрушается инфраструктура, связывающая огромное пространство Казахстана в единую государственную географическую целостность. Если процесс освоенности территории будет продолжать понижаться (а это вполне возможно в связи с имеющей место эмиграцией), то Казахстан как единое государство просто не выживет, распадется на удельные княжества.

Уже сейчас между разными группами населения даже в рамках одного этноса произошел огромный разрыв. Есть уже сложившиеся казахи-горожане, 3-4 поколения которых живут в городе. А есть те, кто только пытается прижиться в мегаполисах. Первая группа более продвинутая. Ее представители занимают ведущие позиции в бизнесе и в структурах власти, они уже накопили собственность, связи, знакомства, информацию, высокий уровень образования, знание языков и так далее. У вторых возможностей гораздо меньше. В рамках советского государства это было не страшно, потому что оно при всех недостатках создавало равные возможности гражданам. Но сейчас, когда образование становится все более дорогим и элитарным, у отстающих групп возникают огромные проблемы в плане выживания.

Если государство не поможет им, то сельские «аборигены» будут постепенно превращаться в социальную прослойку без будущего. Кстати говоря, это беда не только нашего государства, но и всех развивающихся стран. Классический пример – Индия, где все общество стратифицировано и на официальном уровне существуют различного рода привилегии и касты.

Вернемся к истории дореволюционного Казахстана. 10 лет назад появились кафедры истории Казахстана. Надо полагать, темных пятен в истории страны стало меньше?

Дореволюционная история – достаточно серьезная наука. Она основывается на фактах, которые сохранились в архивах и статистических сборниках, поэтому фальсифицировать ее очень сложно. И, тем не менее, массовый приток научно неподготовленных людей, ранее специализировавшихся на истории КПСС, сильно подорвал основы этой науки. И многие научные проблемы как были неисследованными, так и продолжают оставаться такими. Мне, например, видится, что сейчас очень важно сосредоточить внимание на персоналиях, то есть на изучении роли отдельных выдающихся людей в судьбах казахского народа. Да, мы знаем Абулхаир-хана, Аблай-хана, еще полтора-два десятка имен, но в целом наша история продолжает оставаться безымянной: есть какие-то процессы, закономерности, но нет деятельности индивидов. А ведь нашу историю творили яркие личности, о которых народ сегодня ничего не знает. Например, Мухаммед-Салих Бабаджанов – первый казахский этнограф, получивший серебряную медаль Русского географического общества. Это произошло в 1857 году, то есть еще до работ Чокана Валиханова. А ведь еще были Сейдалины, Жантюрины, Тяукин, Чорманов, Акпаев, Даулбаев, Кустанаев. Каждый из этих народных историков-этнографов достоин того, чтобы их именами были названы улицы, а то и целые города.

С другой стороны, нужно, наконец, заняться переизданием трудов ученых, которые занимались историей Казахстана еще в XVIII-XIX веках. Это касается фундаментальных трудов Палласа, Гавердовского, Броневского, Бларамберга, Вельяминова-Зернова, Мейера, Красовского, Медведского, Гейнса, Потанина, Загряжского, Гродекова, Баллюзека, Самоквасова, Маковецкого, Гурлянда, Словохотова, Добромыслова, Харузина, Аристова, Алекторова, Крафта, Дивава, Коншина, Румянцева, Скалова, Грум-Гржимайло...

По истории и культуре казахов мы имеем уникальную базу в виде 35 фундаментальных томов – так называемых «Материалов по киргизскому землепользованию». Переселенческая комиссия, представьте себе, просчитала экономическую ситуацию в каждом казахском ауле по 200-300 позициям! Такого источника нет ни по одному народу в мире. К сожалению, эти и другие работы до сих пор не изучены и не переизданы. Если бы это случилось, то произошла бы определенная демократизация исторических знаний, иначе говоря, они стали бы доступны народу. Но тогда труднее было бы мифологизировать и фальсифицировать историю.

За что вас в 1986 году в отделе науки ЦК Компартии Казахстана называли «идеологом казахского национализма»?

Один очень известный академик написал тогда большой донос в ЦК, посвятив мне, как «идеологу казахского национализма», воспевающему уникальность казахской истории, несколько страниц. Он утверждал, что я идеализирую казахскую историю и воспеваю уникальность казахского народа, чем нарушаю принципы марксизма-ленинизма. А мои научные труды являются теоретической основой казахского национализма.

А что было на самом деле?

Описывать историю казахского народа такой, какая она есть, – мой долг. Я ее не унижал, не ущажал, не пытался

представить примитивной, как было принято в советское время. Но я никогда ее и не идеализировал, и не превозносил до небес, как это делают сейчас некоторые вчерашние партийцы. Я всегда говорил, что у казахского народа были свои, особые история и культура, которые не вписывались в общепринятые марксистские рамки пяти экономических формаций.

Прошло шесть-семь лет, и меня стали обвинять в совершенно противоположном «грехе». Теперь я стал «манкуртом». В период, когда республика переживала первые годы своей независимости, была естественная гордость за свое государство, но это чувство порой выходило за рамки. И тогда я выступил с резкой критикой казахского национализма. В общем, чем больше занималась настоящей наукой, тем больше шансов войти в конфликт с властью и общественными стереотипами.

Газета «Новости недели»,
18 июля 2002 г.

Интервью брала Г. Шимырбаева.
«Кочевая цивилизация казахов»

... УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ

Культура и искусство, как и другие сферы жизни и общественного сознания, развиваются только в поступательном движении. А если впадают в стагнацию, то, в лучшем случае, остаются памятниками. Но Казахстан не может оставаться страной древних курганов и передаваемых из поколения в поколение эпических знаний. Как бы ни велико было наследие кочевой цивилизации, нам требуется новое утверждение в современном мире. Другое дело – готовы мы к этому или нет. Но как бы ниnostальгировали отдельные представители национальной интеллигенции по сыгравшим свою роль центрам, время требует нового осмыслиения и всплеска сознания, новых вызовов творческой интеллигенции, которая обязана засевать новыми идеями и взглядами поле народного и общественного сознания. И в этом новаторском предназначении культуры и искусства особенно сложно распроцентрироваться с психологией иждивенцев социального и идеологического заказа. Тем более, что государство больше не может (или не хочет?) подпитывать культуру. Об этом свидетельствует участия многих деятелей культуры и искусства. Разговор о месте и роли носителей культуры в сегодняшнем государстве состоялся с известным политологом Нурбулатом МАСАНОВЫМ, придерживающимся всегда нестандартных взглядов, пусть порой даже в пику сложившимся в обществе взглядам. Тем и интересна каждая творческая личность.

Зная ваши пристрастия, хотел бы начать с вопроса: имеется ли связь между состоянием культуры и состоянием политики в обществе?

Нет. Когда люди сыты, то о политике забывают. Когда прижмет – наоборот. Пример тому – политизированная голодная Киргизия и сытая Франция. Как видим, связи никакой.

Но все-таки мы видим, что в той же Киргизии, да и у нас в Казахстане, на положении культуры оказывается общее состояние страны. Ведь опущены не только культура, но и экономика, та же политика, да и в целом сознание народа. Иначе откуда бы стали процветать грязные инстинкты и дешевые ценностности?

Верно, сегодня нельзя говорить отдельно о проблемах культуры или положении отчаявшихся женщин, обездоленных детей и униженной старости, не говоря об общих политических проблемах. Когда говорят «Надо поднимать культуру» – все это ерунда. Вопрос состоит: как вытащить страну из этого, простите, дермана? В этом деле не должно быть кампанейщины. Мы – богатая страна. А вот у Акаева, как бы он ни хотел поднять культуру киргизского народа, не получится. Для этого нужны средства, и немалые. Как ни парадоксально, одного желания здесь мало. Взять, к примеру, решение проблемы языка. Можно годами объявлять кампании, но богатая страна выделит бюджет и все решит.

Как раз эта скучность бюджета или нежелание властей делиться крохами от расстаскиваемого национального пирога обрекает на жалкую участь творческую интеллигенцию. Сегодня никого не удивляет обнищавший литератор, давно переставший быть властителем дум, или угодливо обслуживающий банкеты хозяев жизни артист – некогда гордый кумир толпы. Особенно, на мой взгляд, пострадало книгоиздание. Некогда самый читающий народ в мире отлучен от книги. В чем вы видите причины? В бессилии творцов, равнодушии потенциальных читателей

или игнорированием государством созданных произведений? И не страдают ли от этого истинные таланты?

В Казахстане не существует серьезного книжного рынка. Само книгоиздание является вершиной того культурного айсберга, который существует в любом обществе. И если в этом обществе в кризисе наука, образование, культура, литература, то о каком книгоиздании может идти речь? И еще. Книгоиздание на 50% как бы эксплуатирует созданное ранее – классику, научные произведения. Мы этим насыщены еще с советских времен. Поэтому серьезный бизнес невозможен. Значит, нужны какие-то новые вещи. Таких ве-щих в Казахстане нет. У нас нет новых поэтов, соответствующих веянию времени. Нет выдающихся ученых. А раз нет новых идей, нет и новых востребованных книг.

Но вы знаете, что времена грандиозных перемен никогда не бывают плодовиты, особенно для художественной литературы. Нужен какой-то период осмысления. Ведь сразу после октябрьского переворота из более или менее известных книг появился только «Железный поток» Серафимовича, а «Тихий Дон» родился позднее.

А я думаю, что у умного человека период осмысления длится 3 минуты, а бездарям и сотни лет не хватит.

Пожалуй, вы отчасти правы. Но ведь писателей сковывает и то, что народу не до книг. Разве что востребована еще публицистика. Не случайно серьезные писатели уходят в этот жанр, если не перебиваются детективами.

Понимаете, вопрос состоит в том, что если появляется потребность, то рынок откликается быстро. Как, например, происходит с казино, саунами и наркотиками.

Но должны же наши писатели нащупать то, что вызовет интерес народа, заставит заговорить о книге, наконец, взбудоражит общество. Но пока, к сожалению, у нас и не пахнет бестселлерами.

Дело в том, что русскоязычные писатели и поэты, учёные не конкурентоспособны. Поэтому рынок занят россий-

ской литературой. А рынок казахскоязычной литературы не востребован. Потому что сами носители казахского языка не читают, не интересуются книгами в силу различных причин. В основном подавляющая часть носителей национального языка занята в сфере физического выживания, проживает в ауле или находится в каких-то маргинальных условиях в городе. Поэтому им не до литературы. У них нет ни денег, ни желания, ни интереса, ни времени и просто нет для этого необходимой культуры.

Но ведь творческая интеллигенция как-то должна возродить и спасти эту культуру?

В Казахстане нет интеллигенции. Луначарский в свое время дал ей хорошее определение. Это когда университет окончил дедушка, папа, сын и внук. Такой слой у нас очень узкий – разве что найдется две-три сотни. В свое время был создан маргинальный эрзац интеллигенции, которая должна была обслуживать советскую идеологию, в лице писателей, философов, историков, социологов и пр. Как раз эти люди сейчас находятся в тяжелом состоянии. Им нужно либо перестраиваться, но они не могут, либо осваивать новые сферы деятельности, поэтому они стоят на барахолках.

Я бы не стал злословить над ними. Из-под них выбили платформу, отняли государственный заказ. Капиталов на самостоятельную деятельность они, ясное дело, не накопили. А государство не собирается протягивать им руку.

Я бы так не сказал. Государство, в принципе, если заинтересовано в существовании культурного слоя, то может подпитывать этот слой и давать ему какие-то ресурсы для выживания. Но у нас государство не заинтересовано в развитии ни науки, ни образования, ни культуры. Мы видим сейчас колоссальное падение уровня образования. Нынешний десятиклассник не обладает уровнем образования пятиклассника 70-х гг. Я сам 20 лет был профессором в университете и убедился, что выпускники школ не могут нынче

ответить на элементарные вопросы. Поэтому я иногда теряюсь в догадке, о чем их вообще можно спрашивать. Тотальное понижение стандартов.

Посмотрите, какие учебники по истории Казахстана! В свое время автор такого учебника у меня бы курсовую работу не написал. Поэтому в условиях, когда государство не создает высоких стандартов, не создало условий, при которых знания и культура будут востребованы, ожидать какого-то прогресса в этих сферах не приходится. И еще дело в том, что не рухнули советские традиции курирования и контроля культуры, науки и литературы.

Газета «Нашем с понедельника»,
21-27 февраля 2003 г.

Интервью брал А. Ахетов.
«Литература и наука мертвы без новых идей»

ОЗГО

Что можешь дать сегодня за деньги студенту казахстанский частный вуз?

К сожалению, за последние 10 лет уровень высшего образования как в государственных вузах, так и, тем более, в частных вузах катастрофически упал, – говорит профессор Нурбулат Масанов.

На мой взгляд, современные студенты находятся примерно на уровне 7-8 класса советской системы образования, скажем, 20-летней давности. Виной тому – падение качества преподавания, резкое снижение требований, ухудшение самих процедур – например, поступления в вуз и т.д. Например, это система тестирования, когда вместо экзаменов, которые существовали во всех приличных вузах, вводятся

тесты, где указаны три возможных варианта ответов, – это же страшное понижение стандартов! А многие частные вузы, к сожалению, сегодня просто торгуют дипломами. То есть лишь бы студент пришел и у него все будет: и оценка, и зачет, и бумажка, то есть, простите, диплом...

Очередной парадокс нашей системы. На Западе только самые знаменитые вузы берут большие деньги за свое знаменитое качество. У нас, в большинстве случаев, берут деньги за «бумажку»...

Я вам скажу, в чем принципиальная разница между Кембриджским университетом и нашей системой обучения. У нас предметное образование. Берут, например, предмет «История Казахстана», и не важно, кто его прочитает: Петров, Сидоров, Мыркымбаев или какой-то выдающийся ученый. Чем отличается Кембриджский университет? Тем, что там читает лекции профессор с мировым именем. Читает выдающийся ученый по заказу данного вуза, по контракту, но имея при этом достаточно большой люфт свободы. Это – именное образование. По идее, то же самое должно быть у нас – и тогда вузы будут заинтересованы в том, чтобы привлекать в число своих преподавателей самых выдающихся ученых...

Ваші слова да Минобрю в уши. В последнее время, кстати, некоторые чиновники говорят, что, может, мы вообще пока не готовы к системе платного образования?

Вот этих товарищей, которые говорят, что мы не готовы к демократии, мы не готовы к тому, чтобы честно голосовать, мы не готовы к либеральному образованию... их слушать не надо. Мы тогда никогда ничего не начнем и всегда будем жить в XIX веке. Начинать надо. Другое дело, что нужно четко оговорить правила вмешательства государства в этот процесс, механизм государственной регламентации системы образования. Чтобы не было так: министерство сегодня дает лицензию, завтра ее отбирает. Мы знаем, что вся

эта система страшно коррумпирована, каждый вуз вынужден платить всякие поборы, и каждые 3-4 года, когда срок лицензии или чего-то там еще заканчивается, их начинают шантажировать и снова, и снова что-то вымогать. Надо раз и навсегда сказать, что мы переходим к либеральному частному образованию. Полностью отменяется государственное образование. Что частные вузы отвечают за имидж своего диплома своим собственным имиджем. Что каждый вуз должен ежегодно печатать отчет обо всех выпускниках данного года с указанием профессоров, имен преподавателей, какие оценки были поставлены и т.д. Чтобы никто не мог подделать диплом, никто не мог сказать, что «я сдал историю Казахстана на 5», когда в газете будет напечатано, что он сдал на 3. Что он сдавал профессору или просто преподавателю Мыркымбаеву. Если он Мыркымбаеву сдал на 3, то о чем вообще говорить можно? Он не специалист. То есть систему высшего образования надо сделать публичной, как в Америке...

Чтобы никто никого никогда не обманывал.

Вы знаете... не в нашей стране иронизировать по этому поводу. У нас не хватает честных людей. Коррупция в сфере образования в нашей стране аналогична коррупции во всей государственной кадровой системе, во власти...

Публичная система образования – это хорошо. Это значит, что когда-нибудь юный житель страны казахстанского капитала, выбирая вуз, будет ориентироваться сначала на общий балл своего школьного аттестата, свои собственные наклонности, рейтинг вуза, фамилии преподавателей, место выпускников этого вуза в этой жизни и т.д. и т.п. и только потом взвешивать родительский кошелек. Потому что он будет знать: не факт, что за папины «бабки» его обязательно примут.

Только у меня стойкое ощущение, что это будет еще очень не скоро. Почему? Да потому, что в «публичной си-

стеме образования» явно нет места тем, кто сегодня дает не образование, а фикцию (см. выше) и торгует дипломами (см. выше). А впрочем, о чём это я? Вряд ли эти товарищи рассчитывают на долгую жизнь своих образовательных контор и вообще думают о будущем. Главное – сегодня срубить деньги по-легкому, и не важно где: на барахолке, на нефтяной скважине, в вузе. А еще говорят, что все это называется «рыночной экономикой»...

Кстати, на эту тему – еще одна история из жизни. Один мой знакомый преподаватель долго бился с нерадивым студентом. В конце концов, когда тот в очередной раз пришел на экзамен совершенно неподготовленным, не выдержал: «Скажи, как ты собираешься работать? Ты же не сможешь. С такими знаниями...» – «Дядя, – поморщился студент, – вы за меня не переживайте. Меня папа устроит. Он у меня бизнесмен. Рыночник...».

По-моему, экономика, где такой «специалист» абсолютно уверен, что найдет свое место в жизни, – это не рынок. Это базар. Может, мы слишком торопимся называть себя «страной с рыночной экономикой»?

Газета «Время»,
13 июня 2002 г.

Интервью брала Г. Танкаева.
«Пучок дипломов в базарный день»

По мере увеличения стажа нашей суверенности на страницах периодической прессы и интернет-изданий появляются публикации, в которых предпринимаются попытки осмыслить пройденный нами путь. Этот процесс предполагает, прежде всего, попытку найти ответы на вопросы: «Кто мы?», «Где

мы?» и «Куда мы?». Высказать свое видение этих проблем мы попросили Н.Э. Масанова. Сейчас многими он воспринимается как ярый оппозиционер. А между тем забывается, что, кроме того, он один из немногих, если не единственный, в нашей стране профессиональный этнолог. К тому же облеченный всеми сопутствующими регалиями, как-то – доктор исторических наук, профессор.

Нурбулат Эдигеевич, как вы можете охарактеризовать социокультурные процессы в современном Казахстане?

Понимаете, вся проблема состоит в том, что все эти процессы носят очень противоречивый характер. С одной стороны, развивается либеральная экономика, которой у нас никогда не было. Мы как бы понимаем первичность экономических интересов по отношению ко всему остальному. И это позволяет уяснить нам, какое долговременное влияние эти экономические приоритеты будут оказывать на ход развития всего региона, страны, народа, культуры и т.д. То есть можно сказать, что все идет как бы эволюционным порядком.

Но, с другой стороны, мы видим, какая деградация имеет место в сфере науки и культуры. Когда я прочитал письмо наших академиков о том, что они согласны на то, чтобы президент назначал академиков, президент принимал решение по вопросам развития науки – я был просто в шоке. Такое написать могли лишь люди, которые так и не стали настоящими учеными. Это люди, для которых пиявет перед государством превыше интересов самой науки, страны, государства, цивилизации и т.д.

Одним словом, мы наблюдаем очень противоречивые процессы. В экономической сфере мы вроде бы можем идти вперед, но в то же время во многих других сферах жизнедеятельности общества наблюдается колоссальный откат назад – в культурной, научной, образовательной. Да и в чисто человеческих отношениях, в морально-нравственном аспекте откат назад безграничный.

И в этой ситуации я все-таки надеюсь, что эволюционное развитие и экономические приоритеты помогут нам преодолеть все негативные тенденции, все эти шероховатости, и мы рано или поздно «вырулим на столбовую дорогу цивилизации». В этом плане я безнадежный оптимист.

Но все же давайте более пристально рассмотрим те проблемы, которые мы с вами затронули. В частности, развитие науки и культуры, и в этом контексте уровень развития нашей интеллигенции. Часто раздаются голоса, что наша интелигенция слабая, не выражает интересов общества. Да, это верно. Но все это связано с тем, что у нас никогда всего этого не было. Ни науки, ни образования, ни искусства, ни культуры, ни интеллигенции, одним словом – у нас ничего не было. У нас было просто номадское кочевое общество. Да, в определенной степени развивались какие-то традиции, тенденции, но все это не было выделено, не носило профессионального характера. Поэтому мы можем говорить о том, что всего этого не было у нас реально. Это было своего рода хобби номадов – вся наша культура, искусство, музыка. Это не было профессиональным искусством в высоком смысле этого слова. И только в советское время у нас стал формироваться профессиональный подход к делу. И проблема вся в том, что у нас не сформировались, как минимум, три поколения интеллигенции, специалистов. Возьмем, к примеру, науку. У нас сформировалось первое поколение ученых – А.Х. Маргулан, А.Н. Нусупбеков, П.Г. Галузо, Е. Бекмаханов – я называю преимущественно тех, кто творил в исторической сфере, кого я хорошо знаю с детства. К ним можно добавить Х. Аргынбаева, М. Муканова, В.Ф. Шахматова и других. Понимаете, это первое поколение; они еще, по большому счету, не являются учеными. Потому что для того, чтобы стать настоящим ученым, надо самому учиться у кого-то. Учиться постоянно, быть рядом со своими учителями, общаться с ними, постигать их интеллектуальный алгоритм мышления.

Быть в поиске?

Быть в поиске, но чтобы этот поиск был оптимальным, необходимо, чтобы тебе подсказывали, корректировали, чтобы было с кем дискутировать. У первого поколения никогда нет точных ориентиров. Никто не может сказать, что «твоя статья, дружище, слабовата». Не хватает того-то, чего-то ты не учел, не понял и т.д. Поэтому очень важно старшее поколение, которое может передавать свой опыт, и на ошибках которых можно учиться. Именно в силу этого представители первого поколения еще настоящими учеными не являются. Я ни в коем случае не хочу умалить заслуг наших выдающихся ученых, они внесли огромный вклад в развитие науки в Казахстане, но они – только начали, они выстраивают фундамент, но самого здания науки еще нет.

В Казахстане второе поколение ученых начало формироваться примерно с середины 70-х годов. Оно, конечно, объективно на порядок сильнее первого. Это уже люди, которые проходили сите отбора, они проходили школу научных дискуссий, они отстаивали свое мнение в спорах и с первым поколением, и между собой. И поэтому их уровень профессиональной подготовки, конечно, повыше. Но он еще тоже недостаточен. Для того, чтобы это стало устойчивой системой, нужно именно третье поколение, которое вбирает в себя все лучшее от предшествующих поколений. И именно тогда, когда формируется третье поколение генерации ученых, можно сказать, что наука, культура, интеллигенция становятся на путь самовоспроизводства, самодостаточности, устойчивости и стабильного развития. Вот этого, к сожалению, у нас не произошло. У нас как бы вторым поколением все и закончилось.

То есть у нас в стране нет устойчивых традиций развития науки? Да?
Нет традиций.

Научной школы нет?

Научная школа в Казахстане так и не сформировалась. Потому что первое поколение не может сформировать такую школу. Они еще сами не профессионалы, они еще, об разно говоря, ремесленники. Второе поколение – это уже фактически профессионалы, но все-таки этого недостаточно. Они должны еще передать свои традиции и опыт. И вот этого у нас как раз и не произошло. К примеру, возьмем ситуацию со мной. Я был единственным специалистом в Казахстане поnomадному обществу. У меня есть научные труды по этой проблематике, написанные еще в советский период. Так вот у меня по проблематике nomадизма нет ни одного аспиранта.

Почему?

Наверное, потому, что у нас в стране не хотят заниматься nomадизмом. Потому что меня уволили из университета. Много разных причин есть. Но глубинный смысл тут в том, что я в свое время сам ходил консультироваться не к тем, кто у меня формально был консультантом. Я ходил за консультациями к тем, кто был реальным специалистом, и кто действительно разбирался и понимал эту проблематику. Формально руководителем моей кандидатской работы был Б. Сулейменов, но реальным научным руководителем был Вениамин Петрович Юдин. Я считаю – это самый блестящий казахстанский историк. Для меня он – номер один. Так вот, он не был даже кандидатом наук. И ему это не было нужно. Он просто занимался наукой и всё. Это был блестящий ученый. И мы знали всех таких блестящих ученых. Их было очень мало в Казахстане. Но мы знали их квалификацию и, естественно, мы учились у таких ученых. Он-то и был моим реальным учителем, а не те, кто формально значились моими руководителями.

А сейчас, я думаю, что если бы кто-то реально интересовался казахским nomадным обществом и изучал его, он бы

пришёл ко мне. Пусть я не руководитель, пусть я не работаю в академических структурах. Но я ведь работал раньше и не один год по данной теме. И в Академии наук, и в КазГУ. Но желающих нет. Более того, недавно я столкнулся с парадоксальной ситуацией. Одна аспирантка с гордостью заявила мне, что едет в США консультироваться к одной американке, которая в прошлом как раз консультировалась у меня. И при этом она не знает моих работ, и она никогда раньше не обращалась ко мне.

Вообще, у нас парадоксальная ситуация сложилась в научной сфере. Мы должны понять одну простую истину, что Казахстан – страна самого большого по территориальному охвату и самого древнего nomадизма в мире! И при этом наша страна не имеет сейчас ни одного специалиста по nomадизму. Я был единственным, кто в советское время статусно и де-факто был признан таковым – это тема моей докторской. Но я ушел оттуда и занимаюсь политологией сейчас. Поэтому я считаю, что в современном Казахстане нет ни одного профессионального специалиста по истории и культуре nomадного общества. Парадокс? Парадокс.

А как вы думаете, почему молодое поколение, студенты, аспиранты не интересуются этой проблематикой? Может быть, все дело в том, что вы не видите достойных продолжить ваше дело?

Нет, не в этом дело. Просто ко мне никто не приходит. Просто нет людей, которые бы этим интересовались реально. Не важно, что я вижу или не вижу. Если бы были сотни, и я не видел среди них достойного, тогда было бы понятно. Но ни одного вообще нет. Почему это происходит? Да потому, что и в советское время тоже nomадизмом никто не занимался. Это была слишком сложная проблема. Все писали диссертации по советскому периоду. В 1981 году в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР сложилась парадоксальная ситуация, когда

по дореволюционной истории остался лишь один специалист. Некогда это был самый сильный отдел. Там работали такие «зубры», как Е. Бекмаханов, П.Г. Галузо, В.Ф. Шахматов, Б. Сулейменов, В.Я. Басин, Ф. Маликов, А. Сабырханов и др., т.е. там было порядка 10-12 высококвалифицированных специалистов. Но они все были учеными первого поколения. Кстати, там же работали еще и В.П. Юдин с Ю.А. Зуевым. Но они никого не успели подготовить себе на смену. И получилось как-то так, что они все разом либо ушли из этого мира, либо покинули институт. И в 1981 году в отделе дореволюционной истории остался лишь один человек – И.В. Ерофеева. Я в то время работал в отделе этнографии и был единственным молодым сотрудником. Меня волевым решением перекинули в отдел дореволюционной истории. И вот мы оказались отделом из двух человек, т.е. все традиции были прерваны. Мы, представители второго поколения, два человека – были специалистами по дореволюционной истории. Парадоксальная и где-то даже абсурдная ситуация.

Ведь тогда все или почти все занимались и писали диссертации исключительно по истории КПСС и советского общества. Помню, когда в Москве я проходил докторантуру в Институте этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая, рассматривалось и обсуждалось предложение о том, чтобы аннулировать все диссертации по истории КПСС и гражданской истории советского периода. В ВАКе (Высшей аттестационной комиссии) дали справку, что 98% историков защищались по этим специальностям. Представляете, практически вся страна разом осталась бы без специалистов в исторической сфере.

Но, тем не менее, в прибалтийских странах на это решились.

Наверное, и нам надо было пойти по этому пути – наука была бы здоровее. Еще один парадокс: за 70 лет совет-

ской власти по этнографии у нас было всего три доктора наук – Х. Аргынбаев, М. Муканов и наш покорный слуга. Что происходит за 12 лет суверенитета: защищено что-то около полутора десятка докторских диссертаций по этнографии. Представляете?! За десять с небольшим лет – такое количество. Это же полный абсурд! Происходит полнейшая девальвация научных знаний. Это профанация. Происходит снижение научных стандартов, уровня предъявляемых требований. Раньше защита докторской диссертации означала создание нового научного направления и, соответственно, формирование какой-то научной школы. Нынешние же докторские диссертации и близко к этому не стоят – ни о каких новых научных направлениях не стоит даже вести речь. Вот какая ситуация складывается у нас в стране. А если такая ситуация складывается в исторической науке, то, по-моему, это показатель полного краха. Казахстан должен был бы создать Институт по изучению проблемnomадизма. Потому что, повторюсь, мы – страшна самого большого, самого древнего и самого известного в мире nomadизма. Государство обязано этим озабочиться и оказать этой идеи всемерную поддержку. Но этого нет. Разве это не ситуация полного хасса и кризиса в науке? Такие вот у нас противоречивые тенденции в сфере научного знания. Экономика развивается, средний класс худо-бедно формируется, буржуазия складывается, новые жизненные стандарты определяются, достаток населения имеет тенденцию к росту и уровень самоуважения людей тоже проявляет аналогичную тенденцию. Но в то же время уровень образования катастрофически падает, наука деградирует, культура и искусство умирают на глазах. Ни в одной сфере жизни нет третьего поколения. И в этом вся проблема.

А можно предположить, что это временные издержки?

Конечно, временные. Я тоже надеюсь и верю в это. Но если мы сейчас потеряем традиции второго поколения и

оно не сможет передать их формирующемуся третьему, значит, третье станет снова первым. Линия развития науки прервется и всё придется начинать сначала.

И что же получится?

Произойдет просто откат на пятьдесят лет назад. И снова будет идти медленный эволюционный процесс. Наверное, для нормального эволюционного развития это не страшно. Но для страны, для людей в конкретно-исторических условиях, я считаю, это катастрофа. Поэтому очень важно обеспечить преемственность, передачу, ретрансляцию традиций второго поколения новому формирующемуся поколению. И это очень важно. Это один из залогов успешного цивилизационного развития нашей культуры, науки, нашего народа.

Поскольку это общемировая тенденция – интеллектуализация жизни?

Конечно. Очень важно понять, что нельзя заменить технократическими знаниями знания интеллектуальные. Технократические знания, технократическое мышление являются только лишь одной из форм проявления интеллектуального мышления. Но они не могут исчерпывать все формы и все многообразие интеллектуального мышления. Тем более, такие сложные абстрактные формы, как общественная мысль, гуманитарные науки и т.д.

Давайте переместимся немного в другую плоскость, по принципу – от общего к частному. Что есть, в вашем понимании, категория «культура степи»? Об этом много говорят, много пишут, но как-то звучит это все не очень конкретно, с налетом не всегда понятного пафоса, что ли.

Да, я понимаю вас, потому что я тоже в не безвоздушном пространстве живу, и в какой-то мере все это на меня тоже влияет. Важно понять, что те, кто говорит и пишет о культуре степи, как бы пытаются придать степной культуре некое самостоятельное, некое феноменальное явление.

Своего рода феноменологический характер. Они пытаются придать ей некий уникальный цивилизационный аспект. На самом деле это все далеко от истины.

Давайте говорить о культуре как бы в высоком смысле этого слова, а не о культуре как механизме внебиологической адаптации человека. О культуре в смысле высоких достижений нельзя говорить, когда мы рассматриваемnomadov. Почему? Потому что культура в их жизни была вторична, она была производна от nomadного образа жизни. Nomadный образ жизни был абсолютным приоритетом, он был настолько сложен и труден, а рабочее время занимало практически все время функционирования этих индивидов, и поэтому на внешнеэкономические занятия почти не оставалось времени.

Все внешнеэкономические занятия носили характер ремесла, хобби. Они были одним из многих способов утилизации ресурсов среди обитания, но при этом носили дополнительный характер. Поэтому они никогда не были приоритетными, первичными, самостоятельными, независимыми от основной и трудоемкой жизнедеятельности скотовода и nomada. Характер развития этой культуры определялся не самими культурными тенденциями, а определялся образом жизни nomadов, кочевым типом хозяйства. Образно говоря, если у nomада оставалось полчаса времени заняться чем-то – ремеслом, промыслами или еще чем, он занимался. Но только если оставалось это самое время. Но в подавляющем большинстве случаев никакого времени у них не оставалось. Поэтому культура степи если и существовала, то только лишь как вторичное, производное от nomadного образа жизни явление. Но никогда культура nomadов не была феноменальным, независимым, самостоятельным, уникальным явлением. И не стоит переоценивать и рассусоливать что-либо по этому поводу. Это было очень просто: что осталось от хозяйственных занятий, то и осталось.

Если в условиях городской цивилизации существует разделение труда, то в условияхnomadного типа хозяйства такого никогда не было абсолютно. Все вместе, и каждый в отдельности, были озабочены, прежде всего, тем, как обеспечить свой скот водой и кормами, и как самим получить средства к существованию.

Если же мы хотим выяснить некие уникальные неповторимые черты nomадизма, то их надо искать только в двух сферах. Но сначала обозначим круг вопросов. Итак, что такое быть nomадом, что такое быть кочевником, что такое быть казахом? Это значит: во-первых, иметь квалификацию скотовода и, во-вторых, иметь квалификацию nomада. Кто такой скотовод? Это человек, который знает, как выращивать, выкармливать, лечить свой скот. Вот тут, несомненно, присутствовало высочайшее искусство, здесь была высочайшая культура. Как кормить, как поить, где выпасать, определять, где и когда будут осадки, какой будет травостой, как найти воду под землей и т.д.

Кто такой nomad? Это ориентация в пространстве: погода, климат, пути кочевок, знание особенностей почвы, мест водопоев и т.д. Вот в этих двух сферах кочевники, nomады, казахи обладали наивысшими практическими знаниями, которые накапливались на протяжении многих тысячелетий. И не просто накапливались – оттачивались, совершенствовались и передавались по наследству. Здесь наши предки были непревзойденными мастерами.

А все остальное, касаемо культуры – от лукавого. (Смеется...).

Так уж получилось, что в некоторой степени вы предвосхитили следующий вопрос. В чем, на ваш взгляд, причина того, что в XX веке казахская степь оказалась на положении культурного захолустья?

Это естественный процесс. Потому что кочевники были неконкурентоспособны в своем развитии с оседло-земле-

дельческими народами. Почему? Есть принципиальный аспект, который определяет темпы и уровень развития этих народов. Давайте их рассмотрим. У кочевников утилизация ресурсов среди обитания, использование природных ресурсов осуществляется с помощью скота. Скот есть биологическое средство, а на биологическое средство повлиять очень сложно. То есть потенциал человеческого влияния на совершенствование данного средства производства очень ограниченный. Овца, извините, как три тысячи лет назад щипала травку, так и продолжает жить по этим же правилам до сих пор.

А что делали оседло-земледельческие народы? Они утилизацию ресурсов среди обитания осуществляли с помощью небиологических средств. Вначале соха, потом к сохе приделали железный наконечник – производительность труда выросла. Затем появился плуг – опять рост производительности. Изобрели трактор – производительность подскочила в тысячи раз. И так непрерывно. Небиологические средства труда подвержены процессу непрерывного усовершенствования и бесконечного развития, тогда как потенциал совершенствования биологических средств у nomадов очень ограничен.

Естественно ограничен.

Конечно! И поэтому естественно, что кочевники были неконкурентоспособны в этом противостоянии цивилизаций и проиграли эту борьбу. И когда сюда пришли оседло-земледельческие народы, что они здесь застали? Заходульство, провинцию, периферию. Степь легко стала объектом присвоения крупных централизованных государств.

И тем более в XX веке, когда человечество совершило качественный рывок в прогрессе.

Конечно. Человечество все время совершало массу качественных рывков. Но мы с вами жили в XX веке и поэтому для нас это осязаемо и понятно. Мы видели это своими глазами.

Скажем, революционные изменения в XIX веке для нас уже абстракция, а в XVIII веке нам вообще трудно представить. В каждом последующем веке темпы прогресса убыстряются, но при этом изменяются и сферы, в которых прогресс проявляется. Скажем, в XX веке это, главным образом, в индустриальной сфере, а, скажем, в начале нынешнего века он проявляется в информационной сфере. Таким образом, меняются параметры этого эволюционного прогрессивного развития. Что будет в середине века, а потом дальше, мы можем только догадываться. Это бесконечный процесс. Иnomады, конечно, не вписывались в этот процесс эволюционного развития всемирной цивилизации и ситуация с ними была достаточно жесткая: либо всех nomадов надо было взять из первобытности и перенести в цивилизацию; либо дать им возможность постепенно, эволюционно развиваться. Вот две концепции: революционного жесткого слома под влиянием государства всего, что было в прошлом, и качественного скачка.

За шиворот в прогресс?

Да. Если хотите, пинком в прогресс. С другой стороны – медленное постепенное развитие. Мы с вами можем видеть результаты этих двух путей. Давайте посмотрим на арабский Восток, Северную Африку, где кочевники до сих пор живут в убогости, нищете. Или Афганистан, где их некому было «затащить» в прогресс.

И совершенно иная ситуация у нас с вами. Да, была трагедия. Да, миллионы людей погибли. Да, все это было жестоко, бесчеловечно. Но прогресс был колоссальный. Согласитесь. Никогда не было у нас городов – они были построены в советское время. Никогда у нас не было медицины – она появилась. Никогда не было науки – она была создана. Индустрия отсутствовала – появилась. То есть мы за XX век прошли путь во много раз больший, чем за все прошлые наши жизни. Мы сделали качественный скачок из первобытности в современность, в цивилизацию.

Да, на этом пути была масса негативных моментов. Люди первого поколения с трудом приспосабливались к иному образу жизни. Появилась заболеваемость раком, сердечно-сосудистыми заболеваниями, возникли стрессы. Ломались судьбы целого поколения. Но, с другой стороны, главный урок, который мы извлекли из всего этого, очевиден – казахи оказались достаточно адаптивны, склонны к прогрессу. Они оказались, не все конечно, но основная масса, способны усваивать достижения науки и техники, достижения культуры других народов, их языки. И, самое важное, мы оказались способны усваивать достижения всемирной цивилизации и двигаться вместе со всей цивилизацией вперед и не отставать. Это качественный скачок.

Но сейчас власть наша не заинтересована в этом. Она хочет казахов, которые остались на той еще стадии, законсервировать. А тех, кто движется вперед, как бы стратифицировать. Подразумевая при этом: да, наши дети элитные – учатся в гарвардах и кембриджах, а ваши дети учатся в КазГУ, АГУ, третий пусть учатся в частных вузах, а некоторые вообще не получают никакого образования. Поэтому наша задача сейчас состоит в том, чтобы государство проводило политику равных возможностей для всех молодых людей в сфере образования и науки. Оно должно дать возможность развиваться всем, как это делалось в советское время, как бы мы ни ругали то время и не говорили о многих негативных аспектах. Тем не менее, там существовала политика равных возможностей. Пусть не для всех, я все это понимаю – сам был профессором КазГУ – и знаю, что был блат и прочие негативные вещи. Но никто не будет отрицать, что тогда среднестатистический ребенок, окончивший школу в Москве, в Алма-Ате или где-нибудь в глубинке, имел примерно одинаковые знания. И этот самый парень из глубинки, если очень сильно хотел, то мог поступить в самый престижный вуз. Сейчас такой возможности у него уже нет.

Увы!

Увы! Сейчас уже имеет место стратификация. Есть вузы, где обучение стоит три тысячи долларов, где-то две тысячи, где-то пятьсот, соответственно и уровень образования. Я могу предположить, что ребята, получившие образование за пятьсот долларов, за счет собственных талантов и усилий могут выйти на уровень трех тысяч. И даже преодолеть его. Но это только единицы. Нет единой системы выравнивания – вот что очень важно. К сожалению, идет очень сильный откат назад.

Тем самым мы обрекаем себя на отставание?

Все равно отставания не будет. Потому что экономика как мотор, как локомотив, она всех нас несет вперед. Но сейчас ситуация изменилась. Если раньше все зависело от государственной политики, и государство определяло приоритетность, темпы, направление движения, то сейчас этого нет. Каждый человек индивидуально определяет для себя свои жизненные цели. Теперь на первый план выходят личные усилия и таланты индивидов. С одной стороны, это очень хорошо, потому что талантливые и сильные будут пробиваться. Но, с другой стороны, очень плохо, потому что нет системы для всех. Для нас важно, если мы говорим о цивилизационном развитии, чтобы не только элита, но и все общество, народ, страна, государство двигались вперед. Хотя это не исключает того, что элита все равно будет опережать остальных. Но важно, чтобы этот разрыв не увеличивался, а наоборот, сокращался.

Историческая и культурная память казахов: что входит в это понятие как категории самоценного?

За годы Советской власти из казахов была вытравлена историческая память о прошлом. Казахам все время говорили, чтоnomадизм – это не престижно, что наше прошлое безлико, и казахи в это поверили. Более того, сами казахи не понимают и не хотят ценить свою историю и культуру. Они все время хотят примазаться к чужой славе, к чужой исто-

рии, к чужой культуре. Вы посмотрите, что пишут в наших школьных учебниках истории: у нас были города. Да какие города? Не было в Казахстане никогда городов. Начинают выдумывать сказки про Оттар, библиотеки и прочую чепуху. Не научно все это. Надо четко понять – мы были кочевниками. Наши предки были кочевниками. Наша история и культура – кочевые. И мы должны уметь понимать и ценить нашу кочевую историю и культуру, а не придумывать себе города, библиотеки, земледельческие поля, ирригационные сооружения и тому подобную чепуху. Надо четко, раз и навсегда сформулировать: мыnomады, наша культура nomадная, наша история nomадная. Эта история богата различными событиями, она очень сложна и многогранна. И мы должны ее понять и всесторонне изучить.

Если бы такой подход преобладал в умах наших сограждан, то тогда, думаю, я как nomадист, кочевниковед был бы востребован. А сейчас я не востребован, потому что мы не ценим свою историю и культуру. Потому что мы – народ без памяти. Мы и наши исторические представления создаем на основе выдуманных мифологических суждений отдельных непрофессиональных историков. Наиболее ярко это иллюстрирует ситуация с картинами наших ханов. Ведь реально оригинальных портретов наших ханов имеется всего два или три. И то это не портреты, а просто зарисовки дореволюционного периода. Всех остальных написали художники во второй половине двадцатого века. Но наш народ искренне верит, что Аблай-хан был именно вот такой, а не какой-то другой. Они верят в эту картинку. Они также верят в эту лубочную историю, которую придумали псевдоисторики, которые пытаются доказать, что Аблай-хан был мощный государственный правитель, централизатор и тому подобное. Полный абсурд. У кочевников никогда не было государства. У кочевников были институты власти, но не было государства.

В классическом определении?

Между государством и просто институтами власти существует принципиальная разница, чего не понимают наши ученые первого, второго поколений. (Смеется). Второго-то еще понимают, наверное, а первого точно не понимают. Что такое государство? Для государства основным объектом присвоения всегда является территория. Поэтому государство создает границы, территориально-административную систему управления и тому подобное. Уnomadov никогда не было границ (Смеется), территориально-административной системы. Когда Россия здесь пытается это создать и установить, к чему это приводило? Да к тому, что nomads поднимали восстания против огосударствления нашей жизни – политической и общественной.

Кто такой Кенесары Касымов? Это национальный герой, который боролся против установления государственных институтов в Казахстане. А нам говорят, что он был борцом за независимость. Абсолютный непрофессионализм. И так по очень многим позициям. Против чего они боролись? Против установления налоговой политики и других институтов государства. Nomadы никогда не признавали территориально-административных границ, поскольку они препятствовали системе рационального выпаса скота.

И все же хотелось бы кое-что уточнить. вы утверждаете, что у казахов не было городов. А как же быть с тем же Испиджабом, Сауроном, Отрапом и т.д.?

Хороший вопрос, очень хороший вопрос. Мы должны с вами четко понимать одну простую вещь, что в этих городах никогда не жили казахи. Потому что в Центральной Азии и Казахстане существовала двухполюсная хозяйственно-культурная система. На одном полюсе находились nomads, кочевники, на другом – оседло-земледельческое население. Последние между собой разделялись по языковому

признаку: ираноязычные – таты, тазики, таджики; тюркоязычные – это сарты. И ваша групповая принадлежность определялась не вашим происхождением, а только вашим образом жизни и типом хозяйства. Если вы родились хоть за тридевять земель, но вы кочуете среди казахов – вы кочевник, вы казах. Но если ваши родители казахи, а вы живете в городе Испиджабе, вы – сарт. Вы не казах. Казахом был только nomad-кочевник. У нас была хозяйствственно-культурная идентификация общества. В советское время у нас она сменилась. Можно сказать, что казахский кочевой этнос, родившийся в XVI веке, умер в 30-х годах XX века. Все, на этом его история и закончилась. На его месте родилась казахская этническая общность, когда казахом стал считаться человек не по типу хозяйства, не по образу жизни, а по происхождению. Да, мы с вами казахи по происхождению, но мы с вами с точки зрения традиционных казахов просто сарты. Потому что мы живем в городе, мы с вами не казахи вовсе.

Нурбулат Эдигеевич, отталкиваясь от вашей конструкции...

Это не моя конструкция. Это реальная, основанная на исторических фактах конструкция.

Хорошо. Отталкиваясь от нее, можно сделать такой вывод, что, избавляясь от мифов советской эпохи, мы придумываем какие-то уже другие новые мифы?

Естественно. Причем наши новые мифы в миллиард раз дебильнее, примитивнее, чем советские конструкции.

А почему так происходит?

Потому что в советское время существовала некая иерархия и ранжированность приоритетов – существовали некие цивилизационные, потом государственные, общесоветские, общероссийские. Потом только внутри, как внутри матрешки еще одна маленькая матрешка, это была наша культура, наша история. Но как часть общего процесса.

Я, Нурбулат Масанов, ...

Что сейчас происходит? Мы выбрасываем все матрешки, в которых находились, и нашу карликовую матрешку пытаемся раздуть до глобальных размеров, и говорим: вот она – наша особая, уникальная матрешка. Это наш вклад в мировую цивилизацию и т.д.

Да, вклад был, но вклад в сфере, подчеркиваю, кочевничества, в сфере скотоводства, но не в сфере развития науки, техники, образования, медицины, культуры, индустрии, информации и тому подобное.

То есть происходит абсолютизация не абсолютного?

Конечно. Происходит гипостазирование того, что было маленьким, но теперь кажется огромным и большим. Я думаю, что просто мы должны переболеть этой болезнью, преодолеть комплекс собственной неполноценности, преодолеть комплекс зависти, преодолеть комплекс чужих стереотипов. Мы должны вернуться к своим истокам. Но для этого мы должны переболеть и до абсурда довести всю эту ситуацию. Кто говорит, что у нас были города, хорошо, пусть говорит, что были города. Но в этом случае я всегда говорю: открай материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года и посмотри, сколько было городов в Казахстане, какова была численность городского населения и сколько процентов в нем составляли казахи. Мизер!

Если ты хочешь сказать о каких-то особых достижениях в какой-то любой другой сфере, хорошо, говори, пожалуйста. Это не возбраняется. Но сравни реально с достижениями, достигнутыми другими странами. После этого сделай адекватные выводы. То есть мы сейчас рождаем массу мифов. Это детская болезнь, мы должны ею переболеть.

Болезнь роста?

Болезнь роста, детская болезнь, болезнь нашего комплекса неполноценности, болезнь заимствованных чужих идеалов, штампов и стереотипов.

Приятно считать, что наш регион – это пространство, откуда вышли известные исторические персонажи Заратустра и Шакъямуни, Атилла и Аспарух, Аль-Фараби и Бейбарс. Насколько верно наше отождествление с ними?

(Смеется). Это абсолютная чепуха. Это и есть та самая мифологизация истории и все остальное. Мы не ценим своих истинных героев, пытаемся примазаться к чужим.

Например?

Ну давайте начнем с того, что все имена, перечисленные вами, имеют к Казахстану либо косвенное отношение, либо никакого. Еще раз скажу, что мы должны четко понимать – у нас своя история, своя специфическая культура, свои специфические герои, личности, батыры и т.д. И давайте спокойно и честно изучать нашу историю и культуру, выявлять наших героев. При этом честно признавая, по каким параметрам у нас не могло быть героев: наука, медицина, образование и тому подобное. Но при этом у нас были герои в других сферах. И наши герои, наверное, не могут быть всемирными фигурами, как бы нам ни хотелось. Но они – наши герои. Не надо наших героев кому-то навязывать и тем паче «присваивать» чужих. Тот же Атилла никогда в Азии не был. Он жил на границе Восточной и Западной Европы, где-то в Центральной Европе. Гунны никакого отношения к нашему региону не имеют вообще. Никакой связи с нами нет абсолютно. То же самое с Аспарухом. Аль-Фараби, возможно, родился где-то здесь, но как личность, как ученый, он состоялся за пределами нашей страны. Это человек арабской культуры. Какое отношение он может иметь к нам, если речь идет об эпохе, когда казахами вообще не пахло. Он был кыпчакского происхождения, и, в лучшем случае, часть казахов-кыпчаков могут сказать: да, он – наш герой. Но при чем тут остальные казахи, предки которых из Монголии пришли через двести-триста лет? Это мне вообще непонятно.

Но, тем не менее, современные культурологи в тех же вузовских программах уверенно оперируют этими именами.

Да, да. Ну, пусть оперируют, это мифы. Они создаются, они очень живучи. Но я призываю к здравому смыслу, я призываю: «Давайте не будем брать чужие персонажи!» Давайте изучать свое и своих. Да, это трудно. Да, это многосложный медленный эволюционный процесс. Да, для этого надо переработать тонны пустой породы в виде архивных материалов, исторических источников, библиотечных фолиантов. Но давайте свою историю восстанавливать в том виде, в каком она реально была. Не надо выдумывать ничего, не надо примазываться. Все эти персонажи не имеют к нам никакого отношения. Забудем о них раз и навсегда.

У нас была своя богатая, красивая, но специфическая и очень сложная история. И если мы действительно казахи или хотим быть казахами, давайте изучать свою казахскую историю. И не надо неказахскую историю делать казахской.

Нурбулат Эдигеевич, почему получилось так, что последние два с половиной века нашей истории оказались как бы вторичными по отношению к основным тенденциям мировой истории?

На самом деле гораздо больше. На самом деле мы находимся в изоляции уже, по меньшей мере, с рубежа XV-XVI веков. Мировая история делится на два важных этапа: до эпохи Великих географических открытий и после эпохи Великих географических открытий. Что было до эпохи Великих географических открытий? Давайте попытаемся представить. Кочевники в этот период по двум причинам играли очень важную роль в мировой истории. Во-первых, кочевники обладали преимуществом в военной сфере до тех пор, пока не было создано огнестрельное оружие ближнего боя. А до этого времени никто перед их натиском не мог устоять. Либо кочевников нанимали земледельцы и использовали их как военную силу. Так было на Руси, так было в Восточной Европе, так было на всем Ближнем и

Среднем Востоке и других местах. Кочевники были орудием, они были мобильной военной силой. И до появления огнестрельного оружия никто ничего не мог противопоставить им. Этим в значительной степени определялись сила и влияние кочевников.

Второй аспект, который определял их роль в мировой истории, – это их контроль над трансконтинентальными торговыми путями, которые носили внутриконтинентальный характер. Шелковый путь, Нефритовый путь, какие угодно пути – все контролировались кочевниками. Конечно, речь идет о тех маршрутах, которые шли через аридную зону, естественно. И поэтому кочевники через свое превосходство в военной сфере и через контроль мировой торговли держали руку на пульсе мировой истории.

Но рубеж XV-XVI веков привел к изменению всех приоритетов. Первое – мировая торговля ушла в зону океанской акватории. После этого кочевники утратили одну из важнейших сфер своего влияния. Второе – было создано огнестрельное оружие ближнего боя. Всё – кочевники оказались не у дел. Они сразу были задвинуты на периферию всемирно-исторического процесса.

И именно тогда начинают формироваться все нынешние кочевые народы. До этого их не было. Были только разрозненные кочевые племена. Почему? Попытаемся представить ситуацию в Казахстане. Живет здесь сотня племен. Начинается некий процесс интеграции, консолидации, формируются некие общие социо-культурные стереотипы. Формируется, условно говоря, некий общий народ. В это время приходит какая-то группаnomадов из Монголии и снова все здесь перемешивается, процесс накопления культурных признаков прерван, все начинается по-новой. И так шло бесконечно. Почему так происходило? Потому что колебания урожайности растительного покрова на территории Монголии 1 к 64. Это означает, что в какой-то год урожай

может быть в 64 раза меньше, чем в предыдущий. А ведь это кормовая база, которая кормит определенную группу населения. И когда потенциал кормовой базы уменьшается, значительная часть остается без средств к существованию. Они вынуждены двигаться. А Монголия, как еще в свое время писал Лев Самуилович Клейн, это такая замкнутая бутылка. Это такая конструкция, которую он называл еще «каменным мешком». На севере – тайга – кочевник туда не пойдет. На западе – монгольский Алтай – кочевник там не пройдет. На востоке конструкция упирается в Тихий океан. На юге – пустыня Гоби и Великая китайская стена. Идти некуда. Только маленько горлышко между северным Тянь-Шанем, его восточными отрогами и монгольским Алтаем. Вот в эту лазейку кочевники выталкивались как пробка из шампанского. Они приходили на территорию Джунгарии. Это северная часть нынешней китайской провинции Синьцзянь. Там урожайность растительного покрова колеблется в тех же пределах. Следовательно, там происходили такие же взрывы. Куда было деваться кочевникам? У них было только одно возможное направление – через Казахстан. Объективная реальность выталкивала их прямо на наши просторы. И поэтому в Казахстане никак не мог сформироваться единый этнос. Все время из Монголии, Джунгарии шли новые-новыеnomады, новые группы, всех перемешивали, всех расталкивали. Так продолжалось фактически до середины XVIII века. Ведь джунгары – это последняя волна этого движения. Если бы не китайцы, джунгары рано или поздно вошли бы сюда, продвинулись. Они всё бы здесь перемешали. И казахский этнос начал бы смешиваться с джунгарским. И через сто или двести лет какой-то новый этнос на этой основе мог бы сформироваться. Но тут казахам повезло. Китайцы взяли и уничтожили джунгар. Вот и все. Освободилась огромная территория. Ведь джунгары вытеснили казахов фактически до Центрального Казахста-

на. Казахи смогли вернуться в Восточный и Юго-Восточный Казахстан, освоить эти земли. Более того, продвинуться в Джунгарию и освоить восточные рубежи горной цепи Алтая, Тарбагатая, Саур-Тарбагатая и Джунгарского Алатау. Некоторые даже до Лобнора дошли. Казахи в этот период даже в саму Монголию проникли, в современный Баян-Ольгейский район. Все эти факты зафиксированы историческими источниками.

Поэтому в XVI веке, когда в Казахстане произошла определенная стабилизация этнокультурных процессов, здесь начал формироваться казахский nomадный этнос. Но и этот процесс едва не был прерван джунгарским нашествием. Вот такие интересные коллизии, интересные процессы. Но мы не хотим изучать свою реальную историю, мы все время рассуждаем стереотипами. Джунгары – враги, Россия нам помогла. А почему не китайцы помогли? Почему мы не можем признать этот исторический факт? Слишком много таких стереотипов.

Поэтому самое главное – отойти от такого стереотипного, шаблонного мышления. Но отойти от него могут только настоящие учёные – второе-третье поколение. А третьего у нас нет, оно не формируется. Второе только начало функционировать. И то оно уже начинает уходить. Нам уже за пятьдесят.

Мой следующий вопрос не столько мой, сколько давно дебатируемый тезис. Не секрет, что ни одна мировая религия не пустила у нас глубоких корней. На ваш взгляд, с чем это связано?

Давайте, прежде всего, уточним: что такое ислам? Ислам – это явление арабской культуры. Поэтому за пределами арабского мира у ислама, скажем так, достаточно ограниченные позиции. Если мы возьмем с вами тюркские народы, то никто из них не является столь ревностными приверженцами ислама, как сами арабы. Согласитесь. И турки, и казахи, и туркмены, и азербайджанцы, и все другие – у

них достаточно специфическое отношение к исламу. Потому что ислам как религия, а потом уже и как культура, был создан в южноаравийских городах. И в этом смысле – это городская культура.

Номады были хорошими ретрансляторами этой культуры, но сами номады никогда не были мусульманами в полном смысле этого слова, тем более казахи. Достаточно вспомнить слова Ч.Ч. Валиханова о том, что нежелательно присутствие муллы в юрте, ибо это может навлечь несчастье и т.д. Мулла в юрте означает ожидание неприятностей, это ознаменование чего-то трагического, страшного. И связано это было с нашим языческим прошлым – верой в духов предков, тенгрианством. И, в принципе, мы так и не стали «хорошими» мусульманами. И сейчас мы остаемся шаманистами в значительной степени. Вы посмотрите, как некоторые наши псевдокультурологи говорят: мы тенгрианцы. Ну да, тогда надо признать, что декларирование этого тезиса означает фактический отказ от ислама. Они же, наоборот, хотят все это совместить. Уже в этом проявляется шаманизм, язычество мышления наших псевдокультурологов, псевдофилософов, псевдоэтнологов, псевдоисториков и прочих новаторов от науки. Здесь много сложных и противоречивых вещей. Так что ислам – это арабская культура, арабская религия. Мы с вами никогда не будем арабами, поэтому мы никогда не будем истинными мусульманами.

Точно также и с остальными религиями. Каждая из них имеет свою специфику и историю происхождения. Каждая из них возникала в конкретном регионе, в конкретном культурно-историческом контексте. Европа – это христианство, арабский мир – это ислам, а индокитайский мир – это буддизм. А мы с вами между – между, поэтому мы – шаманисты-язычники. Мы сами не могли создать свою культуру, но и чужие культуры мы не захотели или не смогли позаимствовать в полной мере, становиться их адептами. Это нор-

мально. Это часть нашей культуры, это специфика нашего межцивилизационного развития.

То есть, с вашей точки зрения, это естественно.

Да, конечно. Для нас это абсолютно естественно. Мы всегда поворачивались в ту сторону, в какую нас поворачивали сильные мира сего. Коммунисты сказали: будем марксистами-ленинцами – все взяли под козыrek и стали ими. Когда нам с неба упал суверенитет, все в одно мгновение перестали быть марксистами и стали, так сказать, казахскими националистами. Когда началась борьба с терроризмом и на нас посмотрели, мы все сказали – нет, мы не мусульмане. Конечно, я немного утрирую, но принцип происходящего прозаичен. То есть мы с вами – вторичны, потому что мы примитивны. У нас с вами нет реально своей культуры и жизненных приоритетов. Нам с вами нечего противопоставить этим мировым тенденциям. Мы можем быть только ведомыми. Поэтому, если мы хотим прервать эту тенденцию, если мы хотим стать чем-то реальным, мы должны начинать со своей истории. Мы должны сказать: нет всем мифам! Мы номады! Мы кочевники! Мы казахи! Давайте изучать нашу кочевую историю и культуру. И все эти города земледельцев, всю эту болтовню про Оттар, библиотеки и т.д. – это оставим для товарищей сартов.

А мы будем заниматься своим. Да, мы были шаманистами. Потому что это наше мышление, это наш интеллект. Увы! Мы не стали ни буддистами, ни христианами, ни иудаистами, ни мусульманами. Это наше срединное пространство – между цивилизациями, культурами. Но в этом наша специфика, в этом наша особость, в этом наше богатство, что мы испытали влияние всех.

Не надо по этому поводу комплексовать?

Совершенно верно. В этом, наоборот, наша сила, что мы с вами мультикультурны. Главный вывод, и мы об этом говорили, заключается в том, что мы, казахи, можем адап-

тироваться к достижениям современной цивилизации. Мы можем стать частью современной цивилизации, потому что наша история всегда была частью разных цивилизаций. И поэтому мы восприимчивы, поэтому мы достаточно гибки. Не все, конечно, второе, третье, четвертое поколения, но они гибки. Тогда как есть народы, которые и в десятом поколении не могут приспособиться к развитию мировой цивилизации. Те же арабы, например.

Тогда поговорим о некоторых наших особенностях. Внутритерриториальная стратификация казахского общества по жузовому принципу, по оценке одних специалистов, не является определяющей. Другие же, наоборот, считают ее проявление существенной и представляющей определенную угрозу для процесса становления нашей государственности. Что вы думаете по этому поводу?

Я думаю, что правы и те, и другие. Здесь нет большого противоречия. Почему? Потому что, с одной стороны, действительно, кланово-племенное мышление не является у нас приоритетным, так как существует множество других механизмов и способов идентификации личности. И кланово-племенной – один из многих факторов. Один из многих, но важный. Его нельзя отрицать. Он есть реально, он проявляется, и он влияет на нашу политическую ситуацию и на политическую жизнь. Но его не надо переоценивать. Он один, условно говоря, из десяти или из двадцати важных факторов. Но поскольку он играет важную роль, мы должны его изучать, знать и понимать. Не гипостазировать, но и приуменьшать его значение тоже нельзя.

Над нами все время довлеет какой-то комплекс неполноценности. Одни хотят сказать, что мы такие крутые, такие цивилизованные, самые умные и красивые. Такой нарциссизм подводит к тому, что мы отказываемся от всего того, что в стереотипном мышлении считается плохим, первобытным. Поэтому, дескать, никаких кланово-племенных, жузовых дел у нас нет. Но это ложь, неправда. Есть и еще как.

Но, с другой стороны, мы должны понимать и влияние других факторов. Личная дружба, землячество, деньги, связи, патронатно-клиентные отношения, коррупция и масса других вещей.

Потому, что время не стоит на месте?

Конечно. Человек кочевого мира был очень однообразный и мыслил кочевыми стереотипами. Там этот фактор был чуть ли не главным и ключевым. Тогда как в современном мире, более сложном, многообразном, многоаспектном, многогранном, естественно, действуют другие факторы. Но тот фактор все равно остается. Он как наша с вами наследственная болезнь. Болезнь нашей истории и культуры. Плохая болезнь, наверное, но мы ее унаследовали. И чтобы нам избавиться от нее, нужно два-три поколения горожан. Избавимся, это естественно. Но вы знаете, что казахов, родившихся в городе, не больше 10 процентов, а остальные 90 рождены в сельской местности. Значит, они и носители этой культуры, эти 90 процентов. Те 10 – в меньшей степени, и их дети, наверное, уже вообще знать не будут, что это такое. Дети 90-процентного большинства также будут меньше знать. И так далее, это бесконечный процесс эволюционного развития.

Позволю себе высказать некоторые сомнения. По моим наблюдениям, в последние годы, наоборот, среди городских казахов это стало проявляться сильнее.

Нет. Это часть городских казахов, у которых преимущественно техническое образование. Не имея гуманитарного образования, они пытаются приобщиться к казахской культуре через такие псевдостереотипы. Они пытаются изучать казахский язык, и когда это не получается, им легче и проще говорить о жузах. Это для них способ приобщения. Для того, чтобы стать как все. Что такое быть казахом? Быть как все. Я сам уже перешагнул через полувековой рубеж, но хорошо помню ту среду, когда собирались известная казах-

ская интеллигенция первого поколения. И я сидел среди них, как внук своего деда-профессора. Я слушал все эти разговоры, и все они начинались одинаково – какого ты рода-племени, все кыпчаки такие, все аргыны сякие, и пошло, и поехало.

Приведу еще один интересный момент из своей жизни. С одной стороны, он меня огородил, с другой – позабавил. Когда мы познакомились с А. Кажегельдиным, он спросил «А ты какого рода-племени?» Я ответил, что я кыпчак. Он сказал: «Да-а, с кыпчаками у меня никогда не складывались отношения». (Смеется). Понимаете, даже он, один из самых умных и образованных людей, не свободен от таких стереотипов. Не свободен.

Многие казахи, с которыми мне приходилось сталкиваться по жизни, всегда говорили мне: «Ну, мы же с тобой среднежузовцы» и т.д. Для них это естественно. Вот если бы я стал об этом говорить, это было бы неестественно. Потому что я не являюсь носителем этой культуры, я – городской житель в третьем поколении. Но, тем не менее, я просто знаю это. Потому что я вырос в казахской среде, в среде интеллигенции первого поколения – я воспитывался у дедушки и бабушки. Поэтому для меня это естественно, я хорошо и изнутри знаю это.

Ну а как это соотносится с процессом маргинализации?

Давайте разберемся, что такое маргинальность? Маргинальность означает пограничное состояние. Это когда человек уходит из одной культуры, но не приходит в другую культуру. Что это значит на научном языке? Это означает следующее: человек при переселении в город находится в состоянии, во-первых, утраты социокультурных признаков, которые его социализировали как человека, как личность. Он их утрачивает в городе, но не может совсем утратить. Он находится в стадии освоения новых социокультурных признаков, но не может освоить. Вот это и

есть маргинальность: когда он утрачивает, но не может утратить, когда он усваивает, но не может усвоить. Вот так и возникает то самое пограничное состояние. Отсюда рождается миллион комплексов неполноценности. Отсюда наша история вся маргинальная. Мы не можем отказаться вроде бы от своей истории, но не можем приобщиться к другой. Но хотим. И это бесконечно: проявления маргинальности многолики. Естественно, что мы попадаем в ситуацию стресса. Все, что ни делаем – делаем не так. Вроде бы пытаемся с помощью наших традиционных стереотипов что-то сделать – в городе на нас косо смотрят. Пытаемся с помощью городских стереотипов сделать – нас тоже не понимают. Потому что мы их специфически воспринимаем.

Если вернуться к вашему вопросу о религии, то здесь мы тоже маргиналы. Мы не можем в полной мере утратить свой шаманизм и в полной мере освоить арабскую культуру, она чужда для нас в любом случае. И ислам чужд для нас. Мы – казахи. У нас своя история и своя культура, и в тоже время мы часть мировой культуры.

На бытовом уровне я могу подтвердить ваши последний тезис своими личными впечатлениями. Я сам воспитывался у аже. И она в течение дня приблизительно равное количество раз поминала и Аллаха, и Тенгри.

(Смеется)

В формировании ментальности любого этноса большую роль играют национальные элиты. Какова наша современная элита? Способна ли она ответить на вызовы эпохи и стать «локомотивом» нации?

Если вы говорите об элите на данный момент, то давайте сразу оговоримся, что слово «элита» неприменимо с точки зрения качества. То есть элита не означает, что это лучшее. Вот с этим мы должны четко определиться. Элита означает только одно, на языке политологии – «это люди близкие или влияющие на принятие государственных политиче-

ских решений». Это и есть элита. Наша элита, с точки зрения качества, очень плохая. В морально-нравственном отношении это – воры, коррупционеры, казнокрады. Это люди, у которых нет совести, ответственности, достоинства. Они не понимают, что воровать – это плохо, что препятствовать честным выборам – это подло. Но это наша элита. Хотим мы того или не хотим.

Наш средний класс сформировался очень интересно – он коррупционный характер носит. Это госслужащие, которые берут взятки и имеют на этой основе большие доходы. Поэтому элита наша коррупционная, вороватая, подлая, бесчестная, но это реальность нашей ситуации. Наша псевдоинтеллигенция ходит и попрошайничает деньги у этих проходимцев. Она преклоняется перед ними, унижается перед ними. Что она может нести нашему обществу? Ничего в морально-нравственном плане. Но, тем не менее, так формировалась элита и во многих других странах мира. Такова логика развития политического процесса, к сожалению. Особенно на постсоветском пространстве, за исключением, может быть, Прибалтики. Везде элита такая подлая, бесчестная, жуликоватая, но их дети уже будут лучше, а внуки еще лучше.

Здесь нет парадокса?

Есть, и даже миллион парадоксов, миллион противоречий. Поколение нынешней молодежи я считаю потерянным. Почему? Потому что они попали в ситуацию перехода из одной цивилизации в другую, когда морально-нравственные критерии не функционируют. Обычно в рамках нормального цивилизационно-стабильного развития действуют железные морально-нравственные категории. Если в традиционном обществе это достигается с помощью обычного права и неких традиций, в другом, цивилизованном обществе, – с помощью законов и соответствующих институтов. Но на переходной стадии воровать становится престижно, быть совестливым – плохо, когда только глупец

не крадет, не подличает, не убивает и т.д., у подрастающего поколения нет ориентиров и оно теряется. Поэтому эта молодежь – потерянное поколение.

Бесценостное?

Оно бесценостное с точки зрения основополагающих морально-нравственных качеств. У них ничего этого нет.

А кого они породят?

Как это ни странно звучит, но они породят нормальных детей. Потому что они, став собственниками и имея власть, будут все время говорить, как это делает сейчас Назарбаев и его семья, о гарантиях, о стабильности, об институциализации, силе закона – закон должен охранять частную собственность. Они начнут бороться за те ценности, которые они сами опровергают ежеминутно, ежечасно, ежедневно. Такова логика развития человека вообще – полная противоречивость, эклектика, но, тем не менее, все равно общество выходит на столбовую дорогу. Просто это путь, который как бы удлиняется через одно-два поколения. Мы могли бы прямо идти по этому пути, но для этого нужна демократия, честные выборы и т.д. Но поскольку этого пока нет, значит, пойдем через приоритетность личных интересов и необходимость политических гарантий, государственных гарантий сохранения и стабильности этих личных интересов.

То есть какой бы элита ни была, так или иначе, она объективно цивилизуется? Я правильно понял вас?

Да. Другое дело, что наша плохая элита откладывает достижение цели на одно поколение, но все равно это будет. (Смеется).

Каждая нация на переломных этапах своей истории выдвигает ярких личностей, которые становятся духовными лидерами нации и непрекаемыми авторитетами. У русских – это Сахаров, Лихачев, Солженицын, у кыргызов – Айтматов, у казахов – Кугульгинов. Почему такого лидера не нашлось у нас? Чем можно объяснить этот феномен?

Я думаю, что это объясняется очень просто. Когда мы говорим о чужих лидерах, мы не вдаемся в нюансы и подробности. Например, что для многих категорий русских и Лихачев, и Сахаров, и Солженицын являются изгоями и никакими не авторитетами. Вспомните, какой травле и обструкции подвергали того же Сахарова, причем до конца жизни. А Лихачева? То же самое. Ведь фактически чиновники его не ценили, интеллигенция сторонилась, потому что он был слишком чистый, наверное, идеалист для них. Понимаете? А ведь наша интеллигенция дешевая, в основном. Поэтому эти символы кажутся нам символами со стороны. Так же как русским, или кыргызам, или калмыкам кажется, что у нас есть Олжас Сулейменов, такой же авторитет. Хотя мы сами здесь к нему относимся совсем по-другому. Так что это взгляд со стороны. Нет пророка в своем отечестве. Это нереальный взгляд. Я думаю, что никогда не было и не будет абсолютных героев, ни для кого, ни у кого.

Героями становятся как бы через какое-то время, когда люди начинают осознавать, что это было реально. Либо героями их делает государство, когда придает им высокий статус национального героя. И многие герои носят мифологический характер. На самом деле при жизни они никогда не были этими героями. Но их государство сделало героями. Ну вот известно, как в 30-е годы Сталин лично определял список национальных героев: Спартак, Петр Первый, Суворов, Кутузов, Ломоносов. Хотя было немалое количество других людей, которые, может быть, были достойнее, лучше, чище и прекраснее этих героев. Но Сталин решил, что именно они будут героями.

И государство всей силой своего авторитета, своих институтов начало лепить их них своих героев. Потом подключилась интеллигенция, подключилось искусство, культура и начался массовый процесс лепки героев.

Посмотрите в США. В Вашингтоне столько памятников стоит американским героям, десяткам, сотням генералов. Я никогда о многих даже не слышал ничего. Уже там начинаешь интересоваться – это что за генерал; а это кто? Мы знаем пять-шесть общеизвестных имен и все. Там это совершенно по-другому. Так что героев должно быть много, герои должны быть разные, на все вкусы. И каждый вправе иметь своего героя. Но уникальных, универсальных героев не должно быть. За этим сразу чувствуется рука государства, чувствуется искусственность образа.

Хорошо, если не герои, а духовные поводыри?

Кто был духовным поводырем для советского народа? Светочем? Сахаров? Только для части просвещенной интеллигенции. Остальные его воспринимали как врага, предателя, наймита, шпиона, агента ЦРУ. Вот такой была реальная жизнь.

Поэтому можно говорить о людях, которые являются как бы опорой в морально-нравственном отношении.

У нас есть такие люди?

К сожалению, лично мне назвать трудно. Сейчас, в данный конкретный момент, я могу назвать имя Галымжана Жакиянова. Он для меня сейчас герой. Но для канонизации этого образа Галымжану понадобится всю жизнь быть таким. Героем. А это очень сложно – быть в жизни героем. Потому что герой тоже живой человек, и ему хочется совершить множество не героических поступков. И поэтому очень сложно все время быть героем. Пока Г. Жакиянов тянет на роль героя. Да, он сейчас герой.

Но они вообще нужны?

Герои нужны обязательно. Потому что должны быть некие идеалы, с помощью которых можно воспитывать, можно ставить какие-то ориентиры, обозначать какие-то важные нравственные позиции в обществе. Так что герои нужны для этого социального пространства. Каждое государство имеет

тех героев, которых оно заслуживает. Вспомните, у нас пытались сделать героев из батыров. Наверное, среди них были герои. Но нам с вами ведь это неинтересно. Потому что мы живем в другом веке, в другом мире. И нам нужны герои-современники. Ну, на худой конец, герои советского периода. А оказалось, что герои советского периода, которых нам подсовывали, вовсе не герои. Они как прохиндеи, которые служили советской системе и пытались под нее подстроиться. Истинных героев-то нет! Среди них нет тех людей, которые бы истинно служили именно науке, не обладая высокими титулами, званиями и должностями. У нас из кого делают героев? Директор? Герой. Президент? Герой. А если ты просто скромный рядовой ученый, который написал великолепную книгу, или всю свою жизнь честно служил науке, ты не герой. Для меня герой – это Вениамин Петрович Юдин – наш выдающийся ученый-историк. Для меня герой – Юрий Алексеевич Зуев – наш другой выдающийся историк. Но те, кто были академиками, членкорами и даже докторами – не герои. Совсем не герои. И даже не ученые.

У нас это, наверное, такая болезнь национальная – обязательная «регализация» героев?

Это вообще логика человеческого мышления.

То есть не только наша болезнь?

Нет, конечно. Представьте себе – огромная концентрация человеческих ресурсов. Как выявить среди них: кто есть кто? Их ведь надо как-то позиционировать, стратифицировать. Государство всегда услужливо придумает: звания, ранги, чины. Учитель первой категории, учитель второй категории. Кандидат наук, доктор наук, профессор, член-корреспондент, академик. У людей мышление простое, по принципу бинарного позиционирования – черное – белое, небо – земля, сырое – вареное. Все. Этот академик, а этот не академик, значит академик – герой. Но я уверяю, что среди всех бывших у нас академиков нет ни одного героя. Это точно.

Переместимся несколько в иную плоскость. Одной из наших подспудно зреющих проблем является демографическая ситуация: небольшая численность населения и огромные территориальные пространства. Раньше это было проще и понятнее: пространства – это, прежде всего, паства и их бесконечный захват был оправдан жизненной необходимостью. Но не сыграло ли время с нами злую шутку – то, что было благом для наших предков, теперь возвращается бумерангом и становится нашим проклятием – «проклятием пространства»?

Я это называю другим термином – «деспотия пространства», « власть пространства». Оно, конечно, есть и «проклятие» одновременно. Проблема состоит в том, что какnomы, мы могли осваивать это пространство. Сейчас, как сарты, а мы с вами сарты, мы не умеем осваивать (смеется) это пространство. Мы его осваивали с помощью советского государства. А вот сами сейчас, без помощи транснациональных компаний, мы его не можем освоить. Это наше проклятие, это наше бескультурье. Это гири на наших ногах.

Какая сейчас складывается ситуация? Казахи бегут из сельской местности в города. А ведь кроме казахов там практически никто не живет. Все остальные этнические группы еще раньше оттуда убежали. Сейчас в Алматы формально полтора миллиона человек, а де-факто три миллиона населения здесь живет. Получается, что каждый пятый казахстанец в Алматы, а все остальные в других городах. То есть у нас происходит обезлюдение нашего пространства. Люди концентрируются в крупных городских центрах, и все.

Еще один момент – у нас даже городская цивилизация не закрепилась как самодостаточная ценность. Посмотрите: 1997 год – упраздняются пять областей. Пять городов теряют статус областных городов. Что с ними происходит? Они сразу начинают тихо умирать. А Аркалық вообще просто разобрали по косточкам. То есть достаточно убрать бюджетное финансирование на уровне областного центра, и город умирает. Это

говорит о том, что у нас нет городов настоящих. В Казахстане есть только один настоящий город – Алматы. Единственный город, которому снижение статуса дважды – сначала столицы, а затем областного центра – не мешает жить и оставаться городом. Так что эта «деспотия пространства», конечно, влияет.

Стоит огромная задача перед нашим государством и уже следующим поколением – как осваивать, как сохранить это пространство.

А история даст нам на это время?

Это зависит от нас с вами, и от нас, интеллектуалов, в первую очередь. Потому что мы должны актуализировать эти проблемы. Мы должны обществу все время посыпать сигналы о насущных проблемах.

А сил хватит?

Я думаю, что в условиях, когда у нас как бы нет жестких конкурентов и нет пока явных врагов, есть шанс сохранить эту территорию. Но ее надо осваивать. Осваивать ее можно только двумя способами. Первое – это создание и укрепление инфраструктуры – дороги, газопроводы, нефтепроводы, каналы и тому подобное. Одним словом, все то, что связывает пространство воедино.

Нурбулат Эдигеевич, извините, но мы же не то что создать, удержать того, что было, не смогли. Я, как уроженец целинного региона, говорю об этом.

Я знаю. Но я хочу сказать как бы в теории – через развитие инфраструктуры. Казахстан начинает потихоньку двигаться. Вот построили дорогу Астана – Алматы. Это уже неплохо. Потому что дорога любая, любой газопровод, нефтепровод – это как шампур, который куски мяса связывает воедино. Вытащите шампур и все распадется. Нам нужно много таких «шампиров» в разных направлениях. Позволю еще один образ – подобно тому, как шпильки держат прическу, так и здесь: инфраструктура будет «держать» экономику, государство, пространство.

Второй путь – это развитие малых городов. В советское время у нас было порядка 60 малых городов, не административных центров, которые были созданы вокруг промышленных предприятий. Сейчас нам надо заимствовать опыт той же Англии и других стран, перед которыми тоже стоит задача сохранения пространства и для этого они развивают малые города. Для сохранения их жизнеспособности они создают в них научные производствы – по очищению воды, по переработке агропродуктов и т.д.

Еще один реальный путь – поддерживать инфраструктуру территориально-административной системы. Не надо сокращать областные центры, не надо сокращать районные центры. Если, условно говоря, у нас есть 200 районных центров, это 200 пунктов цивилизации, стационарных пунктов цивилизационного, административного государственного развития на территории нашей страны. Значит, их надо сократить.

А не грозит ли бюрократизация нашей жизни?

Бюрократизация – неизбежная плата, к сожалению, за возможность иметь собственное государство.

Значит, вы предлагаете выбрать меньшее зло?

Наименьшее зло, да. Конечно, не надо допускать излишней бюрократизации, но мы никогда не найдем оптимального уровня без демократического развития. Только демократическое развитие страны сможет оптимизировать все эти процессы.

Естественно-эволюционным путем?

Да. Сейчас у нас этого нет. Но мы хотя бы должны ставить эти вопросы на повестку дня. Поэтому административный, социально-государственный заказ и инфраструктура – вот три фактора, которые определяют нашу способность сохранить свое пространство. И успешно противостоять вот этой «деспотии пространства».

Но это реально с нашим потенциалом?

Я думаю, что это возможно при рациональном использовании бюджетных средств. Пока мы сохраняем инфраструктуру 14 областных центров и около 223, по-моему, районов. Но их не надо сокращать. Надо четко определиться и держать эти приоритеты. И государство должно играть здесь ключевую роль. В идеале, для того, чтобы они встали сами на ноги, нам нужно развитие местного самоуправления.

Власть все время пугает нас угрозой сепаратизма. По ее мнению, главный содействующий фактор для развития сепаратизма – местное самоуправление и региональная элита. Дескать, если появится региональная элита, то будет сепаратизм. Поэтому через назначаемость акимов центральная власть все время борется с формированием региональной элиты. Приходит новый аким, выкорчевывает всю региональную элиту, формируется новая, своя. Приходит следующий аким, опять выкорчевывает, и так далее. Поэтому региональная элита существует на мелком местечковом уровне, она не в состоянии подняться на уровень больших самостоятельных задач.

Вот если у нас будет региональная элита, она, наоборот, станет сильнейшим фактором, который будет осваивать пространство. Люди получат механизм и возможность для реализации своих интересов. А они будут заключаться в понимании необходимости сохранить это пространство как часть данного государства. Но для этого мы должны доверять, пестовать и развивать региональную элиту. И продумывать в ее отношении стратегию и тактику государственной политики.

Территориальная проблема вполне решаема. Вопрос состоит в том, что это должно быть сбалансировано с интересами государства, народа, личности, отдельных людей, с перспективами развития и прочее. Пока это не сбалан-

сировано. Пока это только в интересах небольшой группы людей, и это плохо.

И последний вопрос, Нурбулат Эдигеевич. У казаха были три ипостаси – Скотовод, Поэт и Воин. И все три принадлежат нации Созерцателей. Можете ли вы назвать три современных ипостаси казаха?

Понимаете, вот то, о чем вы говорите, это такое мифологическое, героизированное, идеальное представление самих казахов. Поэт с большой буквы, Воин с большой буквы, Кочевник с большой буквы. Я бы сказал так: кем были казахи раньше? Первое – они были скотоводами. Второе – они были кочевниками. Третье – они были созерцателями, наверное.

А многие, между тем, отождествляют понятия «скотовод» и «кочевник».

Нет. Скотовод – это отношение к скоту. Кочевник – это отношение к пространству. И Созерцатель – в отношении всего остального. Поэтому воинами мы были, надо сказать, так себе. И ничего страшного в этом нет. Наша специфика, наша слава не в том, что мы были воинами или не воинами. Это заимствованный стереотип. Ведь для того, чтобы быть героям, не обязательно побеждать в войне. Героем можно быть даже и проигравшим. Но Героем с большой буквы. Кто сейчас казахи? Не единый этнос. Посудите сами. Часть казахов богатая, часть – бедная. Часть говорит на казахском, часть – на русском. Часть живет в городе, часть – в селе. То есть существует как бы масса противоречий. Такая электричность, что ли. Я не знаю даже, какой термин подобрать. Разрозненность, разность, чужеродность, что ли.

Но не аморфность?

Нет, пожалуй, не аморфность. Просто разорванность, противоречивость. Разделенность, сегментированность на какие-то мелкие составные части.

Отсутствие ценностей?

Да, наверное, может быть так. Второе – это то, что казахи не имеют своих идеалов. Их идеалы все заимствованные, чужие. Это идеалы чужого общества, идеалы чужой культуры. Поэтому нынешние казахи – это общество ложных идеалов, я бы так сказал.

И третье – то, что казахи... В современном мире, когда многие народы проявляют свой характер и борются за свои права, казахи – один из самых пассивных, плывущих по течению народов. Упало государство с неба в руки – хорошо, живем в чужом государстве – хорошо, не будет государства – тоже не страшно. Получается, что они никакие. Они просто плывут, как безвольная щепка по реке.

Что-то грустно.

Нет, не грустно. Это нормальное маргинальное состояние. Завтра будет все по-другому. Но сейчас именно так.

Так мы все-таки маргиналы?

Мы маргиналы. Казахи – это маргиналы. У казахов нет героев. У казахов нет принципов. У казахов нет идеалов. У казахов нет характера.

Ну и каким же будет наше будущее?

Я надеюсь, что осознание этого и то, что мы с вами говорим об этом и бьем по болевым точкам, приведет к тому, что завтра у нас все это будет. Мы должны это осознать, мы должны это понять. Самое главное состоит в том, что если мы хотим решить какую-то проблему, надо смело ставить диагноз. И это задача наша – интеллектуалов, интеллигенции. Да, им больно, но мы должны им сказать, кто они есть на самом деле сейчас. В этом наша с вами миссия, а не в том, чтобы петь осанну этим никаким казахам.

Пришло время ставить диагноз?

Я думаю, что диагноз давно поставлен.

Пришло время излечиваться?

Да. Вот и все.

Излечимся?

Я верю в это. Я надеюсь на это.

Спасибо за интервью.

Интернет-сайт: www.dialog.kz,

17 августа 2004 г.

Интервью взял К. Татиля.

«Мы – маргиналы»

Нурбулат Масанов – один из самых известных и уважаемых политологов нашей страны, человек, всегда говорящий то, что думает и называющий вещи своими именами – оставил политику. Его шаг вызвал противоречивые комментарии, в большинстве своем предполагающие, что политика наверняка прищучили. Как все обстоит на самом деле, «Начнем с понедельника» решил расспросить самого Нурбулата МАСАНОВА.

Нурбулат Эдигеевич, почему вы отошли от политики?

Напомню, что по специальности я – этнограф, и защищал свою диссертацию именно по истории и культуре казахскихnomadov. Я также являюсь единственным в Казахстане дипломированным доктором наук по кочевникам. Вернувшись из Москвы в 1992 году, оставил науку и занялся политикой. Однако всегда говорил, что я – политик по неволе. Когда в стране не было принципиальных людей в период эйфории от суверенитета, я заполнял политологическую нишу в условиях отсутствия таких профессионалов. Сейчас, как я считаю, социально-экономическая и политическая ситуация в стране изменилась. У нас появилась

профессиональная оппозиция, которая этим занимается и у которой есть деньги. Ну и ради бога – занимайтесь! А я, не меняя своих принципов и убеждений, просто отошел от политики. В прошлом году министр культуры и информации Есетжан Косубаев предложил мне возглавить Казахский научно-исследовательский институт по проблемам культурного наследияnomадов, и я с удовольствием принял данное предложение, потому что оно касается сферы моих научных интересов. За те 15 лет, которые я посвятил политике, проблемами кочевников никто не занимался. А ведь кочевники – это национальный брэнд нашей страны! Они – единственное, чем мы можем по-настоящему гордиться. Они внесли свой немалый вклад в развитие мировой цивилизации. Именно этот аспект и будет изучаться в нашем институте.

Однако, Нурбулат Эдигеевич, почему вы все же оставили политику? Только ли из-за желания заниматься своей нынешней работой?

Я в течение 15 лет был самым принципиальным и жестким критиком власти. И считаю, что свой вклад в демократизацию Казахстана я уже внес. Теперь хочу реализовать себя как ученый, у которого раньше не было такой возможности. Теперь она у меня появилась, и я хотел бы заниматься организацией науки, научными исследованиями и развитием данной научной структуры. У меня огромные связи по всему миру среди всех ведущих ученых, которых я могу мобилизовать в интересах развития науки в Казахстане.

Совсем недавно вы резко критиковали власть. А сейчас поменяли свою позицию?

Нет. Моя гражданская позиция и мое отношение к власти остаются теми же. Я человек, который расставляет некие приоритеты. В нашей стране был период, когда гражданского общества у нас не существовало – оно только формировалось, и когда наша, так сказать, маргинальная интеллигенция

не имела собственной точки зрения. Моей задачей было ее разбудить. И свою позицию в отношении власти и политики страны я открыто высказывал на протяжении достаточно долгого периода времени. Так, как я говорил когда-то, сегодня думают и мыслят сотни и тысячи людей. Поэтому мне нет смысла быть одним из них – я буду заниматься тем, чем мне хочется. Моя политическая ориентация не изменилась, я не делал никаких заявлений ни в плане отказа от своих убеждений, ни в плане поддержки кого-либо или чего-либо. Я просто отошел от политики и сейчас занимаюсь только наукой. Подчеркиваю – только наукой.

Но комментарии как политолог вы все-таки даете.

Даю. Но только по тем вещам, которые, как я считаю, общество воспринимает еще недостаточно зрело. По каким-то важным позициям нужно высказываться для того, чтобы общество получало правильные ориентиры или некие сигналы, спомощью которых оно могло бы ориентироваться. Но в целом я постепенно отхожу от политики все больше и больше.

Назад не вернетесь?

Нет. Свое слово в политике я сказал. Ко мне ни у кого не может быть никаких претензий – я никого не предавал, не отказывался от своих убеждений и до сих пор сохраняю тесные дружеские отношения со многими, как из власти, так и из оппозиции.

Давайте все-таки ненадолго вернемся к политике. В чем вы видите причину проигрыша оппозиции на последних парламентских и президентских выборах?

Существуют определенные закономерности этого процесса. Я считаю, что власть провела очень грамотную и компетентную избирательную кампанию и просто обыграла оппозицию. Главная проблема оппозиции заключалась в том, что она в избирательной кампании пошла вслед за властью, которая перевела политическую борьбу в сферу борьбы личностей. А в этой сфере лидеры оппозиции

были заметно слабее президента. И лозунг был соответствующий: «Мы знаем, кого выбираем!» В этом и была главная проблема и ошибка оппозиции, которой власть навязала свою игру, добившись того, чтобы оппозиция играла по ее правилам и не пыталась перевести борьбу в другую плоскость. Плюс совершенно неправильная концепция избирательной кампании – отобрать и поделить заново. Эта психология сразу вызывает протест у 80-90% людей, ведь все понимают, что любой передел собственности приведет только лишь к серьезным конфликтам. Я высказывал это при личных встречах лидерам оппозиции, но они не захотели ко мне прислушаться, а желания навязывать кому-либо свои мысли у меня не было.

Нурбулат Эдигеевич, в казахской среде широко распространено мнение, что вы – противник статуса казахского языка как государственного. Это действительно так?

Нет, это неправда. Все это выдумки недобросовестных людей, которые пытаются приписать мне то, чего я никогда не говорил. Я ратовал за то, что нельзя приказом заставить всех сразу выучить казахский язык. В свое время я выступал за государственное двуязычие. Как когда-то красиво сказал Олжас Сuleйменов: «Возысить степь, не унижая горы». Вот, примерно, то же и я имел в виду с языковой политикой государства. Я говорил о том, что для развития казахского языка нужно создать интеллектуальную инфраструктуру на языке. Например, в книжных магазинах на казахском языке сейчас нет практически ничего. Только последние год-полтора на государственный язык стали переводить Джейфферсона, Сократа, Платона, Аристотеля... Условно говоря, мы должны на казахский язык перевести книги и монографии, учебные пособия выдающихся писателей, ученых. Только тогда у людей появится возможность получать информацию и интеллектуальные знания на казахском языке. Тогда появится языковая среда, на которой можно будет научить-

ся думать, заниматься наукой и получать полноценное образование. Сейчас, слава Богу, государство прислушалось к подобным мнениям, и начался процесс создания подобной интеллектуальной инфраструктуры. Все, что недавно умного появилось в мире, мы должны переводить на казахский язык. Только тогда будет создана необходимая среда для изучения казахского языка. И я очень рад, что эти идеи захватили общество и государство. Например, была принята программа «Культурное наследие», которая осуществляет переводы десятков и сотен великих писателей и ученых на казахский язык. Это замечательно!

Как-то вы произнесли фразу: «Многие казахи – атеисты, и это хорошо». Можно узнать, что вы имели в виду, говоря так?

Дословно подобное я не говорил. Думаю, вы имеете в виду мои слова о том, что среди казахского населения существуют две группы. Первая – это те, кто родился в городе, и у которых индивидуалистическое сознание и приоритеты те же, что и у современного урбанизированного западного общества. Вторая – это почвенники, то есть те, кто родился в сельской местности, и для них на первом месте стоят приоритеты, принципы и идеалы традиционного аграрного общества. Среди казахов доля городского населения постепенно увеличивается, хотя она еще до сих пор незначительна – родившихся в городе казахов только 10-12%. Я имею в виду тех, кто достиг 18 лет. Однако этот процент растет, и ближайшим поколением будет поколение западников. Я не говорю, что это плохо или хорошо – просто это два разных типа цивилизации, культуры, а также политических предпочтений и антипатий.

Вы известны своим критическим отношением к трудам по истории Казахстана...

И все потому, что сегодня многие хотят ее модернизировать. Не жизнь модернизировать, а прошлое. Поэтому начинается идеализация: Чингисхан – казах, Аттила – казах... Берутся крупные персоны извне и притягиваются к истории

Казахстана за уши. Например, говорят, что у казахов было развито земледельческое хозяйство. Извините, 50% территории Казахстана занимает пустыня, 25 – полупустыня и 20% – степь. О каком земледелии тут можно говорить?! Никогда этого не было! И многие историки это знают и понимают. Я хочу сказать, что не надо комплексовать из-за своей истории. Наша культура – это кочевая культура, и она имела своеобразную, очень интересную и богатую историю, которую нужно изучать. Откройте наши школьные учебники по истории Казахстана – в них есть повествования о городах, черепках, Аль-Фараби и многом другом, притянутом извне, и нет ни слова про кочевую культуру. В этих учебниках нет ничего казахского! Поэтому меня всегда возмущает программа истории в системе образования, в которой нет описания того, как казахи жили, какой образ жизни вели, как кочевали, как вели хозяйственную деятельность, какие у них были бытовые условия и т.д. Ничего этого в учебниках нет! Поэтому я считаю, что необходимо повышать рейтинг кочевничества и не обращать внимания на советские стереотипы. В частности, о том, что якобы монголо-татарское иго разрушало города и подрывало цивилизацию государства. Чегуха! Еще до революции все самые знаменитые русские исследователи говорили о том, что именно монголы привнесли в Россию новый тип государства – централизованное государство. Что они привнесли туда новую цивилизацию, что они дали колossalный толчок развитию торговли, экономики, взаимодействиям и контактам в рамках огромной империи. А нам все время говорят, что монголы такие-сякие, сжигали города, разрушали ремесло... Спрашивается, зачем они уничтожали города? Оказывается, для того, чтобы использовать эту территорию в качестве пастищ! Такую глупость говорил, например, К. Маркс. Я всегда во время подобных дискуссий задаю вопрос: вы знаете, какая площадь

нужна для выпаса одной овцы? Ей нужна площадь, по территории равная средневековому городу! Они что, разрушали многое на своем пути только для того, чтобы одну овцу накормить?! Что за глупости?! Вот такие совершенно смешные и несостоятельные стереотипы прогрессируют в общественном сознании. От всего этого надо отказываться. Мир всегда развивался, получая все новые и новые импульсы извне. И именно кочевники были ретрансляторами этих инноваций. Это нужно понимать. Но, к сожалению, мы живем в плена стереотипов – лживых, несостоятельных, которые мешают нам трезво взглянуть на кочевников. Мы должны понимать, что историяnomадов Казахстана – это наша главная ценность, которой нужно гордиться.

Газета «Начнём с понедельника»,

23 июня 2006 г.

Беседу вела И. Людва.

«Не надо комплексовать из-за своей истории!»

Устаревшее слово «номад» приобретает все большую популярность. Вполне возможно, вскоре оно засияет новыми оттенками и обрастет свежими фактами и... легендами. Не без этого. Наука начинается с мифов, считает Нурбулат Масанов – руководитель находящегося в процессе создания Института культурного наследия nomадов при Министерстве культуры, информации и спорта.

Нурбулат Эдигеевич, современный мир – мир оседлых государств. В связи с чем, по какой великой нужде у нас создается Институт культурного наследия nomадов?

«Номад» – древнегреческое слово, означающее скотоводов, практикующих подвижные формы ведения хозяйства. Слово универсальное, понятное в любой стране. В мире есть четыре основных зоны кочевничества, где господствовало кочевое скотоводческое хозяйство и, соответственно, преобладал кочевой образ жизни. Это Монголия, Казахстан, Аравийский полуостров и Северная Африка. На территории Евразии зоной самого древнего и самого большого по территориальному охвату кочевничества является Казахстан. Для нашей страны кочевничество – общепризнанный национальный брэнд. Наш Институт культурного наследия номадов будет первым в мире научным учреждением подобного рода. Сейчас мы находимся в организационной стадии.

Почему именно вы возглавили новый институт?

Чисто формально я являюсь одним из немногих в Казахстане докторов исторических наук по проблеме кочевничества. Занимался этим двадцать лет, потом переквалифицировался и занялся анализом политических проблем современности. Но предложили вернуться в науку и возглавить создание нового научного учреждения, я принял это предложение.

С каким кадровым «багажом» отправляешься в научное плавание?

Скажу сразу: с кадрами большая проблема. В 50-60-е годы был период, когда проблемами кочевничества занималась целая группа ученых, существовало серьезное научное направление. Его крупнейшими представителями в Казахстане были С.Толыбеков, В.Шахматов, Х.Аргынбаев и ряд других известных историков и этнографов. Но потом жизнь распорядилась так, что к 70-80-м годам у нас практически не осталось специалистов по истории кочевничества и истории дореволюционного Казахстана. На любые попытки серьезного изучения прошлого власти смотрели негативно. Поэтому абсолютное большинство историков занималось историей КПСС. Я оказался тогда едва ли ни единственным, кто «пошел по рискованной дорожке» и

стал заниматься исследованием проблем номадизма. Докторскую диссертацию пришлось защищать в Москве. Когда вернулся оттуда, то приехал уже в другую страну – независимый Казахстан и занялся политологией. По данным ведущего американского исследователя А. Хазанова, сегодня изучением кочевничества занимаются всего лишь порядка двухсот ученых в мире, а евразийскими номадами – менее ста. Очень сильны западные школы по номадизму Северной Африки, Аравийского полуострова и Монголии. А вот по Казахстану наберется человек десять от силы.

Какими изысканиями займешься в первую очередь?

Считаю, что необходимо принять государственную программу по изучению истории и культуры кочевого общества казахов. Ведь сложилась парадоксальная ситуация: у нас есть археологическая карта Казахстана и свод памятников материальной культуры, но до сих пор нет представления о памятниках материальной культуры казахов.

А это тысячи казахских зимовок, на которых казахи проводили до шести месяцев в году, сотни заброшенных казахских кладбищ, тысячи колодцев, а кочевые пути и маршруты практически никогда серьезно не изучались. Номады были включены в природно-ландшафтную среду, поскольку выпас скота являлся частью естественной среды. Вследствие этого среду обитания в номадных ареалах также надо изучать как памятник материальной культуры кочевого общества. Я хочу воссоздать карту тысяч казахских зимовок, казахских колодцев, кочевых путей. К сожалению, эти памятники разрушаются и гибнут прямо на наших глазах.

Кто на кого оказывал большее влияние в мировой истории – кочевники на оседло-земледельческое общество или наоборот?

В исторической науке очень широко распространен стереотип о преобладающем влиянии оседлого населения на кочевников, потому что вся история написана с позиций оседло-земледельческих обществ. Но так было только в двад-

цатом столетии. На протяжении же тысячелетий, и особенно в эпоху до Великих географических открытий оседло-земледельческие общества почти никак не влияли на кочевников. Кочевое общество во все эпохи вело натуральное хозяйство, было независимо и в сфере производства. Что можно было заимствовать у оседло-земледельческого общества, в частности, для развития скотоводства? Практически ничего...

Если же говорить о сферах потребления и обмена, то оседло-земледельческое население было заинтересовано в контактах сnomадами в неменьшей степени, чем сами кочевники были заинтересованы в получении производимой оседло-земледельческими обществами продукции. Но основная масса кочевников жила в глубинных районах, они никогда не вступали в контакт с оседлым населением. Поэтому реальное влияние оседло-земледельческих обществ было сведено до минимума, и никакой суперважной роли в жизни кочевников они не играли.

Номады, в свою очередь, действительно сыграли выдающуюся роль в развитии оседло-земледельческих сообществ. По подсчетам все того же американского ученого А.Хазанова, более пятидесяти процентов государств на территории Евразии в истории мировой цивилизации было создано захватываниями кочевников. Именно кочевники обеспечили пополнение рациона оседло-земледельческих обществ белковой пищей, что способствовало улучшению качества жизни оседлого населения, разнообразию их пищевого рациона.

Кочевники были ретрансляторами многих культурных новаций. Так, например, первые стремена были созданы на территории Кореи в III-IV веках нашей эры. Но только когда стремена попали к кочевникам, они стали по-настоящему востребованы – произошла взрывная волна: через кочевников теперь уже весь остальной мир освоил стремена. Нисколько не преувеличивая, можно констатировать, что именно стремена открыли новую эру в мировой истории.

Они освободили руки наездника, он стал управлять лошадью с помощью ног. И примерно с V-VI веков стремена стали стратегическим фактором усиления военной мощи кочевников. Началась эпоха великих завоеваний.

Кочевники своими завоеваниями и военными походами создавали новые государства и ретранслировали во все стороны света новые институты и типы власти. Именно в этом заключается самый важный фундаментальный вклад кочевников в историю Евразии. Выдающийся востоковед В. Бартольд неоднократно отмечал, что именно татаро-монголы и никто другой привнесли в Россию концепцию крупного централизованного государства взамен так называемой феодальной раздробленности.

Каковы основные элементы политической культуры кочевников?

У кочевников были не самые развитые институты власти. Это были дисперсные сообщества, средняя плотность населения не превышала одного человека на квадратный километр. Все решала экономическая целесообразность и природные ресурсы. Система производства не зависела на прямую от институтов власти. Кочевки, передвижения, миграции nomадов подчинялись сезонным ритмам, природно-климатическим условиям. Когда Российское государство в девятнадцатом столетии попыталось регламентировать процесс сезонных миграций казахов, то это не всегда было эффективно. Так, на момент проведения переписи 1897 года в среднем до тридцати процентов кочевников-казахов находилось за пределами территориально-административных единиц, к которым они были приписаны. Естественно-природные границы их пастбищ не всегда совпадали с территориально-административными границами.

Какой вам видится судьба nomадов, сохранивших кочевой образ жизни?

Сегодня в мире около сорока миллионов кочевников. Главный вопрос, которым задаются многие ученые и междуна-

родные организации, – можно ли адаптировать кочевников к условиям современного индустриального и постиндустриального мира. Как показывает мировой опыт, к сожалению, нельзя. Их нужно постепенно переводить на оседлость, создавать стационарные места проживания, новые рабочие места.

А это необходимо?

Проблема состоит в том, что любое государство, в конечном счете, стремится к контролю над своим населением. А контроль над кочевниками, как и изъятие налогов, по определению невозможны. С другой стороны, многие государства серьезно озабочены проблемами кочевников и пытаются оказать им помощь. Например, тем, что сообщают им фиксируемую спутниками в космосе информацию о территориях, пригодных для кочевки, наличии водных и кормовых ресурсов. Но что происходило в результате этого? Число кочевников на единицу территории начинало расти, нагрузка на пастбища возрастила. Вследствие этого растительный покров терял способность к регенерации, наступала эрозия почвенного покрова, в итоге – опустынивание. При естественном же течении процессов, в случае, если число кочевников превышало ресурсы пастбища, наступал джут и голод, излишнее население устраивалось, сама природа обеспечивала динамическое равновесие. Помощь со стороны государства приводила к нарушению равновесия в естественно-природных и социально-экономических процессах. Мир это понял. Кочевникам теперь стараются не помогать, потому что это чревато разрушением среды обитания.

Казахи утратилиnomadnyj образ жизни в результате силового перевода их на оседлость в советское время. Это обернулось голодом, колоссальными потерями, гибелью пятидесяти процентов населения. Казахи резко были переброшены из одного состояния в другое. Конечно, многие еще проживают в сельской местности, но уже в 1989 году мы перешагнули этот рубеж – более половины казахов живут сейчас в городах

Что в культуре современных казахов осталось от предков-кочевников?

Сохранились некие реминисценции, воспоминания о прошлом, тенденция виртуального возврата к прошлому. Но самое главное – сохранилась традиционная культура. Вроде бы произошло оседание, но в ментальности сохранились переживания традиций кочевого образа жизни.

В истории и культуре казахов-кочевников неизвестного больше, чем известного. Значит, велика вероятность мифологизации?

Мифологизация – естественный процесс. С одной стороны, это преодоление закрытости и элитарности научного знания. Это механизм преодоления советских штампов и стереотипов. Не нужно бояться мифологизации. Чем ее больше, тем больше усталость от нее и потребность в истинном знании. После мифологизации всегда приходит разочарование. Мифологизация – подготовительный этап, предшествующий научному исследованию, потому что она заостряет внимание общества на проблемах, привлекает внимание к истории, актуализирует историю. Мифологизация – детство нашего общественного сознания. Самое главное – чтобы научное сообщество развивало полновесное историческое знание.

Значит, при изучении казахского кочевничества нас ждут и открытия, и ошибки.

Конечно. Во многих арабских странах существует такая традиция: потомки бывших nomadov считают своим долгом хотя бы раз в год посетить места кочевок своих предков, их захоронения. Мы покинули свои кочевья, многие не помнят их, не знают, где расположены могилы предков. Но нам необходимо вернуться к своим истокам. Если мы вернемся к ним, если государство будет пропагандировать идеологию высокого престижа своей истории и культуры, то мы стимулируем интерес населения к истории, следствием этого станет развитие внутреннего туризма.

Посмотрите, с каким высочайшим духом романтизма во Франции, Европе, во всем мире показывают, например, кочевников Сахары. У нас есть своя история, свои, не менее героические персонажи, которых мы должны открыть прежде всего для самих себя, а потом для всего мира. Дух романтизма, престижа своего прошлого, возврат к своим истокам через историю, а потом внутренний туризм – вот главные составляющие нашей нации, нашего патриотизма, нашей любви к своей родине. И кочевничество здесь может сыграть огромную, гигантскую роль.

Газета «Central Asia Monitor»,
05 февраля 2006 г.

Интервью брала В. Лим.
«Концепция современной государственной
власти – наследие кочевников»

©200

«Кочевники – это национальный бренд нашей страны! Они – единственное, чем мы можем по-настоящему гордиться», – так часто в своих выступлениях говорил Нурбулат Масанов. Он был единственным в Казахстане дипломированным доктором наук по исследованию кочевников. Поэтому когда ему предложили возглавить Казахский научно-исследовательский институт по проблемам культурного наследияnomадов, он был безмерно счастлив. Нурбулат Эдигеевич хотел, чтобы будущие поколения гордились своими корнями, своим происхождением, своей землей...

Проблема кочевничества была заложницей общеисторических проблем. Собственно, свое кочевое прошлое мы совсем не изучали. Поэтому нам нужно восстанавливать нашу реальную историю, где кочевникам принадлежит 90-95%.

К сожалению, нигде не говорится о влиянии кочевников на оседло-земледельческие народы. Если даже заводят об этом речь, то, в основном, это штампы – «монголо-татарское иго разрушило» и т.д. Это чепуха! Оно ничего абсолютно не разрушало. Это стереотипы, идеология, политика. Вся эта концепция монголо-татарского ига не стоит и выеденного яйца. Потому что кочевники оказывали гигантское плодотворное влияние на развитие оседло-земледельческих цивилизаций. Кочевники склеивали разрозненные, локальные земледельческие миры в единое планетарное пространство. Фактически, кочевники обеспечили доколумбовую глобализацию мира. Это во-первых. Второе: кочевники контролировали всю мировую торговлю, которая проходила внутри этого континента... Однако самый главный вклад кочевников состоит в том, что они ретранслировали культурные новации. Об этом опять же нигде не говорится.

Есть еще один важный принципиальный момент. Кочевники создали новую концепцию государства. Что такое оседло-земледельческие государства? Это были маленькие, локальные государства феодального типа. Именно кочевники привнесли им идею государства-империи: связали эти локальные государства в единые, мир стал взаимосвязанным. Кочевники были частью этого мира. Поэтому нам нужно изучать всемирную историю совершенно по-новому как единое пространство, а не выстраивать антагонизмы, противоречия и прочее.

Что такое хан в кочевом обществе? Это модератор политического процесса... Законодательная власть казахстанским ханам никогда не принадлежала, а исполнительной у них в принципе не могло быть... Хан не мог указывать кочевникам, куда им кочевать. Жизнь кочевников была подчинена экологическим детерминантам – наличию воды, пастбищ, травы и т.д. Даже такие известные ханы, как Абулхаир и Абылай, не могли оказывать сильного влияния

на кочевников. Об этом четко сказано в самих письмах Абылай хана...

Учебники – это сборище неких стереотипов, идеальных представлений об истории. Часто эти представления бывают политически ангажированы. Поэтому хотелось бы, чтобы учебники были историчны, компетентны, достоверны. Но дело даже не в этом. Самое главное в другом: мы должны выверять идеологическую позицию. Если мы выстроим приоритет личности, приоритет семьи, науки, культуры, образования и частной собственности, только в этом случае будет нормальное управление. Поэтому история в этом не помеха, наоборот, хорошее подспорье.

Мы должны вначале создать нашу казахстанскую идентичность. Общность нашего сознания, ценностей и понимания. Самым главным для государства должна быть следующая позиция: можете быть кем угодно – казахом, евреем, русским и т.д., для нас имеет значение – гражданин вы или не гражданин нашей страны.

Что мы можем включить в систему наших ценностей? Стереотипы? Штампы? Мифы? Извините, но они не могут быть включены, поскольку любой грамотный человек рано или поздно начнет их опровергать. Поэтому когда казахи начинают упрекать меня за какие-то модернизационные идеи, я им всегда говорю: дорогие, вы не знаете свою историю, но это не страшно, самое главное – вы не хотите ее знать. Нельзя мифологизировать и приукрашивать, это не имеет отношения к науке и к реальным событиям в стране...

Телепередача «Центр внимания»,
31 канал, 12 октября 2006 г.
Ведущий А. Байтасов.
Последняя телесъемка

Футурологические размышления историка

Давайте представим себе 2010 год в одной суверенной стране. Заседание Ученого совета старцев истории. Повестка дня – обсуждение концепции истории государства (1991-2010).

Докладчик – профессор Ахалай Махаляй бодро расскажет собравшимся о том, что красной нитью нашей «Истории» должна стать мысль о великой победе народа и вождей в достижении полной и окончательной независимости от северного соседа.

Да, пришлось принести в жертву науку, культуру, образование, спорт, но зато как зазвучала наша республика! За последнее время наши вожди трижды выступали перед мировой общественностью с трибуны ООН, и теперь каждый австралийский абориген, а тем паче эскимос или чукча слышал, что есть такая Страна.

Да, наши аулы исчезли с лица земли, но ведь гораздо важнее, что некоторые наши женщины уже могут одеваться от Карла Лагерфельда-младшего. Когда это было, чтобы женщина Востока могла свободно поехать в Париж и свободно купить все, что ей понравится? Вот вам подлинная демократия и настоящее равноправие, о чем не могли даже мечтать женщины нашей страны под советским сапогом.

Да, все инородцы уехали из страны, но зато лишних ртов стало гораздо меньше.

Да, иностранцы выкачивали наше сырье, демонтировали свое оборудование и тоже уехали, но теперь ничто не помешает нам вернуться к своим истокам и заняться кочевым скотоводством, возродить наш язык и нашу национальную культуру.

Да, долги прежних правителей многократно превзошли стоимость всей территории страны со всем ее содержимым, но вы не сможете отрицать того, что это позволило возник-

нуть новому уникальному явлению – нашей мощной диаспоре в солнечной Калифорнии и на прекрасных пляжах Флориды, куда раньше не ступала нога нашего человека. Мы должны гордиться тем, что потомки бывших кочевников швыряют миллионы на Бродвее и М-стрит.

Да, наши люди забыли о том, что такое «лампочка Ильича», но вы не посмеете отрицать вредного воздействия ленинских идей. А то, что исчезли телевидение, радио и газеты, так это только на пользу подрастающему поколению. Оно будет раз и навсегда избавлено от тлетворного влияния буржуазной культуры.

Да, средняя продолжительность жизни нашего населения сократилась вдвое и вышла на уровень 1725 года, а естественный прирост населения вовсе иссяк, но вы не станете отрицать того, что теперь демографическая ситуация у нас идеальная: нагрузка на территорию сократилась, восстанавливаются привольные степи и плотность населения не превышает одного человека на квадратный километр...

Да, многие посевые площади заросли диким травостоем, а малые и средние города заброшены, но вы не вправе отрицать того, что прекратилась эрозия земельных угодий, теперь земля лежит под «паром» и будет ждать, когда сюда приедут наши восточные соседи и освоят ее.

А потом вдруг раздается шум и в зал заседаний вбежит взъерошенный человек. Он закричит: «Расходитесь, моджахеды на подступах к городу! Все равно всю историю переписывать придется!»

Газета «Караван»,
06 сентября 1996 г.

... СТРАСТНЫЙ БОЛЕЛЬЩИК, ПРЕКРАСНЫЙ ЗНАТОК

В 1961 году мой отец – страстный и фанатичный поклонник футбола – впервые повел меня на футбольный матч «Кайрат» – «Динамо» (Киев), в котором алма-атинцы были разгромлены приезжими гастролерами со счетом 3:0. Меня просто потряс вид гигантской чаши, заполненной до отказа десятками тысяч зрителей. Такого количества людей, живущих одним порывом, единством мысли, каждой клеточкой своего тела сопереживающих и синхронно откликающихся на любой удачно проведенный финг, прием, удар, а тем более гол, я никогда не видел даже во время гигантских коммунистических манифестаций на 7 ноября и 1 мая. С того самого дня я безумно «заболел» футболом. Ходить на футбол с тех пор стало для меня обычным делом. Тем более, что футболом «болела» вся наша семья – мой отец, дяди, да и все мужчины в ближайшем окружении, практически все одноклассники, а в последующем и многие сокурсники.

Это был целый ритуал – на каждый матч собирались за 2-3 дня, покупали билеты, обсуждали составы команд, тактику, тренеров, погоду («в дождь наши обязательно выиграют!»), форму команды, личную жизнь всех игроков любимого «Кайрата» – благо, многие футболисты жили в центре города и были на виду. Мы с отцом даже сочиняли стихи о любимой команде. Весь город жил футболом, поскольку это было единственное официально разрешенное зрели-

ще. Когда забивался гол, то восторженный рёв болельщиков был слышен на Комсомольской, Коммунистическом и даже Гоголя! История «Кайрата» – это, без преувеличения, история самого счастливого периода в жизни Алма-Аты!

За два часа до начала футбола мощный поток болельщиков перекрывал все центральные улицы – люди шли пешком, ехали на подножках редких трамваев и автобусов; движение другого транспорта было полностью парализовано. Каждый уважающий себя мужчина-алма-атинец должен был отметить на матче! Уже с Космонавтов и Абая начались бесконечные вопросы: «Нет ли лишнего билетика?», и, если был, то на обладателя такового набрасывалась целая толпа желающих приобрести его. После матча гигантский рой болельщиков молча и горестно, – если «Кайрат» проиграл, и радостно гудя, если выиграл, расходился по домам, направочь перекрывая Абая, Сатпаева, Космонавтов, Мечникова, Сейфуллина и, достигая Комсомольской, и особенно Гоголя, постепенно рассасывался.

Всех игроков знали в лицо, их обожали и боготворили. Более всего обсуждались самые любимые – всеобщий кумир и идол всех алма-атинцев, вратарь Владимир Лисицин, по прозвищу «Лиса», наверное, самый эффектный, прыгучий и изящный вратарь бывшего Союза. И это в то время, когда «стояли» такие «зубры», как Яшин, Маслаченко, Котрикадзе, Уграицкий, Беляев, Разинский, Урушадзе, Банников, Пшеничников, Баужа и др. Мы, мальчишки, и не только мы, но и самые солидные взрослые взахлеб обсуждали любимого «Лису», бесконечно повторяя его подвиги, его способность с места перепрыгнуть стоящего в полный рост игрока, его фантастически красивые броски. По изяществу вратарского искусства с Лисициным, на моей памяти, мог сравниться, пожалуй, только другой любимец публики – Анзор Кавазашвили из московского «Торпедо», а из зарубежных голкиперов – великий Ладислав Мазуркевич – один

из лучших вратарей в истории мирового футбола, да небезызвестный колумбиец Рене Игита.

И не случайно, что «Лиса» был назван четвертым вратарем Союза в заявке 40 игроков на чемпионат мира 1962 года. Это было признание нашего «Кайрата»!

Но самым любимым игроком «Кайрата» 60-х годов, бесспорно, были Вадим Степанов, которого болельщики уважительно называли Степа, или просто Вадик. Это был, без сомнения, Бог нашего города. Высокий, мощный, немного медлительный, с походкой вразвалочку (которой подражали все мальчишки города), уверенный в себе, сильный Степа олицетворял все самое мужское, мужественное, агрессивное, всё лучшее, что мог олицетворять Мужчина. На него можно было положиться. Он был столпом обороны, лидером и самой большой надеждой всей команды. Когда нужен был гол, то все трибуны дружно скандировали: «Степа, Степа, Стёпа...», и он шел вперед и забивал. Особенно мастерски он исполнял штрафные, а пенальти просто бил на силу, и мы были уверены, что если Стёпа попадет во вратаря, то любой кипер просто бабочкой влетит в сетку вместе с мячом. Будучи центральным защитником, либеро Степанов забивал не меньше голов, чем нападающие. Он играл так, как потом станут играть Мур, Беккенбауэр, Крол, Барези и другие мировые звезды. Ни для кого не было загадкой, почему Вадика не брали в сборную Союза – во всяком случае, футбол тут был ни при чём.

В то время «Кайрат» одним из первых стал исповедовать так называемый «бетон», каттенацио – сверхзащитную тактику игры, право которой на жизнь в то время отстаивали практически все испанские и итальянские клубы, а ныне, безуспешно, знаменитый «Милан» после ухода «летучих голландцев». И даже в хоккее эта тактика приносит результат – вспоминается прошлогодняя победа «Нью-Джерси Дэвилз». Так вот именно Стёпа олицетворял этот самый

«бетон», который исповедовал тогдашний тренер «Кайрата» Николай Глебов.

Вообще, легендарный состав «Кайрата» первой половины 60-х годов до сих пор стоит перед глазами: в воротах – Лисицин, в защите справа – Стулов, слева – Каминский, в центре – Степанов и Федотов, в полузащите справа – Острогец, слева и в центре – Скулкин и Анатолий Ченцов, в атаке справа – Квочкин, слева – Мальцев, в центре – Свешников, а также многие другие игроки – Черемушкин, младший Ченцов, Роберт Анторян, Тимур Сегизбаев, позднее Омаров, Абаев и др.

Это было благословенное «хрущевское» время оптимизма и радужных перспектив, больших надежд и мечтаний. И символом этих иллюзий, их необходимым атрибутом был любимый «Кайрат». И пусть команда ходила в аутсайдерах, вылетала из высшей лиги, проигрывала чаще, чем выигрывала, но все равно мы любили эту команду, «Кайрат» бескорыстно удовлетворял нас полностью! Мы любили его только за то, что он был! Даже кайратовский дубль собирали тысячи болельщиков.

Бесконечно мы твердили, что Горбыль – прозвище главного бомбардира Сергея Квочкина он один способен обыграть любую команду. И когда его привлекали во вторую сборную Союза (или сборную клубов), то мы восторженно восклицали и превозносili его до небес. Именно Квочкин, если мне не изменяет память, в 1964 году забил гол знаменитому «Сантосу» – лучшей команде мира, в которой играли гениальные виртуозы мяча – Пеле, Сантос, Пепе, Менгальвио, Кутиньо, Дорвал!

Любили Олега Мальцева – самого быстрого левого крайнего в Союзе, пробегавшего стометровку за 11,0 секунд. Восхищались кайратовскими «технарями» и плеймейкерами – Анатолием Чензовым и Владимиром Скулкиным. Боготворили Тимура Сегизбаева за его дальние и мощные удары,

когда он нередко забивал голы с 30-40 метров. Восторгались самоотверженностью Федотова и Каминского, таранными проходами Германа Свешникова.

Обычно болельщики по пятницам стояли часами в очередях за крайне дефицитной тогда газетой «Футбол» (хотя газета выходила по вторникам, но в Алма-Ату приходила с трехдневным опозданием) и бесконечно обсуждали все перипетии любимой игры. Споры были жарче, чем в годы перестройки по поводу Горбачева – Ельцина. Но по мере того, как хирела страна, особенно в брежневский период «застоя», падал интерес и к футболу. Вершиной достижений советского футбола были 1960 год, когда ведомые Яшином, Ивановым, Нетто, Месхи, Понедельником «сборники» выиграли первый Кубок Европы, и 1966 год, когда Союз с Яшиным, Ворониным, Численко, Хурцилавой, Шестерневым, Банишевским, Поркуяном впервые вышел в полуфинал Кубка мира. Потом наступил длительный кризис, пиком которого стал проигрыш двух отборочных циклов (1974 и 1978 гг.) и отказ от игр со сборной Чили.

Вторая половина 60-х, особенно после вылета «Кайрата» из высшей лиги, немного поубавила пыл болельщиков, но все равно мы обожали нашу команду. После ухода Лисицына в московский «Спартак» место вратаря не без успеха занимали Косенков и Бубенец, позднее – Ордабаев, но их никогда не любили так, как Лису. В защите играли Нечистик, Асылбаев, Дышленко, позднее, в 70-х – Кисляков, Байшаков, но никого из них не боготворили так, как Степу. В полузащите играли Фалин, Евлентьев, Семин, Долматов, позднее – Хисамутдинов, Маркин, Гладилин, Бердыев, Масудов и др., но только Сергей Рожков смог стать новым Богом. Болельщики уважительно называли его Серегой, и он по праву может быть назван в тройке самых популярных игроков «Кайрата» за всю его историю после Степы и Лисы! В атаке были очень популярны Абгольц, Ионкин, Гороховодацкий, Евдокимов,

позднее Чеботарев, Стукашов, Мазмандян, Штромбергер, Пехлеваниди и др. Но в первой сборной Союза более или менее стабильно до своего ухода в московское «Динамо» играл только один кайратовец – Олег Долматов. Самыми же любимыми моими футболистами, бесспорно, были легендарный торпедовец Э. Стрельцов и самый техничный футболист бывшего Союза А. Бышовец, позднее – Д. Кипиани, В. Мунтян, О. Блохин. Если в Алма-Ату приезжал кто-то из грандов – «динамовцы» Киева, Москвы и Тбилиси, ЦСКА, «Спартак», «Торпедо», то на трибунах яблоку негде было упасть. Каждый такой матч превращался в событие! Особенно принципиальными были игры с ташкентским «Пахтакором», которые превращались в настоящую битву. Мы были готовы громогласно восхищаться любым финтом, удачным действием кайратовцев в этих играх. Но уважали и противников. Вспоминаю, что выход Берадора Абдураимова всегда сопровождался шквалом аплодисментов. Чаще наши проигрывали грандам. Но каждый забитый гол вызывал такую бурю восторга, с которым ничто не могло сравниться. Изредка к нам приезжали иностранные клубы – «Блэк Старс» из Ганы, «Пирасиба» из Бразилии, «Одра» (Ополе) из Польши, «Татран» (Прешов) из Чехословакии и др. – такие же заштатные, провинциальные, как и наш «Кайрат». Но победы «Кайрата» в этих встречах воспринимались нами, болельщиками, как эпохальные. Особый наш восторг вызывала победа «Кайрата» в Кубке железнодорожников.

Для нас, мальчишек, футбол был способом самоутверждения – того, кто мог и умел играть, превозносили. Всюду кипели футбольные страсти – двор на двор, улица на улицу, школа на школу! Всеобщей известностью пользовались ФШМ и её тренер Лях, одна из дворовых алма-атинских команд, удачно сыгравшая в розыгрыше «Кожаного мяча». Всеобщей мечтой было желание попасть в ФШМ или в одну из групп подготовки футболистов «Кайрата».

В районе, прилегавшем к Центральному стадиону, все знали Галима, технаря, умницу, обращавшегося с мячом лучше любого кайратовца, который для нас, мальчишкой 60-х, был своим Пеле. Я до сих пор помню, как он жонглировал мячом, непрерывно подкидывая его обеими ногами, коленями, плечами, головой, ловил мяч на грудь или шею, затем скидывал его на ногу и снова жонглировал до бесконечности. Как он отрабатывал флинт Гарринчи, прокидывая мяч внешней стороной стопы вправо от себя или между ног на противоходе! А как он играл в хоккей с шайбой!

Другой нашей страстью был хоккей с мячом – мы обожали наше «Динамо», его тренера Э.Ф. Айриха, всех игроков – Варзина, Ионкина, Чехлыстова, Апельганца, Третьякова, Бочкова, Байбулова, Хандаева, Агуреева и др. В дикий холод и снег мы подтягивались к стадиону «Динамо» и постепенно облепляли все заборы вокруг, не говоря уже о трибунах. Вообще, в разное время была мода на те или иные виды спорта. В годы успеха мы дружно «болели» за волейбольный «Буревестник». Всеобщими любимцами были Кравченко, Антропов, Шапран, Портнов, Джаркешев и др. Любили эпизодически и баскетбол, хоккей с шайбой, ватерпол, хоккей на траве, женские команды «Университет» и АДК. Но футбол и хоккей с мячом не подлежали переоценке – это была постоянная величина.

Играть в футбол весной, летом и осенью, а зимой в хоккей было просто обязательно, если ты хотел самоутвердиться. В противном случае шансов на выживание в суровом мире мальчишкой того времени было не так уж и много. Я тоже пытался, но был малоподвижен, плохо координирован, не обладал стартовой скоростью, боялся играть головой, хотя мог сильно ударить или отдать пас. Но играл целыми днями. Все площадочки, хоть сколько-нибудь пригодные для игры в футбол, были облеплены мальчишками, которые были готовы день и ночь «стучать» мячом, отраба-

тывая различные приёмы, пасы, удары. Мы были готовы часами стоять в очереди, ожидая своего выхода на «поляну». Центрами футбольной жизни были Зоовет и СХИ.

С конца 60-х огромной популярностью стали пользоваться шахматы – все делились: кто болел за Спасского, кто – за Петросяна, кто – за Таля, кто – за Корчного, кто – за Фишера. Мы часами анализировали шахматные партии титанов и дружно болели за Фишера в его победном цикле, переживая все нюансы его блестательных побед над Таймановым, Петросяном, Спасским. Помнится, тогда я играл с одним кандидатом в мастера или даже мастером, на спор, что выиграю у него хотя бы одну партию из пяти, и выиграл.

Конечно, не только футболом, хоккеем и шахматами были заняты наши головы. Мы были фанатами музыки, которая сейчас свободно льётся с экранов ТВ, но тогда она была под запретом. Мы были «битломанами», мы любили «Роллинг Стоунс», «Энimalс», «Манкиз», «Бич Бойз», «Отшельников Германа», «Флитвуд Мэй», Элвиса Пресли и др. Собирали фонотеку, спорили, кто лучше – Леннон или Маккартни, Мик Джаггер или Ринго. Играли на гитарах в каждом дворе, боготворили Высоцкого. Но более всего, читали... читали всё подряд, обменивались книгами.

Вообще мальчишки того времени были намного спортивнее, развитее и физически, и умственно, намного интеллектуальнее, чем нынешние, которых, похоже, никто, кроме Ван Дамма или Рэмбо, не интересует. Как-то незаметно, исподволь на смену интеллектуальным, командным игровым видам спорта, развивавшим мышление и «чувство локтя» – футболу, хоккею, баскетболу, волейболу, гандболу, тем более шахматам, где нет-нет да и приходится думать, пришли каратэ, кикбоксинг, борьба, бодибилдинг и т.п., дебильные виды, где мозговые усилия ценятся меньше всего. В результате нынешняя молодежь почти ничего не читает, ничего не знает, культ силы разрушает интеллект. А знания, наука, об-

разование почти ничего не стоят в глазах доморощенных кашков. Спорт стал «кузницей» рэкета! Необходимо положить конец этой тупости, серости, всеобщему обольваниванию!

Я до сих пор с самым теплым чувством вспоминаю тот эмоциональный подъём, который испытывали многие из нас после футбольных матчей. Со временем мы стали больше «болеть» не за «Кайрат» или сборную Союза, а просто за футбол! Благодаря футболу мы стали смотреть на многие вещи гораздо шире, особенно после того, как, начиная с середины 60-х годов, по ТВ стали более или менее регулярно показывать матчи мирового футбола. Наш патриотизм улетучивался после фантастической игры бразильцев, англичан, немцев, итальянцев. Мы боготворили Пеле, Бобби Чарльтона, Гарринчу, Эйсебио, Зеелера, Риверу, Маццолу, Джайча, Беста, Тостао, Ривелино, Герсона, позднее Нетцера, Оверата, Круиффа, Мюллера, Беккенбауэра, Грабовски, Кемпеса, Сократеса, Зико и других гениев футбола.

Не только бесконечные трансляции с партийных съездов и открытая демонстрация маразма высших руководителей страны подрывали нашу веру в коммунизм. Но до сих пор не могу забыть, когда финальный матч Чемпионата Европы 1972 года, в котором встречались сборные ФРГ – СССР, был прерван очередной дебильной речью Л.И. Брежнева и которая окончательно похоронила все мои по-юношески наивные коммунистические идеалы и иллюзии.

Вообще футбол в советское время был каким-то «незаконнорожденным ребенком» Коммунистической партии, а отсюда и отношение к нему было достаточно дистанцированное. Партийцы, как правило, в большинстве случаев выходцы из деревенской глупши, не знали, не понимали и не любили футбол, в отличие от самих горожан, для которых этот вид спорта был «своим» любимым дитей». Там же, где начальство поддерживало футбол, он расцветал пышным цветом. Достаточно вспомнить трепетную

любовь к футболу Берии, плодом которой стали успехи московского и тбилисского «Динамо», Сталина-младшего – ВВС, Щербицкого – киевское «Динамо» и др. Для развития футбола не надо было много. Сейчас поддержка осетинским президентом Галазовым «Спартака-Алании» вывела этот никому не известный клуб на орбиту европейского футбола. Практически в мире нет государственных деятелей (во всяком случае, в демократических странах), которые могли бы позволить себе пренебрегать Его Величеством Футболом. А некоторые политики на любви народа к футболу строят даже свою карьеру. Вспомните головокружительное восхождение к власти в свое время К. Менема, а позднее – С. Берлускони и др.

Уверен, что именно игровой спорт должен стать первым «кирпичиком» в процессе оздоровления и возрождения страны, поэтому необходимо срочно разработать и внедрить в жизнь государственную программу поддержки игровых видов спорта в школах и вузах страны. Именно с них начинается интеллектуальное развитие нации. Возьмите американцев – мировых лидеров в сфере научно-технического прогресса: каждая школа, каждый колледж, каждый университет имеет футбольную или баскетбольную, бейсбольную или хоккейную команды. Игроками гордится вся школа, их знают и почитают все! Тем более, что для развития игровых видов не требуется много денег – достаточно одного футбольного мяча! Каждая школа может позволить себе купить мяч и играть. Стоимость занятий неигровыми видами спорта в десятки раз выше, нежели игровыми.

Не побоюсь закончить словами о том, что оздоровление нации как физическое, так и духовное, начинается с футбола, с нашего к нему отношения! Будет процветать футбол – состоится и государство, и рынок; не будет футбола – тогда можно смело «поставить крест» на этой стране. Именно футбол является наилучшим показателем степени разви-

тия любой страны. Футбольные державы, такие как Англия, Германия, Италия Франция, Испания, Голландия, Бразилия, Аргентина процветают экономически и духовно. Не случайно США и Япония также всерьез взялись за развитие этого вида спорта. Негоже и нам терять даже те скромные позиции, которые были наработаны за предшествующую треть столетия.

Газета «Доживем до понедельника»,

16 февраля 1996 г.

«Моя любовь – футбол»

ОЗВОЧИВАНИЕ

Франция – чемпион мира по футболу! Мир получил нового и блестящего чемпиона. Может быть, одного из лучших чемпионов за последние полсотни лет. Накануне мирового первенства все эксперты подчеркивали неубедительный характер чемпионства последних лет. По общему мнению, эпоха романтического и красивого футбола закончилась в 1982 г., когда потерпели фiasco великолепно игравшие в футбол с большой буквы французы и бразильцы. Тогда, в 1986 г., после поражения все тех же французов и бразильцев и побед весьма посредственных немцев и аргентинцев мировой футбол вступил в стадию глубокого кризиса.

Поэтому изголодавшиеся по красивому футболу болельщики не восторгались ни чемпионством оборонительной тактики команды Италии в 1982 г. (отрядившей в защиту 7 игроков и выигравшей, в основном, благодаря железной воле, самоотверженности и самоотдаче Росси, Грациани, Тарделли, Кабрини и Конти, а также грубой игре Джентиле, Ширеа, Колловати и Бергоми, последовательно ломавших своих противников), ни чемпионством посредствен-

ной сборной Аргентины в 1986 г. (державшей в обороне 6-7 защитников и выигравшей лишь благодаря исключительно классу Диего Марадоны на фоне энергичных, но малопродуктивных действий весьма средненьких «бегунков» типа Буррчаги, Энрике, Джусти), ни чемпионством ФРГ в 1990 г. (игравшей в 6 защитников и выигравшей лишь благодаря пенальти в четвертьфинале с Чехословакией, удачливости в серии пенальти в полуфинале с Англией и сомнительному пенальти в финале с Аргентиной), ни по большому счету чемпионством Бразилии в 1994 г. (также державшей в обороне 6 защитников и натужно преодолевавшей всех оппонентов с разницей в один мяч – США в 1/8, Голландию в четвертьфинале, Швецию в полуфинале и Италию лишь в серии пенальти).

На этом историческом фоне всем хотелось лишь одного – поскорее забыть, как страшный сон, этот скучный футбол с тем, чтобы наконец-то в конце XX века в полной мере восторжествовал красивый, умный, техничный, атакующий, быстрый и, главное, справедливый Футбол – тот настоящий футбол, в который когда-то играли Пеле, Эйсебио, Р. Чарльтон, Тостао, Герсон, Оверат, Нетцер, Мюллер, Круифф, Кемпес, Сократес, Фалькао, Платини, Гуллит, Ван Бастен и др.

Эталону такого футбола из нынешних сборных, как казалось всем накануне чемпионата, и особенно в ходе него, в наибольшей степени соответствовали бразильцы, игравшие в чистый и искренний футбол и имевшие в своем составе наибольшее число звезд.

Поэтому накануне Кубка мира прогнозы аналитиков и экспертов не отличались большим разнообразием – почти все отдавали заранее преимущество бразильцам. С большими оговорками среди фаворитов числили немцев, итальянцев, французов, аргентинцев, голландцев и англичан.

Первые же матчи показали, что все команды хорошо подготовлены тактически и физически. Но ни одна из них не провела предварительные игры ровно и одинаково сильно.

В 1/8 финала бразильцы легко разобрались с чилийцами. У бразильцев блеснули, наконец-то, Рональдо, а также «рабочая лошадка» Сезар Сампайо, забившие по два гола. Итальянцы вырвали победу у Норвегии благодаря прорыву Вьери. Немцы вымучили победу у мексиканцев благодаря Клинсманну и Бирхоффу. Французам же для того, чтобы забить Чилаверту, понадобилось дополнительное время. Зато Дания очень убедительно разгромила нигерийцев. Блеснули братья Лаудрупы. Хорваты и голландцы на зубах вырвали победу у Румынии и Югославии. Шулер забил после сомнительного пенальти.

Скандалом обернулась также носившая политический оттенок игра Англия – Аргентина, которую испортил отвратительным судейством датский рефери Ким Нильсен. Выдуманные пенальти, необоснованные карточки, открытый просмотр грубости и симуляции и удаление Бекхэма. Судья был, очевидно, необъективен в пользу аргентинцев и сделал все, чтобы сломать игру и выбить англичан из розыгрыша Кубка мира. Необходимо признать, что и тренер англичан Г. Ходдл сделал немало, чтобы вывести свою сборную на ранней стадии первенства.

Будучи как игрок довольно умным и техничным плеймейкером, Г. Ходдл, ко всеобщему удивлению, став тренером сборной, сделал ставку на самоотверженных, но абсолютно безликих «бегунков» типа Инса, Ле Со, Кэмпбелла, Бетти, Скоулза, Андертона, на острие атаки поставил давным-давно ничего не забивавшего Ширера (всего 2 гола за прошедший сезон в чудом удержавшемся в высшем дивизионе «Ньюкасле»), а в матче с аргентинцами выпустил на поле Мерсона, который с трудом передвигался, постоянно терял мяч и открыл левый фланг англичан для проникающих атак латиноамери-

канцев. Ходил убрал из сборной всех технарей, «умников» и «забивал», в частности, Райта, Коула, Макманамана, Гаскэна, с трудом «нашел» место в сборной плеймейкеру Бекхэмю, отстранил «умника» Шерингема, а в ворота поставил вялого Симэна, не способного руководить обороной. Единственным светлым пятном в океане «британской унылости» был блестательный суперталант Майкл Оуэн из Ливерпуля.

Из бывших жалко было только нигерийцев, которые после победы на Олимпиаде в 1996 г. высоко вознеслись в мировой табели о рангах. Тренерская чехарда перед Кубком мира, отказ от участия в Кубке Африки, болезнь Кану, военный переворот в стране не позволили этой команде сыграть в свою истинную силу. Здесь же, на Кубке мира, мы увидели гениальную игру одного Джей-Джея Окочи, талант Бабаяро и Олисе, тень великого Кану и слабое подобие Бабангиды, Икпебы, Тарибо Уэста, а точнее, мы так и не увидели нигерийских звезд.

Четвертьфинальные игры продемонстрировали всему миру судейские ошибки, повлиявшие на результат некоторых матчей. «Вирус Кима Нильсена» передался другим судьям. Немало усилий для того, чтобы испортить встречу Голландия – Аргентина, предпринял мексиканский судья Бризио Картер, свистевший весь матч только в пользу аргентинцев, которые симулировали всю игру.

Особенно старался Ортега – игрок умный, техничный и быстрый, но «падавший» весь матч так часто, как не падали все остальные участники Кубка мира вместе взятые. Закономерным итогом «аргентинского балета» стало удаление хитрована Ортеги, который упал в штрафной за полметра до столкновения с ногой голландского защитника. После этого Бризио Картер, весь матч закрывавший глаза на грубую игру аргентинцев, особенно Сенсими и Симеоне, был вынужден наказать Ортегу за явную симуляцию желтой карточкой. Раздосадованный этим Ортега ударил головой

голландского вратаря, за что и был удален с поля. Правда, перед этим судья сделал максимум возможного, чтобы сломать игру голландцам, необоснованно удалив Нумана. Но класс Бергкампа все же сказался, и голландцы вырвали победу у Аргентины, игравшей в 6 защитников.

Бразильцы не без труда прошли Данию. В этой игре блестали Бебето и Ривалдо – чрезвычайно умный, техничный, самоотверженный и работящий плеймейкер. Датчане играли хорошо, но бразильцы еще лучше. Даже египетский судья не смог испортить эту игру.

Хорватия «в пух и прах» разгромила «немецкую машину». Шукер был неподражаем. Кепке пропустил два вполне борущихся мяча после ударов Ярни и Влаовича и гол от Шукера между ног. Норвежский судья Руне Педерсен, удалив Вернса, сломал игру немцам и весь матч закрывал глаза на грубую игру хорватских защитников.

Вообще обращает на себя внимание подчеркнутая старательность судей в пользу хорватов во всех играх Кубка мира. С Румынией судьбу матча решил сомнительный пенальти в пользу хорватов, в игре с немцами – удаление Вернса. В игре с Францией уже испанский рефери Гарсия Аранда «судил» то ли в пользу хорватов, то ли в пользу бразильцев, необоснованно удалив Лорана Блана, и закрывал глаза на грубую игру хорватских защитников.

В игре за 3-е место с Голландией уже парагвайский судья Эпифанио Гонсалес Чавес открыто «судил» в пользу хорватов. Второй гол в ворота голландцев был забит с явным нарушением правил – Асанович, весь матч остававшийся безнаказанным за бесконечные удары и толчки, оттолкнул Давида рукой. При этом судья за аналогичные нарушения незамедлительно карал голландцев. Откровенная симуляция со стороны Шукера лишила меня уважения к этому талантливому футболисту и оставалась безнаказанной со стороны судьи.

Судейство шотландца Хью Далласа не смогло испортить напряженную игру французов с Италией. Даллас свистел весь матч только в пользу итальянцев. Итальянцы, игравшие в 6 защитников и лишь одного нападающего, ничем не запомнились и бесславно выбыли. Чезаре Мальдини всячески дискриминировал Р. Баджио. Тем не менее, Р. Баджио забил пару решающих голов и мог решить судьбу игры с Францией в пользу Италии.

Ошибкой Мальдини стала ставка на Дель Пьеро, который хорош в «Старой синьоре», но в сборной никак не может себя проявить. Это и понятно – ведь сборная, в отличие от «Ювентуса», играет в 6 защитников и не имеет приличного плеймейкера, тогда как в «Юве» Дель Пьеро обслуживают Зидан, Дешам, Индзаги, Давидс, Ди Ливио и лишь 4 защитника. В свою очередь, Р. Баджио привык сам создавать себе голевые моменты. Мальдини так и не смог поставить команде игру, наладить игровые связи. Поэтому ее провал закономерен.

В первом полуфинале встречались бразильцы с Голландией. Игра сложилась трудно для них, голландцы больше атаковали и контролировали мяч, сделав ставку на фланговые прорывы и потрясающую игру Клюйверта в атаке. Бразильцы построили игру на контратаках. При этой модели игры на второй план отошли Бебето и Ривалдо, чувствующие себя как рыба в воде в быстрой, открытой, наступательной игре, зато, наконец-то, проявил себя Рональдо, привыкший к такой модели игры в итальянском «Интере». Видимо, поэтому «Барселона» не стала держаться за Рональдо и предпочла ему Ривалдо и Джованни. Бразильцы вырвали победу в серии пенальти, в которой блеснул весьма посредственный кипер Таффарел.

Что касается Голландии, то ошибки Гуса Хиддинка при комплектовании команды и его неспособность наладить игровые связи и поставить команде игру привели к пора-

жению. Ставка в обороне на медлительного Стама и неважного «отнимальщика» Франка де Бура привели к тому, что штрафная площадка голландцев больше напоминала проходной двор, нежели оборонительный редут, что и подтвердил матч с Хорватией за 3-е место. Большой выбор хороших крайних защитников (Райцигера, Нумана, Богарде, Коку) и активность трудяги Йонка, Рональда де Бура, талантливого Зендена, заводного Давидса и старательного Винтера не давали проявиться слабости голландских стопперов. Особенно разочаровал малокоординированный вратарь Ван дер Сар, хотя в запасе остался более классный Рууд Хесп из «Барселоны».

В полузащите у голландцев не нашлось ни одного плеймейкера, и поэтому Бергкампу приходилось отходить далеко назад в поисках мяча. Прорывы по краям и навесы на ворота выявили класс Клюйверта. Хиддинк почти весь турнир продержал в запасе единственного своего диспетчера, умного и быстрого Зеедорфа, отдавая предпочтение менее классному Рональду де Буру. И если вспомнить его скору с Давидсом, прохладное отношение к Райцигеру и Богарде, то можно уверенно говорить о его недоверии к черным игрокам голландской сборной. Думается, что с Хиддинком Голландия добилась вершины, но без него могла пройти дальше.

Во втором полуфинале хозяева встречались с Хорватией. Французы весь матч атаковали, больше контролировали мяч, тогда как хорваты отбивались и быстро контратаковали. Как всегда, великолепен был Шукер. Как всегда, старался Станич. Заметно улучшил игру, хотя и с большим опозданием, выпущенный на поле Просинечки. Как всегда, шесть хорватских защитников и Асанович беспрестанно фолили. Как всегда, судьи были к ним благосклонны. Как всегда, французы мучились в атаке. Как всегда, блестал индивидуальным мастерством Зидан. Как всегда, был хоро-

Дессайи. Как всегда, много и быстро передвигался Лизаразю. Как всегда, вяло и бесцветно играл Джоркаефф. Как всегда, много боролся и отдавался игре Пети. У французов разочаровали неплохо смотревшийся в «Реале» Карамбе, абсолютно безвольно игравший Гиварш и вялый Трезеге.

Только один человек в сборной Франции играл блестательно, на самом высшем уровне. Это – Лилиан Тюрам. Именно этот защитник итальянской «Пармы», одинаково умелый как в обороне, так и в атаке, продемонстрировал на этом Кубке мира высочайший класс и в одиночку решил судьбу полуфинального матча. Тюрам продемонстрировал, пожалуй, лучшую игру среди правых крайних защитников на чемпионатах мира.

Так что в итоге мы получили, пожалуй, наилучший финал по составу после потрясающих финалов Англия – ФРГ в 1966 г. и Голландия – ФРГ в 1974 г. В финале 1970 г. мы имели блестательных бразильцев, в финале 1978 г. – неудержимых аргентинцев, в финалы 1982 и 1986 гг. лучшие не попали, в финале 1990 г. играли блеклые немцы и аргентинцы, финал 1994 г. был неплохим, но не блестящим.

Так что кризис прошел, и мы снова близки к идеалу? Не знаю, но факт – нынешний финал по составу был самым лучшим из всех возможных. Обе команды проповедовали красивый и атакующий футбол. В обеих командах полно звезд – Зидан, Тюрам, Дессайи, Лизаразю, Пети, Джоркаефф, Анри, Дешам у французов и Рональдо, Ривалдо, Бебето, Роберто Карлос, Кафу, Леонардо, Денилсон – у бразильцев.

Но проблема в том, что не на всех позициях они имеют равнозначно классных мастеров. Стопперы – вот самое слабое место бразильцев. Ни Жуниор Байано, ни Алдаир не дотягивают даже до среднего уровня.

У французов, наоборот, эта позиция самая прочная – Дессайи, Блан и Лебеф. При этом Зидан, Дешам и Джор-

каефф, как мозговой трест, заметно превосходят Ривалдо, Леонардо и Дунгу. Зато в атаке у бразильцев – Рональдо и Бебето, а у французов? На краях в защите примерно равнозначные Роберто Карлос и Кафу против Тюрама и Лизаразю. Для развития мирового футбола, полагали эксперты, победа бразильцев была бы более желательной.

Однако фантастический финал Кубка мира-98 перечеркнул все эти суждения. С первых же минут матча французы подавили и просто смяли бразильцев и, прежде всего, в середине поля. Филигранное мастерство Зидана реализовалось в двух прекрасных голах. Пети, Дешам и Джоркаефф активно помогали своему лидеру. Великолепно играли Дессайи, Лебеф, заставивший всех позабыть о Блане, Тюрам, нейтрализовавший Роберто Карлоса, и Лизаразю, погасивший Кафу. И даже явно выпадавшие из игры Карамбе и вялый Гиварш не могли испортить игру французов.

Во втором тайме марокканский судья необоснованно удалил Дессайи, но не смог сломать игру французам. Даже вдесятером они были сильнее бразильцев, замены которых были неудачны. Денилсон играл хорошо, но в плане организации игры ничего не дал своей команде. Выход «Скотины» Эдмундо добавил бразильцам боевого духа, но не класса. В запасе у Загало не было никого. Лишь Роберто Карлос, Кафу и отчасти Бебето могут сказать, что «мы сделали все, но не получилось». Остальные бразильцы и, прежде всего, Рональдо и Ривалдо, просто разочаровали.

Французы не дали Рональдо возможности получать мяч, обрабатывать его, не давали возможности набрать скорость, еще раз доказав всему миру, что Рональдо хорош только при медленной или контратакующей игре, но когда полузащита и оборона лишают его оперативного пространства, жестко прессингуют и отрезают его от фланговых прорывов, то он теряется и становится неэффективен. В конце игры в контратаке Пети забил третий гол.

Победа французов с крупным счетом 3:0 была абсолютно закономерной. Французы были сильнее во всех отношениях. Уже после второго гола Зидана стало ясно, что бразильцам «ловить нечего», а французы забывают столько, сколько захотят.

Мир получил новый эталон – команду, выстроенную вокруг суперзвезды Зидана в центре поля, с вплетенными в единую композиционную основу сильными индивидуальностями, прежде всего, в обороне, и мощным «обслуживающим» персоналом в средней части. Этой модели игры придерживались в свое время сборные Бразилии в 1958 и 1962 гг., когда выстраивали игру вокруг Дида, в 1970 г. вокруг Герсона, Англии в 1966 г. вокруг Б. Чарльтона, ФРГ в 1972 и 1974 гг. вокруг Нетцера и Оверата, Франции в 1982, 1984 и 1986 гг. вокруг Платини, Бразилии в 1982 и 1986 гг. вокруг Сократеса и Фалькао, Аргентины в 1986 и 1990 гг. вокруг Марадоны и др. Так играли почти все лидеры мирового клубного футбола в 50-е и 60-е гг. Так играют и все современные клубные лидеры.

Однако в 70-е гг. «Аяксом» и сборной Голландии была предложена иная схема игры, когда команда создавалась не вокруг «умников» в центре поля, а вокруг лидеров в атаке – обе команды играли вокруг Круиффа, сборная Аргентины в 1978 г. выстроила игру вокруг Кемпеса, Голландия в 1988 г. вокруг Ван Бастена, Бразилия в 1994 г. вокруг Ромарии и в 1998 г. вокруг Рональдо.

Фундамент победы французов был заложен еще в 50-е гг. поколением Копа, Фонтэна, Пьянтони, Венсанса, Жонкэ и др. В 80-е гг. под руководством Идалго была создана потрясающая по классу команда, уже тогда достойная не только выигрыша чемпионата Европы в 1984 г., но и победы на Кубках мира 1982 и 1986 гг. В ней играли такие великолепные мастера, как Платини, Тигана, Трезор, Жиресс, Фернандес, Баттистон, Босси, Рошто, Аморо, Женгини и др.

Если сравнивать нынешнюю команду с великой командой 80-х гг., то придется признать, что обе команды очень похожи. Посредственные вратари Батс и Бартез. Очень сильная защита с непроходимыми центрами и очень быстрыми и мобильными краями – Трезор, Жан Вийон, Босси, Баттистон, Аморо тогда и Тюрам, Блан, Лебеф, Дессайи, Лизаразю сейчас. Блестящая полузащита с очень подвижными, умными и техничными плеймейкерами – Платини, Тигана, Жиресс и Фернандес тогда и Зидан, Дешам, Пети и Джоркаeff сейчас. Но и тогда, и сейчас у французов не было достойной атаки.

Что же касается игровых позиций, то здесь наметилась важная позитивная тенденция – отказ от игры в обороне в 5-6 защитников, преобладавшей на 4 последних Кубках мира. Практически ни одна из команд, достигшая полуфинала, за исключением хорватов (игравших в 6 защитников), не держала сзади больше 4 «чистых» защитников, однако никто при этом не поддержал игру в 3 защитника, как это практиковали в свое время на чемпионатах Европы голландцы. Заметно меньше на Кубке мира стали играть персонально против лидеров, предпочитая «передавать» их друг другу в зависимости от ситуации и конкретной позиции.

Еще 10-15 лет назад казалось, что «игра в линию» в обороне стала анахронизмом и большинство команд предпочитают иметь либero позади, идеалом которых был в свое время Беккенбауэр. На нынешнем же Кубке мира многие команды сделали ставку на зонную защиту и полную взаимозаменяемость игроков на всех позициях. Так, бразильцы Алдаир и Жуниор Байано больше напоминали пару стопперов 60-х годов, нежели либero и переднего «волнореза». Примерно так же играли французы Блан/Лебеф и Дессайи, англичане Адамс и Кэмпбелл, голландцы Стам и Ф. Де Бур и др.

Особняком стояли хорваты, итальянцы, немцы и аргентинцы, по старинке игравшие в 5-6, а то и 7 защитников.

Почти никто из центральных защитников, за исключением лишь Маттеуса, не принимал участия в созидательных действиях своих команд. Никого из них даже близко нельзя поставить в один ряд с такими выдающимися личностями прошлого, как Бобби Мур или Франц Беккенбауэр.

Главной отличительной чертой Кубка мира стала резко возросшая роль крайних защитников, которые еще раз подтвердили генеральную тенденцию вытеснения крайних нападающих, захватив всю бровку от своих ворот до ворот противника. В большей степени Роберто Карлос, Кафу, Тюрам, Лизаразу, в меньшей степени Ле Со, Мальдини, Берг, Станич, Ярни, Дзанетти и др., совершая затяжные рывки на 40-60 метров, захватывали всю кромку поля и полностью контролировали ее на всем протяжении игры.

Данная тенденция наиболее ярко проявила себя на чемпионате мира 1998 г., когда англичане отказались от крайних нападающих и отрядили в атаку своих крайних защитников Коэна и Уилсона. Вспоминаются блистательные крайние защитники прошлого – Купер, Карлос Альберто, Франциско Мариньо, Брайтнер, Факкетти, Ольгин, Тарантини, позднее Кальтц, Бреме, Кабрини, Тарделли, Аморо, Жуниор и др. Однако, на мой взгляд, класс и мастерство нынешних «краев», особенно Роберта Карлоса и Тюрама, настолько высоки, что едва ли кто-нибудь из звезд прошлого может с ними сравниться.

Что же касается отбора мяча и разрушительных действий, то практически все защитники играли предельно жестко, цепко и неуступчиво, не гнушались отбойной игры, придерживались тактики мелких фолов, откровенной симуляции и жестких столкновений. Более других в последнем преуспели Сенсини, Симеоне, Каннаваро и особенно хорваты Штимац, Шимич, Сольдо, Билич, Станич и др.

При этом надо отметить, что одним из самых больших разочарований Кубка мира стали вратари. Большинство

голкиперов продемонстрировали отсутствие минимальных профессиональных навыков. Если классическая вратарская школа всегда требовала, чтобы вратарь стремился к приоритетной игре руками и должен бесстрашно бросаться в ноги нападающим лицом вперед, то большинство из нынешних голкиперов отбивали мяч ногами чаще, чем руками. И если в позиционном плане многие вратари вполне уверенно хозяйничали в штрафной, то в цепкости и вратарском искусстве, прежде всего, в игре руками, откат назад очевиден.

Даже такие опытные и известные киперы, как Кепке, Субисарета, Руфаи, Ван дер Сар совершали непростительные ошибки. Такие весьма посредственные вратари, как Таффарел, Гродас, Тапиа, Бартез, Эль Уаэр, Ладич смотрелись едва ли не лучше всех. Такой малоподвижный кипер, как Чилаверт, за счет хорошего выбора позиции, сильных и быстрых рук был на голову выше остальных. Неплохо смотрелись, но не блистали Паллюка, Стеля, Мондрагон, Роа. Откровенно разочаровали Лейтон, Шмейхель, Симэн. Практически никого из нынешнего поколения вратарей даже близко нельзя поставить в один ряд с такими голкиперами прошлого, как Лев Яшин и Гордон Бэнкс.

К моему большому удивлению, на Кубке мира проявилась и другая тенденция. У большинства сборных уменьшились роль и значение диспетчеров. Мозговой трест, кроме французов и бразильцев, имели, по большому счету, лишь единицы: у Хорватии – Просинечки и Асанович, Румынии – Хаджи, Аргентины – Верон, Гальярдо и Ортега, Дании – М. Лаудруп, Англии – Бекхэм, ФРГ – Мюллер, Хесслер и Маттеус, Югославии – Стойкович, Австрии – Герцог и Вастич и почти все. Не было достойных плеймейкеров даже у Голландии и Италии.

Даже лучшие из диспетчеров – Ривалдо, Верон, Ортега, Бекхэм, М. Лаудруп не дотягивают до уровня гениев прош-

лого – Ди Стефано, Ди ди, Нетцера, Круиффа, Оверата, Б. Чарльтона, Марадоны, Герсона, Тостао, Риверы, Сократеса, Фалькао, Платини и др., которые были способны в одиночку «сделать» игру. Лишь один Зидан мог встать вровень со звездами прошлого. Из нынешней молодежи наибольший потенциал имеют Зеедорф, Ривалдо и Верон.

Многие команды предпочитали иметь 3-4 мобильных и выносливых полузащитников, способных в равной мере быть хорошими «отнимальщиками» и поддерживать быстрыми активными действиями атаку типа Ди Бьяджо, Р. Де Бура, Давидса, Коку, Йеремиса, Ц. Сампайо, Бетти, Инса, Скоулза, Пети, хорошо готовых физически и способных «пахать» от свистка до свистка. В этом случае роль плеймейкеров нередко брали на себя крайние защитники типа Роберто Карлоса, Ле Со, Берга, Мальдини, Нумана, Ярни, либо обязанности диспетчеров исполняли, оттягиваясь назад, такие форварды, как Р.Баджо, Бергкамп, Дель Пьеро, Илие, Миятович, Азизи и др.

Вопреки этому, в финал Кубка мира все же вышли те команды, которые выстроили свою игру вокруг «умников», – Бразилия и Франция. После того, как Франция стала чемпионом мира, Зидан вознесся на недосягаемую высоту. Успех хорватов в немалой степени был предопределен сочетанием обеих тенденций – «интеллектуалы» Асанович и Просинечки играли вместе с «работягами» Бобаном и Владовичем и шестью-семью защитниками, крайние из которых Станич и Ярни отличались повышенной активностью. Голландцы были единственными полуфиналистами, игравшими без диспетчера.

В атаке четко определилось стремление играть с одним-двумя ярко выраженнымми форвардами, предельно агрессивными и нацеленными на плотную игру, многочисленные единоборства и жестокую борьбу за мяч в районе штрафной площади. Нынешние форварды все больше

становятся способны в одиночку продавить любую оборону. Самые яркие примеры – Вьери, Шукер, Van Хайдонк, Клюйверт, Бергкамп, Салас, Саморано, Батистута, Креспо, Бирхоф, Клинсманн, Дьюри, Илие, Фло, Польстер, Нилис, Али Дайи, Ширер и др. Контакт такого рода центральных с мячом – доли секунды, нет времени для обработки, подыгрыша, дриблинга. Поэтому задача такого нападающего одним касанием мяча отправить его в ворота.

В прежние времена этот идеал был создан Фонтэном, Кутиньо, Вава, Гривсом, Херстом, Зеелером и особенно Гердом Мюллером, а также Руммениге, Van Бастеном и др. Можно ли сравнить нынешних голеадоров, например, с Мюллером, Руммениге или Van Бастеном? Однозначно, нет.

Другие команды делали ставку на быстрых и подвижных «легких» нападающих, дальние и лучше контролирующих мяч, обладающих хорошим дриблингом и способных в одиночку обыграть защиту противника. Более других близок к этому идеалу Рональдо. Примерно в таком стиле играли Бебето, Денилсон, Анри, Джей-Джей Окоча, Мустафа Хаджи, Эрнандес, Асприлья, Оуэн, Макманаман, Клаудио Лопес, Кьеза, Индзаги и др. В прошлом примерно так же играли такие суперзвезды, как Пеле, Гарринча, Пушкаш, Амарилдо, Эйсебио, Тостао, Жаирзиньо, Болл, Бест, Джайч, Маццола, Круифф, Кемпес, Блохин, Росси, Гуллит и др. Уровень нынешних лидеров хотя и не дотягивает до уровня звезд прошлого, тем не менее, очень высок.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что лидеры мирового футбола – Бразилия и Франция – не имеют в своих рядах мощных центральных, а предпочитают легких, быстрых и подвижных нападающих – Рональдо, Бебето, Денилсона, Анри, Трезеге, Дюгарри.

Думается, что мировой футбол, как это свидетельствовал чемпионат мира, развивается по разным направлениям. Тактика подбирается под конкретных игроков-звезд. Если в

вашей команде есть Вьери, Али Дайи, Клюйверт, то тактика будет такой, которая позволит раскрыть наиболее сильные стороны именно этих игроков. Но если в вашей команде есть Рональдо, то тактика будет совершенно иной. И если раньше тренеры подбирали игроков под схему, то теперь тактика подбирается под конкретных игроков.

Так что футбол живет и развивается вокруг личностей, вокруг лидеров, вокруг звезд, наличие которых и определяет стратегию и тактику командных действий. В тех же случаях, когда тренеры начинают подгонять личности под надуманную схему, то результата ждать не приходится.

Это так же, как и в политике. Когда странам кто-то во имя собственного обогащения или по подсказке всемирного Госплана – МВФ, МБРР – навязывает несвойственную им модель экономического и политического развития, то эти страны не ждет ничего хорошего. Когда же страна сама находит свой оптимальный путь развития, как синтез своих коренных общенациональных интересов и требований мирового рынка, когда она опирается на свой личностный потенциал, то только тогда у страны появляются перспективы экономического процветания и прогрессивного развития.

Футбол является наилучшим показателем степени и перспектив цивилизационного развития того или иного государства. Кто является участником мирового первенства? Во-первых, богатые и экономически процветающие страны – США, Голландия, Великобритания (Англия и Шотландия), Франция, Япония, Бельгия, Испания, Италия, Австрия, ФРГ, Дания, Норвегия, Южная Корея, Саудовская Аравия. Во-вторых, страны, достигшие в последнее десятилетие существенного прогресса в экономическом развитии и демократизации общества, – Бразилия, Аргентина, Чили, ЮАР, Тунис, Хорватия, Румыния, Югославия, Болгария. Среди небогатых стран присутствуют лишь те, кто пробил-

ся на мировое первенство по региональному принципу, – Иран, Марокко, Нигерия, Камерун, Ямайка.

Но на кубке мира не представлены Индонезия, Малайзия, Россия, Украина, Закавказье, Центральная Азия и т.д. Здесь нет дела ни до культуры, ни до науки, ни до образования, ни, тем более, до футбола. Поэтому когда меня спрашивают, ну когда же Казахстан будет представлен на Кубке мира, то я всегда отвечаю: только тогда, когда в нашей стране будет положен конец коррупции и эгоизму политической элиты.

Газета «Караван»,
17 июля 1998 г.

«Я мечтал об этом 30 лет»

ОЗВОЧИВАНИЕ

Казахстан по традиции пропускает чемпионат мира, но в этом году наша федерация сделала очень важный стратегический шаг к переходу из Азиатской федерации в УЕФА. Со следующего года у нас может появиться надежда на то, что мы когда-нибудь станем непосредственными свидетелями игры какого-нибудь клуба у нас в Казахстане. Из-за многочисленных бодрых заявлений отечественных футбольных функционеров у болельщиков может сложиться впечатление, что членство Казахстана в УЕФА – вопрос уже решенный и все дело лишь в сроках официального оформления этого решения. Так ли это на самом деле?

При трезвом взгляде на ситуацию видно, что нас в Европе не очень-то и ждут. И не потому, что там питают по отношению к нам какие-то особенные негативные чувства. Увы, мы нежелательны отложенному европейскому футбольному хозяйству по очень многим объективным причинам. Но

об этом чуть позже, а пока – о шансах команд, пробившихся в финальную стадию мирового первенства 2002 года.

Как свидетельствует опыт прошлых лет, почти всегда неудачно выступали на чемпионатах те страны, чьи клубные команды побеждали в турнирах в преддверии самых главных игр мирового футбола. Те, кто отдает много сил в клубах, а также блистает индивидуально, не всегда способны обеспечить победу своей национальной сборной на чемпионате мира. За последние сорок лет было, пожалуй, лишь два исключения из этой странной закономерности: Бразилия и «Сантос» в 1962 году и ФРГ и «Бавария» в 1974 году. Но то были великие команды, в которых играли Амарилдо, Гарринча, Дида, Загало, Вава, Джальма Сантос и Нилтон Сантос, Беккенбауэр, Мюллер, Майер, Брайтнер, Хеннес, Оверат, Фогтс...

Однако в условиях современного футбола, когда лучшие футболисты играют в Европе, а ведущие клубы представляют собой своего рода сборные мира, старая закономерность может не сработать. Неизвестно, кто больше пострадает от побед мадридского «Реала» – испанцы (Рауль, Йерро, Эльгера, Касильяс); французы (Зидан, Макалеле); португальцы (Фигу) или бразильцы (Роберто Карлос, Флавио Консесайу, Савио). Аналогичная ситуация в «Манчестер Юнайтед», «Баварии», «Арсенале», «Ливерпуле», «Челси», «Ювентусе», «Роме», «Лацио», «Барселоне», «Валенсии», «Интере», «Милане» и других суперклубах.

Более других может пострадать нынешний чемпион мира и Европы – команда Франции, чьи игроки солируют сейчас в лучших европейских клубах. Единственный плюс, но одновременно и немалый минус французов – их сборная не участвует в отборочных играх чемпионата мира и второй год свободна от серьезных игр. Чемпионат Франции, хотя и весьма напряженный, но не самый сильный в Европе, видимо, не станет большой подпиткой для

сборной страны. На стороне Франции лишь то, что у них сыгранная и не старая сборная, выдающееся мастерство и взаимозаменяемость игроков практически на всех позициях.

Будут проблемы и у бразильцев, игроки которых доминируют в «Реале», «Барселоне», «Баварии», «Интере», «Роме» и др. Смена поколений в сборной – не самый стимулирующий к победе фактор, а бразильская молодежь ныне не самая лучшая в мире.

Ведущие английские игроки также задействованы как в изнуряющем национальном первенстве, Кубке страны и Кубке лиги, так и в суперклубах, ориентированных на победу в Лиге чемпионов («Манчестер», «Арсенал», «Ливерпуль»). А сама сборная Англии ведет борьбу не на жизнь, а на смерть с Германией в отборочном цикле.

Сложно обстоят дела и у других ведущих претендентов на мировое первенство – аргентинцев, чьи игроки задействованы в основном в Италии и Испании. В «Роме», «Лацио», «Валенсии», «Монако» предстоят напряженные игры как в национальных первенствах, так и в европейских кубках. В этом смысле среди фаворитов чуть лучше ситуация у итальянцев, чемпионат которых не самый сильный, не самый продолжительный и не самый напряженный в Европе. Среди претендентов на победу в Лиге чемпионов апеннинские клубы вроде бы не числятся, да и за пределами страны итальянские футболисты практически не востребованы. С отборочными играми тоже все ясно, и итальянцы без проблем проходят отборочный цикл. Так что у итальянцев накануне чемпионата самая благоприятная ситуация.

Очень сильны команды Аргентины и Португалии. В составе аргентинцев – блистательный плеймейкер Верон, суперталантливые Савиола, Рикельме и Аймар; выдающаяся атака – Батистута, Креспо, Клаудио Лопес, Палермо.

В рядах португальцев вновь будут Фигу, Коуту, Нуна Гомеш, Руи Кошта. Особняком, как всегда, стоят англичане (Бекхэм, Оуэн, Джеррард), но команде не хватает классной защиты и вратаря.

Кроме названных команд, сюрпризов на мировом чемпионате можно еще ожидать от Камеруна и Нигерии, но, по большому счету, они пока не готовы к великим победам.

Таким образом, чемпионом может стать не только тот, у кого много звезд, а тот, кто меньше устанет и у кого будет лучше организация игры. Однако такие игроки, как Зидан и Фигу, как в прошлом Пеле, Кемпес и Марадона, в принципе способны в одиночку решить судьбу мирового первенства. Всё будет зависеть от степени их готовности к чемпионату мира.

В результате этого нынешний европейский сезон пройдет, видимо, с оглядкой на будущий мировой чемпионат. Наибольшее внимание приковано к клубам, сделавшим наиболее громкие приобретения в период межсезонья. Это, прежде всего, «Реал» Мадрид, полностью сохранивший свой прошлогодний состав и усилившийся великим Зиданом, за которого заплатили фантастическую сумму в 65 миллионов долларов. Сейчас по именам, особенно в средней линии и атаке, «Реал» выглядит суперавторитетно. В центре поля – самый мощный «мозговой трест» в лице двух самых выдающихся футболистов современности – Фигу и Зидана, которых поддерживают Макалеле, Консейшу, Макманаман, Савио, в атаке – Рауль, Мунитис, Гуги и др. Вопросы есть только к обороне «Реала», где играют цепкие и жесткие середнячки Карранка, Сальгадо, Эльгеро, стареющий Йерро и великий Роберто Карлос. В воротах не всегда стабильный Икер Касильяс. По классу «Реалу» под силу выиграть как Лигу чемпионов, так и чемпионат Испании.

Похожая ситуация в «Манчестере». В воротах – блестательный Бартес, в защите – стареющие Блан, Ирвинг, Йонсен, совсем не цепкие братья Невиллы; не всегда надежные, хотя и очень талантливые Браун, Сильвестр и др. В центре одна из лучших связок мирового футбола – мобильный умница Бекхэм, великолепный плеймейкер Верон, старательные и работоспособные Кин, Скоулз, Гиггз и блестящая атака в лице Ван Нистелроя, Коула, Йорка, Солскьяера. Богатейший клуб мира всегда является одним из главных претендентов на победу в Лиге чемпионов и первенстве Англии.

Газета «Время»,
04 октября 2001 г.
«В Европе Казахстан не ждут»

Национальная хоккейная лига (НХЛ) является самой процветающей и самой прогрессирующей спортивной лигой Северной Америки. Её успехи действительно впечатляют. До 1967 года в лиге насчитывалось всего 6 команд – «Бостон Брюинс», «Детройт Ред Уингс», «Монреаль Канадиенс», «Нью-Йорк Рейнджерс», «Торонто Мейпл Ливс» и «Чикаго Блэк Хокс». В сезоне 1967-1968 гг. к лиге присоединилось 6 новых команд – «Калифорния Силз», «Лос-Анджелес Кингс», «Миннесота Норт Старз», «Филадельфия Флайерз», «Питтсбург Пенгвинз» и «Сент-Луис Блюз». В 1970 г. было создано еще 2 клуба – «Баффало Сейрбз» и «Ванкувер Кэнакс», в 1972 г. – еще 2 команды – «Атланта Флэймз» и «Нью-Йорк Айлендерз», в 1974 году – еще 2 команды – «Канзас-Сити Скаутс» и «Вашингтон Кэпиталс», в

1979 г. – ещё 4 клуба – «Эдмонтон Ойлерз», «Хартфорд Уэйлерз», «Квебек Нордикс» и «Виннипег Джетс».

Бесконечные переезды новичков лиги из одного города в другой, их переименования и слияния (например, «Калифорния» была переименована в «Окленд Силз», затем переехала в Кливленд и стала называться «Бэронз», а в 1978 году была объединена с «Миннесотой») в итоге привели к тому, что 90-е годы НХЛ встречала в составе 21 команды.

В 1991 году была создана «Сан-Хосе Шаркс», в 1992 г. – «Оттава Сенаторс» и «Тампа Бэй Лайтнинг», в 1993 г. – «Анахайм Майти Дакс» и «Флорида Пантерс». Итак, ныне в лиге играет 26 команд. Но уже запланировано, что к 2000 г. будет создано ещё 4 команды в Атланте, Нэшвилле, Коламбусе и Сент-Поле. При этом были отвергнуты кандидатуры ещё целого десятка городов, желающих иметь хоккейную команду.

И это при том, что вступительный взнос в НХЛ заметно вырос и ныне составляет 70 млн. долларов. А билеты, при средней посещаемости в более чем 19 тыс. человек, стоят в среднем от 30 до 60 долларов, а во время недавнего финального матча на Кубок Стэнли их цена доходила до 300 долларов в кассах и до 1000 долларов на «черном рынке».

После позапрошлогоднего укороченного сезона в НХЛ, когда из-за затянувшегося подписания коллективного договора между владельцами клубов и профсоюзом хоккеистов было сыграно всего лишь 48 игр вместо обычных 80-84; в прошлом году изнурительный хоккейный марафон состоялся, в результате которого каждая из 26 команд лиги сыграла все 82 запланированные игры. В нынешнем только что закончившемся сезоне были также сыграны все запланированные 1066 матчей по 82 игры каждым клубом.

По регламенту команды были разбиты на четыре дивизиона – Северный и Атлантический в Восточной конференции, и Центральный и Тихоокеанский в Западной конфе-

ренции и в течение регулярного сезона разыграли так называемый Президентский кубок.

Планируется, что в 2000 году команды будут разбиты на 6 дивизионов по 5 команд в каждом из них. В Восточной конференции, в Атлантическом дивизионе будут играть Нью-Джерси, Айлендерс, Рейнджерс, Филадельфия и Питтсбург, в Северо-Восточном – Бостон, Баффало, Монреаль, Оттава и Торонто, и в Юго-Восточном – Атланта, Каролина (бывший Хартфорд), Флорида, Тампа и Вашингтон. В Западной конференции в Центральном дивизионе – Чикаго, Коламбус, Детройт, Нэшвилл и Сунт-Луис, в Северо-Восточном – Калгари, Колорадо, Эдмонтон, Миннесота и Ванкувер, и в Тихоокеанском – Анахайм, Даллас, Лос-Анджелес, Феникс и Сан-Хосе.

Дважды за последние 3 года Президентский кубок выиграл «Детройт Ред Уингс», превзошедший в прошлом году старый рекорд «Монреаль Канадиенс» по числу побед в регулярном сезоне и немного не дотянувший до рекорда того же Монреяля по числу набранных за сезон очков.

Симптоматично, что как Монреаль «эпохи побед и рекордов» в 70-е гг., так и нынешний Детройт возглавляет один и тот же тренер – великий Скотти Боумэн. В нынешнем год Президентский кубок с небольшим отрывом выиграл «Колорадо Авеланш» (до 1996 г. именовавшийся «Квебек Нордикс»).

Кубок Стэнли

Однако любой любитель хоккея знает, что Президентский кубок – лишь прелюдия к главному призу сезона – Кубку Стэнли. Поэтому победа в Президентском кубке, конечно, почётна и даёт определенные преимущества выигравшей

команде, но она не сравнима с победой в Кубке Стэнли, который разыгрывается между 16 лучшими командами лиги (в серии «плэй-офф») – по 8 от каждой конференции. Например, в позапрошлом году победитель регулярного сезона Детройт бездарно проиграл в финале Кубка Стэнли явному середнячку «Нью-Джерси Дэвилз», который в прошлом году повторил антирекорд Монреаля почти тридцатилетней давности, когда обладатель Кубка Стэнли не попал в «плэй-офф».

Если раньше середнячки почти никогда не выигрывали Кубок Стэнли, за многолетнюю историю «плэй-офф» с большой натяжкой середнячком можно назвать Монреаль 1986 г. и Калгари 1989 г., то за последние 4 года как минимум 2 явных середнячка, демонстрировавших оборонительно-разрушительный антихоккей с бесчисленными ловушками в средней зоне, выигрывали Кубок Стэнли – Монреаль в 1993 г. и Нью-Джерси в 1995 г. В прошлом году Детройт выбыл уже в полуфинале и Кубок Стэнли выиграл по-настоящему классный клуб «Колорадо Авеланш».

Перед началом нынешнего сезона в качестве явных фаворитов рассматривались «Колорадо Авеланш» из Денвера, Детройт, «Филадельфия Флайерз» и отчасти «Флорида Пантерз», «Нью-Йорк Рейнджерс», Нью-Джерси и, как всегда, Питтсбург из-за присутствия в его рядах великого Марио Лемье. Предполагалось, что может блеснуть «Сент-Луис Блюз» во главе со своим скандально знаменитым тренером Майком Кинэном. В «плэй-офф» должны были выйти «Чикаго Блэк Хокс», «Калгари Флэймс», «Ванкувер Кэнакс», «Монреаль Канадиенс», «Бостон Брюинс», «Вашингтон Кэпиталс» и «Торонто Мейпл Ливс».

Ближе к середнячкам «стояли» в прогнозах «Баффало Сэйбрз», «Эдмонтон Ойлерс», «Феникс Койотс» (бывший «Виннипег Джетс»), «Хартфорд Уайлдерз», «Тампа Бэй Лайтнинг», «Даллас Старз» и «Анахайм Майти Дакс», которые в

лучшем случае должны были побороться за выход в «плэй-офф». В качестве явных аутсайдеров рассматривались «Лос-Анджелес Кингс», «Сан-Хосе Шаркс», «Оттава Сенаторс» и «Нью-Йорк Айлендерс».

Эти прогнозы основывались как на наличии в командах тех или иных игроков и, прежде всего, «звезд» первой величины, имеющих устойчивую психологию «победителей» и опыт побед в Кубке Стэнли, и лидеров, способных повести за собой команду, так и тренеров, которые уже «выигрывали» Кубок Стэнли и способны «переиграть» любого оппонента. Игроков и тренеров, имеющих «характер», не так много и все они наперечёт. Среди тренеров и менеджеров – Скотти Боумэн (Детройт), Бобби Кларк (Филадельфия), Жак Лемэр (Нью-Джерси), Майк Кинэн (Сент-Луис), Марк Крофорд (Колорадо) и … практически всё. Правда, все отмечали перспективность Дага Маклина, который в прошлом году вывел в финал Кубка Стэнли безызвестную и серенькую Флориду.

Патриарх тренерского корпуса 63-летний Скотти Боумэн 6 раз выигрывал «плэй-офф» (5 раз с Монреалем и один раз с Питтсбургом) и 4 разные команды, в разное время выводил в финал Кубка Стэнли (Сент-Луис, Монреаль, Питтсбург и Детройт). Бобби Кларк, будучи игроком, дважды выигрывал Кубок, а как генеральный менеджер в 1991 г. выводил серенькую Миннесоту в финал и ныне на посту генерального менеджера Филадельфии поставил своей целью создать команду-победительницу, и действительно, создал очень амбициозную команду. Жак Лемэр как игрок 8 раз выигрывал Кубок Стэнли и однажды как тренер приводил команду к победе – «Нью-Джерси Дэвилз». Майк Кинэн и Марк Крофорд также имели в своём запасе по одной победе в «плэй-офф». Помимо этого, Кинэн четырежды в разные годы выводил руководимые им команды в финал Кубка Стэнли – дважды Филадельфию и по разу Чикаго и «Рейнджерс».

Все команды, побеждавшие в Кубке Стэнли за последние 30 лет, после расширения лиги обязательно имели в своих рядах суперзвёзд типа Бобби Орра, Фила Эспозито («Бостон Брюинз» в 1970 и 1972 гг.), Жана Беливо и Анри Ришара (Монреаль в 1968, 1969, 1971 и 1973 гг.), Айвена Курнуайе, Кена Драйдена, Лари Робинсона, Ги Лафлера, Сержа Савара (Монреаль в 1976, 1977, 1978, 1979 гг.), Бобби Кларка, Билла Барбера, Берни Парента (Филадельфия в 1974 и 1975 гг.), Майка Босси, Дени Потвена, Брайана Тrottье («Айлендерс» в 1980, 1981, 1982 и 1983 гг.), Уэйна Гретцки, Марка Мессье, Пола Коффи, Яри Кури (Эдмонтон в 1984, 1985, 1987, 1988 и 1990 гг.), Дага Гилмора (Калгари в 1989 г.), Марио Лемье, Яромира Ягра, Брайана Тrottье (Питтсбург в 1991 и 1992 гг.), Патрика Руа (Монреаль в 1993 г.), Марка Мессье, Стива Лича («Рейнджерс» в 1994 г.), Скотта Стивенса, Клода Лемье (Нью-Джерси в 1995 г.) Клода Лемье, Патрика Руа, Джо Сакика, Петера Форсберга (Колорадо в 1996 г.).

Победители Кубка Стэнли обязательно имели в своих рядах выдающегося вратаря (Кена Драйдена, Берни Парента, Гранта Фюра, Патрика Руа), либо в худшем случае очень сильного вратаря, сумевшего в данном конкретном сезоне «прыгнуть выше головы», блеснувшего в одном-двух победных циклах «плэй-офф» (Режана Вашона, Джерри Чиверса, Майка Вернона, Тома Барассо, Билла Рэнфорда, Майка Рихтера, Мартина Бродера). Пожалуй, единственным победителем, не имевшим великого вратаря в своих рядах, был «Нью-Йорк Айлендерс», но его звёздный состав был настолько силен, что мог выигрывать и с пустыми воротами – Потвен, Босси, Тrottье, Жиль, Горинг, Нистврем, Брент Саттер, Тонелли, Бурн и др.

Помимо этого, есть особая категория игроков-победителей, у которых особая, «высшей пробы» цена, которые выигрывали Кубок Стэнли с разными командами и всегда отдавали все силы победе, не щадя ни себя, ни других. Наи-

более известные из них – Марк Мессье (побеждал 5 раз с Эдмонтоном и один раз с «Рейнджерс»), Брайан Тrottье (4 раза с «Айлендерс» и 2 раза с Питтсбургом), Патрик Руа (дважды с Монреалем и один раз с Колорадо), Клод Лемье (по разу с Монреалем, Нью-Джерси и Колорадо), Эса Тикканен (4 раза с Эдмонтоном и один раз с «Рейнджерс») и др. В последние 7 лет в Кубке Стэнли неизменно побеждали только те команды, которые имели подобных игроков в своем составе.

Регулярный чемпионат

Поэтому, взвешивая всё «за» и «против», специалисты накануне и в ходе регулярного чемпионата отдавали предпочтение, прежде всего, прошлогоднему победителю «Колорадо Авеланш». Во-первых, в воротах – великий Патрик Руа; во-вторых, в составе играет самый «крутой» игрок в лиге с ярко выраженной психологией лидера и победителя Клод Лемье; в-третьих, блестящий подбор звездных игроков – Сакик, Форсберг, Каменский, Озолиньш; в-четвертых, наличие в клубе талантливой молодежи, которая вот-вот «встанет на ноги» – Дэдмарш, Риччи, Йелле, Корбе; в-пятых, очень квалифицированный состав «чернорабочих» чеккеров, способных перебегать и перебросать любых оппонентов – Джоунс, Янг, Лакруа, Кин, Саро; в-шестых, ровная и сильная линия защиты – Круп, Фут, Клемм, Лефебр, Гусаров, Миллер, Северин и, наконец, очень талантливый и перспективный тренер Марк Крофорд. Минусы команды, особенно после победы в регулярном чемпионате, казались не очень существенными – отсутствие жестких и мощных защитников, квалифицированных «полицейских», «короткая» скамейка и мягкая манера игры.

Очень высоко, особенно к концу сезона, стали котировать шансы Нью-Джерси. Во-первых, в воротах Мартин Бродер; во-вторых, самая жесткая и «крутая» защита в лиге во главе с мощным Скоттом Стивенсоном, очень агрессивные Кен Данико и Лайл Оделайн, достаточно труднопроходимые Дейв Эллет и Шон Чамберс, быстрый и техничный Скотт Нидермайер; в-третьих, стареющая суперзвезда Даг Гилмор, выменяенный в Торонто и «вдохнувший» своим приходом новую жизнь в консервативный Нью-Джерси; в-четвертых, наличие звездных ветеранов – Дейва Андрейчука, Стива Томаса и Джона Маклина, придававших команде респектабельность и авторитет своими прежними достижениями; в-пятых, на элитный уровень вот-вот должны выйти давно подающие большие надежды Бобби Холик, Билл Герин, Брайан Ролстон, Валерий Зелепукин; в-шестых, наличие группы чеккеров, способных разгрузить лидеров от черновой работы, в лице Рэнди Маккея, Боба Карпентера, Питера Зезеля, Рейда Симпсона и, наконец, искусство тренера Жака Лемера придумывать уловки и схемы с целью не давать играть другим. Минусы команды были налицо: отсутствие искусственных мастеров, быстрых и техничных форвардов, старая и тяжеловесная защита, преклонный для хоккея возраст практически всех лидеров команды, слепое следование принципу «бей-беги-толкайся» и «не давай играть противнику».

В числе возможных претендентов назывались также Филадельфия из-за наличия в её составе Линдроса, Леклера и компании и, гораздо реже, скорее, как дань «прошлым временам», «Нью-Йорк Рейнджерс» из-за Гретцки, Мессьера, Лича и традиционно сильный в последние годы, но неудачливый в «плэй-офф» Детройт. Судя по итогам регулярного чемпионата, в котором Колорадо, Нью-Джерси и Филадельфия вошли в четверку и заняли, соответственно, первое, третье и четвертое места, аналитики не ошиблись в своих прогнозах.

Очень сильно удивили всех блестящие проведшие сезон молодые и беззвездные Даллас (2-е место) и Баффало (6-е место), которые вопреки всем прогнозам заявили о себе как о новом феномене лиги, с которым придется считаться всем лидерам. Даллас во главе с Бобом Гейни и Кеном Хичкоком, прикупивший в прошлом сезоне и в межсезонье ряд очень сильных игроков – Сергея Зубова (43 очка), Пата Вербика (53 очка), Дэррила Сидора (48 очков), Артура Ирбе (2,69), Дэйва Рейда, Джо Ньюндайка (30 шайб и 51 очко), Нила Бротена и др., выглядел очень солидно и к традиционно жесткой игре (Крейг Ладвиг, Todd Харви – 142 штрафные минуты, Билл Хард – 105 минут, Марк Лабелл, Грант Маршалл, Патрик Коут) прибавил мастерство и уверенность в своих силах традиционных лидеров команды Майка Модано (35 голов и 83 очка), Бенуа Хога (19 голов и 43 очка), Йере Лехтинена (43 очка), Дериана Хатчера, Джейми Лэнгбрюннера, Грега Адамса, Энди Муга и др. Помогали им в меру сил ветераны Брент Джилクリст, Ги Карбонно, Грант Ледьярд, Боб Басен и др.

Баффало во главе с блестящим тренером-самородком индейского происхождения Тедом Ноланом и выдающимся вратарем Домиником Гашеком, признанным в нынешнем сезоне самым полезным игроком лиги, явил миру сверхбыструю и супержесткую игру на грани фола с безостановочным прессингом и жесточайшим ежесекундным силовым давлением по всему полю. Серенький по именам состав Баффало явил собой команду-звезду, и сразу же заискрились новыми красками имена явных середнячков – Майка Пеки (20 голов и 49 очков), Мэттью Бэрнаби (19 голов, 43 очка и 249 минут штрафа), Дональда Одетта (28 голов и 50 очков), Дереки Планта (27 голов и 53 очка), Брайана Холцингера (22 гола и 51 очко), Джейсона Дау (22 гола и 48 очков), Диксона Уорда (45 очков), Михаила Грошека (36 очков), Рэнди Берриджса (31 очко), тогда как такие приличные прежде игроки, как Гэри

Гэлли (38 очков), Алексей Житник (35 очков), Мирослав Сатан (25 голов) стали играть как настоящие чеккеры. Жесткая и силовая защита в лице Деррила Шэннона (112 минут штрафного времени), Рихарда Шмехлика (30 очков), Майка Уилсона, Джей Макки и Боба Бутнера (225 минут штрафа) уверенно разрушала, ничего не созиная. Бойцы, тафгаи и играющие «полицейские» надежно прикрывали молодых игроков, – Роб Рэй (286 штрафных минут), Брэд Мэй (106), Мэттью Бэрнаби (249) и Боб Бутнер (225).

Эдмонтон показал неплохую, достаточно жесткую игру в защите (Люк Ричардсон, Борис Миронов, Дэниел Макгиллис, Дрю Баннистер, Брайан Марчмент, Кевин Лоу, Грег Девриз, Дональд Диофрен и др.) и весьма приличную, седьмую по результативности в лиге атаку, – Даг Уэйт (82 очка и 21 шайба), Райан Смит (39 голов и 61 очко), Андрей Коваленко (32 шайбы и 59 очков), Джейсон Арнотт (57 очков), Мариуш Черкавски (26 шайб) и др. Мощные бойцы успешно защищали своих лидеров – Келли Бушбергер (159 минут штрафа), Брайан Марчмент (132), Луи Дебрюск и др. В воротах неплохо стоял Кертис Джозеф.

Очень сильно прибавили Анахайм, Феникс и Оттава, от которых никто не ожидал таких быстрых успехов. Анахайм, благодаря наличию блестящих звезд – Пола Кари (44 шайбы и 99 очков) и Теему Селяне (51 гол и 109 очков) и ряда очень сильных и опытных игроков: нападающих Стива Руччина (67 очков), Яри Кури, Брайана Беллоуза, Кевина Тодда Джо Сакко и Теда Друри; защитников – Дмитрия Миронова (52 очка), Жан-Жака Дэнью, Бобби Долласа, Дэйва Карпа и др. добился заметного прогресса в нынешнем сезоне, войдя в десятку лучших клубов НХЛ. Но в команде явный перебор бойцов и тафгаев, которые с излишним рвением занимались запугиванием своих оппонентов, – Уоррен Райхел (218 минут), Кен Баумgartнер (182), Дэйв Карпа (210), Джейсон Маршалл (140), Марк Дженнингс (137), Питер Ле-

бутие (121), Шон Ангоски, Джереми Стивенсон, Бэрри Никар и др.

Весьма перспективен Феникс, имеющий очень сильный в индивидуальном отношении подбор игроков, среди которых, наряду с настоящими звездами, мощным, пробивным и очень агрессивным Кейтом Ткачуком (52 шайбы, 86 очков и 228 штрафных минут) и жестким и заводным Джереми Реником (29, 69 и 115), есть суперталантливая молодежь в лице защитников Олега Твердовского (55 очков) и Дерона Квинта, нападающих – Шона Доуна и Чэда Килгера, вратаря Николая Хабибуллина, сильные и опытные нападающие – Майк Гартнер (32 шайбы и 63 очка), Крейг Дженнин (53 очка), Клифф Роннинг (51), Даллас Дрейк; жесткие и умелые защитники – Теппо Нумминен, Джеральд Дида, Норм Макивер, Джим Джонсон, Джейфф Финли, Джейсон Мор, Мюррей Бэррон (122 штрафных минуты) и мощные бойцы – Крис Кинг (185 минут штрафа) и Джим Макензи (200). В ближайшие годы Эдмонтон, Анахайм и особенно Феникс должны заметно прибавить.

Пожалуй, не меньше чем Даллас, удивила всех Оттава, которую даже в самых смелых прогнозах никто не называл среди участников «плэй-офф». В воротах совсем неплохо выглядел давно списанный всеми клубами лиги великовозрастный кипер (30 лет) Рон Тагнэтт (2,80), вытеснивший из основного состава Дамиана Родеса. В защите выделялся опытный Стив Дюшене (47 очков), которому помогали в меру сил очень талантливый Уэйд Редден (30 очков для 19-летнего дебютанта – совсем неплохой показатель), не без способностей Радим Бичанек (22 года), ветеран Франтишек Мусил, возрастные, но не очень наигранные Джейсон Йорк, Янне Лукканен, Ланс Питлик, Кристер Олссон и др. В атаке игра строилась вокруг Алексея Яшина (35 шайб и 75 очков), Даниэля Альфредссона (24 и 71) и Александра Дэйгла (26 и 51), которым активно помогали известный чеккер Рэнди Канниуорт (12 и 36), опыт-

ные, но также немногие игравшие нападающие Том Чорски (18 и 26), Шон Макичерн (11 и 31), Брюс Гардинер, Шон Ван Ален, молодые Сергей Жолток (12 и 28), Андреас Даккель (12 и 31), Редек Бонк. Боевое прикрытие, правда, не очень успешное, обеспечивали Денни Ламберт (217 минут штрафа) и Денис Виал. Оттава, в составе которой почти нет опытных ветеранов и индивидуально сильных игроков, крупных мощных защитников и жёстких агрессивных нападающих, начиная с момента своего возникновения в 1992 году всегда была местом, куда ссылали бесперспективных середнячков, «протирающих штаны» на скамейке запасных в других клубах. Поэтому выход мягкой, маломощной и серенькой Оттавы в «плэй-офф» стал одной из главных сенсаций нынешнего сезона, который вряд ли она повторит в ближайшие годы. Остались на прежнем уровне Хартфорд, а также аутсайдеры Лос-Анджелес и «Айлендерс». Правда, «Айлендерс» в конце сезона после целой серии обменов весьма существенно прибавил. Заметно сдали, по сравнению с прошлым и вообще предыдущими сезонами, Флорида и Питтсбург; слабо выглядели, несмотря на довольно сильный подбор игроков, Чикаго, Сент-Луис, Тампа и Вашингтон, откровенно разочаровали Монреаль, Ванкувер, Калгари, Сан-Хосе и, более других, Торонто и Бостон.

«Плэй-офф» в нынешнем году

Первые же матчи серии «плэй-офф» удивили как специалистов, так и болельщиков. Маленькая, хрупкая и серенькая Оттава, которая должна была стать легкой жертвой для агрессивного, жёсткого и драчливого Баффало, билась, к

удивлению всех, до последнего и уступила лишь в седьмой встрече серии. У Оттавы блеснул швед Даниэль Альфредссон, забивший в 7 матчах 5 голов и набравший 7 очков.

«Рейнджерс» легко разобрался с жесткой и задиристой Флоридой в пяти матчах. Флорида, практически не имеющая в своём составе ни одного сколько-нибудь приличного форварда (за исключением мощного Скотта Мелланби), в течение сезона пыталась приобрести любого, хоть сколько-нибудь умеющего держать клюшку в руках нападающего. Отдав ряд возрастных игроков (Барнса, Вулли), она приобрела крупного и мощного, молодого и перспективного Криса Уэллса, который, однако, разочаровал, ничем не проявив себя. В конце сезона Флорида поменяла молодого Джейсона Подоллана на знаменитого в прошлом Кирка Мюллера, приведшего в 1993 году Монреаль к победе в Кубке Стэнли, надеясь, что знаменитый ветеран вольёт новую кровь в провинциальный клуб. Но Мюллер, проваливший до этого не один сезон в Монреале, «Айлендерсе» и Торонто, подтвердил прогнозы аналитиков о бесполезности надежд Флориды на него. Сильнейшее звено Флориды – великолепный вратарь Джон Ванбисбрук и мощные, жёсткие и агрессивные защитники Эд Жовановски, Рett Уорринер, Роберт Швехла, Горд Мерфи, Пол Лос, Терри Каркнер, – не смогли в одиночку без полноценной поддержки нападающих противостоять старичкам из «Рейнджерс».

Также легко, без проблем, жёсткий Нью-Джерси преодолел Монреаль. Некогда великий и непобедимый Монреаль уже давно не радует своих поклонников. Команда демонстрирует мягкий и слaboхарактерный хоккей и не способна противодействовать жёсткой игре противников. С тем, чтобы противостоять силовому давлению, клуб стремился приобрести мощных и агрессивных защитников. Взамен драчливого бойца Дональда Брашира команда получила очень крупного защитника Джейсена Каллимора (196 см, 102 кг),

а в обмен на мощного защитника Мюррея Бэрона (190, 98) и молодого форварда Криса Мюррея (188, 95) в Монреаль прибыл один из наиболее жёстких и драчливых защитников в лиге (более 2300 штрафных минут за карьеру) – знаменитый Дэйв Мэнсон (188, 92), призванный запугивать и нейтрализовать противников. Мэнсон исправно набирал штрафные минуты в серии с Нью-Джерси, которая, однако, была полностью проиграна. Единственная звезда Монреяля Марк Реки практически в одиночку бился с дьяволами (4 шайбы и 6 очков в 5 играх), но это не спасло его клуб.

Самой симпатичной командой в лиге, которой отдают свою любовь многие хоккейные фанаты, несомненно, является «Питтсбург Пингвинс». Этот клуб предпочитают те, кто просто любит хоккей. Это обусловлено тем, что Питтсбург исповедует красивый, изящный хоккей, размашистую и быструю игру в атаке и, самое главное, – звёздное зрелище. Питтсбург – это, прежде всего, живая легенда современного хоккея – великий Марио Лемье, вернувшийся в лигу после интенсивной химиотерапии против рака крови. Рядом с ним целое созвездие классных игроков – одна из самых ярких звёзд НХЛ чех Яромир Ягр (25, 188, 94), способный в одиночку обыграть любого противника; великолепный плеймейкер Рон Фрэнсис (34, 188, 91); мощный защитник – Кевин Хатчер (194, 102); выменянный у Далласа на Сергея Зубова, прогрессирующий год от года центрфорвард Петр Недвед (26, 190, 88).

В нынешнем сезоне Питтсбург провернул несколько громких сделок с целью усиления своих защитных рядов и пролития «свежей крови», но они не дали должного эффекта – команда играла очень нестабильно, чередуя блестящие игры с сериями бездарных поражений. В течение нынешнего сезона клуб отдал ветеранов Дмитрия Миронова, Томаса Сандстрема, Жан-Жака Дэнью, Криса Джозефа, Шона Антоски, Кевина Тодда и молодых, не без способностей – Гленна Мюррея, Ричарда Парка, Брайана Смолински и Криса

Уэллса, получив взамен как опытных Эdda Ольчика, Стю Барнса, Фредрика Олауссона, Джейсона Вулли, так и молодых и способных Грега Джонсона, Дариуса Каспарайтиса, Алекса Хикса, Романа Оксюту, Андреаса Юханссона, Иозефа Беранека и др.

До недавнего времени казалось, что Питтсбург располагает почти равноценной парой вратарей – очень опытными Томом Баррассо и Кеном Реггетом, которые способны, удачно подменяя друг друга, обеспечить прочные тылы. Но в нынешнем сезоне оба вратаря откровенно разочаровали и, совершенно неожиданно, основным вратарем клуба стал молодой Патрик Лалим.

Ещё перед началом прошлого сезона были серьёзные опасения, что с уходом многолетних лидеров команды в защите – Ульфа Самуэльссона в «Рейнджерс», Челля Самуэльссона в Филадельфию и Лари Мерфи в Торонто, оборона Питтсбурга рухнет, как карточный домик и станет просто несостойтельной. Отчасти эти опасения подтвердились в прошлом сезоне, а в нынешнем сезоне защитные порядки команды настолько ослабли, что клуб потерпел ряд разгромных и труднообъяснимых поражений. Поэтому ремонт оборонительных порядков продолжался как весь прошлый, так и весь нынешний сезон.

Рядом с одним из лучших атакующих защитников лиги – мощным Кевином Хатчером играл Крис Таймер (26, 188, 84), одержавший в начале прошлого сезона сенсационную победу в бою над самим Бобом Пробертом. Помимо них, в команде играли быстрый и задиристый Дарюс Каспарайтис, мощный и жёсткий тафгай Франсуа Леруа (26, 198, 106), очень подвижный и старательный Ян Моран (24, 180, 79), а также опытные Нейл Уилкинсон (29, 190, 86) и Крейг Муни (35, 190, 94), но лучшими были новички «Пингвинов»: очень грамотные и квалифицированные Фредрик Олауссон (31, 188, 88) и Джейсон Вулли (28, 183, 85).

Атака Питтсбурга, бесспорно, одна из самых звёздных в лиге: это, прежде всего, суперзвёздный дуэт забросившего 50 голов в этом сезоне и набравшего более 120 очков, стабильно выходившего на лёд «калеки» Марио Лемье и блистательного Яромира Ягра (47 голов и 95 очков), обладающего, вместе с Алексом Ковалевым и Павлом Буре, лучшим катанием в лиге. Объективно, по классу с Лемье и Ягром, могут сравняться лишь Уэйн Гретцки, Эрик Линдрос и Марк Мессье.

Минусы этого дуэта в том, что как Ягр, так и Лемье не выдерживали напряжения ежесекундной силовой борьбы. Который сезон Питтсбург не смог обеспечить безопасность своих лидеров, и в нынешнем сезоне команда была самой обижаемой в лиге.

Очень сильно прибавил в Питтсбурге в прошлом сезоне Петр Недвед, который, однако, в нынешнем сезоне заметно сдал и стал явно уклоняться от жёсткой силовой борьбы. Рон Фрэнсис, в седьмой раз в своей карьере превзошедший рубеж в 90 очков за сезон, является основным плеймейкером Питтсбурга, обеспечивая относительно бесперебойную голевую работу Лемье и Ягра. Как не стал заменой звёздному Кевину Стивенсу (четырежды забивавшему более 40 шайб в своей карьере) полученный в результате трейда с Бостоном Брайан Смолинский в прошлом сезоне (скорее, хороший «работяга», нежели «забивала»), так и полученные в нынешнем сезоне Барнс, Хикс, Вэлк, Ольчик, Оксюта не смогли обеспечить голевую поддержку звёздному дуэту.

Порадовал, наверное, лишь опытный Джо Маллен, забивший свою 500-ю шайбу. Не без способностей молодые и горячие Дейв Рош (21, 193, 102), Джо Джиеджич (25, 190, 100), Эд Паттерсон (24, 188, 95), Джейф Кристиан, Андреас Юханссон, Грег Джонсон и др. Приобретенный в Ванкувере боец Алек Стоянов (23, 194, 104), призванный успокаивать слишком жёстких оппонентов, не справился со своими функциями.

Питтсбург, если исходить из его состава, по оценкам аналитиков никак не был готов для серьезной борьбы за Кубок Стэнли – слишком много новичков, середнячков и молодежи, а лидеры, наоборот, уже на сходе: Лемье, Фрэнсис, Барраско, Маллен – у них всё в прошлом. Мало опытных бойцов, способных в «нужную минуту» собраться и, преодолевая боль и травмы, переиграть, перебросить или просто задавить противника. Понимая это, руководство Питтсбурга стремилось избавиться от всех великовозрастных ветеранов и начало перестройку команды, но она не дала никакого эффекта. Мало молодых и ярких звёзд и почти нет настоящих лидеров.

Первые же игры в нынешнем Кубке Стэнли подтвердили это: мощная Филадельфия легко задавила Питтсбург. Филадельфия своей жесткой и агрессивной манерой игры и беспощадным прессингом по всему полю подавила и просто запугала лидеров Питтсбурга, чекеры и тафгаи которых оказались не способны защитить своих звезд. В этих условиях «летчики» легко переиграли «пингвинов».

Как и ожидалось, Колорадо без особых проблем обыграл Чикаго в шести матчах. Но о Чикаго особый разговор, ибо эта команда традиционно является самой «канадской» и самой мощной командой в лиге, которая традиционно исповедует жёсткий хоккей с высочайшей частотой интенсивных столкновений и силового давления. После ухода в начале 70-х из команды великих Бобби Халла и Стэна Микиты Чикаго традиционно имеет сильных вратарей и мощную защиту на фоне обычно посредственных нападающих. Единственным исключением в последнюю четверть века был чрезвычайно техничный дриблер Дени Савар. В последние годы символом клуба были энергичный и заводной «работяга» Джереми Реник и многолетний капитан, абсолютный середнячок Дирк Грэхэм, лишь однажды в своей долгой карьере преодолевший рубеж в 30 голов.

В современном Чикаго есть Крис Челиос (35, 185, 85) – один из самых выдающихся защитников в истории НХЛ, набравший за свою карьеру 720 очков и более 2000 штрафных минут в 920 играх; чрезвычайно эффективные форварды Этан Моро (22, 188, 93) и Эрик Дазе (22, 193, 92); названный в номинации прошлого года на приз лучшему новичку лиги, самый знаменитый тафгай в истории НХЛ (2653 штрафных минуты); переживающий вторую молодость Боб Проберт (32, 190, 98); очень хороший плеймейкер Алексей Жамнов (27, 185, 88), выменянный на Реника, и целая серия средних, но добрых игроков, либо заканчивающих свою карьеру звездных ветеранов – Тони Амонти (27, 183, 85), Дени Савар (36, 178, 79), Брент Саттер (35, 180, 82), Мюррей Крейвен (33, 188, 84), Кевин Миллер (32, 180, 86), Джеймс Блэк (28, 180, 84), Джек Шантц (24, 183, 84), Сергей Кривокрасов (23, 180, 84) и др. В обмен на знаменитого, но стареющего вратаря Энди Бельфора команда получила из Сан-Хосе Ульфа Далина и Михала Сикора.

Оборона Чикаго – одна из сильнейших в лиге. Не случайно, что в числе самых результативных игроков команды всегда присутствуют защитники Челиос, Сутер, Уайнрик. Рядом с Челиосом играют техничный, с прекрасным броском, атакующий защитник Гэри Сутер (33, 183, 91); мощные и жесткие бойцы Стив Смит (34, 194, 98) и Кэм Рассел (28, 193, 93), в дополнение к которым клуб прикупил в прошлом сезоне одного из самых грубых и агрессивных тафгаев Энрико Чикконе (27, 193, 100), разменявшего в прошлом сезоне гроссмейстерский рубеж в 300 штрафных минут, а в нынешнем – 200 минут. Под стать лидерам команды и остальные игроки обороны – жесткие и старательные Кейт Карни (27, 188, 93), Михал Сикора (24, 196, 102) и Эрик Уайнрик (30, 185, 95). Практически все защитники Чикаго готовы участвовать в боевых действиях с любым противником и, даже больше, некоторые из них сами активно их провоци-

руют (Челиос, Смит и особенно Чикконе и Рассел). Поэтому они имеют массу штрафного времени: Рассел – 699 в 313 играх, Чикконе – 1153 в 273 играх, Сутер – 1070 в 840 играх, Челиос – 2038 в 920 играх и Смит – 2000 в 702 играх.

Атака Чикаго традиционно состоит из чеккеров, главной задачей которых является силовое «продавливание» обороны противника. Среди чекинг-форвардов есть технически более оснащенные, а есть и откровенные «бей-беги-толкающие». Но в целом к этой группе форвардов относятся практически все нападающие Чикаго – опытные Брент Саттер, Мюррей Крейвен, Кевин Миллер, Джеймс Блэк, Адам Крайтон, молодые – Этан Моро, Эрик Дазе и Джек Шантц. Тех же, кто пытается играть в техничный и искусный хоккей, в Чикаго немного – Алексей Жамнов, Дени Савар, Тони Амонти, Сергей Кривокрасов, Ульф Далин и все. Явных бойцов, стремящихся «размазать» и запугать противника, тоже хватает: Боб Проберт и Джим Камминс (26, 188, 93) – лучшие из них.

В прошедшем сезоне лишь трое игроков забили 20 и больше шайб: Амонти – 41, Дазе – 22, и Жамнов – 20, девять хоккеистов забили 10 голов и больше, лишь двое набрали 50 и больше очков – Амонти (77) и Жамнов (62). По показателю +/– лучшие в команде Амонти – плюс 35, Карни – плюс 26, Уайнрик – плюс 19, Жамнов – плюс 18, Челиос – плюс 16. Проберт набрал 326 штрафных минут, а рубеж в 100 штрафных минут преодолели Чикконе (233), Камминс (199), Челиос (112) и Моро (123). С таким составом Чикаго ничего не мог выиграть, хотя покалечить мог кого угодно. Классный Колорадо легко переиграл мощный, но абсолютно не мастеровитый Чикаго.

Вообще в нынешнем сезоне «класс» чаще всего брал верх над силой, чем в прошлые годы. Так, умный и техничный Детройт выиграл у Сент-Луиса. После того, как Майк Кинан возглавил «Блюз», этот клуб стал привлекать к себе очень

много внимания. Сент-Луис перебрал не один десяток игроков за последние два года. В итоге Кинан ничего не добился, подорвал свою репутацию, вступил в конфликт с лидером «блюзменов» Бреттом Халлом и был бесславно уволен владельцами клуба. На смену ему был назначен бывший помощник Марка Крофорда по Колорадо, аналитик Жоэль Кенневиль, сумевший навести порядок в Сент-Луисе.

В клубе есть разные хоккеисты, но меньше всего умных и техничных мастеров типа великого Уэйна Гретцки, который ушел в межсезонье в «Рейнджерс». В нынешнем составе есть классный голеодор Бретт Халл (33, 178, 91) и очень умный тактик Пьер Таржон (28, 185, 88). Остальные игроки были подобраны еще Кинаном по принципу «бей-беги» и «бысь на смерть за каждую шайбу». Защитники в клубе очень мощные и жесткие – Крис Пронгер (23, 196, 100), опытный снайпер с сильнейшим в лиге броском Эл Макиннис (34, 188, 89), Трент Йони (32, 190, 88), Либор Забрански (24, 190, 89), Игорь Кравчук (31, 185, 91), Рихард Персон (28, 188, 93), Джейми Риверс (22, 183, 86), Марк Бержевен (32, 185, 90), Рори Фитцпатрик (22, 185, 93), Крис Макэлпайн (26, 183, 95) и др.

В атаке сплошь одни чекеры – более классные Джейфф Куртнолл, Джо Мерфи, Крейг Мактавиш, Джим Кэмпбелл, менее искусные – Стефан Лич, Стефан Мэттью, Гарри Йорк, Скот Пелерин, Крейг Конрай, Сержио Момессо, Роб Пирсон и др. Боевая линия Сент-Луиса – одна из сильнейших и самых агрессивных в лиге. Тони Твист (28, 185, 100) считается самым главным претендентом на место главного тафгая лиги, и Бобу Проберту в ближайшее время наверняка придется потесниться. Твиста всегда были готовы поддержать знаменитый тафгай Майк Пелузо (32, 193, 100), набравший в своей карьере более 1800 штрафных минут, известные бойцы Лич, Момессо, горячий Пронгер, Пирсон, Мэттью и др.

Сенсация имела место лишь в серии Далласа с Эдмонтоном. Ко всеобщему удивлению, 13-й по итогам чемпионата клуб лиги Эдмонтон обыграл вторую команду регулярного сезона. Айнахам в тяжелой битве обыграл Феникс за счет сверхусилий своих звезд Карии и Селянне.

Вообще в НХЛ четко наметилась тенденция разделения клубов на две основные группы, с одной стороны, мощных силовиков в лице Филадельфии, Чикаго, Нью-Джерси и Баффало, весьма близких к ним по стилю игры Флориды, Сент-Луиса, Эдмонтонса, Вашингтона, Айлендерса, Далласа, Хартфорда, Тампы и старательно подражающих им Бостона, Монреаля, Феникса, Торонто, Ванкувера, Калгари, Лос-Анджелеса, Айнахайма и Сан-Хосе, а, с другой стороны, на умных технарей в лице Колорадо, Детройта, «Рейнджерса» и Питтсбурга, предлагающих играть в более интеллигентный и техничный хоккей. Пожалуй, единственный клуб, с трудом поддающийся идентификации, – это Оттава, которая однозначно не относится ни к тем, ни к другим. В регулярном сезоне преимущество было на стороне первых, но в «плэй-офф» команды второй группы, занявшие соответственно 1-е, 5-е, 8-е и 10-е места в чемпионате, стали явно доминировать. Пожалуй, не повезло Питтсбургу, попавшему на сверхмощную Филадельфию. Остальные «умники» прошли во второй круг, где их ждали клубы из первой группы.

Во втором круге, как и ожидалось, лидеры Западной конференции не без усилий разобрались со своими оппонентами. Детройт обыграл Айнахайм, а Колорадо нокаутировал Эдмонтон. В Восточной конференции Филадельфия не без труда переиграла настырный и драчливый Баффало, а вот один из фаворитов – мощный и жесткий Нью-Джерси неожиданно для всех «споткнулся» о мягкий и легковесный «Рейнджерс». Удивительно, с какой легкостью «Нью-Йорк Рейнджерс» обыграл «Дьяволов» из района по другую сто-

рону Гудзона. Феноменально сыграл великий Уэйн Гретцки, вспомнивший свою победную молодость и едва ли не в одиночку переигравший мощную оборону Нью-Джерси.

Итак, в полуфинальную часть нынешнего Кубка Стэнли вышли Детройт и Колорадо на Западе и «Рейнджерс» и Филадельфия на Востоке. Рассмотрим достоинства и недостатки лидеров сезона.

«Детройт Ред Уингз»

Успехи Детройта в последние годы обычно связывали не только с Боумэном, но и с двумя суперзвёздами – Сергеем Фёдоровым и Стивом Айзерманом. Помимо этого, в составе Детройта немало было и других классных игроков. В защите – это лучший атакующий игрок в истории НХЛ Пол Коффи (184 см, 86 кг), набравший более 1400 очков за свою хоккейную карьеру, очень талантливый швед, атакующий защитник Никлас Лидстром (27 лет, 188, 84) и один из лучших защитников оборонительного плана в лиге – жесткий Владимир Константинов (30, 183, 86) по прозвищу Терминатор (Владиатор). Но у Коффи (36), как и у большей части защитников Детройта – ветеранов Вячеслава Фетисова (39, 185, 100), Боба Роуза (33, 188, 95), Майка Рамсея (37, 190, 88), лучшие времена позади. Молодые Джейми Пушор (24, 190, 87) и Аарон Уорд (24, 188, 91) в составе появлялись эпизодически. То, что у Детройта серьезные проблемы с защитой, стало ясно ещё в позапрошлом году, в финале «плэй-офф», когда она просто развалилась в игре с Нью-Джерси.

Команде явно не хватало пары крупных мощных защитников, способных «заломать» любых чекинг-форвардов,

типа Скотта Стивенса (188, 95) из Нью-Джерси, Марка Тинорди (194, 97) из Вашингтона, Дериана Хатчера (196, 102) из Далласа, Джеффа Бьюкибума (196, 102) из «Рейнджерса», Дэйва Мэнсона, Кэма Рассела, Энрико Чикконе или Стива Смита из Чикаго.

В течение двух прошлых сезонов Детройт, к удивлению большинства аналитиков, не предпринял никаких серьезных усилий на трансферном рынке и команда так и не обзавелась необходимыми игроками. Самое поразительное заключается, однако, в том, что по итогам последних регулярных сезонов легковесная защита Детройта пропускала меньше всех, но заслуга в этом скорее принадлежала нападающим команды, нежели игрокам обороны.

Атака у Детройта, несомненно, одна из самых лучше в лиге. Помимо того, что Фёдоров и Айзерман считаются лучшими нападающими оборонительного плана в НХЛ, они способны забивать по 50 голов за сезон – гроссмейстерский показатель экстра-класса, который доступен только самым великим. За шесть сезонов в лиге с 1990 по 1996 гг. Федоров (28, 186, 91) в 432 играх забил 212 шайб и набрал 529 очков. В свою очередь, Айзерман (32, 180, 84) в 942 играх забил 517 голов и набрал 1255 очков.

Великолепные бойцовские качества, настойчивость и задиристость позволили Дино Сиссарелли (37, 178, 79) войти в элиту НХЛ с 551 голами и 1100 очками в 1079 играх. Ветераны Боб Эрри (33, 178, 84) и Даг Браун (33, 178, 84) никогда особо не блестали, но в Детройте заметно оживились и вместе с более молодыми Мартином Лапойнтом (24, 180, 91), Крисом Дрэйпером (26, 180, 84), Тимом Тейлором (28, 185, 84) и Кирком Молтби (25, 183, 82) охотно взяли на себя «черновую» работу. Очень талантливыми и перспективными считались Вячеслав Козлов (25, 178, 82), забивающий более 30 шайб за сезон, и великан Кейт Примо (26, 195, 100), обещающий стать мощным, пробивным «забивалой» таранного типа. Не

без способностей молодые Мэтью Дандено (21, 183, 79), Грег Джонсон (26, 178, 79) и мощный Дарен Маккарти (25, 186, 95), который по совместительству играет роль «телохранителя» Стива Айзермана и чекинг-форварда во второй пятерке Детройта. Сенсацией за эти годы стал один из немногих обменов Детройта в прошлом сезоне, когда известного бомбардира Рая Шеппарда, на протяжении пяти сезонов стабильно забивавшего более 30 голов, а в последнем полном сезоне – 52 шайбы, но мягкого и традиционно плохо играющего «плэй-офф» (всего 15 голов и 26 очков в 49 играх), поменяли на русского ветерана Игоря Ларионова (36), считающегося одним из лучших плеймейкеров в лиге и набравшего 51 очко в 63 играх на Кубок Стэнли.

Вокруг Ларионова была создана «наделавшая» много шума, особенно в прошлом сезоне, знаменитая русская пятерка – Фетисов и Константинов в защите, Федоров, Ларионов и Козлов в атаке. Классные, искусные игроки, к сожалению, в своём большинстве в преклонном для хоккея возрасте, смогли неплохо провести прошлый сезон и стабильно обеспечивали в каждой игре важные очки для команды. Однако по ходу сезона Боумэн не раз тасовал состав, поскольку в полной мере русская пятерка не могла обеспечить интересы команды как из-за того, что Фёдоров был вынужден играть на непривычной для себя позиции оттянутого крайнего форварда, уступив позицию центрфорварда Ларионову, так и из-за недостаточной активности маленького и лёгкого Козлова, который лучше смотрелся в паре с мощным Примо. Вообще нападение Детройта накануне нынешнего сезона было самым маленьким и легким в лиге. Больше половины нападающих были ростом 180 см и меньше – Браун, Сиссарелли, Эрри, Дрейпер, Джонсон, Козлов, Лапойнт, Ларионов и Айзерман. И это на фоне среднестатистического НХЛовского форварда в 185 см. и весом 85-88 кг. Только лишь один Примо был grenadierского роста.

Плохо у команды было и с бойцами. Обычно каждая команда имеет как минимум 2-3, а лучше 4-5 так называемых «полицейских» или «тафгаев» (крутых парней), способных нейтрализовать бойцов противника или припугнуть их лидеров. Самая жёсткая команда 80-х годов, каковой был Детройт прежде, стала теперь самой обижаемой в лиге. После ухода из Детройта в Чикаго самого крупного тафгая в истории НХЛ Боба Проберта команда осталась без «прикрытия». Правда, перед началом прошлого сезона Детройт прикупил Стю Гrimsona по прозвищу «Комбайн» – самого крупного и мощного бойца в лиге (196 см, 103 кг), но имеющего серьёзные проблемы с катанием и не пользующегося непрекращающим авторитетом Проберта, к тому же потерпевшего ряд поражений в принципиальных боях против Тая Доми, Джино Оджика и др. Обычно Гrimson выходил на лёд очень редко и абсолютно не вписывался в игровой стиль Детройта. Поэтому Боумэн заявлял его в состав только в матчах против самых драчливых команд в лиге – Чикаго, Далласа, Сент-Луиса, Торонто, Филадельфии, Вашингтона и Айлендерса. Обязанности «полицейских» приходилось по совместительству выполнять игрокам, которые в принципе не должны были этим заниматься, – Примо и Константинову. Среди других игроков больше всех тяготели к этому Роуз, Маккарти и Лапойнт. В этой связи весьма странной стала продажа в прошлое межсезонье мощного защитника Терри Каркнера (190, 95), способного запугать любого противника или противостоять самым крутым агрессорам других команд.

Но главной проблемой Детройта традиционно являются вратари, которые регулярно подводят команду в самые ответственные моменты. С приходом в 1993 году Боумэна «Крылья» начали поиск классного вратаря и осуществили обмен Тима Шевелдэ и Далласа Дрейка на Боба Эссенсу и Сергея Баутина из Виннипега, а затем в обмен на опытного

защитника Стива Чиассона приобрели известного кипера Майка Вернона, с помощью которого Калгари в 1989 году выиграл Кубок Стэнли. Но Вернон, неплохо проведший позапрошлогодний укороченный сезон, явно подвел Детройт в финальной серии с Нью-Джерси, сыграв на редкость плохо. В прошлом сезоне у Вернона коэффициент пропущенных шайб за одну игру составлял 2,26. Большие надежды возлагались на молодого и талантливого Криса Осгуда (24), вроде бы неплохо отыгравшего прошлый регулярный сезон (2,17) и названного в номинации на Везина Трофи – приз «Лучшему вратарю лиги», но который не отличается стабильностью и чередует блистательную игру с явными провалами, как, например, во второй игре прошлогодней четвертьфинальной серии «плэй-офф» с Сент-Луисом, когда он пропустил между щитков такую шайбу, которую ни за что бы не пропустил самый неопытный новичок. Так что слабые места Детройта в борьбе за Кубок Стэнли были для всех очевидны – маленькие, легкие нападающие, явный перебор ветеранов в защите, отсутствие крупных мощных защитников, жестких чеккеров, играющих «полицейских» и, самое главное, – слабые вратари. В позапрошлом розыгрыше Кубка Стэнли все плюсы Детройта – быстрые, техничные и маневренные форварды, подвижные атакующие защитники, наложенные комбинационные связи и отработанная игра в пас, результативная игра в нападении, класс Фёдорова и Айзермана – не смогли уравновесить вышеупомянутые минусы команды. В прошлом году минусы Детройта не были ликвидированы, а плюсов, как я думаю, за исключением приобретения Игоря Ларионова, не прибавилось. Поэтому, как полагали аналитики, если Детройт и выиграет Кубок Стэнли, то только благодаря своему классу и умению терпеть жёсткость оппонентов. По итогам прошлого сезона в Детройте лишь один Фёдоров набрал более 100 очков,

три игрока забили более 30 шайб: Фёдоров (39), Айзерман (36) и Козлов (36); пятеро забили более 20 шайб – Примо (27) и Сиссарелли (22); 14 игроков забили больше 10 шайб – больше, чем в любой другой команде в лиге; семь игроков набрали более 50 очков – Фёдоров, Айзерман (95), Коффи (74), Козлов (73), Лидстрем (67), Примо (52) и Ларионов. А по показателю плюс-минус (+/-) игроки Детройта не имели равных в лиге – у них были в прошлом сезоне рекордные показатели – у Константинова – плюс 60, Фёдорова – плюс 49, Фетисова – плюс 37, Козлова – плюс 33, Ларионова – плюс 31, Эри – плюс 30, Айзермана – плюс 29, Лидстрема – плюс 29 и др. Лишь у одного игрока Детройта был отрицательный показатель – минус 10 и, конечно же, у бойца Стию Гrimsona.

Несмотря на все достижения и рекорды, Детройт проиграл уже в полуфинале Колорадо, уступив более жёсткому сопернику, который просто смял и подавил детройтцев, а Клод Лемье сломал челюсть Крису Дрейперу.

В отличие от прошлого рекордного сезона и провального розыгрыша в Кубке Стэнли, в нынешнем чемпионате Детройт не стремился к громким победам в каждом матче и теперь во всех играх строго выдерживал вариант игры с четырьмя тройками, несмотря на результат. Но, самое главное, что Боумэн наконец-то провел ряд очень важных трейдов. В первой трети сезона он осуществил сенсационный обмен, отдав в Хартфорд Кофи и Примо на Шэнахана и Брайана Глина. Брэндан Шэнахан (28, 190, 99) – мощный, азартный и забивной форвард за 8 полновесных сезонов в лиге в пяти из них забивал по 30 и более голов. В трех последних полновесных сезонах он забивал по 51, 52 и 44 гола. Примо за это же время забил, соответственно, 15, 31 и 27 голов, а Кофи – 12, 14 и 14. Итак, Шэнахан стабильно забивал больше, чем отдавшие за него игроки. В его лице клуб приобрел третью звезду и настоящую боевую силу.

Затем клуб привлек в свои ряды взамен Гримсона (также отданного в Хартфорд) бывшего бойца «Рейнджеров» Джо Кочура (32, 183, 93), а молодого, легкого и верткого Грега Джонсона поменял на опытного Томаса Сандстрема (32, 188, 93), забившего в прошлом сезоне 35 голов за Питтсбург. В последний день обменов Боумэн выменял в Торонто опытного защитника Лэрри Мэрфи (36, 188, 95). В дополнение к этому клуб привлек в свои ряды жёсткого шведа Томаса Холмстрема (24, 183, 91), сильного бойца Марка Мэйджора (27, 190, 101) и др. Из команды были отпущены ветераны Боб Эрри и Дино Сиссарелли.

С новым более агрессивным пополнением Детройт срезно изменил свой стиль, став командой, способной демонстрировать разную игру различными звеньями. Команда была построена вокруг трех звёзд, трех лидеров клуба – Шэнхана, Айзермана и Фёдорова.

Звено с мощным Шэнханом, обслуживать которого был направлен лучший плеймейкер клуба Игорь Ларионов и работоспособный Мартин Лапойнт, демонстрировало агрессивный атакующий хоккей, которого так не хватало Детройту в прошлые годы, и было способно подавить любого противника. Шэнхан провел удачный сезон, забил 47 голов и набрал 88 очков и 131 штрафную минуту. Ларионов набрал более 50 очков, а Лапойнт забил 16 голов и набрал 167 минут штрафа.

Иной стиль игры демонстрировало звено во главе с искусственным капитаном клуба Стивом Айзерманом, который, в отличие от прошлых лет, стал не только много забивать, но и много-много работать, не чураясь оборонительных функций (85 очков и 22 гола). Рядом с ним после нескольких сезонов сильно прибавил Дарен Маккарти, ранее работавший на капитана, а ныне начавший регулярно набирать очки сам, – 19 голов, 49 очков и 126 минут штрафа. Партнеры здесь часто менялись, но к концу сезона вместе с ними

чаще стал играть опытный Томас Сандстрем. Эта тройка нередко отрабатывала против лидеров других клубов, например, в матчах с Колорадо играла против тройки Лемье – Форсберг – Каменский.

Третья тройка строилась вокруг Сергея Фёдорова, быстрого, подвижного и умного форварда (30 голов), рядом с которым играли Козлов (23 гола) и в конце сезона «работяга» Даг Браун или способный Мэтью Данлендо. При этом Фёдоров успевал отрабатывать в обороне и нередко выходил четвертым нападающим при игре в большинстве.

Впервые у клуба появилась полноценная четвертая тройка чеккеров с очень сильно прибавившим в этом сезоне Кирком Молтби, очень быстрым и работоспособным Кирком Дрейпером и жёстким Джо Кочуром, способная нейтрализовать силовые звенья других клубов, их крэш-линии.

Защита Детройта осталась по-прежнему легкой и не очень жёсткой. Лишь Константинов (151 штрафная минута) и отчасти Джейми Пушор (129 минут штрафа) пытались жёстко встречать оппонентов в своей зоне. Остальные защитники, за исключением Боба Роуза, не были способны к агрессивному и контактному хоккею. Но делу помогали быстрые руки, опыт, хорошее катание и позиционное «чутьё» Линдстрема, Фетисова, Мерфи и молодого Уорда. Мерфи заметно усилил атакующую мощь клуба (45 очков).

Шансы Детройта в нынешнем Кубке Стэнли оценивались достаточно высоко, хотя и несколько ниже, чем шансы классного, с прекрасным набором игроков Колорадо и мощных, жёстких и агрессивных, но более прямолинейных Филадельфии и Нью-Джерси. Но после выхода конференции в финал о Детройте все заговорили как об одном из наиболее реальных кандидатов на победу.

«Филадельфия Флайерз»

Полной противоположностью Детройту являлся другой фаворит – самый мощный по физическим данным клуб в лиге «Филадельфия Флайерз», созданный бывшим капитаном, а ныне генеральным менеджером клуба Бобби Кларком по образцу и подобию «Летчиков» середины 70-х годов, когда Филадельфия дважды выигрывала Кубок Стэнли. Та команда отличалась редчайшим сочетанием силы, мощного напора, воли, агрессивности, жёсткости, переходящий в жестокость, мастерства и высокого класса, на долгие годы став идеалом для сторонников силового хоккея. Достаточно вспомнить имена лидеров той команды: Бобби Кларка, Бilla Барбера, Реджи Лича, Рика Маклейша, Берни Парента, Джо и Джима Уотсонов, Андре Дюпона (по прозвищу «Лось»), Эdda Ван Импа, Гэри Дорнхофера, Росса Лонсбери, Ореста Киндрачука, Дона Салецки («Бешеного пса»), сильнейшего бойца в лиге Дейва Шульца («Кувалды») и др. Символом нынешней Филадельфии, бесспорно, является её капитан Эрик Линдрос – самый мощный игрок среди звёзд, самый звездный среди тафгаев лиги, технарь среди бойцов, боец, который не уступит ни одному драчуну в НХЛ. Горячий и заводной Эрик готов принять любой вызов и является одним из самых не просто жёстких, но жестоких и беспощадных игроков в лиге, иметь дело с которым решаются лишь считанные единицы. Единственная звезда, которой не требуется специальная охрана, поскольку он готов постоять не только за себя, но и за своих партнеров, что он прекрасно продемонстрировал в схватках с мощным Скоттом Стивен-

сом, жёстким Игорем Улановым, драчливым Шейном Чурлоем в прошлом и нынешнем сезонах.

Эрику Линдросу 23 года, его рост 194 см, вес 104 кг и при таких габаритах он не уступит ни в скорости, ни в технике, ни в характере никому в лиге. Главное достоинство Линдроса – характер подлинного лидера и бойца, способного повести за собой к победе любых середнячков, из которых и состоит современная Филадельфия. Не случайно, что Эрик был назван в прошлом году в номинации на «Харт трофи» – приз самомуенному игроку лиги вместе с великими Марио Лемье и Марком Мессьеом. Уже сейчас Линдрос – звезда высочайшего класса, которая в ближайшие годы станет подлинной суперзвездой. Но только победа в Кубке Стэнли станет для Линдроса пропуском в Пантеон Великих.

В свое время, чтобы заполучить Линдроса, выбранного по драфту «Квебек Нордикс», Филадельфия отдала за него сразу 6 сильнейших игроков: Рона Хекстола, Майка Риччи, Петера Форсберга, Стива Дюшене, Керри Хаффмэна, Криса Саймона, драфт (Жоселина Тибо) и наличные. От этого обмена выиграли обе команды – Квебек впервые в своей истории прочно встал на ноги и сейчас, преобразившись в Колорадо, является одним из главных фаворитов и лидеров в лиге.

После своего прихода в команду Кларк провернул целую серию очень удачных обменов, давших «Флайерз» немало хороших игроков. Особенно много шума наделал обмен прежнего лидера команды Марка Реки в Монреаль сразу на трех сильных игроков – мощного, атакующего защитника Эрика Дежардена; крупного, силового чекинг-форварда Джона Леклера – абсолютно лучшего в лиге по игре на «пятачке» на добивании, и Жильбера Дионна. Этот обмен пошел на пользу, прежде всего, Филадельфии – Леклер стал настоящей звездой, достигнув в прошлом и нынешнем сезонах гроссмейстерского результата в 50 голов. Леклер (27, 188, 100) вместе с Линдросом и техничным плеймейкером

Микаелем Ренбергом (24, 188, 99) создал знаменитый роковой «легион Дум-Дум» – самую мощную и пробивную тройку в НХЛ.

При наличии Линдроса, Леклера и Ренберга имена остальных игроков Филадельфии мало что значат. Но, тем не менее, надо отметить отлично отыгравшего прошлый сезон Рона Хекстолла (2,17), в нынешнем – 2,56, самого задиристого и драчливого среди вратарей лиги, истинного «филадельфийца», который не смог прижиться ни в Квебеке, ни в Айлендерсе и заиграл снова, вернувшись в 1994 году во «Флайерз». У него неплохой партнер Гарт Сноу (2,88 в прошлом и 2,52 в нынешнем сезонах).

Задиризм Филадельфии, достаточно крупная и жёсткая, за рекомендовала себя неплохо, показав 8-й результат по пропущенным шайбам – умный и грамотный разыгрывающий, правда, немного подрастерявший свою квалификацию Эрик Дежарден (27, 185, 91), опытный Челль Самюэльссон (38, 198, 106), способные подавить любого соперника, жёсткий и силовой защитник Крис Териен (25, 194, 104) и приобретенный в Эдмонтоне драчливый грубиян Мишель Пети (33, 185, 93); быстрые, разворотливые и неуступчивые Петр Свобода (31, 185, 80), Карл Дайхаус (25, 190, 89) и младший брат известного тафгая Джона Кордика, мощный боец Дан Кордик (25, 196, 100), способный постоять за партнеров в любой схватке и нейтрализовать любого «полицейского». Вспоминается, как в матче с Питтсбургом Кордик буквально одним ударом свалил с ног мощного Франсуа Леруа (196, 106).

В нынешнем сезоне оборона «Флайерз» получила очень сильное подкрепление в лице сверхталантливого Янне Нинимаа (22, 185, 90) и знаменитого Пола Коффи, выменявшегося в Хартфорде.

Учитывая габариты и характер игроков обороны Филадельфии, противники обычно не рискуют появляться на пятаке перед воротами Хекстолла, ибо мощные защи-

ники «Флайерз» и не уступающие им в физических данных Хекстолл (190, 87) и Сноу (190, 91) способны выбросить оттуда практически любого нападающего.

Но самой мощной линией в команде является атака, где общий вес игроков только первой тройки (Линдроса, Леклера, Ренберга) превышает 300 кг. Под стать им известный боец-центрфорвард Жоель Otto (194 см и 100 кг), штатный «полицейский» Скотт Дэниелз (190, 91), приобретенный в Хартфорде на смену отданному в Питтсбург и не задержавшемуся в команде тафгаю Шону Ангоски. Прекрасно провел сезон моторный и задиристый Род Бриндамор (26, 185, 91). В прошлом сезоне клуб получил прекрасное пополнение в лице выдающегося ветерана Дейла Хаверчака, выменянного на Крейга Мактавиша в Сент-Луисе. Жестко, агрессивно и задиристо играют опытные Шон Подин (29, 188, 91), Джон Дрюс (31, 188, 88), Пат Фаллун (25, 180, 86), Трент Клэтт (26, 185, 93), Даниэль Лякруа (28, 188, 93) и др. В нынешнем году Кларк ввел в состав чрезвычайно талантливых Дайнюса Зубруса (19, 190, 98) и Вацлава Проспала (22, 188, 84), а также ряд других игроков. Зубрус и Нинимаа стали настоящим открытием.

Главные минусы Филадельфии – это отсутствие «умников» и «технарей», а также то, что без Линдроса Филадельфия играет не лучше Сан-Хосе или Тампы, нестабильность Хекстолла и Сноу, отсутствие быстрых и маневренных атакующих защитников, место которых должны были восполнить, но не смогли в полной мере восполнить ни Нинимаа, ни Коффи, чрезмерное увлечение прессингом и чекингом. Без Линдроса даже Леклер превращается в обычного «бей-беги». Понимая это, Кларк взял в команду очень умного и «тонкого» форварда Хаверчака, забившего в своей карьере гроссмейстерские 506 голов и набравшего 1375 очков в 1137 играх. Команде нужны, как минимум, пара умных распасовщиков типа Адама Оутса или Игоря Ларионова. Если

Линдрос в одиночку сможет, а Леклер, Ренберг и Хаверчак помогут своему лидеру, то тогда Филадельфия сможет «замахнуться» на Кубок Стэнли, предполагали аналитики.

По итогам прошлого сезона Линдрос набрал 115 очков, а с травмой в нынешнем сезоне забил 32 гола и набрал 79 очков и 136 штрафных минут. Леклер забил в прошлом сезоне 51 шайбу, а в нынешнем – 50 голов и набрал 97 очков. В прошлом сезоне 5 игроков забили более 20 голов – Линдрос (47), Бриндамор (26), Фаллун (25) и Ренберг (23), а десять игроков забили больше 10 шайб. В нынешнем сезоне также пятеро забили более 20 голов (Леклер, Линдос, Бриндамор – 27, Клэтт – 24 и Ренберг – 22) и 10 игроков забили больше 10 шайб.

В прошлом сезоне 4 игрока набрали более 50 очков (Линдрос, Леклер (97), Бриндамор (87) и Фаллун (51), в нынешнем также четверо хоккеистов (Леклер, Линдрос, Бриндамор – 59 и Ренберг – 59). По показателю +/- у Свободы в прошлом сезоне было плюс 28, Линдроса – плюс 26, Подина – плюс 25, Леклера – плюс 21, Бриндамира – плюс 20 и Самуэльсона – плюс 20. В нынешнем сезоне Леклер имел плюс 44, Ренберг – плюс 36, Терьен – плюс 26 и Джарден – плюс 25.

Шансы Филадельфии в нынешнем сезоне оценивались весьма высоко. Появление Кофи, Нанимаа, Зубруса и зрелость лидеров Флайерз значительно повышали шансы этой команды.

«Нью-Йорк Рейнджерс»

В отличие от Филадельфии и Детройта, очень проблематичными выглядели шансы великовозрастного и хрупкого «Нью-Йорк Рейнджерса», который, совсем недавно (2-3 года) был, казалось бы, самой сбалансированной во

всех отношениях командой в лиге, когда сила и мощь сочетались с быстротой и маневренностью, опыт с молодостью, мастерство и класс с жёсткими боевыми линиями. Как в прошлом, так и в течение всего нынешнего сезона Нью-Йорк осуществил целую кучу «обменов», в результате которых всё дальше и дальше уходил от идеала по всем параметрам. Практически каждая позиция в клубе была под вопросом. Прекрасный, но не стабильный вратарь Майк Рихтер (2,68), который уже давно перестал «выручать» команду в тяжелые моменты, не имеет хорошего напарника. Гленн Хилли – весьма посредственный середнячок. И тренер Колин Кэмпбелл недостаточно гибок, прямолинеен и не умеет перестраивать командную тактику во время игры.

Старая, тяжеловесная, малоподвижная и в то же время совсем не жёсткая, за исключением от части Ульфа Самуэльссона (33, 185, 88) и Джекфа Бьюкибуна (32, 196, 102), защитная линия не способна обеспечить оборонно-способность своих ворот, совершенно беспомощна против мощных и жёстких Филадельфии, Чикаго, Вашингтона. Рядом с ними не очень надёжно и уверенно играют лучший атакующий защитник НХЛ Брайан Лич (29, 180, 88), быстрый, подвижный, но легкий Брюс Драйвер (35, 183, 84), стареющий Даг Лидстер (37, 185, 91), способный Александр Карповцев (26, 185, 95) и молодой Эрик Кэйрнс (23, 196, 102). Почти сразу бросается в глаза возраст защитников «Рейнджерс» – почти всем далеко за 30 лет, все они явно устали от хоккея, а сил биться и терпеть у них нет, как нет и толковой молодежи.

Атаку «Рейнджеров» возглавляет суперзвездный дуэт самых великих игроков НХЛ, шесть раз приводивший свои команды к победам в Кубке Стэнли – великий Марк Мессье (36, 185, 95), в молодости способный обыграть в одиночку Линдроса и Лемье вместе взятых. Но у Мессье-

ра только один оппонент – возраст. Если Марк будет в порядке, как полагали эксперты ещё в прошлом году, то никто не остановит «Рейнджерс». Но Марк уже не способен выдавать тот звёздный хоккей, который вывел его в разряд великих.

Перед началом нынешнего сезона в «Рейнджерс» пришел великий Уйэн Гретцки. Появилась надежда, что дуэт старых друзей по славному Эдмонтону 80-х годов сможет вдохнуть новую жизнь в возрастной «Рейнджерс». Вокруг Мессьера и Гретцки была сосредоточена достаточно сильная атакующая линия форвардов в лице заводного и агрессивного Адама Грейвза (29, 184, 94), одного из самых быстрых и техничных игроков в НХЛ Алексея Ковалева (24, 183, 91), талантливого Никласа Сундстрема (22, 180, 83), работяги Эсы Тикканена (32, 185, 86), специально выменянного в преддверии «плэй-офф» в Ванкувере на Сергея Немчинова; блистательного бомбардира прошлых лет Люка Робитая (31, 185, 88); молодых и талантливых Даниеля Гено (21, 185, 89); Кристиана Дюбе (20, 180, 77); братьев-близнецов Ферраро – Криса и Птера; старательного Кена Гернандера (27, 178, 79); трудолюбивого Патрика Флэтли (34, 188, 90).

Для охраны такого созвездия прекрасных мастеров и молодежи «Рейнджерс», вместо своего постаревшего и вечно травмированного тафгая Джо Кочура, отданного в середине прошлого сезона в Ванкувер, нанял стареющих ветеранов-чеккеров – Билла Берга (29, 185, 93) и Майка Иствуда (30, 191, 93), молодого бойца Дарена Лэнгдона (25, 185, 91) и известного тафгая из бойцовой элиты НХЛ Шейна Чурлу (32, 1855, 91), разменявшего гроссмейстерский рубеж в 2000 штрафных минут. Предполагалось, что при поддержке мощных Бьюкибума, Кэйрнса, молодого Райана Ванденбуше (24, 180, 85) нью-йоркская линия станет способна противостоять любым агрессорам в лиге. Символом нового

«Нью-Йорк Рейнджерс» должен был стать поединок Чурлы с известным бойцом из Нью-Джерси Майком Пелузо, в котором «рейнджер» отправил на лёд своего оппонента мощным хуком справа.

Но на деле выяснилось, что травмы замучили клуб и его бойцов, а более молодые и агрессивные клубы типа Филадельфии легко подавляли силовые порядки ветеранов «Рейнджерса», и к тому же устраивали явную охоту на звёзд Нью-Йорка Гретцки и Мессьера. Никто из рейнджеровских «полицейских» не смог дать отпор Линдросу и компании. Причем сам Линдрос просто смял Чурлу в матчах «Флайерз» с «Рейнджерами». А известный тафгай Марти Максорли из Сан-Хосе чуть было не сломал Марка Мессьера.

По итогам нынешнего сезона шесть «рейнджеров» забили более 20 шайб: Мессьер (36), Гретцки (25), Сундстрем (24), Робитай (24), Лич (20) и Грейвз (33), одиннадцать игроков забили более 10 голов, пять хоккеистов набрали более 50 очков – Гретцки (97), Мессьер (85), Лич (78), Грейвз (61) и Сундстрем (52). По показателю +/- лучшие в команде – Лич – плюс 31, Сундстрем – плюс 23, Бьюкибум – плюс 22, Робитай – плюс 16 и др.

Таким образом, сложилась патовая ситуация, когда класс великих ветеранов «Нью-Йорк Рейнджерс» никак не находил поддержки и соответствующего прикрытия, безопасность звёзд команды не мог гарантировать ни один из чеккеров и «полицейских» клуба. Не случайно, что «Дьяволы» из Нью-Джерси, проиграв серию, в одной из последних игр устроили настоящую охоту за «рейнджерами», серьезно травмировали молодого Никласа Сундстрема, а мощный боец «дьяволов» Рейд Симпсон крушил налево и направо нью-йоркских игроков.

«Колорадо Авеланш»

Бесспорным лидером прошедшего сезона абсолютно всем представлялся Колорадо, имеющий в своих рядах выдающегося голкипера Патрика Руа (2,32), считающегося лучшим вратарем в НХЛ последнего десятилетия (2,77 и в «плэй-офф» 2,39). Но главным достоинством Колорадо является классная атакующая линия в лице известного снайпера Джо Сакика (28, 180, 84) – 285 шайб и 746 очков в 590 матчах, к которым он приплюсовал в нынешнем сезоне 22 гола и 74 очка; очень талантливого шведа Петера Форсберга (24, 180, 86) – в первом же своем сезоне в позапрошлом году набравшего 50 очков в 47 играх, в прошлом – 30 шайб и 116 очков, а в нынешнем – 28 голов и 86 очков; Валерия Каменского (31, 188, 90), добавившего к своим 238 очкам в 252 играх в прошедшем сезоне 28 шайб и 66 очков, и выдающегося бойца Клода Лемье, приведшего в позапрошлом сезоне посредственный Нью-Джерси к победе в Кубке Стэнли, и прекрасно атакующего защитника, выменянного в Сан-Хосе, Сандиса Озолиньша (25, 190, 93).

Одновременно в команде есть бывалые ветераны и молодые способные игроки. Среди опытных игроков следует выделить нападающих Кейта Джоунса (29, 188, 91), полученного из Вашингтона в обмен на Криса Саймона; Скотта Янга (30, 183, 86); выменянного в Монреале бывшего капитана Канадиенс Майка Кина (30, 178, 82); защитников – мощного немца Уве Круппа, Сильвiana Лефебвра (29, 188, 93); Джона Клемма (227, 190, 91), Аарона Миллера (26, 190, 90) и Алексея Гусарова (32, 190, 84), а среди молодежи – перспек-

тивных нападающих Адама Дэдмарша, Стефана Йелле (22, 185, 74), Рене Корбе (23, 183, 85), Майка Риччи (25, 183, 86) Эрика Лякура (26, 185, 93) и др.

Сильна, хотя и немногочислена, боевая линия Колорадо в лице одного из лучших бойцов лиги Брента Северина (31, 188, 96) и Уэйда Белака (21, 193, 96), которых в любой момент готовы поддержать агрессивные нападающие Клод Лемье (31, 185, 98), Эрик Лякура, Майк Риччи и Адам Дэдмарш (21, 183, 88), мощные защитники Адам Фут (25, 185, 92), Джон Клемм, Аарон Миллер и Уве Круп (31, 198, 107).

В прошлом сезоне Сакик и Форсберг набрали более сотни очков – 120 и 116 очков соответственно, Сакик забил 51 гол, шесть игроков забили более 20 шайб – Лемье (39), Каменский (38), Форсберг (30), Янг (21) Дэдмарш (21), десять хоккеистов забросили более 10 шайб, шесть игроков набрали более 50 очков – Каменский (85), Лемье (71), Янг (60). Более 100 штрафных минут у Саймона (250), Рейчела (147), Дэдмарша (142) и Лемье (117). По показателю +/- лучшими в команде были – Лесишин – плюс 32, Гусаров – плюс 29, Фут – плюс 27, Форсберг – плюс 26, Лефебвр – плюс 26, Воланин – плюс 25, Дэдмарш – плюс 20.

В нынешнем сезоне шесть игроков забросили более 20 шайб (Дэдмарш – 33, Каменский – 28, Форсберг – 28, Джоунс – 25, Озолиньш – 23, и Сакик – 22); двенадцать игроков забили 10 и больше голов, пять игроков набрали 50 и больше очков (Форсберг – 86, Сакик – 74, Озолиньш – 68, Каменский – 66 и Дэдмарш – 60). Более 100 штрафных минут набрали Северин (193), Дэдмарш (136), Фут (135) и Джоунс (118). По показателю +/- лидируют Форсберг – плюс 31, Фут и Лакруа – по плюс 16, Миллер – плюс 15, Корбе – плюс 14, по плюс 12 имеют Клемм, Круп и Лефебвр.

В целом Колорадо провел сезон сильно и надёжно, но недостаточно мощная и классная оборона оставалась явно слабым местом команды. В нынешнем чемпионате и серии

«плэй-офф» четко определилась и другая слабость Колорадо – это малочисленность боевых порядков клуба. «Авеланш» стал, наверное, единственной командой лиги, которая ничего не сделала для укрепления своей обороноспособности. Более того, клуб в начале сезона отдал своего штатного бойца, индейца по происхождению Криса Саймона (25, 190, 99), признанного сильнейшим тафгаем лиги по опросу журналистов, в Вашингтон. Второй «полицейский» Колорадо Уоррен Райхел также был отпущен в «Анахайм». Взамен них был взят из «Айлендерс» Брент Северин – очень квалифицированный и сильный, но узкий специалист со своеобразной «раскачивающе-борцовской» манерой боя, которая, однако, не обеспечивала необходимого эффекта. Иначе говоря, Северин мог нейтрализовать любого оппонента, но не мог подавить или сломать его. При этом, что немаловажно, Северин никогда не пользовался таким непрекаемым авторитетом среди тафгаев лиги, как, например, Боб Проберт, Тони Твист, Крис Саймон, Марти Максорли, Кен Баумgartнер или закончивший играть Дэйв Браун.

В конце нынешнего регулярного сезона произошел весьма примечательный инцидент. Учитывая то, что Клод Лемье в прошлом «плэй-офф» сломал Дрейпера, а Колорадо выбил Детройт из розыгрыша Кубка Стэнли, практически все болельщики требовали реванша и мести, а журналисты предсказывали серьезный конфликт между двумя клубами. И действительно, во время последнего матча чемпионата НХЛ между Детройтом и Колорадо произошла ожесточенная драка всех игроков, в ходе которой больше всех пострадали звезды «Авеланша»: вратарь Патрик Руа и душа и лидер команды Клод Лемье. Не нашлось никого, кто смог бы обеспечить безопасность лидеров Колорадо. Если бы в составе «Авеланша» был Крис Саймон, то никто бы не посмел обидеть его лидеров. Разъяренный тренер Колорадо Марк Крофорд набросился с кулаками на своего оппонента, го-

дящегося ему в отцы, Скотти Боумэна и назвал Детройт самой жестокой и мстительной командой.

В преддверии финального матча Западной конференции этот инцидент в глазах многих специалистов и болельщиков стал символизировать соотношение сил между Детройтом и Колорадо. Аналогично тому, как соотношение сил между другими финалистами в Восточной конференции – Филадельфией и «Рейнджерс» – символизировал инцидент между Линдерсом и Чурлой в регулярном чемпионате, в ходе которого «летчик» грубо сломал нью-йоркского бойца.

Финальная часть кубка Стэнли 1997 года

Колорадо накануне решающих игр с Детройтом потерял из-за травм двух очень сильных хоккеистов, способных обеспечить жесткую и агрессивную игру в атаке. Это, прежде всего, прекрасно зарекомендовавшего себя новичка Кейта Джоунса, полученного из Вашингтона в обмен на Криса Саймона, и мощного защитника Уве Круппа, забившего в прошлом году решающий гол в финальной серии «плэй-офф» с Флоридой. Детройт, наоборот, был во всеоружии и не имел никаких проблем с составом. По классу команды были равнозначны, но в настроении Колорадо чувствовалась некоторая обреченность. Чувствовался победный настрой Детройта, его уверенность в своих силах и гораздо больший настрой на победу.

Судьба серии фактически была решена в противостоянии Лемье Детройту, в противостоянии звезд и вратарей клубов. Если до неё из 47 заброшенных командой в «плэй-офф» шайб (в среднем Колорадо забрасывал 4,2 шайбы за игру) –

Клод Лемье в 11 играх забросил 10 (90,9%), Каменский – 8 (72,7%), Сакик – 4 (36,3%), Форсберг – 5, Озолиньш – 4, то в серии с Детройтом было заброшено всего 12 шайб (2,0 за игру), а Клод Лемье в 6 матчах забил всего 3 гола (50%), Каменский, Форсберг и Озолиньш – ни одного, зато блеснул Сакик, забросивший 4 шайбы (66,6%). Но этого оказалось недостаточно для победы. Старался Патрик Руа, до серии с Детройтом пропускавший в среднем 2,27 гола за игру, а в дерби с «Красными крыльями» пропускавший и того меньше – 2,00, но полностью проваливший четвертую игру, проигранную 0:6.

В Детройте дела обстояли следующим образом. До серии с Колорадо команда забросила 26 шайб (2,6 за игру) а его лидеры в 10 играх забили: Козлов – 5, Шэнхан – 4, Федоров – 2 гола и Айзерман – 3. В 6 матчах с Колорадо детройцы забили 16 шайб (2,6) и больше других: Фёдоров – 3, Ларионов – 3, Шэнхан – 2, Козлов – 3, Молтби – 2. Вернон сыграл блестяще и пропустил 10 шайб – 1,88 шайбы за игру, хотя в пятой игре умудрился пропустить 4 шайбы за 22 минуты.

В итоге Детройт в упорной и жёсткой шестиматчевой серии, которая в четвертой и пятой играх бесконечно переходила в открытые потасовки и жестокие драки, выиграл у Колорадо, в первую очередь нейтрализовав Клода Лемье и других лидеров «Авеланша».

Психологическое противостояние враждующих клубов закончилось превосходством более агрессивно настроенного и изголодавшегося по победам Детройта. Смею предположить, что если бы Колорадо устоял в последней игре регулярного чемпионата против «Красных крыльев» и не позволил бы запугать своих лидеров, то итог серии мог бы быть иным. Но в любом случае следует отметить очевидный прогресс Детройта в таком важном, если не самом главном компоненте игры, как в силовой борьбе и способности противостоять жесточайшему прессингу и ежесекундному давлению боевых линий противника. Детройт, благодаря

удачным трейдам и приобретениям, существенно усилил свои «бизепсы» и гармонизировал свой состав в соответствии с требованиями времени.

Эту закономерность – обязательного соответствия класса и мощи – подтвердила другая полуфинальная пара – Филадельфия – «Рейнджерс». Искусный, но хрупкий и легковесный «Рейнджерс» был почти без сопротивления жестоко избит «Летчиками» из Филадельфии. Символом этой серии стали несколько эпизодов, в одном из которых лежащий на льду Гретцки после грубого удара Дежардена по рукам жалобно смотрит на судей и партнеров, которые равнодушно отводят глаза в сторону. В старые времена такой проступок для обидчика суперзвезды не прошел бы даром, телохранители великого Дейва Семенко, а позднее Марти Максорли обязательно бы проучили и жестоко избили бы его. Но ныне жизнь Гретцки, как и других лидеров «Рейнджерс», не охраняется.

Другим символом этой серии стали бесконечные задирания Линдросом бойцов «Рейнджерс», в частности, Чуры, удары клюшкой в лицо Лидстера, Робитая и других игроков, на которые судьи умышленно закрывали глаза, показывая всему миру, что в НХЛ котируется не просто жёсткий, но прежде всего грубый, «грязный» и сверхжестокий хоккей с бесконечными толчками, «шлагбаумами», ударами, захватами, зацепами (особенно этим грешит Линдрос, практически не умеющий играть в пределах правил). И если ты не в состоянии приспособиться к такой игре и, скав зубы, терпишь, то тебе нечего делать в лиге. «Рейнджерс», перетерпев играющих аналогично Флориду и Нью-Джерси, к третьему кругу «плей-офф», очевидно, устал и показал свою полную неспособность дать отпор и противостоять грубому и жёсткому хоккею.

Сила, помноженная на класс, обеспечила превосходство Детройта над Колорадо, а мощь, агрессивность и жесточайший прессинг «Флайерз» сломали «Нью-Йорк Рейнджерс». Интрига финала была налицо – высококлассный Детройт,

хотя и возмужавший за год, но, тем не менее, недостаточно жёсткий и жестокий против грубой и сверхагрессивной, хотя и не очень мастеровитой Филадельфии. Класс или мощь – вот в чём состояла главная интрига нынешнего Кубка Стэнли. И если мы вспомним последние финалы, то увидим, что данная дилемма неизменно стояла во всех предыдущих сериях.

В 1990 году классический Эдмонтон переиграл примитивного сторонника силовой борьбы Бостон, в 1991 г. искусный Питтсбург обыграл драчливую Миннесоту, в 1992 г. – Питтсбург выиграл у еще более агрессивного Чикаго, в 1993 году – более примитивный и задиристый Монреаль обыграл более техничный и мягкий Лос-Анджелес, в 1994 г. – «умники» из «Рейнджерса» переиграли более жёсткий Ванкувер, в 1995 г. – наоборот, жёсткий и агрессивный Нью-Джерси разгромил мягкий и техничный Детройт, в 1996 г. – классный Колорадо переиграл задиристо прессингующую Флориду. Итак, в 90-е годы установился счет в 5 побед «умников» и «технарей» против 2 побед «силовиков». Что же будет на этот раз?

Первые игры, согласно регламенту «плэй-офф», игрались в Филадельфии и они сразу же продемонстрировали огромный перевес Детройта в классе, технике, тактике и организации. Детройт предпринял ровно столько усилий, сколько ему хватило для сравнительно легкой победы над «Летчиками», – 4:2, тем более, что стоявший в воротах Рон Хекстол не выручил и пропустил пару не самых трудных шайб. У Детройта неожиданно сильно сыграло 4-е боевое звено Молтби – Кочур – Дрейпер, забившее 2 шайбы и полностью нейтрализовавшее Линдроса и компанию. Остальные 2 шайбы забросили лидеры Фёдоров и Айзерман. Во втором матче «Летчики» поставили в ворота Гарта Сноу, но всё равно проиграли 2:4. И опять, на удивление, Детройт легко выиграл – дважды отличился Шэнхан и по разу Айзерман и Молтби. Причем крэш-линия Детройта забросила самый важный победный гол. Линдрос актив-

но провоцировал стычки, столкновения, но «Крылья» не обращали на него никакого внимания. В регулярном чемпионате, чтобы переломить игру, «Летчики» наверняка бы устроили массовую потасовку и постарались бы вывести из игры лидеров Детройта, но в финале «плэй-офф» они не решились на такую радикальную меру, показав всем, что они не способны переиграть Детройт за счёт класса, когда тактика «беги-беги-ломай» не срабатывает.

Третья игра стала хрестоматийной. Воодушевленный двумя победами на чужом поле, Детройт в первой домашней игре просто разорвал примитивную Филадельфию – 6:1. Такого никто не ожидал, и в конце встречи «гориллы» из Филадельфии уже не играли, а просто гонялись за «крыльшками», стремясь нанести им травмы, особенно старался Линдрос при полном попустительстве судей, откровенно подсуживавших «Летчикам». Они закрывали глаза даже на явные удары клюшкой по лицу. На гол Леклера детройтцы ответили двумя шайбами Фёдорова, двумя Лапойнта и шайбами Айзермана и Шэнхана. Лидеры «Красных крыльев» сказали свое веское слово.

На четвертую игру Филадельфия вышла с обреченным видом, тогда как Детройт вышел собранным и уверенным в своих силах. Лидеры «Красных крыльев» откровенно прохладели и всю игру сделали находившиеся до этого в тени Лидстрем и Маккарти. Гол Дарена Маккарти стал, наверное, лучшим голом нынешнего Кубка Стэнли. Шайба находилась в зоне «Крыльев» в момент атаки «Летчиков» и в борьбе у борта в окружении трех филадельфийцев её выцарапал боец Джо Кочур, к которому уже спешил Эрик Линдрос с тем, чтобы размазать его по борту. Кочур, несмотря на приближение гиганта Линдроса, очень зряче выбросил шайбу в среднюю зону на ход рвущемуся вперед Даррену Маккарти, которого в своей зоне уже поджидал Янне Нинимаа. Не срезая углов, Маккарти, несмотря на приближающегося сзади со свире-

пым видом известного драчuna Мишеля Пети, пошел с шайбой прямо на защитника и, убрав шайбу влево, затем мастерски ушел вместе с ней вправо от Нинимаа. Это было сделано в стиле Яромира Ягра и Марио Лемье и вызвало бурю восторга на трибунах. Конечно, если бы Маккарти встречал канадский защитник типа Стивенса, Териена или того же Пети, то он не пытался бы выбить у него шайбу, как это хотел сделать Нинимаа, а просто бы встретил его корпусом. Но Маккарти точно знал, кто стоит перед ним, и поэтому пошел на обыгрыш, зная, что европеец предпочтет работать клюшкой, а не корпусом. Канадец наверняка бы сыграл корпусом и только потом вспомнил бы про клюшку. После этого Маккарти вышел один на один с Хекстоллом, зная нервный характер которого, уверенно пошел прямо на него. Вратарь «Летчиков» поначалу стал выкатываться вперед навстречу Маккарти, полагая, что перед ним канадец, который наверняка будет бросать по воротам из любой позиции. Играй раньше Маккарти так бы и поступил, но, обыграв Нинимаа, Дарен неожиданно не стал бросать, а пошел прямо на Хекстолла. Когда вратарь «Летчиков» понял, что Маккарти будет обыгрывать, а не бросать, то он стал откатываться назад с тем, чтобы занять рамку ворот, но было уже поздно – Маккарти, буквально в одно ускорение, приблизился к Хекстоллу и, показывая, что будет бросать влево, неожиданно ушел вправо и, обыграв вратаря, отправил шайбу в ворота Филадельфии. Единственно, что смог сделать настигавший Маккарти сзади Мишель Пети, так это ударить его клюшкой по рукам, на что судьи, естественно, закрыли в очередной раз «глаза». Но для Маккарти это уже не значило ничего. Заброшенная шайба заставила его развернуться на 180 градусов в прыжке и попасть в восторженные объятия друзей по команде.

Газета «ВРЕМЯ ПО»,
№ 49-54, 27 июня 1997 г.
«К итогам хоккейного сезона в НХЛ»

...ПОЛИТОЛОГ

Чем ближе президентские выборы, тем активнее власть использует для своих пропагандистских целей журналистов и политологов. И те, и другие дают зачастую противоречивые комментарии к политическим событиям. В ходу термин «спекулятивная политология». А между тем, если писатели у нас – «инженеры человеческих душ», врачи – «инженеры» человеческого тела, то политологи – самые настоящие «инженеры» умов. Воздействие политологов на общественное мнение сегодня огромно. Имеют ли в такой ситуации политологи право на спекуляции? Об этом рассуждает известный политолог Нурбулат МАСАНОВ.

В Советском Союзе политологию не признавали как науку, ее вместе с социологией считали шарлатанством. Хотя де-факто политология у нас существовала в составе истории КПСС и научного коммунизма. То есть политологии, как нейтральной, независимой, самостоятельной науки, изучающей политические процессы в стране, в Казахстане никогда не было, и сейчас только началось ее формирование. Но в Казахстане сформировался режим личной власти и образовалась монополия на занятия политической деятельностью. Соответственно, государство пытается монополизировать деятельность политологов. И у нас теперь нет независимых профессионалов-политологов. Также и социологические исследования носят ангажированный характер, социология, как наука, тоже узурпирована властью и используется ею в своих политических интересах.

Изложу свою личную классификацию, свой подход к пониманию политологии.

Самый высокий уровень людей, занимающихся анализом политических процессов, – это исследователи, творцы научного знания. Исследователей можно разделить на теоретиков и на тех, кто практически изучает политические процессы. Хотел бы сразу сказать, что в Казахстане исследователей среди тех, кто занимается политическими процессами, нет. Кто такой исследователь? Это человек, который берет конкретную проблему, собирает всю совокупность источников и комплексно анализирует проблему. У нас ни один политолог не располагает всей суммой информации, потому что она прячется, уничтожается, скрывается. Соответственно, никто не имеет возможности заниматься нейтральным, независимым анализом. Наши политологи предпочитают повторять банальные суждения западных или российских политологов.

Следующий затем уровень – это аналитический уровень. Аналитик только за счет интеллектуального знания, профессионализма, высокого уровня общей эрудиции, умения творчески анализировать проблему может уловить тенденции общественного и политического развития. Думаю, что в Казахстане с десяток аналитиков, может быть, не самого высокого уровня, мы найдем.

Следующий уровень – это эксперты, – люди, которые, хотя и обладают каким-то запасом знаний, но не могут анализировать все проблемы, они компетентны в отдельных темах. У нас в Казахстане наберется 20-30 экспертов по отдельным вопросам.

Более низкий уровень – пропагандисты. Это те, кто знает более или менее прилично одну-две проблемы и могут популяризировать их. Я считаю, что самыми лучшими пропагандистами в Казахстане являются журналисты-публицисты. Они хорошо изучили какой-то вопрос и могут раз-

ложить его по полочкам. Особенно много пропагандистов в структурах власти. Пропагандист – это все-таки, ангажированный человек, который занимает какую-то позицию. Но я уважаю позицию многих наших демократических пропагандистов, которые разоблачают коррумпированность, зло режима личной власти. Да, они ангажированы, но ангажированы своей морально-нравственной позицией, в отличие от тех, кто ангажирован властью.

Следующий уровень – это политтехнологи, которые не знают, что такая политическая наука, но знают, как провести выборы, как схитрить, каким образом мобилизовать общественное мнение. Политики часто работают только с политтехнологами. Но политтехнологи, которые не понимают общей ситуации, без серьезного консалтингового аналитика или эксперта ничего не стоят. Поэтому я скептичен, когда российские или европейские политтехнологи приезжают в Казахстан. Что они могут сделать, не зная культуры, истории народа, его психологии, менталитета? Что они могут здесь сконструировать? Ничего. К сожалению, поверхностное отношение к политике, отсутствие рынка приводят к тому, что политтехнологи доминируют. И вот казахстанские политтехнологи тоже едут в Киргизию, начинают там консультировать и, как правило, проваливаются, потому что они не знают страну.

Есть еще уровень интерпретаторов. Они не занимаются политическим анализом, но читают работы аналитиков, экспертов или теоретиков. 99 процентов наших преподавателей в вузах – это интерпретаторы. В нашем обществе преобладает мнение интерпретатора или пропагандиста. Поэтому люди считают, что все политологи ангажированы. Но так не должно быть; политолог, если он ученый, должен всегда стоять над схваткой. Политолог уровня эксперта, аналитика, исследователя, по-большому счету, должен быть нейтральным.

Суммируя, следует сказать, что мы начали восхождение в политологию от интерпретаторства к пропагандизму и политтехнологиям, идем к уровню аналитиков и экспертов, но на уровень исследователей и теоретиков еще не поднялись. Я сам прошел все эти этапы, был демократическим пропагандистом, критиковал антидемократический режим Назарбаева. Но уже не хочу быть пропагандистом, хочу быть исследователем. Пока в полной мере на этот уровень я выйти не смог. Нужно еще работать и работать.

Политология – это наука. И политологи должны стремиться к тому, чтобы стать учеными. Но, вовлеченные в политический процесс, политологи часто оказываются на том или другом берегу. А человек, который обслуживает власть, – это пропагандист, и его вроде бы не следует называть политологом. Но мы вынуждены подмастерья, которое только учится на политологов, называть политологами. Мы должны пройти через все стадии развития. Нам нужны подмастерья, которые отражают самые разные позиции, пусть даже они не совсем объективны, пусть ангажированы, обусловлены материальным интересом или какой-то морально-нравственной позицией. Чем больше у нас разных точек зрения, разных взглядов, тем объективнее мы можем представить всю политическую картину. Плюс к этому, наши политологи, интерпретаторы, пропагандисты и аналитики воспитывают общественное мнение, которое должно иметь возможность выбирать из разных взглядов на политическую ситуацию в стране.

Общественным мнением манипулировали всегда, во все эпохи. Меньшинство всегда будет манипулировать большинством, от этого никуда не деться. Даже самым развитым обществом можно манипулировать. Просто методы становятся тоньше, изощреннее.

Политологи – слишком заметные фигуры, они играют важную роль в формировании общественного мнения. По-

этому присутствует некий рынок, где их, условно говоря, покупают и продают. Политологов должно быть много, и только тогда они будут давить на этот рынок. Но у нас молодых политологов практически нет, сегмент сильно сужен. На рынке – известные имена. Самые известные казахстанские эксперты и аналитики среди политологов работают в аналитических или научно-исследовательских структурах. Берик Абыгалиев возглавлял Институт национальных исследований при партии «Ак жол». Из Института развития вышла целая плеяда известных политологов – Ерлан Карин, Магбат Спанов, Дос Сатпаев – политологи самых разных направлений. Важно, что в этой среде нет монополии. Санат Күшкүмбаев, к примеру, очень деликатен в вопросах, касающихся казахстанской власти. Но в проблемах Центральной Азии он объективен и нейтрален. Политология не терпит контроля над собой. Оковы пропагандизма мешают творческой личности. Дос Сатпаев по многим вопросам ангажирован, но по другим высказывает достаточно независимую позицию. И в Ерлане Карине присутствует и то, и другое. Он отличный эксперт, но, к сожалению, использует свои таланты для пропагандистских или политтехнологических целей. То же самое можно сказать о Константине Сыроежкине. Вообще, есть мнение, что в Казахстане нет нейтральных аналитиков, что все так или иначе находятся в противоположных лагерях и потому необъективны. Нечестные выводы, суждения возможны только у политологов-пропагандистов, это недостойно ученого. Допустимо ли быть политологу ангажированным пропагандистом, совершенно очевидно выступая против истины и правды? Конечно, нет. Самый яркий пример ангажированности – Ермухан Ертысбаев. Он – блестящий аналитик и эксперт. Но свои таланты подчинил пропаганде идеологии власти, он максимально необъективен. В нем много паллиативов, противоречий. Близок к этому образу и Марат Тажин. Это

профессионалы высокого класса, и у меня не поднимается рука бросить в них камень, потому что я сам был пропагандистом, только на другом берегу.

Газета «Свобода Слова», №21, 20 июля 2005 г.
Беседовал Е. Курманбаев.
«Живи по совести и правде – вот лучшая политология»

ФОТО

Нурбулат Эдигеевич, вы так хорошо знакомы широкому кругу читателей, что нет необходимости вас подробно представлять. Поэтому сразу по существу. Предметом нашей беседы будет экономика Казахстана – её прошлое, настоящее и будущее. Отсюда первый вопрос. Какова ситуация в экономике Казахстана сегодня, и что нужно было делать, чтобы не довести её до тупика?

Мы имели советскую огосударствленную экономику, и смысл реформ заключался в том, чтобы отделить от государства политику – этот процесс все-таки происходит. Если раньше политической деятельностью могли заниматься только госчиновники, то сейчас каждый гражданин вправе это делать. Точно так же мы должны были отделить и экономику от государства. Наша власть пошла по пути монополизации власти как таковой – концентрации её в руках президента, президентских структур.

Шанс ускользнуть у экономики был в 1991-93 гг. После роспуска парламента в 1993 году и принятия в декабре Конституции госструктура провела перегруппировку сил и решила все финансовые ресурсы подтянуть под себя. Но не в прямом, а в опосредованном регулировании – через введение

тенге, через кредитную, финансовую, налоговую политику и прочие инструменты. В итоге государство, монополизировав власть, монополизировало все основные экономические функции. Экономика не смогла уйти из-под его пяты.

Возможно ли в этой ситуации ограничить вмешательство госструктур в сферу экономики?

Для этого нужны политические реформы, демократическое парламентское государство. Нам нужно постепенное упразднение института президентской власти и передача всех функций парламенту. Тогда никто не будет монополизировать власть. В парламенте власть рассеяна между депутатами. И договариваться там придется посредством многоступенчатых, многосторонних согласований интересов различных сторон. Только так находится оптимальный вариант. А сейчас в парламенте принимаются решения ни в интересах общества, ни в интересах государства, ни в интересах экономики. Наша жизнь служит тому доказательством. Поэтому демонтаж президентской власти необходим. Только после этого может начаться процесс демократизации в политической сфере и рассеяние собственности в экономической сфере. Рынок – это множество частных собственников. У нас раньше государство было собственником, сейчас же собственники – сто семей. Нет реального процесса рассеяния собственности, значит – нет рынка. И все бумажки, именуемые законами, бывают мимо цели, потому что за ними нет реальных механизмов функционирования экономики.

Что же нужно для нормального функционирования экономики?

Три условия. Первое – свобода деятельности. Чтобы каждый человек мог сам выбирать формы работы. Второе – государственные гарантии этой свободы деятельности. Чтобы каждый человек мог просто зайти в мэрию и зарегистрировать свою фирму. Не спрашивать разрешения, а регистрировать свое дело при наличии устава, не противоречащего

существующим законам Казахстана. И третье – первичный капитал. Для чего и нужна была массовая приватизация, которая могла дать людям этот первичный капитал, обеспечивающий их свободу деятельности. При этих условиях Казахстан за два-три года стал бы процветающим. Механизм рынка будет работать, если возникнет личный интерес человека к результатам его труда. Вот почему самая лучшая форма приватизации – когда человек приватизирует то место, где работает. Сейчас же личный интерес населения не подключен к экономике, как это и было раньше. Хотя смысл эволюции человечества в том, чтобы дать ему возможность работать лучше и меньше. Феодальный крестьянин работает лучше, чем раб; свободный человек работает лучше, чем крепостной крестьянин... Истина очень проста. Смысл реформ имеет ту же истину. Решение этой истины тоже простое – дать людям собственность. И пусть работают на себя. И если этому будут посвящены все законы и деятельность правительства, все будет замечательно.

Ваше отношение к позиции правительства, вживляющего в сознание людей иллюзию реальной помощи республике иностранцами?

Сегодня предприятия искусственно «кладутся на бок» и затем продаются за бесценок. Наше правительство напоминает мне алкоголика, который вышел на базар продавать украденную шубу за бутылку водки, руководствуясь каждый раз идефиксом. Сейчас идефикс таков – распродадим всё иностранцам. И не понять им, что наша экономика заработает только при наличии интереса казахстанцев, поднять предприятия могут только казахстанцы. Иностранцы, в лучшем случае, покрасят «фасад».

В прошлом году было выставлено на продажу 156 предприятий. Продали шесть. В этом году выставили 178 – в первом полугодии продали кое-как восемь за шесть миллиардов тенге. В лучшем случае выручили около ста миллио-

нов долларов. Вот вам тот алкаш, который норковую шубу продает за бесценок. За сто миллионов – восемь крупнейших предприятий, где только одна материальная база стоит миллиард, не говоря о ресурсах.

Значит ли это, что Казахстану можно не беспокоиться по поводу крупных инвестиций?

Никакие крупные инвестиции Казахстан не ждет, это однозначно. Любой западный здравомыслящий политик прекрасно понимает, что режим Назарбаева не может обеспечить стабильность в этой стране, что он закладывает на перспективу политическую нестабильность, потому что не может обеспечить экономического процветания народа, монополизируя власть.

За первое полугодие всех инвестиций, вложенных в Казахстан, набралось 36 миллиардов тенге. Это совсем мизерная сумма – три процента от валового продукта Казахстана.

Чили, Турция, Сингапур, Южная Корея добились успехов потому, что в этих странах монополизация власти сопровождалась демонополизацией экономики. А нас фактически хотят превратить в некое подобие Гаити. И любой западный политик понимает, что завтра здесь будет социальный взрыв, что нет никакого смысла вкладывать сюда капитал. В Казахстан сейчас будут вкладываться деньги только в краткосрочные операции, связанные с вывозом сырья и т.п. Инвестиции возможны в соседние с Россией регионы Казахстана, и в случае политической нестабильности они, естественно, притянутся к России и там будет обеспечена их стабильность. Существующая стабильность в Казахстане сохраняется не благодаря режиму Назарбаева, а вопреки. Я не верю в дождь инвестиций.

Что нас ждет, если экономика будет развиваться по существующему сценарию?

Экономика будет по-прежнему рушиться. Реальная ситуация в экономической сфере – существование двух па-

раллельных рынков. Рынок тенге, который контролирует розничную торговлю, бюджетные платежи. Маленький рынок, контролирующий, в лучшем случае, 20-25% реального рынка. 70-75% рынка контролирует американский доллар. Это – крупнооптовая торговля, срочные операции, импорт и экспорт, автомобили, квартиры... От тенгового рынка государство не может собрать даже налоги в бюджет. Недоимка за первое полугодие составила девятнадцать миллиардов тенге. Долларовый рынок – заповедное поле охоты для крупных чиновников и мафиози, рэкетиров, гангстеров и т.д. – в бюджет ни копейки не платит. Потому что изначально государство узурпаторов выбрало экономическую политику в своих интересах.

Главным иллюстратором этого является налоговая политика. Во всем мире налогами облагаются либо доходы населения, либо собственность. У нас объектом налогообложения стал просто народ Казахстана. Имущество у нас не облагается, и в то время, как во всем мире налог на имущество составляет 5%, у нас – 0,1 процента. Если у чиновника дом стоит миллион долларов, то он должен платить налог пятьдесят тысяч долларов. Естественно, себя они не будут облагать налогами. Поэтому бюджет пуст. Доходов у населения нет, все предприятия искусственно сделаны убыточными. Теневой рынок великолепно приспособился к этой ситуации. Схема такая: создается предприятие, которое может даже и не регистрироваться, на срок от трех до шести месяцев, делает операции, объявляется убыточным и закрывается, не платя никаких налогов. Тут же создается другое предприятие, осуществляющее те же самые операции. Самые прибыльные операции у нас – по обналичиванию денег. Во всем мире наличные «черные» деньги неизвестного происхождения стоят на 10-20 процентов дешевле реальных. У нас же эти деньги продают на 3-4 процента дороже.

Как вы полагаете, правительство когда-нибудь поймет, что оно зависит от народа?

Правительство не понимает, чем живет народ. Оно даже не может выбрать правильную форму пропаганды. Раньше привлекались пропагандисты из среды самого народа – либо обманутые, либо фанатики. Сейчас из среды голодного, разутого народа рекрутировать кого-либо очень трудно. На первом этапе эту роль играли некоторые представители казахской интеллигенции, безмерно радующиеся этническому государству. Но сейчас даже среди них энтузиазм иссяк. А истина в последней инстанции от президента, как это было раньше, народ не интересует.

Произошли очень важные явления: отчуждение государства от народа в экономической сфере и в политической сфере. А значит, у этого режима нет опоры.

Богатые люди нашей страны – это те, что у власти?

Реальные денежные мешки в нашей стране – это десять-двенадцать человек ближайшего окружения президента, полумafiaозные структуры, фамилии которых все боятся даже называть, но все их знают. Это люди, получившие в управление предприятия. Конечно, опора режима Назарбаева – это бюрократия, которойдается возможность брать взятки и воровать. Но воровать можно до тех пор, пока есть что воровать. Потенциал, созданный за советское время, конечно, большой – пять лет воруют и пока есть, что воровать. Нужно менять власть, и чем больше останется неразворованного, не пущенного на ветер, тем больше шансов будет потом у народа выжить.

Нурбулат Эдигеевич, вы не первый раз открыто высказываете свои суждения. Скажите, пожалуйста, в нашей демократической стране это влечет за собой какие-то последствия?

Я думаю, никаких последствий. Чем более монополизирована власть, тем она слабее, тем мягче режим. Жесткий режим бывает в демократическом государстве, где путем

многосторонних согласований принятые какие-то законы. Там власть рассеяна. Каждый человек обладает маленькой толикой власти. Поэтому он заинтересован в работе всей системы, и наказание там неотвратимо. Тоталитарные режимы – коммунистические или фашистские – также жестки. У нас компрадорский, мягкий режим. Перед нашей властью стоит дилемма – либо быть жесткой, либо быть коррумпированной. Она предпочитает быть коррумпированной, заниматься казнокрадством, но в карательные органы деньги не давать. Такой режим жестким может быть точно, в отношении отдельных людей. Но в таких случаях, если международная общественность, наша интелигенция против, – никуда он не денется, режим вынужден будет «соблюдать приличия». Вообще, это колосс на глиняных ногах, не имеющий никакой социальной опоры, и он рухнет при первом же жестком сопротивлении.

Вы полагаете, «частным» интересом казахстанских реформ можно переболеть?

Легче всего провести псевдореформы в интересах узкого круга людей, за счет большого круга. Высшее искусство – в интересах всех. Такой характер реформ обеспечивается давлением на власть снизу. У нас такого давления нет, и у нас реформы проведены за счет интересов большинства. Основная масса наших людей даже не осознает свой личный интерес. Это объясняется цивилизационной отсталостью. Мы находимся на переходе от аграрной цивилизации к индустриально-урбанизированной. В аграрном обществе нет личности, там существует приоритет групповых интересов. В индустриально-урбанизированном обществе человек – носитель индивидуалистической культуры, и он реализует себя как личность только в оппозиции другим людям или группе. Мы находимся на стадии перехода между этими двумя разными цивилизациями. И пока 80-90% нашего населения – сельские жители либо выходцы из села, приехавшие жить в город, но-

сители групповых идеалов, не понимают своих интересов и мыслят интересами группы, степень осознания личных интересов будет низка. Сельского человека всегда можно обмануть и увести в сторону идеей групповых интересов.

Как научиться новым отношениям между людьми?

Очень просто. Сделайте человека собственником.

Газета «Экономика сегодня»,
№ 2, ноябрь 1996 г.

Интервью взяла Е. Пустовойтова.
«Демонтаж президентской власти необходим»

ФОТО

Общеизвестно, что в новых государствах, образовавшихся после распада СССР, нет порядка, никакое из государств не выполняет пока должным образом основной задачи – защищать своего гражданина. Самое употребляемое слово для характеристики ситуации – беспредел. Демократия предстала как вседозволенность, безответственность и безнаказанность.

Как положить этому конец? Чтобы наш разговор был предметным, давайте поставим себя на место властей, поиграем в забытую игру «если бы директором был я...»

Все, что мы имеем, нам как бы «осталось» от советской эпохи и ничего по-настоящему нового мы не видим.

Да. Более того, у нас остаточную государственность приняли как данность и заставляют поверить, что ничего другого быть не может. Все наши социальные и государственные институты и, главное, характер их функционирования унаследованы от прошлого.

А вот принципиально нового понимания государственных приоритетов не появилось. Если бы мы сознательно поставили себе целью переход от стихийной и остаточной государственности к естественной, то определить новые приоритеты нетрудно. Что нужно от государства? В первую очередь, – внешняя и внутренняя безопасность граждан, справедливые законы (в частности, по налогам), образование, перевод экономики на основу частного предпринимательства. Это естественно, но этого нет.

Многие хорошие управленцы говорят: «чиновников много, а работать не с кем». Более того, все наши «реформы» приводят к тому, что государство все больше заворовывается.

Это становится как бы привычным, обычным. Чуть ли не традиционным. Как в некоторых странах «третьего мира». Чиновники воруют – все об этом знают. А верховные правители говорят: «Это же компенсация. Пусть воруют. Ничего страшного».

Выскажу идею, которая наверняка покажется странной: нужно отделить правоохранительные органы от государства. Именно так! Органы должны избираться. Даже участковый милиционер должен избираться жителями данного участка. Ничего нового в этой идее нет. Так уже две сотни лет поступают в той же Америке. Шериф (по нашему – участковый) там – выборное лицо, и он отвечает только перед своими избирателями и законом. Ему, грубо говоря, наплевать на свое начальство, ему вообще нет дела до государства в лице вышестоящих чиновников. Ни коррумпированные, ни честные чиновники на участкового никак не влияют. На него могут повлиять только избиратели – жители его участка. Это единственный эффективный способ борьбы с преступностью.

Далее. Необходимо вывести за рамки государства судью. Судья – это не государственный служащий, это слуга всего общества, или, точнее, судья – это посредник между государством и обществом. Он тоже должен избираться народом.

Было бы наивно надеяться, что власть сразу изменит свою природу. Нынешнее государственное руководство исповедует идеологию «сильной исполнительской вертикали», т.е. добивается с помощью госаппарата безусловного выполнения указаний вышестоящих инстанций. Но не получается: не выполняются законы, указы президента и т.д. Почему?

Неверны как сама идеология государственного регулирования общественной жизни, так и средство её воплощения – госаппарат. Надеяться на то, что руководство может сразу, сейчас изменить идеологию, нельзя. Люди, тем более руководящие, очень трудно меняют убеждения, и потому бесполезно начинать диалог с властью именно с этого. Но давайте посмотрим, что собой представляет госаппарат? Он парализован, он не работает, он не выполняет свои функции. Его «деятельность» порой похожа на саботаж. С этим вряд ли можно спорить. Ни одно государственное учреждение не работает должным образом.

Так давайте начнем с реформы государственной службы! Это сфера позитивного воздействия, воздействия изнутри на правительство. Это тот самый маленький «шажок», приводящий нас вместе с руководством в позитивном направлении.

Давайте введем систему рейтингов как объективных критериев соответствия той или иной должности. Чтобы не так просто было взять на госслужбу кого-то только потому, что он родственник или земляк. Давайте введем безусловное правило: право занимать должность человек должен выслужить. Да, чиновники – это особый класс, но пусть это будет государственный класс, а не класс бюрократов.

А в чем тут различие? Не все ли равно народу, кого кормить...

Разница тут весьма существенная. Государственный служащий – это тот, кто верой и правдой служит государству, а бюрократ использует государство в своих корыстных ин-

тересах. Но это надо определить и концептуально, и в конкретных законодательных положениях, четко определить систему выслуги лет, оплату, пенсии, социальные льготы, систему продвижения по службе и еще много других конкретных моментов.

Надо, очень надо разделить понятия «бюрократ» и «госслужащий». Ворует – бюрократ, он ведет к распаду государственности, к безответственности, в конце концов, – к обнищанию народа. Только госслужащий может быть опорой государству, и только государство может быть опорой социально незащищенных слоев – детей, стариков, больных.

Для того чтобы у нас появились госслужащие, для того чтобы они вытеснили бюрократов, нужно очень многое. Например, законы прямого действия, законы, действующие как бы автоматически. Там должен быть целый ряд запретительных норм: не брать взятки, не принимать подарки и т.д. За любое нарушение этих норм – мгновенное увольнение. Должны быть предусмотрены механизмы против произвола начальников: при доказанном хотя бы единственном случае – немедленное увольнение.

Необходимо ввести «табели о рангах». Они во всех развитых странах есть. Это система, когда госслужащий выслушивает право занимать следующую ступень своей карьеры, как правило, не перескакивая её. Так появляется высокая цена образования, стажа работы, репутации, опыта. В какой-то мере к этому стремились в советское время, но достичь результатов не смогли, т.к. смотрели больше на партбилет, а не на реальные способности. Но сейчас-то мы можем этого избежать!

Вы так в этом уверены? А как же быть с национальностью? Не кажется ли вам, что она у нас стала заменять партбилет?

Вы правы. Это очень сложный и болезненный для нашего государства момент. Но мы, я уверен, твердо должны стоять на том, что государственный аппарат должен быть

не только деполитизированным, но и деэтанизированным. Понимаю, как непросто этого добиться. Наверное, как переходную меру, учитывая сложившуюся ситуацию, надо ввести в законоположения о государственной службе квоты по национальному признаку. Национальный состав центральной власти должен соответствовать национальному составу республики, состав областной – составу населения области. Это далеко не самая лучшая мера для формирования кадров госслужбы...

**«Государственность Казахстана:
от остаточной – к естественной»**
Радиопередача. Беседу вел Галенко В.П.

ОГФО

Нурбулат Эдигеевич, известно, что 24 апреля в Казахстане власти страны достаточно широко отметили 15-летие становления института президентства. Какие, на ваш взгляд, имеются позитивные и негативные стороны у этого явления?

Сам институт президентства не противоречит демократическим ценностям. Главным вопросом является его качество, наполнение данного института. В Казахстане, к сожалению, наблюдается такой перекос, когда президентская власть наделена необъятными полномочиями, чего нет в институтах президентства в других странах.

Отчего же? От некоторых наших провластных политиков можно услышать, что казахстанский институт президентства слеплен чуть ли не по образу и подобию французского института?

Да, но во Франции срок правления президента сокращен с 7-ми до 5-ти лет. Во Франции существуют честные выборы. И самое главное – Франция все-таки парламентская Республика! Хотя там президент и наделен большими полномочиями со времен Пятой республики, но с течением времени они ограничивались и, наоборот, парламент наделялся дополнительными полномочиями. Так, например, во Франции кабинет министров формируется парламентом, а у нас, как известно, президентом. Нас невозможно сравнивать с Францией.

Хорошо, а есть ли преимущества у нашего института президентства?

У нас никакого преимущества нет в позитивном смысле! У нас нет даже того, что можно назвать нормальной системой государственной власти. У нас есть просто режим личной власти одного человека. Это даже трудно назвать режимом государственной власти.

Так, значит, это было оправдано 15 лет назад?

Вот с этим я не соглашусь. Это был один из возможных вариантов. Но сейчас, когда у нас сформировалась либеральная экономика, режим личной власти абсолютно не соответствует этой экономической системе. У нас наблюдается явный диссонанс, противоречие между тем, как организована экономическая система и как распределена политическая власть. Режим личной власти пытается монополизировать экономическую систему и узурпировать всю полноту политической власти. Но это практически невозможно. Экономические ценности все равно начинают превалировать, уходить из-под контроля государственной власти. Дело в том, что у нас был создан рынок, либеральная экономика, которая полностью соответствует биосоциальной природе человека. Пример – приватизированные квартиры, личные автомобили, собственная земля. По этой причине система власти постоянно отстает

в своем развитии от экономики, и время от времени перед обществом встает задача приведения политической системы в соответствие с реалиями экономики... Чем либеральнее экономическая система, тем более демократической становится организация власти. Поэтому мы должны от режима личной власти быстрее перейти, скажем, к олигархической системе власти.

А в чем суть олигархической власти?

Суть ее заключается в том, что политически значимые решения принимаются не единолично президентом, а корпорацией олигархов, экономических собственников, которые доминируют в экономической системе государства. Тем самым расширяется жизненное пространство для всего сообщества. В любом случае режим личной власти с течением времени неизбежно трансформируется в режим корпоративной власти. То есть через олигархическую систему, через либерально-буржуазные ценности, затем через режим власти среднего класса, и в итоге государство приходит к демократизации власти всего гражданского сообщества.

Казахстан уже полностью прошел транзитный период от тоталитарного общества к либеральной экономике. Главным показателем этого явления является то, что в тоталитарном обществе отсутствует понятие денег. Мы же полностью пришли к пониманию того, что такое деньги. Мы знаем, что за деньги можно купить имущество, автомобиль, образование и так далее. Деньги в Казахстане приобрели реальную покупательную способность. Мы уже давно живем в условиях либерального общества!

И теперь либеральное общество, как гигантский спрут, потихоньку начинает подчинять себе все – психологию людей, организацию системы образования, здравоохранения, социальную сферу. В конце концов либеральное общество адаптирует под себя организацию власти, политическую

систему страны. Поэтому совершенно очевидно, что либеральное общество требует политических реформ и приведения в соответствие со своими интересами политической системы, в которой нет места режиму личной власти президента.

Газета «Республика»,
29 апреля 2005 г.

Интервью брал А. Андреев.
«У нас просто режим личной власти»

СЭГО

Провластные идеологи часто упрекают казахстанскую оппозицию в «избитости» аргументов. Дескать, хватит из года в год повторять одни и те же тезисы! Смените пластинку, господа «критики режима»! Что ж, надо признать: отчасти эти упреки не лишены оснований.

Но вот недавно довелось услышать от профессора Масанова мысль, обозначающую некий новый поворот. Он утверждает, что движущей силой экономических, а стало быть, и общественно-политических процессов в нашей стране все последние годы является... средний класс. Причем не тот *middle class*, который давно сформировался и заявил о себе на Западе. А наш, специфический «средний класс по-казахстански».

Наши обозреватели просили Нурбулата МАСАНОВА обосновать свою точку зрения.

Нурбулат, разве в Казахстане есть средний класс?

В традиционном понимании – нет. Казахская национальная буржуазия, начавшая подниматься в начале 90-х как торгово-промышленная структура, в 1994-м заявила о

себе политически, создав движение «Новое поколение». Уже тогда власть поняла, что это не союзник, а скорее потенциальный соперник. Поэтому массовая приватизация была свернута, а попытки отдельных «новопоколенцев» бороться за места в парламенте на выборах 1994 года были благополучно провалены.

Что же вы тогда имеете в виду, говоря о среднем классе?

Я имею в виду государственную бюрократию, консолидирующуюся и сплотившуюся вокруг фигуры президента. После принятия Конституции 1995 года для этого были созданы все институциональные условия...

В отличие от классического миддл-класса, эти люди не участвуют напрямую в экономическом процессе, не подписывают его напрямую своими инвестициями. В Казахстане основу этого класса создали коррупционеры. Вернее, коррупция, ставшая основным механизмом консолидации государственных служащих и фактически организованная и легитимизированная с самого верха, создала в Казахстане реальный средний класс. Примерно то же самое было и в советское время. Советская экономика, как известно, была экономикой дефицита товаров. И партийно-государственная номенклатура, «сидевшая» на дефиците товаров, была своего рода «средним классом по-советски».

Нынешняя экономика Казахстана – это экономика искусственного дефицита денег. Поэтому «средним классом по-казахстански» стали казнокрады и коррупционеры, «сидящие» на распределении собственности, материальных ценностей и финансовых потоков. Именно эти люди, обеспечивая циркуляцию легальных и теневых финансовых ресурсов, стали плотью экономической системы страны. А значит, именно они всегда имели и до сих пор имеют решающее влияние на экономические процессы, «разводят» все политические конфликты, возникающие внутри системы.

Погодите, а как же собственно финансовые институты – банки, например? Их влияние на ситуацию тоже нельзя игнорировать...

На мой взгляд, здесь уместнее говорить о попытках влияния. Реально влиять они пока не могут. Для этого экономика должна по-настоящему стать либеральной, т.е. прежде всего она должна быть де-факто отделена от государства.

А как быть с тем, что сегодня называется промышленно-финансовыми группами?

На самом деле в Казахстане ПФГ представляют собой сравнительно небольшой сегмент экономической системы. Они – лишь флагман нового, коррупционного среднего класса, выросший из него и сидящий на процентах от «большой коррупции», которой рулят самые высшие эшелоны власти в стране.

Нынешние олигархи (я имею в виду именно публичные фигуры) – всего лишь топ-менеджеры системы. Кто стоит за ними – пока остается тайной для широкой публики. Когда сменится политическая элита и тайное станет явным, тогда, думаю, мы узнаем фамилии реальных хозяев нашей жизни. Хотя посвященным людям эти фамилии хорошо известны и сейчас, да и для широкой публики они не станут неожиданностью...

Хорошо, с банками и ПФГ мы, кажется, разобрались. Стало быть, по-вашему, первооснова среднего класса – это номенклатура, а экономический механизм – коррупция?

Да, и этот механизм прекрасно работает.

Но если власть сегодня публично заявляет о борьбе с коррупцией, то тем самым она, следя вашей логике, борется со средним классом. Зачем же, спрашивается, рубить сук, на котором сидишь?

Вы прекрасно понимаете: никакой реальной борьбы с коррупцией у нас нет и никогда не было. Ее и не может быть, хотя бы из-за отсутствия реальной поддержки такой борьбы со стороны нашего общества. Коррупционный

средний класс сегодня легализован не только законами и указами, но и казахстанским общественным мнением.

Поговорите с людьми на улицах, с соседями во дворе. Большинство откровенно завидуют «счастливчикам», хорошо сидящим в системе власти или около нее, – шикарно одетым, ездащим на «гелен-вагенах», отдающим детей в престижные школы в Англии или Швейцарии. Тех же, кто не сумел закрепиться в этой системе (около нее) или не способен жить по ее неписанным законам, открыто называют неудачниками.

По-вашему выходит, что инициаторы ДВК (в том числе недавно осужденные Мухтар Аблязов и Галымжан Жакиянов) – тоже неудачники? Но ведь эти люди много лет верой и правдой служили системе, сколотив под ее «крышей» свое личное благосостояние. Им-то чего не хватало?

Эти люди – правофланговые казахстанской политической элиты. Понятно, что, достигнув определенного и очень высокого положения в системе, они потребовали политических гарантий своим экономическим интересам, так же как в свое время и Акежан Кажегельдин.

Поясните, о каких гарантиях идет речь?

Сегодняшний средний класс – это практически все государственные чиновники, за исключением той части высшей бюрократии, которая составляет ближайшее окружение президента. Как мы уже говорили, они «сидят» на собственности, материальных ценностях и финансовых потоках. За годы этого «сидения» с момента обретения суверенитета, они сколотили весьма значительные состояния – в каждом конкретном случае от нескольких сотен тысяч до нескольких миллионов долларов. Фактически сейчас (имея политические гарантии) эти средства могли бы быть вложены в казахстанскую экономику. И не надо никаких иностранных инвестиций.

Но государственно-бюрократическая элита обставила все огромным количеством запретов. К тому же самые прибыльные сферы экономики давно уже распределены среди очень

узкого круга людей. Нефть, газ, цветная и черная металлургия, энергетика, экспорт-импорт, банки – сюда среднему классу путь закрыт. Что же остается? Сфера потребления? Да, но, покупая мало-мальски престижную иномарку, надо декларировать финансовый источник. Не подлежат декларированию лишь средства на строительство домов. Ну хорошо, построил один дом, три, пять – а дальше что? Сдавать их в аренду и жить на эти деньги? Мелковато для миддл-класса! Ему хочется настоящего бизнеса – доходного и перспективного. Чтобы, даже уйдя с госслужбы, иметь возможность прокормить не только себя, но и своих детей и внуков. А что им остается сегодня? Шиковать в ночных клубах, дорогих ресторанах, покупать женам и любовницам косметику да вкладывать средства в сельское хозяйство. Извините, казахстанский миддл-класс давно вырос из этих коротких штанишек! Ему хочется большего. А большее недостижимо без конкретных экономических и политических гарантий.

Ну, на это идеологи власти приведут вам целый букет контраргументов. В частности, такой: выборность акимов приведет к региональному сепаратизму...

...которого очень просто избежать. Достаточно отказаться от областного деления, разбив всю страну на районы. Это не только снимет политическое напряжение, но и позволит «поставить на ноги» малые города – Жанатас, Жетекшу, Рудный, Текели и т.д. и т.п. Это же ненормально, когда в стране полнокровная жизнь сосредоточена только в Алматы и отчасти в Астане, в областных центрах она худо-бедно «шевелится», а ниже ее – жизни нет вообще. Впрочем, дело не в конкретных лозунгах ДВК, а в том, что действия власти против него раскололи до сих пор монолитный «средний класс по-казахстански».

Ведь теперь государственные служащие по всей стране рассуждают примерно следующим образом: если уж с такими уважаемыми людьми обошлись столь круто, невзирая

Нурбулат и профессор Высконсинского университета (США) А.М.Хазапов (справа в первом ряду) среди участников международной программы «Влияние экономических реформ на сектор животноводства в Центральной Азии», г. Санкт-Петербург (Пушкино), 1999 год.

На международной конференции «Феномен кочевничества в истории Евразии» как директор вновь созданного в Казахстане уникального института. Рядом – профессор Ж.Б.Абылхожин и профессор Жак Легран – директор INALCO (Национальный институт восточных языков и цивилизаций). Алматы, 2005 год.

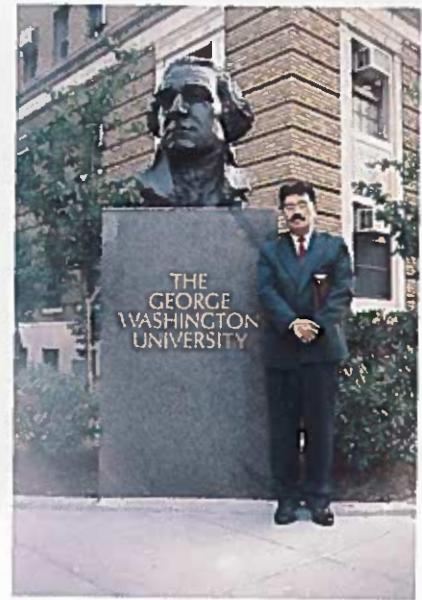

Дать уважения великому физику...

На конференции Европейского общества исследований Центральной Азии (ESCAS) с другом и единомышленником И. Ерофеевой. Вена, 2000 год.

.... и отцу-основателю американской демократии во время своего первого пребывания в США с целью изучения проблем межкультурных отношений (июнь-июль 1994 года).

Среди участников Форума «Граждане всех стран, объединяйтесь». Уtrecht, 1994 год.

С участием профсоюза по рабочему предупреждению конфликтов в лондонской Северной Ирландии), 1997 г.

На международной конференции по «Региональной стабильности и безопасности в Центральной Азии»
в Центре Дж. Маршалла в Гарлеме-Партенкирхене (Германия), декабрь 1998 года.

Члены правления Фонда Сорос-Казахстан с его учредителем
Джорджем Соросом.
Алматы, 1997 год.

На III Ассамбле Всемирного движения за демократию.
Фото на память с местным аборигеном. Дурбан (ЮАР), 2004 год.

«Казахстан – европейская страна...»

На заседании XV Экономического форума в Крыница-Здруй (ПНР) в сентябре 2005 года.

Нурбулат Масанов выступает с докладом на международной конференции «Казахстан на пороге XXI века». Москва, январь 1998 г.

На собрании демократической общественности. Алматы, 2003 год.

Среди слушателей постоянно действующей «Школы по правам человека».

На встрече с Адилом Михником в посольстве ПНР в Алматы.

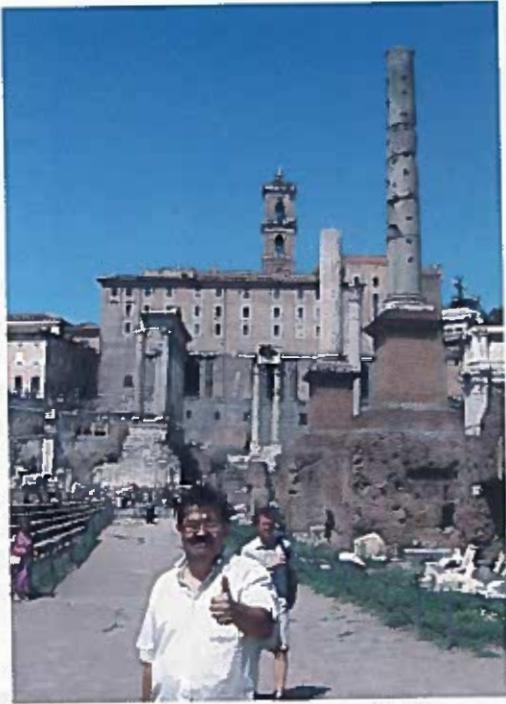

Среди участников митинга в поддержку демократических реформ.

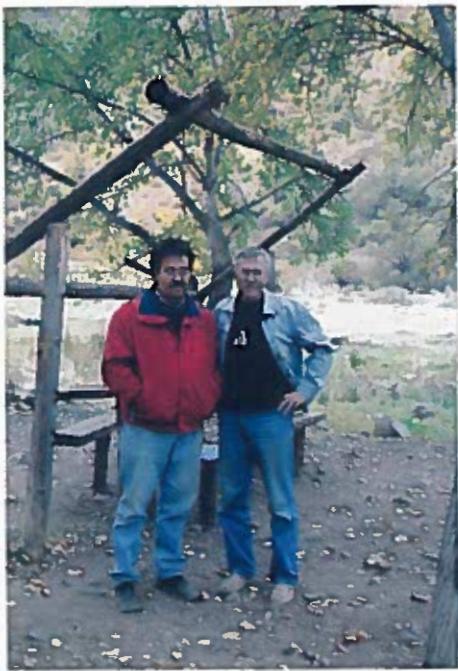
Фото 11. Демократическая общественность встречает Новый 2002 год.

Наконец-то сбылась
давняя мечта – увидеть
развалины Древнего Рима!
(лето 2004 года).

В гостях у Бавны Деве (справа) – когда-то начинающей исследовательницы Центральной Азии, а ныне – профессора Школы восточных и африканских исследований (SOAS) Лондонского Университета (2002 год).

Каждая встреча с С.А.Панарином – это приятная возможность пообщаться с интеллектуалом и обсудить волнующие проблемы политологии.

Профессор Венсан Фурнье специально приехал на юбилей, чтобы поздравить своего друга.

на все их прошлые заслуги перед государством, то что будет завтра с нами? Поэтому никто не хочет соглашаться на роль «стрелочника». Обратите внимание, кто фигурировал среди обвинителей на процессах Аблязова – Жакиянова. В основном – неказахи. Я присутствовал на обоих судебных слушаниях, и мне достоверно известно, что несколько человек под теми или иными предлогами отказались выступить в роли обвинителей. А как вел себя на жакияновском процессе судья Игорь Тарасенко? Невооруженным глазом было видно: он чувствовал себя не в своей тарелке!

Но согласитесь, судья или прокурор – слишком мелкая фигура, чтобы всерьез опасаться участия «стрелочника».

Допустим. Тогда давайте посмотрим, как ведут себя фигуры покрупнее. Я уже высказывался в вашей газете, отвечая на вопрос: почему молчит премьер-министр? Имангали Тасмагамбетов делает все, чтобы не «засветиться»...

...в отличие от своего предшественника Касымжомарта Токаева, выступившего 19 ноября прошлого года с пресловутым заявлением о «киндер-сюрпризах»...

Да, Токаев тогда здорово «подставился». Вернее, его вынудили это сделать. Но Токаев – просто исполнитель, «озвучивший» чужие слова. Совсем другое дело – Тасмагамбетов. Это сильный политик с большими амбициями. Оттого он и ведет себя гораздо умнее и осторожнее... Да и к тому же есть острагая проблема кадров...

То есть?

Президент, на мой взгляд, мучается выбором между доверенными лицами и нейтральными фигурами, между приоритетами интересов и политической целесообразностью. Хотя, кажется, давно уже доказано: доверенные лица – самые плохие исполнители политических решений. Для этого нужны люди, изначально дистанцированные от первого лица, люди, которые стремились бы всеми силами доказать свою преданность, право на место в элите.

Но, согласитесь, после прошлых бесконечных кадровых перестановок сегодня таких людей практически нет...

Их число с каждым разом уменьшается. Но они пока еще есть. Другое дело, что такие люди потребуют «на сухом берегу» определенного ...люфта, возможности принимать самостоятельные решения. Вот почему бы ни назначить премьер-министром хорошего технократа, например, Григория Марченко? Во-первых, он не казах, во-вторых, не ангажирован политически и, в-третьих, грамотный специалист. Разумеется, его нужно контролировать, периодически ставить на место. Что в свое время, если вы помните, хорошо сделал парламент, когда г-н Марченко пытался наломать дров с пенсионной реформой.

Но, в целом, он в период реформ – самая лучшая кандидатура на пост премьер-министра.

Но ведь давно объявлено об окончании экономических реформ...

По большому счету, они еще даже не начинались! Вспомните первое программное заявление ДВК прошлой осенью. Это был сигнал президенту от среднего класса: даешь реальные реформы, серьезные экономические гарантии! И миддл-класс, уверяю вас, не отступится, пока не добьется таких гарантий!

Каких «таких»?

Ну, во-первых, упразднения финансовой полиции и полного запрета другим силовым органам вмешиваться в дела бизнеса. Во-вторых, отмены налога на добавленную стоимость, тормозящего сегодня развитие всей «несыревой» экономики. В-третьих, упрощения налоговой отчетности. Никаких «квартальных» и прочих отчетов – только предоставление всеми хозяйствующими субъектами единого отчета по итогам года. В-четвертых, нужно упразднить процедуру регистрации юридических лиц. Нужен не разрешительный, а просто фиксирующий порядок. В-пятых, не хватает простого, четкого и доступного для всех механизма кредитования.

Кроме того, речь идет о политических гарантиях. Помимо выборности акимов, о которой уже было сказано, это реальная независимость судебной власти. И тогда не нужно будет привлекать займы с Запада, вкладывать средства из Национального фонда в ценные бумаги иностранных корпораций и т.п. Сегодня казахстанский миддл-класс способен полностью удовлетворить потребности экономики в инвестициях. Для этого надо просто легализовать его. Да, конечно, деньги нашего среднего класса – это в своей основе «грязные» деньги, нажитые неправедным путем. Но тут уже ничего не поделаешь. Средний класс как огня боится политики. В смысле политического давления со стороны власти. Именно поэтому чиновничество в массе своей негативно отреагировало на заочный процесс над Кажегельдиным, ноябрьское заявление Токаева, а позднее – на судебные процессы над Аблязовым и Жакияновым. Наш средний класс достиг уже такой степени финансовой самодостаточности и, главное, самоуважения, что он готов идти на более или менее честные выборы как парламента, так и акимов.

Интересно у вас получается: выходит, что взращенный на коррупции средний класс борется фактически за то же самое, что и те силы, которые именуют себя «демократической оппозицией». Вам такая общность интересов не кажется странной?

На самом деле ничего странного здесь нет. Да, сейчас в нашей стране, в правовом государстве, основанном на неукоснительном соблюдении демократических процедур, одинаково заинтересованы и демократическая оппозиция (более всего страдающая от притеснений властей), и миддл-класс (не меньше уставший от негласных запретов и жизни «по понятиям»). И те, и другие требуют определенных правил игры. И хотя стратегические цели у них разные, тактически они, зачастую, совпадают. Примеров тому масса. Возьмите, например, движение ДВК, под сенью которого объединились «выходцы из Системы» и те же коммунисты.

В таком случае не совсем понятно, почему экс-премьер Токаев не принял вызов группы своих подчиненных, брошенный прошлой осенью? Ведь он, по вашей логике, тоже миддл-класс...

Токаев просто «озвучил» неготовность властей принять этот вызов. Высшая государственная элита, которую в том конкретном случае представляли и Касымжомарт Токаев, и Рахат Алиев, и т.д., никак не ожидала, что миддл-класс так быстро достигнет политической зрелости. Но и тогда, и даже сейчас еще не поздно договориться с миддл-классом...

По-вашему, это реально?

Чтобы это стало реальным, президенту, конечно же, необходимо примерно наказать всех судей, принявших массу несправедливых решений за последний год, и немедленно амнистировать всех политических заключенных, прежде всего Г. Жакиянова и М. Аблязова...

Как их можно амнистировать, если они об амнистии не просят?

Это не самая сложная проблема...

Я вас перебил...

А еще на посту премьера президенту нужен «громоотвод» – человек, не являющийся доверенным лицом из ближайшего окружения и уже поэтому способный взять на себя смелость конкретно реализовать те политические шаги, о которых мы только что говорили. Имангали Тасмагамбетов для такой роли не очень-то годится – он слишком «свой». Он скорее «притянет» к президенту все громы и молнии, которыми такие шаги будут сопровождаться...

Может быть, именно этим объясняется его молчание?

Вероятнее всего! Он прекрасно чувствует настроение миддл-класса, стремящегося добиться перераспределения власти, собственности, финансовых рычагов. Проблема Тасмагамбетова и в других представителях политической и экономической элиты – двойственность их положения. С

одной стороны, по должности они обязаны неукоснительно исполнять волю президента, с другой – не могут игнорировать настроения миддл-класса. В отличие от простого исполнителя Токаева, которого хватило только на то, чтобы, бледнея и обливаясь потом, зачитать по бумажке отповедь старой элиты новой, Тасмагамбетов – именно политическая фигура, способная, если надо, действовать самостоятельно и энергично. А пока момент для этой самостоятельности не созрел, он пытается искусно дистанцироваться от «генеральной» линии. А посмотрите, как ведет себя спикер мажилиса Жармахан Түякбай. По всем вопросам, так или иначе затрагивающим интересы верховной власти, он старается или отмолчаться, или высказаться в духе полного нейтралитета. По моему убеждению, господин Түякбай – тоже весьма перспективная политическая фигура, понимающая реальные настроения казахстанского среднего класса.

Нурбулат, вам не кажется, что сейчас роли «первых скрипок» в оркестре власти играют совсем не парламентские спикеры и даже не премьер-министр? Посмотрите, как активизировались наши силовики! Или я не прав?

В наших условиях они не просто связаны с коррумпированным средним классом – они и есть этот самый средний класс. Люди в погонах настолько погрязли во взятках, беззаконии и беспределе, что прекрасно понимают: именно им, в случае чего, в первую очередь светит неблагодарная роль «стрелочников». Поэтому, я думаю, что резкие заявления силовиков – хорошо продуманная позиция. Ведь чем резче заявления, тем очевиднее их вынужденность. И когда они вдруг заявляют, что избиение оппозиционера Дуванова – дело рук самой оппозиции, совершенно очевидна вынужденность, а, следовательно, искусственность такого заявления!

Это скрытая форма оправдания перед обществом, извинения за то, что они не могут назвать истинных исполнителей, которые, конечно же, хорошо известны.

А кто, по-вашему, «истинные исполнители»? Тоже скажете – «третья сила», «эскадроны смерти»?

Да ну! Чепуха все это! Разговоры о «третьей силе» – удел тех, кому выпало защищать режим, в частности таких, как президентский советник Ертысбаев. Во всем мире термин «третья сила» означает внешнее вмешательство. В данном случае ничем подобным и не пахнет!

А что вы в таком случае скажете об уголовном деле против вас?

Вы имеет в виду мое якобы «интервью» корреспонденту ИТАР-ТАСС Игорю Черепанову? На этом примере очень хорошо видна абсолютная неадекватность происходящего в стране. Сначала было инспирировано уголовное дело, затем принято заведомо неправильное судебное решение. Его, как по команде, подтвердили все апелляционные инстанции. Не буду вдаваться в подробности – они известны. Скажу только, что экспертиза подтвердила: на кассете якобы мой голос, но нет голоса Черепанова. Значит, это не интервью! Что же тогда? Искусный монтаж, сделанный по результатам длительного – в течение нескольких лет – прослушивания всех моих разговоров! То есть «доказательство» моей «вины» не является доказательством! И тут – очень кстати для тех, кто все это затеял! – вспыхивает гражданский иск ко мне г-на Кожа-Ахмета. За отказ исполнять решение суда по этому делу на меня по прошествии года возбуждается уже новое дело – только теперь уголовное. И теперь мне «светит» несколько месяцев тюрьмы или очень крупный денежный штраф.

Что же вы намерены делать дальше?

Ну, поскольку таких денег у меня нет – я готов отсидеть «положенное».

В конце концов, я далек от мысли, что власть жаждет получить с меня 1000 долларов. Ей важно добиться моего тюремного заключения. Сегодня в аналогичной ситуации оказались Лира Байситова, Сергей Дуванов и Жумабай Доспанов. Они тоже отказываются исполнять решение суда

по гражданскому иску г-на Квятковского. Тем самым власть демонстрирует мстительное желание свести счеты с оппозицией, на пустом месте разжечь конфликт, каковой только укрепит наметившийся союз оппозиции и того самого среднего класса, с которого и начался наш с вами разговор. Поверьте, такой тандем может иметь для режима весьма серьезные и далеко идущие последствия...

А что вы думаете по поводу череды наездов на независимые средства массовой информации?

Все это показатели косности, консерватизма и неготовности властей искать компромиссы с формирующимся гражданским обществом и демократической оппозицией. Власти скрывают от общества информацию. Они как огня боятся коррупционных разоблачений, которыми полны западные СМИ. Поэтому можно смело прогнозировать: чем дальше в лес, тем больше дров. Следовательно, наезды на СМИ будут продолжаться и дальше. Главный объект для атак в этой необъявленной войне – независимые СМИ, которые сообщают правду о многочисленных «подвигах» казахстанской политической элиты на коррупционном фронте казнокрадства. Так что ваши мечты о собственном телеканале наверняка так и останутся пустыми мечтами, тем более в предверии приближающихся парламентских выборов. А там и президентские выборы не за горами...

Нурбулат, последний вопрос. Знаю вас давно как большого фаната футбола. Как вы пережили последний чемпионат?

Страшно разочарован. Я смотрел все чемпионаты мира с того момента, как их стали показывать на советском телевидении, т.е. с 1966 года. Считаю, что нынешний, вкупе с чемпионатами 1990 и 1994, самый посредственный и слабый с игровой точки зрения. Сильнейшие выбыли вначале. Звезд было мало, а класса вообще не хватало. Запомнились энтузиазм японцев, американцев и корейцев, старательность турков, работоспособность немцев и отдельные проблески

класса у бразильцев. Но в целом – ниже всякой критики. Самые сильные команды на моей памяти были у бразильцев в 1970 году, ФРГ в 1972 и 1974, англичан в 1966 и у французов в 1998. Но самый красивый футбол показывали голландцы в 1974, 1988 и аргентинцы в 1978.

Когда и у нас будут так играть?

Только тогда, когда государство и миддл-класс повернутся лицом к спорту. Футбол, как минимум, необходимо сделать общеобразовательным предметом в школе. Вот после этого, может быть, и станут прорастать росточки нашего футбола. Лучший пример – Бразилия, Франция и Турция. Там на миллионных игровых площадках мальчишки день и ночь играют в футбол. Когда я это вижу, мое сердце радуется...

Газета «Время»,
19 сентября 2002 г.

Интервью брал В. Верк.
«Средний класс начинает и... выигрывает?»

СЛОВО

Коррупцию можно снизить новым поколением чиновников, нанятых пожизненно. На первом месте должны стоять не их личные интересы, а интересы государства. Такое мнение высказал в интервью «Е» президент Казахстанской ассоциации политических наук Нурбулат Масанов.

Нурбулат Эдигеевич, какими методами, на ваш взгляд, можно побороть коррупцию?

Вначале нужно обозначить, что мы понимаем под коррупцией и с каких позиций будем ее анализировать. В общественном сознании преобладает морально-нравственный

подход, когда коррупция однозначно трактуется как негативное явление. Тем не менее, воруют все. В стране не станут воровать вообще – максимум сто человек. Наша культура, как это ни прискорбно звучит, носит коррупционный характер. Поэтому я предлагаю отказаться от анализа коррупции с морально-нравственных позиций, а обратиться к политологическому или, если хотите, к pragматическому анализу.

На смену советской бюрократии должен был неизбежно прийти класс коррупционеров. Они готовы рискнуть, решить проблему, но только удовлетворив свой личный интерес. Многие серьезные аналитики называют коррупцию «спусковым механизмом» рыночных реформ. Если коррупция стала стартером рыночных реформ и процессов либерализации, то этот этап был необходим. Но сегодня позитивный потенциал коррупции уже исчерпан. Теперь нужно продумать тактику сужения коррупционного сегмента и расширения действия закона.

То есть вы считаете возможным искоренить коррупцию с помощью закона?

Этого одним махом не добиться. Нужна глубоко продуманная и выверенная стратегия. Сегодня коррупция выгодна бизнесу, так как легче заплатить пожарному, санэпидстанции, чиновнику определенную сумму, чем добиваться всех разрешений официальным путем. Смысл в следующем. Первое: мы должны начать инвентаризацию и верификацию наших законов и подзаконных актов. Необходимо искоренить в казахстанском законодательстве все элементы, способствующие взяточничеству. Например, в законе сказано, что некоторую проблему можно решить в период от 3 до 6 месяцев. Чиновник, имея малейшую возможность произвольно интерпретировать закон, воспользуется ею в своих целях. Бизнесмена же это не устраивает, для него время – деньги. Ему хочется решить проблему как можно быстрее, и он согласен лишний раз заплатить, чем

ждать 3 месяца. Аналогичная ситуация в судебной системе. Если в законе сказано, что за преступление полагается лишение свободы от 3 до 5 лет, судья может произвольно решать, какой приговор вынести.

Из законов должны быть изъяты все статьи, которые позволяют чиновникам самостоятельно их трактовать. При прозрачных и четко сформулированных законах исполнительная власть должна только слепо их исполнять, а не интерпретировать. Наше независимое информационное агентство «Политон» проанализировало 25 блоков основных законов РК на предмет их коррупционности. Так вот, юристы, которые по нашему заказу рецензировали их, зафиксировали десять статей, которые прямо провоцируют коррупцию, и еще десятки носят откровенно коррупционный характер.

Когда государственные юристы говорят, что наши законы хороши, их потенциал еще не исчерпан, они лгут, так как они сами участвуют в процессе коррупции. Почему так происходит? Потому что инициатива законодательных решений принадлежит органам исполнительной власти. А они, в свою очередь, не заинтересованы в искоренении коррупции. Любой закон от исполнительной власти априори носит коррупционный характер. Если мы хотим бороться с этим злом в законодательной сфере, то второе, что необходимо сделать, – не подпускать к написанию законов органы исполнительной власти, а право законодательной инициативы и принятия законов передать представительным органам власти. Если мы хотя бы начнем реформы на этом уровне, то уже серьезно ограничим сегмент коррупции. На смену коррумпированным чиновникам рано или поздно придет класс государственников, т.е. тех, для которых на первом месте стоят интересы государства.

Принято считать, что в Казахстане уже сформировался такой тип чиновника.

Чтобы пришел класс государственников, нужно выстроить определенную систему. Она не должна сводиться к бесконечному повышению заработной платы, как думают некоторые. Чем больше повышать зарплату, тем больше будут брать, так как человеку никогда не бывает много. Нужно выстроить другую систему, которая давно успешно существует на Западе. Заключается она в пожизненном найме чиновников. Например, назначили нового акима, который, в первую очередь, начинает формировать свою команду. Поэтому все чувствуют себя временщиками. В условиях неуверенности коррупция расцветает пышным цветом. На Западе при системе пожизненного найма вновь назначенный руководитель не имеет права кого-либо уволить. Даже заместители министров заслуживают свою должность по выслуге лет. Министр вправе влиять только на принимаемые решения, но ни в коем случае не на кадровые перестановки. В результате чиновник точно знает, что ему не надо платить за свое место. Его никто не уволит, пока он справляется со своими должностными обязанностями. У него есть уверенность в завтрашнем дне, постоянной хорошей зарплате и высоком престиже. Везде, во всех сферах существует такая система. Во всем мире в судебских структурах борются с коррупцией путем выборности судей. Там существуют выборы судей или, например, шерифов или прокуроров. Соответственно, они работают на свой избрал.

У вас не вызывает беспокойства введение системы пожизненного найма? Ведь никто же не может гарантировать честность и профессионализм нанимаемых работников.

Для этого нужно ввести определенную процедуру назначения и карьерного роста чиновников. Во-первых, соискатель должен соответствовать всем требованиям предполагаемой должности, чтобы четко и безупречно выполнять свою работу. Во-вторых, он обязан систематически повышать свою квалификацию. Если у него в работе имеются нарушения и

недочеты, то администрация вправе его уволить. Но только при должностных или этических нарушениях. Эта система апробирована практически во всем мире. Нам осталось только внедрить мировой опыт в Казахстане. Тогда чиновники будут знать, что взамен честной и плодотворной службы они получат высокопrestижную, хорошо оплачиваемую, уважаемую всеми работу на долгий срок. Сейчас же в народе сложился стереотип: чиновник – значит, вор. Поэтому очень важно, чтобы на смену коррумпированным чиновникам пришел класс государственников. Это должно быть новое поколение, но не те, которые из бюрократов трансформировались в коррупционеров. Они должны быть состоятельными, уважающими себя и окружающих людьми. Они должны быть подлинными патриотами своей страны.

Газета «Бизнес и власть»,

№24(041), 23 июля 2006 г.

Интервью брала А. Шалабаева.

«Воруют все»

Практически во всех странах, переживших социализм, будь то постсоветское пространство или Восточная Европа, на смену коммунистической бюрократии приходило коррумпированное чиновничество.

В советское время из-за кучи контрольно-надзорных органов коррупция имела значительно меньшие масштабы, так как в сознании народа и в умах государственных служащих прочно отложилось негласное правило: шаг влево, шаг вправо – расстрел. Бюрократы той системы перестраховывались, полагая, что лучше ничего не делать, чем де-

лать что-то такое, что может быть неверно истолковано. Во многом благодаря такому «благородумию» в системе происходил застой.

Сейчас бюрократ настолько бесшабашен, что стал чуть ли не двигателем прогресса. Как ни парадоксально, но за мзду в стране много сделано действительно положительного. Люди, готовые рискнуть, пойти в обход закона ради личного блага, при этом зачастую попутно решали проблемы общества. Ни один из успешных бизнесменов не может отрицать, что дела его шли бы так же удачно, если бы он всегда работал только в рамках закона.

На следующем этапе бюрократов-коррупционеров сменят чиновники-государственники. Постепенно они как класс начнут преобладать в удельном весе этой прослойки общества. Наивно полагать, что коррупционеры исчезнут, они будут всегда, просто их станет меньше.

И запретить коррупцию приказом или законом невозможно.

Тем более, что у нас уже лет 30 не было системы нормального воспитания нравственных ценностей. Сейчас самое главное для нашего государства – выстроить этот фундамент. Только тогда мы сможем взрастить нормальное общество. Система ценностей, потом система идентичности и, как результат, потом будет патриотизм и все остальное, чего сегодня не хватает нашему обществу.

Сейчас в определенных кругах коррупция является ценностью. Это «круто» и так далее. А если в системе ценностей она будет со знаком «минус»? Однако пока отец-чиновник говорит сыну: «Не воруй!», а сам при этом каждый день берет взятки, то его кроха, повзрослев, скорее всего, пойдет той же дорожкой.

Газета «Литер»,
23 августа 2006 г.

«Запретить коррупцию приказом невозможно»

520

В этом номере нашей газеты мы продолжаем беседу с Нурбулатом МАСАНОВЫМ об актуальных сегодня и всегда темах – образовании, коррупции, легализации капиталов в нашей стране, планах председательства Казахстана в ОБСЕ, вхождения государства в 50 развитых стран мира и многом другом.

Нурбулат Эдигеевич, как вы относитесь к легализации капиталов и имущества в нашей стране?

Давайте исходить из простой истины: человек – это биосоциальное существо, поэтому хватательный рефлекс у него развит отлично. Что препятствует развитию хватательного рефлекса? Только культура и воспитание. Но если нет у наших людей культуры и воспитания, что тут поделешь? Наше общество сегодня делится на две группы: на тех, кто ворует, и на тех, кто им завидует. А кто их осуждает? В лучшем случае – 100 человек. Можем мы ориентироваться на 100 человек? Нет. Поэтому чем быстрее мы легализуем эти ресурсы и включим все моторы рыночной либеральной экономики, тем будет лучше для нас и тем быстрее мы будем развиваться. Наша главная проблема в том, что у нас сужены сферы инвестиций. Вкладывать куда хочешь нельзя – все распределено. Поэтому нам необходимо расширить сферу инвестиций и дать мощный толчок развитию экономики. Легализация необходима, и давайте отходить от стереотипов, что это, мол, ворованные деньги и т.д. А покажите мне, где у нас не ворованные деньги! Да нигде! В стране, где только заработал рыночный механизм, нет чистых денег в принципе. Единственное – чистые деньги имеют неправительственные организации, которые получают

гранты, но и здесь наверняка существуют какие-то фишки. Поэтому я – сторонник того, чтобы у нас было меньше различных ужимок и кокетства в отношении нечистых денег.

Как вы считаете, реально ли для нашей страны председательствовать в ОБСЕ?

Да, на 100%. Я считаю это выдающимся политическим ходом со стороны МИДа нашей страны. Мы – третьяразрядная развивающаяся страна, которую никто не знает. И вдруг хотим председательствовать в ОБСЕ! Так мы сразу переходим из сферы клиентских отношений со многими странами в сферу партнерства. Все начинают про нас говорить, выдвигать перед нами какие-то стандарты, то есть воспринимать нас всерьез. Политически это очень мощный ход, который значительно повысил престиж, значение и авторитет нашего государства. Конечно, мы далеко не идеал, однако в мире немало стран, которые в том или ином отношении гораздо хуже нас. На их фоне мы можем ничего не делать и просто становиться лучше в глазах мировой общественности. Например, на фоне России Путина и ее конфликтов с Грузией, Украиной, Молдавией, Прибалтикой... Мы не имеем ни с кем конфликтов, и на фоне России в данном случае выглядим намного лучше. С другой стороны – Каримов с андижанскими событиями. В пользу нас? Конечно! Разумеется, у нас есть свои боли, за которые пожурят и похлопают по попке, но ведь без этого никак. Европейские страны должны понимать, что если они хотят видеть Казахстан в числе цивилизованных стран, они должны тянуть нас в Европу. Наша страна должна быть открытой, и для этого мы должны войти в Европу. Нам также необходимо членство в Совете Европы, ведь из всех европейских стран туда не входят только две – Беларусь и Казахстан. Затем мы сможем думать и о более тесной интеграции с Европой.

А что вы думаете о вхождении Казахстана в число 50 развитых стран мира?

С этим у нас также нет проблем. Мы должны тесно контактировать с европейскими странами и иметь возможность свободно ездить в Европу и США. И всю политику и экономику страны мы должны подчинить решению подобных задач. Войти в 50 самых развитых стран мира – это просто этап, и не нужно оглядываться и равняться на соседние страны – Россию, Китай и т.п. Мы – многонациональная страна, и такие нормальные для России сегодня вещи, как, например, расизм и фашизм, для нас абсолютно неприемлемы. И чем скорее мы будем частью Европы, тем меньше шансов останется для проявления ксенофобии в нашей стране.

Какие меры, по вашему мнению, необходимо принять для борьбы с коррупцией в стране?

С коррупцией бороться нельзя, просто приказав, например, чтобы с четверга все перестали воровать. Так не бывает! Первым делом мы должны провести верификацию казахстанских законов – они все носят коррупционный характер. Все законы должны быть прописаны четко и ясно, чтобы никакие исполнительные органы не интерпретировали их по-своему, а строго исполняли. А у нас каждый судья и чиновник, и парламент, и правительство, – интерпретатор законов в одном лице... Все подзаконные акты нужно отменять. Например, сейчас планируется ежегодную систему техосмотра отдать под контроль полиции. Это же очевидная глупость! Эту функцию необходимо полностью передать страховым компаниям.

Нурбулат Эдигеевич, прокомментируйте, пожалуйста, новые дополнения и поправки в Закон о СМИ.

Я в принципе против принятия каких-то законов о СМИ. В Конституции страны должна быть одна статья, касающаяся СМИ, – их полная свобода, как, например, в США. Я всегда был сторонником свободы слова, свободы СМИ и свободы совести. Принятие нынешнего Закона о СМИ но-

сит ярко выраженный политизированный характер, поэтому я максимально дистанцируюсь от этого.

Как вы относитесь к тому, что в нашей стране все еще недостаточно развита нефтеперерабатывающая промышленность и что мы для многих только сырьевой придасток?

А кому мы нужны в другом качестве? Кому нужны нефтепродукты? России? Не нужны – у нее самой есть нефть. Китаю? Нет. Так кому? Давайте сначала научимся удовлетворять свои собственные потребности, а в строительстве нефтеперерабатывающего завода ради него самого я не вижу смысла. Если мы не можем обеспечить утилизацию нефтяных ресурсов на своей территории, это наши проблемы. Это то же самое, что и с Байконуром. Ну не можем мы обеспечить его утилизацию! Так давайте отдадим его тем, кто может, и пусть они нам за это платят. Точно так же и с нефтью, и с другими ресурсами. Ну, поставим мы завод – и что толку? Заводы должны ставить те, кто добывает нефть. А у нас как получается: нефть – у одних, завод – у других... Нефтяной завод ради нефтяного завода и просто ради идеи удовлетворить наши амбиции нам не нужен. Он нужен в рамках рационального использования. Когда те, кто добывает нефть, перестанут считать себя временщиками со всеми вытекающими отсюда последствиями, тогда можно будет подумать о постройке собственного завода.

Нурбулат Эдигеевич, что вы думаете об улучшении демографической ситуации Казахстана?

Пока серьезных проблем в этой области я не вижу. Чем более урбанизированным становится общество, тем ниже рождаемость. Городское население, у которого интеллектуальная составляющая очень высока, планирует и обдумывает все на несколько лет вперед, в том числе и рождение детей. Это закон жизни. И чем более урбанизированными мы будем, тем ниже у нас будет рождаемость. Значит, государство должно проводить превентивную политику по-

ощрения рождаемости. То есть найти сбалансированный механизм решения этой проблемы, но не за счет работодателя. А если за его счет, то он, например, должен быть освобожден от части налогов. Пусть работодатель несет часть тягот, но другую их часть должно взять на себя государство. Нельзя заботиться о ком-либо за чужой счет.

В одном из своих интервью вы сказали, что в нашей стране необходимо выстраивать систему ценностей. Что конкретно вы подразумеваете под этим?

Например, частную собственность. Ведь это колоссальная ценность! В наше время в любой момент у людей могут отобрать квартиру или снести дом. То есть у нас сегодня частная собственность не является ценностью. Во всем мире даже один жилец может возражать против сноса дома – и его не снесут! А у нас это делается запросто, часто со словами, что так суд решил. Нашим судам вообще нужно запретить принимать дела по сносу домов. Это частная собственность. И точка. Ценностью также должна стать и свобода слова. А у нас она не является ценностью, и поэтому каждый год будет приниматься новый закон о СМИ. Например, в Турции свобода слова не является самостоятельной ценностью. Ценность там – частная собственность. А если у кого-либо есть частный телеканал, он может в его эфире говорить, что хочет. Ценность свободы слова является результатом функционирования другой ценности. А у нас в стране нет ни частной собственности, ни свободы слова, ни демократии. Необходимо, чтобы само общество начало вырабатывать систему фундаментальных ценностей – частную собственность, семью, демократию, свободу выбора, уважение к чужому мнению, правовое государство и т.д.

Однако, Нурбулат Эдигеевич, наличие у нас частной собственности, свободы слова и демократии подтверждено законодательно. А образование в нашей стране является ценностью?

Нет. Необходимо полностью, капитально реформировать систему образования. Что у нас сейчас происходит? Школьную программу вместо того, чтобы сократить до 8 лет, удлиняют до 12. Получается 12-летняя школа. Зачем тогда нужен университет? А у нас университет как техникум, и дает знания на уровне бакалавриата. Во всем мире университет – это, прежде всего, магистратура и аспирантура (докторантура) а у нас – бакалавриат. Поэтому необходимо формировать нормальную систему образования: 8 лет – школа, 2-4 года – так называемая *high school*, а затем – университет, который будет давать образование магистра. У нас университеты сейчас превратились в техникумы, как в советское время. Это же просто позор! И они еще говорят о том, что дают высокий уровень образования. Чепуха! Они вообще никакого образования не дают! Все наши университеты абсолютно несостоятельны, и вся наша школьная система никуда не годится. Поэтому закономерно, что наша система образования не является ценностью. Люди не понимают смысла процессов реформирования образования и того, какую оно играет роль. Например, система тестирования. Ее нужно немедленно отменять, она никогда не сможет стать полноценным механизмом выявления уровня знаний. С субъективизмом надо бороться другим способом – через введение в университетах системы именного образования, как это имеет место в лучших университетах мира: Кембриджском, Чикагском, Гарвардском и других. К примеру, лекции читает профессор Эйнштейн, а что он читает – дело десятое. Самое главное, чтобы он научил студентов своему алгоритму мышления. Мне, например, раньше было интересно преподавать в университете, потому что я, как профессор, преподавал спецкурсы. А сейчас профессор должен в университете 900 часов читать общий курс, галопом по Европам! Мне это неинтересно. Преподавать в современных университетах сегодня просто позорно,

ведь они ниже всякой критики. Это все равно, что если бы раньше профессор преподавал в техникуме. Не хочу работать в техникуме! В нашей стране нет ни одного настоящего университета, хотя они все так называются. Поэтому не удивительно, что образование наша молодежь старается получать за рубежом, а не здесь. Необходимо срочно реформировать систему образования, сохранить все лучшее, что было прежде, и позаимствовать все наиболее ценное из иностранного опыта.

Но далеко не у всех есть возможность ехать учиться за границу!

Если вы хотите техникум закончить, пожалуйста, учитесь здесь, в наших псевдоуниверситетах. В одном из самых престижных ныне университетов образование стоит дороже, чем за рубежом. В американских университетах в год платят от 1000 долларов. Да, я понимаю, что там намного дороже жизнь и тому подобное. Но если человек нормально учится, он наверняка сможет найти возможность зарабатывать или получить грант.

В разговоре вы упомянули США. А на какую страну, по вашему мнению, нам следовало бы держать курс?

Однозначно не на Россию, Китай или тем более Иран. Только на Запад. Мы – европейская страна. Мы живем как европейцы, думаем как европейцы, ездим на европейских автомобилях и живем в европейском городе. Мы – настоящие европейцы. Мы не хотим быть такой, какая сейчас Россия Путина. Россия Ельцина – да, я – за, это была демократическая страна, но Россия Путина – нет, я категорически против. Я не хочу, чтобы мы были отброшены на сотни лет назад, нам это абсолютно не нужно. Для нас идеалом является Европа, и к европейским идеалам мы и должны стремиться – к европейскому образованию, свободам и идеалам, системе демократии и модели правового государства. Многие у нас это понимают и поэтому поддерживают концеп-

цию многовекторного развития политики – маневрирования между всеми сильными мира сего с сохранением своих интересов, суверенитета и самобытности. Мы должны взять все лучшее, что есть у других стран, но быть, прежде всего, самими собой – особыми, уникальными, со стремлением к лучшим идеалам. Думаю, все граждане нашей страны поддержат эту точку зрения, ведь путь в Европу – это путь к свободе, процветанию, благополучию, достатку, высоким стандартам жизни, ответственности власти и государства перед народом.

Газета «Начнем с понедельника»,
30 июня 2006 г.

Интервью брала И. Людва.
«Казахстан – Европейская страна»

Взгляд на современное состояние казахстанской политической жизни заметного представителя оппозиции, политолога Нурбулата Масанова может показаться неожиданным. Тем не менее, он выражает позицию целой группы людей власти и потому заслуживает внимания.

Нурбулат Эдигеевич, что вы думаете по поводу наших политических партий? Полагаете ли вы, что партия может вырасти только из оппозиционного начала?

По большому счету – да. Настоящие политические партии должны вырасти из оппозиции. Ведь как организованы партии власти и в России, и у нас в Казахстане? Это структуры, которые построены по принципу патронатно-клиентских отношений. Другими словами, есть большой патрон,

обладающий кругом своих клиентов. Клиенты связаны с патроном системой вертикальных связей. Это обмен услугами, информацией, деньгами, ресурсами, должностями и т.д. Чтобы быть хорошим клиентом большого патрона, клиент, в свою очередь, должен иметь своих клиентов: оттуда черпать информацию, ресурсы, деньги. Если нет круга своих клиентов, то он уже не может представлять интерес для большого патрона.

И что знаменательно, нас с вами постоянно вовлекают в подобные отношения. Казалось бы, в рамках рыночной экономики мы вполне можем на легальном уровне решать свои проблемы. Например, прийти в акимат и за определенную сумму получить какой-то документ. Но нет, так патронатно-клиентная система не работает. Она подминает под себя всю государственную машину. Нам говорят: надо найти знакомых, потому что если вы будете регистрироваться официальным порядком, это займет полгода. В итоге вы должны стать клиентом кого-то – дать ему взятку, чтобы он быстро протолкнул ваше дело. И в дальнейшем вы все время будете ходить по этим наработанным каналам связи. И так у нас везде.

Если бы у нас было настоящее разделение ветвей власти, то патронатно-клиентные отношения стали бы маленькими сегментами, которые везде есть, и на Западе тоже. Пришел Буш, привел свою команду, своих клиентов. Но все знают, что любой президент США может назначить на должности только около пяти тысяч новых людей, так называемых «политических выдвиженцев», в то время как государственных служащих – сотни тысяч. Их он поменять не может, поэтому на Западе выработана система преемственности власти.

Но ведь у нас подобная система тоже внедряется?

На словах – да. На Западе, скажем, работают десять человек в каком-то министерстве. Каждый из них знает: если 20-30 лет он будет хорошо работать, то ему гарантирована

должность заместителя министра вне зависимости от каких-то субъективных факторов. А вот министром он уже не сможет быть, потому что министр – политическая должность. Поэтому они говорят: министры приходят и уходят, государственные служащие остаются.

У нас же когда приходит новый министр, он перетрясает весь штат. В Казахстане нет преемственности власти как раз потому, что существует патронатно-клиентная система: каждому шефу нужны свои люди. А нормальная властно-правовая система до сих пор только формируется.

Кстати, для возникновения настоящих политических партий необходимо еще одно условие: само общество должно оформиться как гражданское. Сейчас такого общества нет. Ведь общество – это некое целое, связанное идеалами, принципами, морально-нравственными нормами. У нас же каждый выживает сам по себе. Никто никому не помогает. В советское время были местком, партком, партсобрание, комсомол, пионерская организация, бывшие неким социальным ядром. Теперь они рухнули. Осталась лишь власть в разных её проявлениях и атомизированные индивиды в пространстве, которые друг с другом не объединились.

И, тем не менее, сегодня у нас какие-то партии все-таки существуют.

Есть необходимость хотя бы формально иметь эти партии. И они действительно создаются, но в них нет активистов, нет никакой поддержки снизу. Попробуй сейчас бизнесмен перечислить деньги какой-нибудь оппозиционной партии – что будет? Налоговая полиция, санэпидстанция, пожарные понаедут и уничтожат этого бизнесмена. Эту ситуацию мы особенно ярко наблюдаем в России.

Еще один момент – люди ориентируются на личности. Ага, есть Примаков, Лужков – будем за них, они нам нравятся. Не важно, какая партия, какой устав, какая программа – это никого не интересует. Личными заслугами или статусом опре-

деленного человека подменяются идеи. Так и у нас. Скажем, Гани Касымов – сильная харизматичная личность. Какую он партию создал – для людей не важно, «будем за него». Иногда это доходит до комизма: членами его партии являются и те, кто состоит в «Азамате», и те, кто в коммунистах.

А как насчет националистических движений?

Всех националистов у нас можно поделить на группы. Первая – национал-радикалы, для которых этническая идея превыше всего: гори синим пламенем политика, государство, народ, экономика. Все это просто инструмент для реализации этнических интересов. Я думаю, что они нигде не пользуются серьезной поддержкой. В России это баркашовцы, лимоновцы. У нас – «Азат», «Желтоксан» и прочие.

Следующая группа – это национал-либералы. Они говорят: «ребята, давайте будем строить рыночную экономику, но власть должна быть обязательно национальной». Их тоже, по большому счету, никто не поддерживает.

Есть ли у нас политическая сила, объединяющая так называемых «новых казахов», бизнесменов новой волны?

Нет, потому что для этого необходимо наличие слоя буржуазии. В Казахстане нет среднего класса. Причем, на мой взгляд, его уничтожили в начале 90-х годов, когда он лишь начал формироваться.

Но ведь поддержка среднего класса является важной задачей правительства и государства?

Это декларации, а реалии таковы: в 1994 году была объявлена массовая приватизация и созданы инвестиционно-приватизационные фонды, и тогда же молодые лидеры национальной буржуазии (их стали называть потом младотюрками) начали делать громкие политические заявления.

В Форум предпринимателей Казахстана в то время входили многие нынешние министры: Какимжанов, Джандосов и др. Они требовали частную собственность на землю, отмену НДС и т.д. Понятно, что если бы им позволили раз-

виваться, сформировалась бы очень сильная национальная буржуазия, которая рано или поздно стала бы бороться за место на Олимпе. Поэтому и были задействованы «сдерживающие факторы». В итоге массовую приватизацию похоронили, национальную буржуазию поприжали. У нас есть высший слой олигархов и нижний слой людей, которые занимаются мелким бизнесом на уровне челночников. Но нет хребта, на котором держалась бы вся экономика.

Тем не менее, это не помешало ни Джандосову, ни Какимжанову забраться на тот самый Олимп... По вашему мнению, имеет ли оппозиция влияние на власть?

Сейчас оппозиция в полной блокаде. Она может делать все, что угодно, но об этом никто не будет знать. Поэтому оппозиция борется за свободу слова и за те базовые условия, которые позволяют ей развернуться. Будем надеяться.

Газета «Известия» (Казахстан),
18 июля 2001 г.

Интервью взял С. Хасенов.
«Все мы родом из оппозиции»

ОГУ

Нурбулат Эдигеевич, что, на ваш взгляд, произошло в политической жизни страны?

Тот конфликт, который произошел в последний месяц, – это настоящий и серьезный политический кризис. Самый, наверное, крупный политический кризис в 10-летней истории независимого Казахстана. И разразился он в самом ближайшем окружении президента Нурсултана Назарбаева между сторонниками разных подходов к определению

государственной политики нашей страны. Дело в том, что в последние три-четыре года наблюдается экономический застой. Несмотря на радужные цифры экономического роста, в основном определяемые только лишь ростом цен на нефть, реального экономического роста в Казахстане как не было, так и нет. И вот этот экономический застой привел к тому, что сторонники либеральных подходов в экономической сфере посчитали необходимым выразить свою позицию и объединиться против сторонников командно-административных методов в экономической системе.

Возможен ли в будущем политический альянс между ФДС и РНПК?

Я бы поставил вопрос шире – возможно ли возникновение альянса между «младодемократами» и Форумом демократических сил Казахстана, куда входит РНПК. Разница в том, что ФДС настаивает на приоритетности политических реформ, тогда как «младодемократы» всё-таки настаивают на приоритетности экономических решений. Они больше либералы, чем демократы. ФДС же олицетворяет собой демократические реформы. С другой стороны, «младодемократы» еще не выросли из «коротких штанишек», они хотят реформ внутри существующей государственно-политической системы. Только тогда, когда они выйдут за пределы этой государственной системы и начнут апеллировать к народу, они могут сомкнуться с ФДС. Но если они будут работать так, как работали прежде, то есть кулаарно, внутри политической элиты, то союза с ФДС у них не получится.

Возможно ли ещё «отыграть» ситуацию назад? И что нас ожидает дальше?

Если до этого в Казахстане была двухполюсная политическая система: с одной стороны, Назарбаев и политэлита, консолидированная вокруг него, а с другой – ФДС и один из его лидеров Акежан Кажегельдин, то теперь политический расклад усложнился. Теперь появились еще две серьезные

политические силы. Это национал-консерваторы (сторонники командно-административной системы), которые делают ставку в основном на угрозу коррупционного разоблачения, и их лидером является Рахат Алиев. И «младодемократы» – сторонники либеральных реформ.

В этих условиях перед Нурсултаном Назарбаевым возникает четыре варианта решения проблемы. Я попытаюсь спрогнозировать.

Первый вариант, к которому Нурсултана Назарбаева подталкивают национал-консерваторы, – это введение прямого президентского правления, жесткая диктатура, тотальный контроль спецслужб над экономической и политической системой страны, репрессии в отношении «младодемократов» и всех инакомыслящих. Но в этом случае Нурсултану Назарбаеву потребуется апеллировать к народу, то есть потребуется политический популизм. А апелляция к народу приведет к тому, что люди станут активными участниками политических процессов, что может быть чревато для нынешней политэлиты. Поэтому, скорее всего, к этому варианту Нурсултан Назарбаев не даст себя подтолкнуть.

Второй вариант, когда президент Назарбаев попытается тихо, молча выдавить сторонников либерально-демократических реформ из структуры власти, что мы сейчас и наблюдаем. И будет тихо, негласно поддерживать их противников, но не обострять ситуацию и обойтись без репрессий.

Третий вариант – это сохранение статус-кво, когда президент попытается найти компромисс. И это был бы самый лучший вариант для страны, если бы Нурсултан Назарбаев отправил в отставку весь кабинет министров вместе с Токаевым. Создал бы некое компромиссное, переходное «правительство народного доверия» и попытался бы изменить ситуацию, не обостряя её.

И, наконец, четвертый вариант, когда президент Нурсултан Назарбаев просто молча присутствует при всех политических процессах, никоим образом в них не вмешиваясь. Но этого варианта, видимо, нет, поскольку борющиеся сейчас группы ещё не настолько сильны, чтобы вытеснить президента с политического ринга.

Пока президент, как мне кажется, склоняется ко второму варианту. Видимо, постепенно либералов вытеснят из власти. Их возврат во власть возможен, но не раньше, чем через год-два. Здесь есть ещё один принципиально важный момент. Нурсултан Назарбаев на протяжении последних 10 лет очень активно эксплуатировал идею стабильности. Нынешний конфликт подрывает стабильность, поэтому к 16 декабря – юбилею независимости – президент попытается подойти без каких-то резких телодвижений и в целом сохранит статус-кво. И до этого дня я не ожидаю никаких резких движений, за исключением 3-8 увольнений активных сторонников «младодемократов». Гораздо важнее то, что начнется после 16 декабря.

Газета «Деловое обозрение «Республика»,

№ 47, 29 ноября 2001 г.

«Дальнейшие события будут развиваться по четырем сценариям»

280

Он не без гордости до сих пор именует себя оппозиционером, но теперь, по его собственным словам, предпочитает быть одиноким оппозиционером, отвечающим только за свои слова и поступки, и не хочет ни с кем кучковаться. Ему «надоело быть легионером, который никогда не оказывается при-

частным к успехам оппозиции, зато почти всегда виноват в ее поражениях».

Нурбулат, ну и как вам со стороны видятся процессы, происходящие внутри властного и оппозиционного лагерей?

Прежде всего, надо помнить: все сегодняшние лидеры оппозиции родом из власти. И принесли с собой оттуда все стереотипы, привычки, подходы. Поэтому меня как человека, всегда противостоявшего власти, не очень вдохновляют многие процессы, происходящие как во власти, так и в оппозиции...

Например?

Например, так называемый «раскол» в «Ак жоле». Я всегда говорю: если ты политик, то ты должен уметь договариваться с кем угодно – хоть с чертом, хоть с дьяволом! – в интересах дела. Но когда вместо этого ты громко, на всю страну «разводишься» со своими вчерашними партнёрами, сразу же возникают сомнения в политической адекватности. Как же эти партийные вожди собираются договариваться с обществом, с миллионами людей, если они не могут договориться друг с другом? Однажды я назвал это «детскими болезнями» «Ак жола» и все больше убеждаюсь в правоте этого мнения...

Ну да, может быть, вы еще знаете, как эти «детские болезни» лечатся?

С моей точки зрения, чтобы иметь право называться политиком, необходимо умение находить компромиссы ради достижения поставленной цели. Чтобы достичь этой цели, политик должен быть готов к череде компромиссов, к необходимости идти на любые жертвы, уступки, инвестиции, он должен быть готов к тому, что придется почти наверняка пожертвовать частью своих интересов и даже своего имиджа. Короче говоря, он должен быть постоянно готов наводить мосты... В политике не бывает чи-

стых экспериментов, ежедневно приходится корректировать свою позицию и учитывать миллион приводящих факторов.

Под целью вы разумеете завоевание власти?

Не только. Это и возможность реализации поставленных общественных целей, своих идей, и многое другое.

Но разве не для этого оппозиционный блок «За справедливый Казахстан» назвал единого кандидата в президенты – Жармахана Туякбая? Или, по-вашему, это тоже «самопиар»?

Нынешним лидерам оппозиции еще предстоит пройти большую школу, чтобы превратиться в настоящих политиков. Одно дело быть чиновником, когда от тебя требуется слепое и беспрекословное исполнение указаний вышестоящих инстанций, и совсем другое дело стать политиком – человеком, которому ежеминутно приходится отвечать на вызовы времени.

Помнится, мне пришлоось выслушать немало возмущенных откликов на ваше интервью где-то в Интернете, в котором вы утверждали: у казахов нет героев...

Начнем с того, что я говорил: у казахов в разные эпохи были разные герои, а сейчас мы переживаем такой период, в котором героев действительно нет. Сейчас у нас вакуум. Хотя я вижу людей – Галымжана Жакиянова, Жармахана Туякбая, Заманбека Нуркадилова и некоторых других, способных этот вакуум заполнить. Но не все из них к этой роли готовы. Некоторые пребывают в плена ошибочного стереотипа, согласно которому, становясь большим чиновником, ты автоматически становишься политиком. Это величайшее заблуждение, поскольку чиновник лишен возможности проявлять инициативу, он – винтик корпоративного механизма власти. Политика – это творчество, если угодно...

Вот вы говорите: политика – это творчество, инициатива. А предложения лидеров блока «За справедливый Казахстан» о

диалоге с президентом – лицом к лицу без посредников – не из этой ли самой оперы?

Нет, совсем из другой. Вспомните, оппозиция начала говорить о национальном диалоге шесть лет назад. Уже тогда эта мысль была внедрена в общественное сознание. Но тогда оппозиция вела себя наступательно, ставила власти ультиматум. Сейчас же это похоже на какое-то «выпрашивание», когда ребенок говорит родителю: дай мне конфетку, и я буду послушным... Но какой смысл выпрашивать конфетку, когда тебе уже ясно дали понять: никакого диалога не будет, а если и будет – то только в формате, удобном президенту?

Многие считают февральское послание президента сильным политическим ходом...

Учитывая, что до президентских выборов еще, в лучшем случае, восемь месяцев, это явный фальстарт. Уже сегодня даже среди журналистов и политологов немногие помнят, о чем тогда говорил президент. Так что перед выборами ему придется давать новые обещания. Вообще, популизм – это очень сложное и опасное оружие. Даже для действующего президента. А уж в руках оппозиции оно может стать просто самоубийственным. Ведь всякое популистское обещание срабатывает только в том случае, если его выполнить хотя бы на одну десятую...

Ну, у власти-то есть такая возможность...

Да, пока есть. Но мне кажется, сейчас в обществе уже выработался иммунитет на посулы сверху. И потом, те же учителя и врачи прекрасно понимают: к осени пару-тройку обещанных тысяч тенге прибавки съест инфляция – и не поперхнется.

Но, с другой стороны, те же врачи и учителя видят, что произошло в соседней Киргизии, и думают: у нас есть хоть что-то и слава богу...

По большому счету, дело не в этом, а в глубине пропасти между сверхбогатым меньшинством и бедным большинством. В Казахстане, на мой взгляд, эта пропасть больше, чем в Киргизии. Киргизия была бедна изначально – еще с советских времен. И киргизы уже давно воспринимали свою бедность как нечто обыденное. Да, с точки зрения среднего казахстанца в Киргизии нищета, но средний киргиз может с этим поспорить. Все зависит от точки отсчета.

В таком случае почему же режим Акаева смели в считанные дни?

Потому что этот режим как бы выдавил на обочину большую часть общества, лишив его патерналистской заботы. В принципе, то же самое происходит и у нас. С той лишь разницей, что в Киргизии не было никакой социальной политики, а в Казахстане власть пытается ее имитировать, раздавая популистские обещания и грошевые подачки. В то же время, учитывая большую, чем в Киргизии, платежеспособность населения, у нас и коррупции больше, судебного и полицейского беспредела намного больше. И в этом смысле наша ситуация мне представляется гораздо худшей, чем в Киргизии.

Скажите еще, что Казахстан – следующий в «очереди на революцию»!

Увы, не скажу... Потому что у нас хоть и сложилась двухполюсная политическая система (второй полюс начал формироваться после ухода в оппозицию Кажегельдина), этот второй полюс, словно прохудившийся воздушный шар, то сдувается, то раздувается, подпитываясь новыми перебежчиками из власти. Но эти люди в силу своего чиновниччьего мышления одержимы идеей либо договориться с властью, либо заставить носителей власти поделиться ею, действуя кавалерийским наскоком. В оппозиции нет преемственности, каждый новый вождь в ее рядах начинает практически

с нуля. И получается тупиковая ситуация: кредит доверия властью уже растрчен, а оппозиция свой кредит никак не заработает...

И где же выход?

При нынешнем политическом режиме выхода нет. Но! Постепенно режим личной власти перерастет в режим корпоративной (или, если угодно, элитно-олигархической) власти. Ведь, по большому счету, то, что произошло в Грузии, на Украине или в Киргизии, – никакие не революции. И Ющенко, и Бакиев, и Саакашвили – представители старой элиты. С ними просто не удалось найти компромисс – и сор был вынесен из избы! А посмотрите на Россию. При Ельцине там шел процесс создания плюралистического общества, шел постоянный поиск межэлитного компромисса. Приход Путина означал сжатие полиэлитного пространства до одной – закрытой для внешних воздействий – кагэбэшной элиты. И в России, и у нас делают фактически одно и то же – просто выбрасывают недовольных за пределы элитного круга. Только если у нас для этого приходится фальсифицировать выборы, ликвидировать партии, засуживать газеты, то в России пока достаточно играть на высоком общественном рейтинге главы государства, эксплуатирующего террористическую угрозу. Именно это пока позволяет Путину не обременять себя поисками межэлитных компромиссов. Вопрос в том, надолго ли? У таких режимов нет будущего, они должны уйти.

Нурбулат, на словах у вас все выходит чистенько и гладенько, а что нас ждет на деле? Грабежи и погромы, как в Киргизии? Стоит ли этот ваш «новый баланс» таких издержек?

Знаете, Виктор, в Киргизии грабили всего два дня. И, по сути, несколько миллионов долларов – это очень небольшой «налог на богатство». В России, например, одна только история с ЮКОСом гораздо серьезнее и трагичнее.

Тысячи людей лишились работы, Ходорковский угодил за решетку, десятки миллиардов долларов поменяли хозяев, а еще более двух десятков миллиардов сбежали из страны. А тут всего-то – разграбили десяток магазинов в Бишкеке... Путин и его подручные из прокуратуры своими действиями нанесли российскому имиджу и экономике ущерб в тысячи раз больший, чем вся пресловутая российская мафия и киргизские мародеры! И сейчас на всем постсоветском пространстве, за исключением России, идет процесс перехода от режима личной власти к режиму власти корпоративной. Тяжело, с издержками – но идет! Пусть в этой корпорации пока не так уж много акционеров, зато ни у кого из них нет контрольного пакета акций! Потому что и Кулов, и Бакиев, и Отунбаева вынуждены становиться политиками – искать компромиссы, заключать сделки, отказываться от каких-то сиюминутных выгод ради главной цели – удержания власти.

Россия же – единственная страна, которая идет от режима корпоративной (олигархической) власти, сложившегося при Ельцине, к режиму личной власти Путина, т.е. от генезиса демократии к диктатуре – полный регресс.

По существу, все эти «цветные» революции – не более чем эволюционный процесс перехода от режима личной власти к режиму корпоративной власти олигархов, от него – к режиму либерально-буржуазной власти, затем – к режиму власти среднего класса и, наконец, – к режиму власти всего гражданского сообщества. Все эти так называемые «революции» лишь ускоряют долгий процесс эволюционного развития и политической модернизации.

Провластные идеологи и высшие чиновники Казахстана уверяют, что наша страна «не стоит в очереди» на «цветную» революцию...

Почему сегодня президент объявляет войну мегахолдингам, практически обозначая олигархов в качестве главных врагов? Это сигнал о том, что к власти их не допустят. Хотя, на мой взгляд, есть шанс найти устраивающий всех компромисс. Правящей элите давно пора понять то, что всегда было известно всему миру: корпоративная власть олигархов или буржуазии, а тем более гражданского общества, многократно лучше и эффективнее режима личной власти. А там и до правового государства и демократии, как говорится, рукой подать.

Газета «Время»,
28 апреля 2005 г.

Интервью брал В. Верк.
«Я – за власть олигархов»

Он всегда подчеркивал, что, по сути, он скорее ученый, чем политик. Не без гордости повторял, что является едва ли не единственным в Казахстане историком, защитившим докторскую диссертацию поnomадоведению – истории кочевых племен. А в политику, дескать, пришел по причине дефицита у оппозиции «аналитического потенциала».

И вот, кажется, сбылись его мечты. Теперь у него есть все возможности заняться любимым делом. Хотя, по его собственному признанию, «политолог из меня так и прет».

Попытаюсь объяснить, почему я решил возглавить такой институт. Дело в том, что сейчас наша страна идет по пути либеральных реформ в экономике. Думаю, буквально через семь-восемь, максимум через десять лет в Казахстане сформируется настоящая либеральная экономика запад-

ного типа. Следствием этого станет новый тип мышления населения – прагматический, нацеленный только на получение дивидендов. Такая нацеленность неизбежно сформирует у людей новую индивидуально-либеральную идентичность. Сейчас наше общество еще оглядывается назад, через семь-восемь лет история ему будет не нужна. 15 лет назад я ушел из исторической науки, а сегодня вернулся на руины. И понимаю, что сегодня все нужно начинать с нуля, и как можно скорее.

Что ж, Нурбулат, за вас можно только порадоваться... Но не кажется ли вам, что в свете сегодняшней ситуации мы можем просто недотянуть до того «либерального» общества, о котором вы так уверенно говорите?

Я не хотел бы углубляться в подробности трагической гибели Заке и Алтынбека, тем более, что у меня (как наверняка и у вас) нет практически никакой информации, кроме официальной. В этой ситуации, конечно же, мы вправе требовать максимально честного и объективного расследования под жестким контролем общества. Но главное, чтобы общество извлекло уроки, чтобы это не стало повседневной практикой для нашей страны. Для этого необходимо: во-первых, обеспечить политическую модернизацию страны; во-вторых, синхронизировать темпы экономических и политических процессов; в-третьих, децентрализовать государственную и политическую системы. Исторически в казахской Степи всегда естественно существовала система самоуправления, которой сегодня, к сожалению, нет...

Если вы в последнее время заходили в Интернет, то наверняка заметили: сегодня больше говорят о другой казахской традиции, аналогичной итальянской вендетте...

Действительно, у казахов так и было – либо платишь некую цену (кун), либо платишь кровью... Но мы живем в XXI веке, в другую эпоху... Возможно, мы так и не узнаем, кто

виноват. Джона Кеннеди убили 43 года назад, а американское общество до сих пор не имеет однозначного ответа. С момента гибели Кирова прошло более 60 лет, а версий его гибели – великое множество...

Позволю себе небольшую цитату из «Каравана» недавности: «И снова мы видим удивительную – как в хорошем оркестре – сыгранность тех, кто, по идее, должен бы находиться на разных полюсах: силовиков из КНБ и лидеров нашей «непримиримой» оппозиции». Ну и как вам?

Я далек от мысли о том, что спецслужбы могут координировать свою деятельность с оппозицией. Скорее, за этим утверждением просматривается некий политический интерес... Повторюсь, сейчас, на мой взгляд, ключевой вопрос состоит в том, чтобы террор и убийства не стали повседневной практикой политической жизни.

А вы знаете, что для этого надо сделать?

Надо сформировать общественное мнение по базовым принципам политической системы. Прежде всего – это бюджет. В западных странах исторически сложилось четкое понимание: местные, региональные сообщества, обладающие деньгами, готовы делегировать центру власть над собой в обмен на возможность, внося деньги в бюджет, формировать государственную политику. У нас такого понимания нет. Бюджет так же централизован, как и система политической власти.

Правильно. У нас же унитарное государство, а не федеративное...

Не в этом дело! Проблема в инфантильности общественного сознания. Наше общество еще не понимает: отдавая власти какие-то ресурсы, оно должно требовать обмена. Это же нормальный принцип: ты – мне, я – тебе! Нужно понять: парламент должен выражать специфические местные интересы, а не просто писать (вернее, механически

утверждать) законы. Для этого государству достаточно на- нять группу квалифицированных политологов и юристов. А у нас любой депутат убежден: он не какой-то защитник «мелких» местных интересов, он – Законотворец. Чушь это все! Парламент – это собрание региональных лоббистов прежде всего! А у нас все уже привыкли лицезреть одну и ту же картину: мажилисмены и сенаторы оккупировали высокие правительственные кабинеты. Что они там делают, какие «шкурные» проблемы решают, никто не знает. Поэтому нужно законодательно закрепить положение: министр или другой высокопоставленный чиновник имеет право принять депутата только по государственным вопросам. И только под протокол! Вообще нужно ввести требование обязательного протоколирования любых встреч представителей власти. В послевоенной Японии генерал МакАртур объявил список 250 тысяч лиц, занимавших определенные должности, с которыми государственным чиновникам запрещалось вступать в контакты. Если бы у нас в свое время произошло подобное очищение, не было бы сегодня трагической гибели наших общественно-политических деятелей. Спецслужбы, силовые структуры и вообще органы исполнительной власти необходимо поставить под контроль общества и парламента.

Ну да, вы давно известны как приверженец парламентской республики. По-вашему, это реально?

Сейчас – нет. Сознание общества слишком персонифицировано. Наши сограждане до сих пор воспринимают с неким трепетом персонифицированный институт власти – президента. Но абсолютно не воспринимают деиндивидуализированную власть – парламент, правительство, а потому критикуют их на всю катушку. Парламентская республика – наше будущее. Сейчас же необходим некий новый вектор развития, диверсификация функций власти.

Если есть спецслужбы, подчиняющиеся лично президенту, то должны быть и другие, находящиеся под контролем других ветвей власти.

Хорошенько дело! Эдак мы получим страну, каждый второй житель которой будет филером...

Главное – не то, сколько будет спецслужб, а то, что не будет их сосредоточенности в одних руках. И это касается не только спецслужб. Повторю, нужна диверсификация всей системы государственной власти. Именно это позволит постепенно выйти на путь построения открытого демократического государства. Сейчас нужно действовать по схеме: формирование общественного мнения – выработка государственной идеологии – принятие конкретных государственных решений. А то ведь сегодня в Казахстане складывается парадоксальная ситуация: каждый в отдельности и все вместе – на всех уровнях власти! – сторонники демократии. Но когда доходит до стадии принятия конкретных решений, то эти решения носят недемократический характер. Вся система власти (так же, впрочем, как и оппозиции) построена на принципе личной полезности, личной преданности. А ведь нормальный политический инструментарий формируется совсем по-другому: политический лидер вынужденно идет на компромисс с людьми, которые ему, может быть, лично неприятны, даже с врагами он идет на диалог – ради достижения политической цели. Механизм компромисса должен стать основополагающим при принятии политических решений, без него вообще ничего работать не будет!

Что же конкретно необходимо, чтобы этот механизм заработал?

Надо полностью легализовать все политическое поле. Нам нужны действительно многопартийный, коалиционный парламент, коалиционное правительство – с участием

реальной, а не декоративной оппозиции. Именно такой механизм сдержек и противовесов будет лучшей страховкой от всяческих волюнтаристских решений. Тогда президент действительно сможет встать над схваткой – но не каких-то элитных группировок, а легальных институтов власти. Именно этим объясняется нестабильность казахстанской политической системы, ярко проявившейся после убийства Алтынбека Сарсенбаева.

В чем вы видите нестабильность? Власть контролирует ситуацию в стране, все институты государства работают нормально...

Да, но вы говорите о стабильности политического режима, а не системы. Отношения политического режима с другими компонентами системы – с региональными элитами, с капитанами бизнеса, с другими группами влияния, с самим обществом, наконец, далеки от стабильных. А кризис политической системы рано или поздно может привести к кризису политического режима. В этом самая большая опасность. И политический режим, понимая это, должен выстраивать качественно новую систему взаимоотношений с обществом. Теперь самое главное – наличие у него политической воли.

По этой логике режиму неизбежно придется жертвовать какими-то полномочиями, рычагами влияния...

Само общество к этому не готово. В нем еще очень слаба интеллектуальная составляющая, нет серьезных аналитических структур, способных подсказывать власти те или иные векторы модернизации. Поэтому режим не может выстроить некую целостную концепцию развития, устраивающую все основные группы влияния в обществе. Это не только наша проблема. События в Грузии, Украине, Киргизии показывают: смена политической элиты не всегда ведет к политической модернизации. Наша оппозиция сегодня

говорит: нужна парламентская демократия западного образца. Но она не придет в одночасье! Для этого нужен поступательный процесс: от режима личной власти – к режиму корпоративной власти и только затем – к демократии. В СССР и в России первый этап такого перехода осуществили Хрущев, Горбачев и Ельцин. Именно они войдут в историю со знаком «плюс», а не Брежnev, Андропов или Путин.

Нынешняя казахстанская власть отчетливо понимает необходимость политической модернизации. Но столь же очевидно и ее желание сохранить всю полноту власти, не прибегая к каким-либо новациям. В этом, на мой взгляд, главная дилемма. И Казахстану сейчас, как никогда, нужно выработать новую концепцию власти, которая поможет найти «золотую середину» между двумя полюсами. Во всяком случае, на сегодняшний день это единственная возможность застраховать страну от повторения недавних трагических событий.

Казалось бы, сейчас вам, как политологу, и карты в руки, а вы уходите в науку. Где же логика?

Не забывайте о том огромном влиянии, которое оказали кочевники на развитие цивилизационных процессов на всем пространстве Евразии. Вопреки расхожим стереотипам, кочевники объединяли пространства, миры и цивилизации. Они ретранслировали материальные и духовные ценности, институциональные отношения, способствовали доколумбовой глобализации мира. Особенно значительным был вкладnomадов в развитие институтов государства. Большинство государственных образований на территории Евразии в эпоху средневековья, по мнению члена Британской академии наук А. Хазанова, было создано завоеваниями кочевников. Именно nomады впервые в своих завоеваниях создали новый тип государства – централизованное государство-империю. Можете себе представить, как увле-

кательно исследовать их историю и культуру... Тем более что исторически нам предопределено склеивать миры, а не разобщать их...

Газета «Время»,
16 марта 2006 г.

Интервью брал В. Верк
«Нам нужен компромисс»

...О ГЕОПОЛИТИКЕ

СЛОВО

После известных событий в России и накануне, по крайней мере, запланированного на 7 сентября государственного визита президента Российской Федерации Б. Ельцина в Казахстан редакция «XXI века» обратилась к политологу Нурбулату Масанову с тремя актуальными вопросами:

Как вы оцениваете политическую и экономическую ситуацию в России?

Ситуация в России в сфере экономики и финансово-денежного рынка крайне негативная, и она предсказывалась уже давно. Это связано с тем, что с самого начала рубль так и не смог стать полноценной денежной единицей. На внутреннем рынке он не конкурентоспособен и, в лучшем случае, контролирует 15-20 процентов российского финансового рынка. Правительство и Черномырдина, и Кириенко не смогло обеспечить эффективную финансово-денежную политику. Доллар остается главным расчетным средством российской экономики. Рубль контролирует лишь розничную торговлю, краткосрочные и мелкооптовые операции. А доллар как платежное средство полностью властвует над экспортом, импортом, долгосрочными и крупнооптовыми операциями, автомобильным и квартирным рынками. Он же выступает в качестве накопления.

Россия совершила стратегическую ошибку, которую пытался повторить Казахстан, но не смог и стал искусственно создавать рынок ценных бумаг. Когда нет производства в

стране, то не может быть и такого рынка. Это очередная финансово-денежная пирамида по типу Мавроди. Россия прокололась на этом.

Кроме того, там реальное производство задавлено налоговым прессом и особенно НДС. Чем высокотехнологичнее производство, тем выше этот налог. А раз в России нет производства, то, соответственно, нет и поступлений в бюджет. Таким образом, нынешний российский кризис есть закономерное следствие стратегически ошибочного курса финансово-денежной, налоговой и экономической политики государства.

Правительство Кириенко предприняло ряд важных и необходимых шагов по выводу страны из кризиса. Оно попыталось перенести тяжесть налогов из производственной в сферу потребления и обмена. Кто больше потребляет, тот столько же и платит налогов, и наоборот. На этом пути Кириенко вступил в жесткий конфликт с компрадорско-олигархической верхушкой, в частности, с «Газпромом». И вот здесь-то у него не хватило политического веса, авторитета и влияния, чтобы противостоять ей. В этой ситуации Ельцин запаниковал и потерял контроль над олигархами, и, уступив им, вернул Черномырдина. И тем самым еще более углубил кризис.

Нынешний кризис в России, прежде всего, конституционный. Президент обладает гигантскими полномочиями и правами, но не может ими эффективно распорядиться. Парламент может заблокировать действия президента, но не обладает реальными рычагами и механизмами по выводу страны из кризиса. Политические силы тоже беспомощны. Видимо, будет продолжаться односторонний диктат Ельцина, что приведет к полному тупику.

Каким образом сложная обстановка соседей может отразиться на нас, казахстанцах?

Конечно, отразится. Ведь мы как сообщающиеся сосуды. Казахстан транспортирует значительную часть своего экспорта и импорта через территорию России. А это неизменно повлияет на финансовую ситуацию у нас.

Что вы ожидаете от предстоящего визита Б. Ельцина в Казахстан?

Я думаю, что визит Б. Ельцина в нашу республику может быть продуктивен только в том случае, если Казахстан сможет защитить свои интересы после случившегося обвала экономики России.

Газета «XXI век»,
04 сентября 1998 г.
«Мы связаны одной цепью»

СВО

После того, как Запад заморозил предоставление новых кредитов России, а российское правительство возглавил профессиональный востоковед и дипломат академик Евгений Примаков, российская внешняя политика стала менять свои ориентиры в сторону Востока. Новая ориентация России на поиск стратегических партнеров на Востоке была четко обозначена во время последнего визита российского премьера в Индию, когда он выдвинул идею тройственного союза России, Китая и Индии. Такая смена вех породила среди специалистов по проблемам Центральной Азии вполне понятные ожидания существенных перемен в политике России в регионе, который сами российские политики именуют южным подбрюшьем России. О том, насколько обоснованы эти ожидания, рассказывают мои собеседники в этой передаче.

Какова современная политика России в Центральной Азии?
Никакой выверенной, взвешенной, долговременной политики России в Центральной Азии нет. Это не политика и не взаимоотношения двух государств – Казахстана и России, а взаимоотношения глав государств, хорошие личные отношения президентов – выходцев из старой коммунистической элиты. Но взвешенных, многогранных, многовекторных межгосударственных отношений, по сути дела, нет.

Дело в том, что в самой России есть две точки зрения в отношении Центральной Азии. С одной стороны, это подход прозападных либералов типа Гайдара, Явлинского, Чубайса, Немцова и других, которые традиционно рассматривали Центральную Азию как мягкое подбрюшье России и как некий балласт, который сдерживал быстрое политическое и экономическое развитие России. Поэтому эти прозападные либералы стремились избавиться от Центральной Азии и ратовали за политику изоляционизма в отношении Центральной Азии. С другой стороны, есть точка зрения сторонников державного подхода, национал-патриотического подхода и сторонников коммунистов, которые за изоляционизм в отношении Запада, но за интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Столкновение этих двух точек зрения привело к тому, что в России возобладала политика изоляционизма по отношению ко всем. Поэтому продуманной политики российского государства в отношении Центральной Азии фактически нет. Есть точечные рефлексивные меры, попытки реагировать на предполагаемые болезненные точки типа таджикского конфликта. Но, по сути, Россия постоянно утрачивает позиции в Центральной Азии, уходит из Центральной Азии, и большого будущего у России в Центральной Азии не будет. Ещё один важный момент, который способствует тому, что Россия будет утрачивать свои позиции в Центральной Азии: Китай с его мощнейшими темпами экономического

развития, с его тяжелым экономическим весом, но который не имеет адекватного политического влияния. Китай начнет наращивать свой политический вес и приводить его в соответствие со своей экономической мощью. Это будет иметь место в континентальной части Евразии за счет влияния России среди центральноазиатских государств. Россия всё дальше будет уходить и утрачивать свои позиции.

А вот как вы оцениваете миротворческие усилия России в Центральной Азии и, в частности, в Таджикистане?

Эти миротворческие усилия сыграли, конечно, очень важную роль. Но, по большому счету, если сравнить их с тем влиянием, которое имела Россия в Центральной Азии, это какая-то имитация, а не действия или политика великой державы. Это помочь соседа в тушении пожара. Эти усилия не принесли роста влияния России в Центральной Азии.

Но российские войска всё-таки продолжают оставаться в Центральной Азии. И они призваны защищать общие интересы России и центральноазиатских стран. Я попросил профессора Наумкина рассказать об общих интересах и об общих угрозах, которые и сегодня требуют объединения усилий России и государств Центральной Азии. По мнению Виталия Наумкина: «В качестве таких угроз можно воспринимать доминирование там каких-то третьих внешних антироссийских сил. От сотрудничества с ними нужно удерживать страны региона. Это может быть поток наркотиков, контрабанда оружия и ряд других явлений, с которыми Россия хотела бы бороться. Но встает вопрос о финансировании, о том, готова ли Россия идти на жертвы ради того, чтобы это делать. И складывается ситуация, при которой приходится констатировать ослабление влияния России и её отношений с центральноазиатскими странами. Эти страны, конечно, заинтересованы в сохранении отношений с Россией, поскольку Россия для них – естественный рынок. Какой ещё рынок для центральноазиатских стран может существовать, кроме российского? С кем ещё может Центральная Азия реально со-

трудничать?» С этим мнением профессора Наумкина решительно не согласен Нурбулат Масанов?

Это очередное заблуждение. Реальная ситуация на рынке совершенно иная. Центральноазиатские страны начали активно проводить сырьевую стратегию развития. Ту же самую стратегию проводит и сама Россия. В странах Центральной Азии не осталось никакой другой экономики: легкая и пищевая промышленность перестали функционировать. И Россия, и центральноазиатские страны выступают продавцами одних и тех же товаров и услуг. Они являются конкурентами и у них взаимоотталкивающиеся отношения. Российские аналитики, утверждающие, что Россия – привлекательный рынок для товаров из Центральной Азии, тешат себя иллюзиями. Россия необходима странам Центральной Азии как политический патрон, который выставляет над ними зонтик коллективной безопасности и оберегает их от возможных конфликтов с внешними серьезными партнерами. Но нынешняя ситуация показывает, что Россия уже не может быть таким патроном. И центральноазиатские страны начинают искать для себя такого патрона уже не в ближнем зарубежье, а в дальнем: особые отношения с Западом, особые отношения с США, сотрудничество с НАТО, в перспективе – особые отношения с Китаем.

Возможно ли сотрудничество России со странами Центральной Азии по разработке ресурсов каспийской нефти и сможет ли это сотрудничество изменить к лучшему отношения России со странами Центральной Азии?

Ресурсы каспийской нефти – это большой миф или вопрос, на который нет однозначного ответа. Ведь не ясно, есть ли там стратегические запасы ресурсов. То, что сейчас оценивается в 3-4% мировых запасов – это небольшое количество ресурсов. Это намного меньше, чем в странах ОПЕК. Каспийская нефть никогда не будет ресурсом континентального или мирового масштаба. Это региональный

ресурс. Мне кажется, что время для серьёзного анализа и выстраивания нормальных политических, экономических и других отношений в этом регионе ещё не настало. Должна смениться политическая элита в России, должна смениться политическая элита в центральноазиатских странах. Когда к власти придут прагматики, которые начнут считать, то их взаимоотношения будут более экономически целесообразными. Сейчас политическая элита в России и Центральной Азии эксплуатирует внутренние ресурсы, такие, как приватизация, сырьё. Они не могут организовать рациональной экономической модели общества. Время для этого не пришло ни в России, ни в Центральной Азии. Пока политическая элита будет снимать эти сливки, отношения их будут взаимоотталкивающимися. И время для сотрудничества по каспийской нефти еще не пришло. Кроме того, интерес к каспийскому фактору искусственно подогревается. Это заметно по действиям американских нефтедобывающих фирм в этом регионе. Они все, по сути дела, только лишь застолбили эти участки, но ни одна из них не обеспечила серьезного увеличения объема добываемой нефти. Особенно это видно в Казахстане: там они не могут выйти на советский уровень добычи 1990 года. Они в течение 6-7 лет не могут решить главный вопрос, касающийся транспортировки возможных запасов этой нефти. Давайте представим себе возможности стран региона в этом отношении. Казахстан – континентальный изолят, выхода к морю у него нет. Он может транспортировать нефть через территорию России (на первый взгляд, это самый легкий вариант, но политически самый сложный). Можно транспортировать нефть через Каспий в сторону Северного Ирана, но объем там ограничен 200 тысячами тонн. Вряд ли Иран, нефтедобывающая страна, согласится пропускать большие объемы нефти третьих стран через свою территорию. Может ли Казахстан пробиться к морю через Афганистан? Это абсолютно

исключается в силу политической нестабильности, которая будет сохраняться там ещё очень долго. Азербайджан тоже заложник, в Грузию путь идет через Армению, там проблема Нагорного Карабаха. Попытаться через территорию Турции? Но там курды. Это практически неразрешимая проблема. С этой нефтью патовая ситуация. Вроде бы есть, но сколько – точно никто не знает. Вроде бы есть, но никто толком не добывает. Вроде бы есть и немного добывают, но транспортировать некуда.

Каспийский фактор ещё долго будет пребывать в таком патовом состоянии. Неясность каспийской проблемы будет откладывать решение многих экономических и политических вопросов региона. Здесь много от большой политики, но мало от национального экономического расчёта и pragmatических действий. Их практически в регионе нет. 26 апреля 1996 года Ельцин и Назарбаев подписали договор о строительстве каспийского трубопровода. Уже прошло 2,5 года, а воз и ныне там. И никакого движения не предвидится. Те оценки, которые я слышал от российских аналитиков, очень скептические. Я боюсь, что и России, и Средней Азии может грозить полный изоляционизм. Здесь правят авторитарные правители. Они никому не нужны со своими ресурсами, потому что в мире этих ресурсов и без них много. Изоляционизм – это самая большая опасность.

Радио «Свобода»,
20 января 1999 г.

Ведущий Е. Новиков.
«Политика России в Центрально Азии»

6380

Что (или, может быть, кто), по-вашему, побудило Б. Ельцина предпринять подобный шаг?

Б.Н. Ельцин принял решение об отставке под влиянием своего окружения, выражающего настроения всей политической элиты России, поскольку последние 3-4 года он полностью управлялся этим окружением и был марионеткой в его руках. Политическая элита и окружение Б.Н. Ельцина более всего были озабочены необходимостью обеспечения преемственности власти. Отставка Б. Ельцина и передача полномочий В. Путину стали таким механизмом обеспечения преемственности власти. Только в этом случае политическая элита и особенно окружение Б.Ельцина могли надеяться на сохранение своих политических и экономических позиций и на бесконфликтный путь дальнейшего развития России. Если бы хоть малейшая надежда на то, что Б. Ельцин может сохранить президентство, то его окружение ни за что бы не пошло на передачу власти В. Путину.

Какие изменения в связи с отставкой Ельцина могут произойти в России?

Изменения в России уже произошли, и весьма значительные. Прежде всего, произошла серьезная консолидация российского общества вокруг фигуры В. Путина. И если прежде российский демос был атомизирован и не отождествлял себя с властью и Б. Ельциным, то теперь консолидация россиян вокруг фигуры В. Путина определила то, что многие россияне стали отождествлять себя с властью и президентом. Это наглядно показали последние парламентские выборы, когда избиратели прямо поддержали пропрезидентские структуры и, прежде всего, блок «Единство».

В чеченском конфликте, как в атоме, сфокусировались все нынешние беды России: преступность, беспредел, хаос, национальное унижение, конфликт этносов по поводу государственности и этнических элит, власти и т.д. В сознании россиян Чечня стала символом кризиса и развала России. В. Путин понял это лучше других, в отличие, например, от честного и умного Г. Явлинского, который несколько наивно и бесстрашно подверг критике чеченскую кампанию. Маргинальный избиратель не простил ему этого. А авантюристический и хитромудрый А. Чубайс на пустом месте и при плохом наследии, поддержав «чеченскую карту», создал СПС и выиграл выборы. В. Путин, решая чеченскую проблему, стал символом новой России – возрождающейся птицы Феникс. В. Путин в сознании россиян – это новая Россия, возрождающаяся из пепелища. Это имперская идея и этнический шовинизм в чистом виде. Так что в ближайшие 2-3 года В. Путину обеспечена всеобщая поддержка россиян.

Какова вероятность того, что следующим президентом России будет избран нынешний премьер В. Путин?

В. Путин уже, видимо, в первом туре будет выбран президентом России. Для того чтобы оградить себя от возможных провалов в чеченской кампании, уже загодя была сделана перестановка военных кадров с тем, чтобы списать их на прежнее командование, а новому, как известно, требуется время. Но главное даже не в этом. Главное в том, что В. Путин каждый раз предпринимает именно те действия, которые направлены на обеспечение ПОРЯДКА. Неважно, что на той территории, где «я проживаю, порядка нет», «важно, что в принципе В. Путин хоть где-то устанавливает порядок», и тем более в Чечне. Поэтому его любые действия встречаются «на ура». Всенощная любовь ему обеспечена!

Как может отставка Ельцина и возможный приход к власти Путина повлиять на отношение России к Казахстану? В чем конкретно?

Приход В. Путина, несомненно, повлияет на отношения России с Казахстаном. Эти отношения перейдут из сферы полумиофизных связей двух авторитарных правителей и полукриминальных связей двух бизнес-элит в сферу нормальных межгосударственных отношений, регулируемых законами. Казахстанская сторона, правда, будет этим недовольна. Российская позиция будет более рациональной и экономически целесообразной. Роль и значение нефиксированных и частно-правовых полумиофизных отношений уменьшатся. Возрастет значение публично-правовых отношений. Геополитическое доминирование России полностью сохранится и, возможно, даже усилятся. Позиция российской политической элиты по поводу положения русских в Казахстане постепенно будет трансформироваться от подчеркнуто безразличной и отчужденной ко все более озабоченной и протекционистской. Результатом этого будет постепенно актуализируемое требование о введении местного самоуправления в северных районах Казахстана и выборах глав местных администраций.

В экономической сфере будет покончено с патернализмом, неплатежами и необеспеченными обязательствами. Начнется более интенсивное проникновение российского капитала в Казахстан и его конкуренция с мафиозным казахстанско-оффшорным бизнесом. Шире будет представлен и российский банковский капитал. Возрастет значение российских структур в процессах приватизации. Россия захочет большего представительства на рынке информационных услуг. Будут конфликты и передел собственности.

Как вы думаете, каковы могут быть последствия того, что Путин является выходцем из спецслужб?

Никаких последствий, за исключением того, что позиция России из аморфной и лабильной станет четкой, ясной и понятной. Казахстанским властям станет труднее вести полумиофизные игры и нечестную подковерную борьбу.

бу. Раньше достаточно было одного звонка Н. Назарбаева Б. Ельцину для того, чтобы решить любую проблему. Теперь ситуация изменится. В. Путин наверняка потребует информацию, и такую информацию ему будут предоставлять спецслужбы. Их информации он будет верить больше, нежели любой иной. Можно прогнозировать рост авторитета и значения роли спецслужб в принятии важных политических решений в России.

Какие события будут формировать «политическую ауру» Казахстана в 2000 году?

Политическую ауру Казахстана в 2000 году будут формировать три основных фактора. Во-первых, тотальная нелегитимность всех ветвей власти – от президентской до власти на местном уровне. Все решения и действия властей нелегитимны и будут закладывать «мину замедленного действия» под всю казахстанскую государственность. Есть серьезная опасность того, что нелегитимность казахстанских властей может катализировать и политическую активность третьих стран в отношении Казахстана. Поэтому 2000 год будет ареной борьбы за легитимацию институтов власти в нашей стране.

Во-вторых, у власти не осталось иных ресурсов сохранения своего всевластвия, за исключением силовых. Поэтому следует ожидать серьезных провокаций со стороны спецслужб и фабрикации фальшивок, наподобие «усты-каменогорского дела» и «дела бывших телохранителей экс-премьер-министра А. Кажегельдина». Следует ожидать карательных акций и правового беспредела со стороны властей, вплоть до закрытия границ и подпись о невыезде лидеров оппозиции.

В-третьих, оппозиция будет предпринимать активные действия в налаживании национального диалога.

Как эти события будут развиваться?

Эти три фактора будут постоянно пересекаться. Оппозиция будет требовать демократии, власти будут настаивать

на особом казахстанском пути развития. Вмешательство третьих сил станет, видимо, главным фактором в решении казахстанских проблем. Но, в целом, вялотекущее противостояние будет сохраняться до тех пор, пока одна из сторон не начнет предпринимать резких действий. Скорее всего, следует ожидать крупномасштабных провокаций со стороны КНБ в Алматы, что может привести к серьезным конфликтам и всеобщей нестабильности.

Интернет-сайт zonakz.net,

17 января 2000 г.

«В. Путин... стал символом новой России, возрождающейся птицы Феникс»

ОЗВО

Россия не вкладывала в Центральной Азии ни единого цента ни в развитие русского языка, ни в развитие культуры, науки, образования, ни в развитие экономики. Тогда как в течение всего этого периода Запад и, прежде всего, Соединенные Штаты вкладывали огромные деньги в развитие английского языка, подготовку кадров. И, самое главное, вкладывались огромные средства, инвестиции в развитие экономики. После событий 11 сентября Запад просто потребовал адекватного присутствия в военно-политической сфере, и Запад это адекватное присутствие получает в военно-политической сфере.

Казахстанский политолог Нурбулат Масанов считает, что алма-атинский саммит не вызвал интереса у большинства жителей государств СНГ.

То, что касается очередного саммита глав СНГ, то его можно охарактеризовать только лишь одним термином –

встреча одноклассников. То есть встречаются люди, у которых было славное прошлое, очень разное настоящее и практически ничего общего в будущем. Поэтому эти встречи носят такой заурядный характер, они выродились и не представляют никакого общественного, политического интереса, не вызывают никакого резонанса в обществе.

Объединение бывших советских республик по принципу европейских стран, по мнению Масанова, в ближайшее время тоже вряд ли возможно.

Европейские страны, которые объединяются в Евросоюз, – это, прежде всего, страны с парламентской формой правления. Поэтому там преобладают местные специфические, то есть преимущественно экономические интересы. И органы власти вынуждены подстраиваться для того, чтобы обсуждать эти экономические интересы. Поэтому страны Европейского союза так легко, быстро и органично объединяются. Другое дело – постсоветские страны. Здесь президентские республики – авторитарные, антидемократические режимы. Такие диктаторские режимы никогда не объединяются. Поэтому сама государственно-политическая система постсоветских стран является главным препятствием на пути интеграции.

Программа «Итоги»,

03 марта 2002 г.

Ведущий А. Связин.

«Саммит «одноклассников»

ОГРО

Новое образование, которое в усеченном виде пытаются создать президенты России, Украины, Белоруссии и Казахстана, неэффективно и бессмысленно. Взаимоотношения на постсоветском пространстве показывают, что все меры по развитию многосторонних отношений, в конечном счете, блокируются. Слишком уж разнородны интересы партнеров. Лучшее доказательство нежизнеспособности постсоветских союзов – СНГ, абсолютно фиктивное политическое образование. В рамках СНГ было принято около 50-ти различных указов, законов, положений, и практически все они оказались мертворожденными. Все потенциальные экономические союзники – президентские республики, где политическая, экономическая элиты представляют единое целое. Очевидно, что элита заключает все эти договоры и соглашения исключительно ради своих личных интересов. Реально же, на экономическом развитии и взаимоотношениях постсоветских стран эти многосторонние договоры не отражаются никак. Да, общие государственные интересы существуют, например, у России с Казахстаном, есть общие интересы у России с Украиной, но общих интересов у Украины с Казахстаном нет. Поэтому я считаю более эффективными двусторонние отношения. Мы не дозрели до уровня цивилизованных межгосударственных связей, при которых даже отсутствие реальной взаимной выгоды сглаживается глобальными геостратегическими общими интересами.

Возникает резонный вопрос, почему политические элиты постсоветских республик не устают твердить о необходимости подобного рода связей между бывшими советскими республиками перед связями с другими странами мира.

Политики заигрывают с населением, которое хочет и наставляет на восстановлении прежних бытовых связей. У людей сохраняются старые симпатии, ностальгия по единой стране. Но де-факто постсоветские связи – это просто миф. Нынешние саммиты президентов напоминают мне встречи одноклассников. Да, прошлое у нас общее, настоящее у нас разное, а совместного будущего никакого. Если же говорить об интересах внешней политической элиты того же Казахстана, то для нее понятия «Россия – старший брат» давно уже не существует. Среди рыночных инвесторов выстроилась такая длинная очередь из «старших братьев», что России, которая в свое время сломя голову бежала из Центральной Азии, дай-то бог получить статус хотя бы «младшего брата». Возможно, новая союзная идея и имеет под собой какую-то базу, но давайте рассуждать здраво.

В качестве примера наиболее простой, а потому и оптимальный, на мой взгляд, вариант двусторонних отношений России и Казахстана. Что продают эти страны на рынке? Сыре, нефть, газ, металлы, энергетические ресурсы и т.д. А что они покупают? Ширпотреб, изредка ноу-хау и высокие технологии. Взаимовыгодных экономических отношений у них не может быть по определению. Они скорее конкуренты, чем партнеры. Да, есть, конечно, общее Каспийское море, какие-то взаимные интересы в приграничных территориях, в сфере транзита товаров. На этом все заканчивается. Поэтому даже на двустороннем уровне экономические отношения этих стран проблематичны. А если сюда еще добавить третью и четвертую страну, то за этим союзом ничего, кроме политических лозунгов, не остается.

*Газета «Столичная газета» (Москва),
№ 16, 04 марта 2003 г.
«Новый постсоветский союз – фикция»*

ОЗГО

Год назад я разговаривал с одним из лидеров кыргызской оппозиции Толекан Исмаиловой и она мне говорила, что «мы, в отличие от вас, казахов, которые занимаем верхушечными политическими процессами, работаем в глубине народа, мы работаем с народом, мы ходим от двери к двери, мы ходим от аула к аулу, мы готовим их к часу икс».

Я тогда, честно говоря, не очень поверил в это, но сейчас я понимаю глубинный смысл ее слов. Им удалось добиться народности этого политического процесса. То, что произошло в Кыргызстане, – настоящая народная революция. Народ смел авторитарный диктаторский режим. Это стало возможным, потому что Кыргызстан небольшая компактная страна, всего семь областей.

Я все время примеряю эти «одежды» на нас, на Казахстан, и, боюсь, что этот рецепт для нас вряд ли возможен. Хотя трудно судить и предсказывать, потому что в случае с Кыргызстаном ошиблись практически все политологи, никто не мог предвидеть того, что случилось. В это верили только лидеры кыргызской оппозиции, которые работали с народом, они подготовили эту народную революцию снизу. Дистанция между народом и оппозицией была незначительной.

Что совпадает с Казахстаном, так это все более усиливающийся кризис внутри политической элиты. Она сегментируется, очень авторитетные, серьезные люди пополняют ряды оппозиции. Посмотрите: кто такой Феликс Кулов, Роза Отунбаева, Курманбек Бакиев и многие другие, – все они вышли из политической элиты. И в Казахстане аналогичные процессы имеют место. В этом есть сходство, одна-

ко дистанция между народом и оппозицией в Казахстане достаточно велика, она больше, чем в Кыргызстане. Она настолько больше, насколько Казахстан больше Кыргызстана. И в этом есть большая проблема. У кыргызской оппозиции была ясная цель, четкая программа действий, чего, увы, нет у нашей. В этом главное отличие. Казахстанской оппозиции нужно сделать правильные выводы из позитивного кыргызского опыта поистине народной революции со всеми ее плюсами и минусами.

Сейчас главная задача перед кыргызами – это преодоление периода безвластия, хаоса, создание легитимных органов власти, т.е. проведение выборов, подготовка демократических изменений в законодательстве, предложения по реформированию политической системы и углубление либеральных реформ. Задачи очевидные и ясные, и я им завидую, потому что впереди – созидательная работа.

Интернет сайт www.zonakz.net.

25 марта 2005 г.

«То, что произошло в Кыргызстане, – настоящая народная революция»

ОЗГО

Как вы оцениваете события в Кыргызстане? Каковы были истинные причины возникновения революции?

Я думаю, что, с одной стороны, мы можем говорить об общих закономерностях, когда авторитарные режимы оказываются абсолютно неспособными эффективно управлять государством, экономикой, политической ситуацией. Более того, эти режимы сами являются причиной возникновения

конфликтных ситуаций. Посмотрите на фальсификацию итогов парламентских выборов в Украине, Грузии и Киргизии. Они стали просто «спусковым крючком». Авторитарный диктаторский режим препятствовал развитию среднего класса, боится буржуазии, которая рано или поздно, начинает с ними конкурировать и участвовать в политической жизни страны. И поэтому все эти страны идут в экономической сфере по пути олигархизации, когда власть и ресурсы сосредоточены в руках очень узкого круга людей.

Поэтому истинными причинами возникновения революции в Кыргызстане явились нищета, бедность, пауперизм, маргинальность населения, отсутствие нормальных экономических источников для существования. Киргизы были недовольны своим положением, и это недовольство с каждым днем нарастало.

Здесь нужно также отметить эффективные действия киргизской оппозиции. Я знаю очень многих киргизских оппозиционеров, которые вели свою работу адресно: от двери к двери, от дома к дому, от поселка к поселку. Они стремились охватить инфраструктуру человеческого сообщества. Им это удалось. Они на местах фактически занимались организацией местного самоуправления и когда фальсифицированные выборы стали «спусковым крючком», их многолетняя работа дала свои результаты. Но она дала результаты не потому, что люди вышли на улицы, а потому, что они смогли сразу взять под свой контроль ситуацию в стране. В Казахстане, к сожалению, ситуация совсем другая.

Что дальше будет с Киргизией? Справится ли новая власть с экономическими и политическими реформами? Какие отношения будет строить с новой властью в Киргизии наше правительство?

Сейчас главный вопрос для Киргизии состоит в том, чтобы быстро пройти период безвластия и хаоса – очистить «августовы конюнции» акаевского режима. Насколько я знаю, Ф. Кулгубаев и

К. Бакиеву удалось овладеть ситуацией, но это только видимость. На самом деле все обстоит гораздо сложнее. Им необходимо навести диалог с основными политическими лидерами страны, провести либеральные реформы в экономической сфере, наладить нормальную социальную политику и, прежде всего, обеспечить политику занятости. Сейчас им нужно быстрее избрать президента, определиться с легитимностью парламента, убрать тех людей, в чью пользу явно были сфальсифицированы итоги голосования, и создать правительство народного доверия, где будут представлены практически все имеющиеся политические силы Киргизии. Основной акцент нужно сделать на экономической реформе в стране. Нужно людям дать свободу, провести налоговую реформу и начать борьбу с коррупцией. Для этого нужно проанализировать все основные законы страны. Для этого нужна помочь многих неправительственных организаций и парламента. Я думаю, что многие казахстанские интеллектуалы готовы им в этом помочь и сотрудничать с киргизской демократией. Что касается будущих взаимоотношений между Кыргызстаном и Казахстаном, то они, думаю, будут спокойными, нейтральными, никаких особых эксцессов не будет. Единственно, в чем заключается опасность отношений между нашими странами, так это в том, что Казахстан может навязывать киргизской стороне свое видение проблем. Я думаю, что сейчас казахстанская сторона будет «внимательнее» к ним относиться, чтобы, не дай Бог, оттуда не пришла так называемая «тюльпанная зараза».

Авторитарный режим в СНГ теряет опору друг друга, но все же малые страны надеются на поддержку Путина. Смогут ли удержаться у власти в течение ближайших трех лет старые президенты в странах СНГ?

Реальность такова, что сейчас создан альянс диктаторских государств под патронатом Путина. Но мы видим, как неэффективен этот альянс, потому что ни одно государство не может прямо вмешиваться в дела других. Они пытаются оказы-

вать только моральную поддержку другу другу. Вы прекрасно помните заявление российского МИДа, когда Лавров призывал Акаева взять под свой жесткий контроль ситуацию в Киргизии. Это полная чушь. Пусть сидят и помалкивают.

У России сохранился империалистический подход к решению наболевших проблем: высокомерно оценивать происходящее, навязывая свои суждения. Российская дипломатия сейчас находится на крайне низком уровне, она основана на неадекватном понимании ситуации в Центральной Азии и поэтому полностью провалена.

Что касается вопроса, смогут ли старые президенты-диктаторы удержаться у власти, то мы видим, что процесс модернизации и обновления, вопреки им, все же происходит. Прибалтика, Грузия и Украина уже ушли из-под диктатуры авторитаризма, а, следовательно, и из-под российского влияния. Я думаю, что через три года Украина станет вполнеличной и развитой европейской страной. Молдавия также уходит в Европу из-за конфликта с Россией, в очередной раз демонстрируя провальную дипломатию Путина. Российское государство и диктатура стали при Путине синонимами.

Остались у власти только одиозные режимы Белоруссии, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Армении и Азербайджана. То есть из 14 семь стран – ровно половина – освободились от тирании и, следовательно, от влияния России. Для того чтобы другие 7 государств приобрели свою самостоятельность и пошли по пути демократии, понадобилось 10-15 лет. Чтобы высвободиться из-под гнета Кремля и диктатуры, остальным государствам, наверное, понадобится еще столько же времени.

Газета «Свобода слова»,
№06, 06 апреля 2005 г.
Подготовила Д. Аркин.
«Байга»

6380

Мне кажется, концепция национального государства начала 90-х годов была изначально несостоятельна в России, потому что для национального государства требуется унитарная форма устройства. Россия изначально была федерацией, а это предполагает имперские тенденции.

Россия начала XXI века предложила новую модель решения экономических проблем, и здесь прослеживается синхронность с Казахстаном. Согласно этой модели, возрастают доля государственного регулирования. Имеет место национализация энергетических ресурсов. Рост цен на нефть как бы подтверждает эффективность этой системы. При этом в условиях осложнения двусторонних отношений со всеми соседними странами Россия до сих пор трактует, защищает, актуализирует многостороннее сотрудничество, которое обеспечивает некий гегемонизм, доминирование кого-то над кем-то. Фактически, мы сейчас видим поиск ресурсов для доминирования. Это – газ, космос, вооружение. Но в целом у России нет принципиальной позиции. Есть манипуляции из стороны в сторону. Есть разновекторные усилия, но нет продуманной позиции. Я вижу поиск. Но пока не вижу серьезного результата.

Газета «Свобода слова»,
№03 (46), 26 января 2006 г.
Записал Е. Курманбаев.

6380

... О КАСПИИ И НЕФТИ

...Нам будет очень трудно договариваться. Учитите, что этот регион никогда раньше не располагал к равноправному диалогу. Каспий всегда был культурно-исторической периферией, и только сейчас здесь начинают формироваться новые реалии. Хотя не все так безнадежно.

Между тем все соседи по Каспию, конечно, сейчас имеют определенный шанс организовать подлинный диалог, но не более того. Потому что шанс надо еще использовать. А мешает этому одна из составляющих такой многогранной проблемы, которая уже получила свое нарицательное имя, – «проклятие нефти». Нефть является не только сырьем для различных отраслей экономики. Она еще и несет в себе опасность для общецивилизационного развития. Если мы с вами посмотрим, то везде в тех регионах, где есть нефть, там нередка общая отсталость. А, кроме того, сырьевые кладовые, как правило, не являются местом диалога. Достаточно посмотреть на Персидский залив. Там никакого диалога в полном смысле этого понятия и в помине нет. Но нам создавать площадку для переговоров все-таки придется. Иначе будут общие для всех неприятности.

Однако для начала всем просто необходимо четко усвоить все составляющие «проклятия нефти». И уже сейчас попытаться проработать интеллектуально все негативные моменты, возрастающие с увеличением добычи. Для этого нужно время, которым мы не богаты.

Какие составляющие у «проклятия нефти»? Самая основная – это огромный риск утраты самостоятельности. Это серьезная угроза, потому что страны, обладающие углеводородными ресурсами, всегда являются объектами имперских притязаний и постоянных закулисных геополитических игр со стороны великих держав. Мы порой даже не можем догадываться, какие сложные комбинации разыгрываются помимо нашей воли, за спинами всех соседей по Каспию.

Кроме того, сегодня, к сожалению, мы должны констатировать, что все страны Каспийского региона еще не могут быть равноценными субъектами диалога. Более того, мы даже не знаем всех реальных участников в этом процессе. Участниками процесса будут не только пять приморских государств, но и игроки, которые находятся достаточно далеко, но являются основными потребителями данного вида ресурсов. О них мы лишь догадываемся.

Кроме того, в рамках нефтегазовой политики наши возможности к неким самостоятельным действиям вообще максимально ограничены, потому что в этой ситуации все скатывается к банальным отношениям между потребителями и производителями. И все! Если мы хотим говорить об элементарном самодостаточном уровне, о некой независимости, о суверенитете, то нужно как можно дальше уходить от нефтяной политики. Необходимо как можно серьезнее уменьшать роль углеводородного фактора здесь, в Каспийском регионе. Только так можно будет осуществлять независимый внешнеполитический курс. Или говорить о каких-то предпосылках для самостоятельной игры.

Я не говорю только о Казахстане. Эта проблема, к сожалению, является, в той или иной мере, общей для всех пяти государств.

В рамках нефтяного фактора наши возможности очень и очень ограничены, и нет никакого потенциала для принятия

тия решений, не зависящих от основных геополитических игроков.

Вместе с тем сегодня нам всем еще очень мешает договариваться не только отсутствие полной независимости в принятии решений, но и отсутствие регионального единства между Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Россией и Туркменистаном, что усугубляется на фоне отсутствия стабильности или обязательной преемственности политических курсов в этих странах. Нет никакой гарантии, что в случае смены политического режима в каждой из пяти стран там не произойдет кардинальной смены векторов во внешнеполитической ориентации. Это колossalная проблема. Насколько предсказуемо сохранение стабильности курсов у всех стран региона? Опять нет никаких гарантий.

Так что проблем пока больше, чем перспектив. И это нужно понимать еще до того, как сядется за стол переговоров. А если ограничиваться радужными заявлениями, что все здорово, все прекрасно и завтра наступит коммунизм, то это просто несерьезно. К тому же мы уже сейчас становимся свидетелями определенного нарастания напряженности в отношениях между Азербайджаном и Ираном. Мы видим изоляционистский курс Туркменистана, который за пределами данного политического режима является просто путем в никуда. Кроме того, мы наблюдаем нарастание имперских тенденций со стороны России, что тоже не имеет перспектив.

Поэтому говорить о стабильности и предсказуемости пока нет оснований».

Газета «Литер»,
№187(642), 07 октября 2006 г.
«Мы прокляты нефтью»

Страна стоит на пороге XXI века, в котором приоритетное значение будет принадлежать диалогу и консенсусу, а не коррупции и эгоизму власти.

Распад СССР поставил США и Запад перед реальностью новой ситуации, когда взамен супердержавы на карте мира появились 15 новых независимых суверенов. Ни политическая, ни интеллектуальная элита США и Западной Европы не были в полной мере готовы к такому повороту событий. Чисто риторическая поддержка сепаратизма в бывшем СССР была направлена, скорее, на поддержку общего процесса ослабления своего основного конкурента, чем на реальное приближение коллапса биополярного мира.

Более того, когда распад СССР в 1991 году стал свершившимся фактом, США и Запад продолжали говорить о своем неизменном отношении к СССР и, в лучшем случае, были готовы признать отделение Прибалтики, но никак не других республик бывшего Союза.

Распад биополярного мира застал врасплох западных аналитиков и экспертов. Один из них, Фрэнсис Фукуяма, был настолько потрясен фактом, что охарактеризовал крушение великого противостояния как «конец истории». В качестве исторической альтернативы биополярному миру другой известный американский аналитик С. Хантингтон предложил концепцию «конфликта цивилизаций».

В отсутствие адекватного восприятия политических реалий конца XX столетия доминирующими на Западе стали прагматические подходы. Во-первых, распад СССР, совершенно очевидно, произошел в интересах Запада. Поэтому

данное статус-кво необходимо всячески и, прежде всего, экономически и политически поддерживать и сохранять. Во-вторых, крушение биополярного мира привело к сегментации и атомизации политической картины мира: на смену двум блокам пришли хаос и «одиночество» малых стран. Теперь они остались один на один с супердержавой и единственным западным миром.

Отсюда и третья закономерность – глобальный политический процесс отошел на второй план и переместился в сферу двусторонних отношений; на первый план вышли чисто экономические интересы, которые поручено было «разруливать» всемирному Госплану – МВФ и Мировому банку. Отношения же между странами стали атомизированными и чисто политическими, не блоковыми. Поэтому «Его Величество доллар» узурпировал и монополизировал всю полноту власти. Запоздалая попытка Европейского союза раскрутить «евро» едва ли сможет составить реальную альтернативу американскому доллару.

На уровне двусторонних отношений с малыми странами в основу политики Запада были положены принципы всемерной поддержки суверенного институционального гостроительства и формирования новой политической элиты (в том числе и, прежде всего, авторитаризма) с тем, чтобы избежать в будущем возможной неоимперской регенерации и процессов воссоздания политических блоков. Политический процесс необходимо было синхронизировать экономическими реалиями, для чего МВФ и Мировой банк активно стимулировали оффшорную приватизацию, введение национальной валюты, получение кредитов, внешнее инвестирование, однобоко сырьевую направленность экономического развития, формирование новой экономической элиты и т.д. При этом экономические интересы малых стран и, прежде всего, благосостояние населения были принесены в жертву политическим интересам.

В свою очередь, интересы новой политической элиты постсоветских стран на этом этапе их независимого суверенного развития оказались полностью адекватны интересам Запада. Сформировавшиеся повсюду авторитарные и неототалитарные режимы прочно уверовали в то, что так будет продолжаться всегда, и поддержка Запада им гарантирована на века. Однако постепенно ситуация стала меняться.

Теперь же после достижения тактических целей и задач на первый план начинает выходить глобальный стратегический интерес – сохранение общепланетарной стабильности, которая невозможна без соблюдения общечеловеческих принципов демократии, прав человека и гражданских свобод. Запад и США уже неоднократно имели возможность убедиться, что авторитарные режимы, сконцентрировавшие в своих руках огромные богатства, потенциально опасны как в настоящее время, так и в перспективе, прежде всего, для них же самих. Достаточно вспомнить терроризм против Запада на деньги ливийского, иракского, сирийского авторитаризма, а также на средства, сформировавшиеся в этих странах экономической элиты: колумбийских наркобаронов, Саудовской Аравии, миллионеров, русской мафии и т.д.

Без демократии невозможна длительная и общая стабильность в мире. Причем, что очень важно, демократия не нуждается в большой экономической подпитке. Тем более, что западные кредиты и инвестиции в постсоветских странах оказались неэффективны и не обеспечили прочной стабильности. Своими действиями практически все авторитарные режимы пытались дестабилизировать ситуацию в своих странах.

И именно поэтому демократия и права человека, идеи открытого гражданского общества и правового государства теперь выходят на первый план как на глобальном общепланетарном уровне, так и в системе двусторонних отношений. Можно уверенно прогнозировать, что политика США

и Запада в отношении малых стран постепенно будет все менее экономически детерминированной и ориентированной на достижение конкретных экономических интересов. Эта политика будет всё больше основываться на общечеловеческих принципах и стандартах и, вследствие этого, всё больше будет направлена на достижение в малых странах внутриполитического консенсуса и компромисса, а, значит, прочной и устойчивой стабильности.

В контексте казахстанских реалий в руках президента Республики Казахстан в настоящее время сосредоточены все мыслимые и немыслимые функции. Он – и глава государства, и высшее должностное лицо, определяющее основные направления внутренней и внешней политики, он – символ и гарант народа и государственной власти, незыблемой Конституции, прав и свобод человека и гражданина.

Президент в Казахстане обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти и ответственность органов власти перед народом. Он, так или иначе, назначает очередные и внеочередные выборы в парламент и принимает решение о проведении республиканских референдумов. Он подписывает представленные сенатом законы, обнародует их либо возвращает для повторного обсуждения. Он определяет структуру правительства, назначает премьер-министра, часть сенаторов, судей, Генерального прокурора, председателей Национального банка, Комитета национальной безопасности, Счетного комитета... Он поручает правительству внесение законопроектов в парламент, отменяет либо приостанавливает действие актов правительства; утверждает государственные программы, единую систему финансирования. Он же является Верховным главнокомандующим.

Может ли столь однобокая политическая система обеспечивать общественное согласие и консенсус? Может ли однозначная политическая система обеспечивать экономическое

развитие страны? Опыт мировой истории свидетельствует, что такие режимы в принципе не способны обеспечить экономический рост и общественный прогресс. Поэтому можно смело говорить о том, что до тех пор, пока президент Нурсултан Назарбаев не наладит широкий общественный диалог и, прежде всего, с оппозицией в лице Акежана Ка-жегельдина и Республиканской Народной партии, едва ли Запад станет воспринимать нашу страну более позитивно. Скорее всего, наоборот, США и Запад будут жестче увязывать экономические вопросы с политическими.

Для налаживания общественного диалога и согласия в стране необходимо уже в ближайшее время ввести избирательность районных и городских судов. Необходимо через народные выборы отделить суды и судей от их зависимости от Министерства юстиции, ввести суд присяжных. Также, в первую очередь, следует передать функции формирования и контроля над деятельность избирательных комиссий представительным органам власти, допустить наблюдателей к подсчету голосов во время выборов, принять новый демократический закон о выборах, отменить действие закона об административных и дисциплинарных нарушениях в отношении кандидатов в органы власти. При этом президенту следует, как минимум, добровольно отказаться от права принятия законодательных норм. В среднесрочной перспективе необходимо перераспределить полномочия в пользу парламента и кабинета министров. Если этого не произойдет в ближайшие год-два, то смело можно будет поставить крест на перспективах стабильного и устойчивого развития нашей страны. Режим сделал одиозную ставку на доходы, которых в стране просто нет. Вместо того, чтобы сделать ставку на развитие системы производства и свободу деятельности, режим продолжает по старинке «разруливать» торгово-налогово-таможенные операции. Бесплодность этих попыток очевидна даже самому несведущему

в экономике человеку. Такими же несостоятельными и, более того, вредными для народа Казахстана являются дополнительные пошлины и ограничения на ввоз импорта из России, дальнего и ближнего зарубежья, которые вводятся якобы в интересах казахстанского товаропроизводителя, но на самом деле призваны защитить интересы 6-8 группировок, монополизировавших весь импорт страны.

Причиной принятия столь одиозных решений является то, что кабинет министров не подконтролен парламенту. И уж совсем неприлично выглядят как прошлый, так и нынешний составы кабинета министров, в котором в основном окопались реально действующие бизнесмены, а не заинтересованные в судьбах страны политики. Чем больше бизнесменов в кабинете министров, тем менее эффективна его работа. Именно по причине отсутствия реального механизма разделения властей нынешний кабинет министров больше напоминает Совет предпринимателей, нежели эффективный и жизнеспособный управленческий орган государственной власти. Надежды на то, что приход представителей бизнеса в структуры власти повысит уровень компетентности принимаемых решений, не оправдались. Лишь парламент способен заставить работать кабинет министров в оптимальном режиме и вовремя отсекать явно субъективные и вредные для страны решения.

Приход реальных политиков, облеченных доверием избирателей, в структуры власти и, прежде всего, в кабинет министров, обеспечит ответственность принимаемых решений и их большую эффективность. В настоящее же время складывается абсурдная ситуация. Президент после своих выборов снова дает карт-бланш премьер-министру Балгимбаеву Н. и его команде, благодаря деятельности которых страна стоит на грани финансовой и экономической катастрофы. Если бы функция формирования кабинета министров принадлежала парламенту, а не президенту, то неиз-

безно происходил бы отсев таких министров, а их подбор осуществлялся бы не по принципу личной преданности, а по степени их компетентности и ответственности.

Но наиболее актуальным для западных инвесторов является вопрос о судебной системе. Ни для кого не секрет, что практика назначения судей президентом и Министерством юстиции в настоящее время привела к полному параличу судебной системы в Казахстане. Из-за отсутствия честного и независимого суда невозможно защитить экономические интересы собственников. И это обстоятельство является одним из самых сильных аргументов против прихода в Казахстан иностранного капитала и установления устойчивого и стабильного общества.

Будет ли Запад и дальше поддерживать политическую систему, представляющую собой лобби очень узкого круга предпринимателей? Едва ли. Запад прекрасно понимает, что всевластие политической и экономической элиты не даст сколько-нибудь серьезного pragmatического результата. Страна сползает к хаосу, бедности и нестабильности. Инвестирировать такую нежизнеспособную политическую систему станет разве что сумасшедший. Чем скорее будет наложен диалог и чем меньше заинтересованных лоббистов будет сидеть в парламенте и, тем более, в кабинете министров, тем больше шансов на налаживание нормальных деловых отношений с Западом, тем более стабильным и устойчивым окажется экономическое положение страны.

Весьма призрачными в этой связи являются надежды на «новый Кувейт». Конечно, ни по запасам нефти, ни по доходам от её добычи Казахстан никогда не встанет в один ряд с такими «монстрами», как Саудовская Аравия (более 26% мировых запасов), Кувейт, Ирак, ОАЭ, Иран, Россия (каждый – по 8-9% мировых запасов), и даже такими странами, как Мексика (около 5%), Венесуэла (6%),

Ливия, Китай, Нигерия (каждая около 3%). Наши самые оптимистические прогнозные оценки не превышают 1,5% общемировых запасов. Тем более, что по количеству запасов нефти на душу населения Казахстан не входит в число самых обеспеченных стран в мире. Если в Кувейте и Объединенных Арабских Эмиратах на душу населения приходится более 45000 баррелей, а в Саудовской Аравии – 13 тысяч баррелей, то в Казахстане – немногим более 1000 баррелей. Поэтому надеяться на то, что «нам, Юпитерам, позволено то, что не позволено простым смертным», не приходится. Тем более, что пока нет реального подтверждения наличия нефти в Прикаспийском шельфе. Не было найдено и альтернативных способов доставки углеводородного сырья на мировые рынки.

Чем скорее казахстанская политическая элита поймет эти объективные реалии и веяния времени, тем скорее она сможет найти оптимальный выход из того глобального кризиса, в который еще недавно относительно благополучный и потенциально богатый Казахстан она завела. Страна стоит на пороге XXI века, в котором приоритетное значение будет принадлежать диалогу и консенсусу, а не коррупции и эгоизму власти. И отношения с США и Западом в этом процессе будут иметь главное доминантное значение, а они едва ли будут возможны за пределами демократического и правового пространства.

Газета «XXI век»,

04 марта 1999 г.

«Время – диалогу и консенсусу»

ОГД

Осталось всего два месяца до того дня, когда должна будет решиться судьба заявки Казахстана на председательство в ОБСЕ. Согласятся ли страны, входящие в эту организацию, с тем, что ее возглавит государство, руководство которого обеими руками за демократию, но только управляемую? А если согласятся, то на каких условиях? И вообще, изменится ли ситуация в стране, если пост председателя будет за Казахстаном?

Эти вопросы сегодня волнуют многих казахстанцев – не только политиков или чиновников МИДа. Именно об этом наша беседа с известным казахстанским политологом Нурбулатом МАСАНОВЫМ.

Нурбулат Эдигеевич, как вы считаете, насколько реальны шансы Казахстана на председательствование в ОБСЕ?

Я бы хотел рассмотреть эту проблему в несколько иной плоскости. Для нас сейчас гораздо важнее понять, не сколь велики шансы Казахстана стать председателем, а что мы получим, если нам это дадут сделать.

Проблема состоит в следующем. В свое время я сам был автором идеи политической изоляции казахстанского режима на международной арене. На протяжении многих лет мы на все инициативы говорили: «Нет! Режим надо изолировать, его надо давить, с ним нельзя идти на контакт!» Мы призывали Запад не строить отношений с политическим режимом Казахстана. Однако, будучи автором этой идеи и одним из главных ее реализаторов, я пришел к выводу, что она была абсолютно порочна и не дала ожидаемого результата. Режим не остался в изоляции. Он как контактировал с

внешним миром, так и продолжает контактировать. А вот гражданское общество, казахстанский бизнес, НПО, политическая оппозиция стали, к сожалению, жертвами политики изоляционизма.

Разве наши НПО, наш бизнес, наша оппозиция не общаются с международным сообществом?

Это совсем не то общение, не тот масштаб, который должен быть. Смотрите, что произошло. С режимом продолжали взаимодействовать, сотрудничать, устанавливать отношения, потому что у Запада в Казахстане свои экономические интересы, неважно, о чем конкретно идет речь – о нефти, уране, редкоземельных металлах и т.д. Все остальное казахстанское общество было в изоляции, с ним отношения у мирового сообщества не выстраивались. Именно поэтому режим становился сильнее, а ситуация внутри страны – все хуже и хуже. Режим потихоньку «закручивал гайки».

Мы все удивлялись: мы призываем Запад оказывать давление на политический режим, а обстановка ухудшается, репрессивные органы все больше набирают силы.

Поэтому я считаю, что сегодня необходима всенарядная, всесторонняя, я бы даже сказал тотальная интеграция Казахстана в международное сообщество, поскольку в этом случае мы окажемся под прицелом миллионов глаз, которые будут наблюдать за ситуацией в стране.

Есть мнение, что председательствование Казахстана в ОБСЕ будет подарком режиму, признанием его заслуг...

Чепуха! Это станет подарком гражданскому обществу, подарком средствам массовой информации Казахстана, свободе слова, бизнесу...

Сейчас Казахстан в мире никто не знает, да и не хочет знать, по большому счету. Недавно я убедился в этом на собственном опыте. Мы потеряли во Франции кредитные

карточки, позвонили в отделение виз и сказали, что мы из Казахстана. И первый вопрос чиновника был таким: «А что такое Казахстан?!» Мы долго объясняли ему, что такое Казахстан, потом он смилиостивился и сказал: «Ну хорошо. А как пишется это слово?» И мы ему еще полчаса диктовали, как пишется слово «Казахстан», а он никак не мог понять. А еще был забавный случай, когда я разговаривал с одним представителем французской интеллигенции и тоже сообщил ему, что мы из Казахстана – из Центральной Азии. И мой собеседник ответил: «Да! Я знаю! Это где-то между Угандой и Бурундией!»

Если сегодня наша страна на Западе не слишком известна, то когда Казахстан станет председательствовать в ОБСЕ, весь мир узнает хотя бы, как пишется название нашей страны и где она находится.

И это все, что мы получим от председательствования?

Как только Казахстан возглавит ОБСЕ, в стране появятся десятки представительств зарубежных средств массовой информации.

Да они и сейчас тут есть...

Да нет никого, в том-то и дело! Какие зарубежные СМИ сейчас работают в Казахстане? Только «Рейтер» да один представитель «Франс пресс». Ну еще несколько иностранных журналистов, которые время от времени сбрасывают информацию в некоторые зарубежные издания. Но кроме «Рейтера», ни одно серьезное зарубежное СМИ не имеет в Казахстане своего представительства. А вот когда в Казахстан придут десятки представительств иностранных СМИ, все ограничения свободы слова станут просто никому не нужны.

А Казахстан будет обязан принять у себя зарубежные СМИ?

Во всем мире так принято! Это составная часть международного процесса интеграции.

А если Казахстан откажется?

Не сможет отказаться! Он председательствует в ОБСЕ!

А какие санкции к нему могут применить, если Казахстан не даст согласия?

Тогда он лишится председательствования в ОБСЕ.

Ну и что? Живем же без председательствования – и ничего...

Не скажите! Все не так просто. Итак, зарубежные СМИ обязательно пришлют своих представителей в Казахстан, чтобы получать информацию из первых рук. Они должны будут работать с МИДом, правительством, президентом Казахстана, с местными властями. В Казахстан придут десятки международных организаций, которые в свое время сюда уже приходили, но посмотрели и ушли. То есть Казахстан окажется под микроскопом у мирового сообщества.

Совсем недавно кто-то из лидеров казахстанской оппозиции сказал, что если у нас будет хотя бы 10 независимых СМИ, то закон о СМИ станет просто не нужен. Но поверьте, если Казахстан будет председателем ОБСЕ, то у нас появится не 10, а 110 независимых СМИ, которые постоянно будут писать о ситуации в стране. Придут к вам, в «Республику», придут в НПО, в оппозицию, в правительство, в парламент и будут спрашививать...

И сейчас приходят...

Да не приходят! Раз в год, по случаю, эпизодически! Системной-то работы нет.

А зачем казахстанскому режиму это надо? Вот уж радость – оказаться под микроскопом...

Казахстанский режим отлично понимает, что это своего рода плата за право председательствовать в ОБСЕ. Вся политика строится по принципу «Ты – мне, я – тебе».

Хорошо, а какая польза режиму от председательствования в ОБСЕ?

Это же престиж! А он стоит больше, чем все остальное, вместе взятое! Есть такая телепередача «Школа злословия». В ней однажды прозвучала загадка: если вам предложат деньги, власть и славу, что вы выберете? Так вот, умный выберет деньги, стремящийся к власти выберет власть. А тот, у кого есть власть и деньги, выберет славу! Это нормальная ситуация. И казахстанское общество должно воспользоваться шансом, который ему сейчас предоставлен. Ведь у нас внутренних ресурсов для политической модернизации системы явно не хватает. Внешней поддержки недостаточно, значит нужно искать способы осуществить это через председательствование страны в ОБСЕ, через инкорпорацию режима в международные структуры, использовать при этом желание председательствовать в ОБСЕ, войти в число 50 самых развитых стран мира, в ВТО, желание возглавить ООН и т.п. А наша оппозиция, как и 12-13 лет назад, сидит все в том же окопе и кричит: а Баба-Яга против!

Власть тоже ведет себя аналогично. Зачем она ужесточает закон «О СМИ», «О свободе мирных собраний»?.. Сама себе палки в колеса вставляет?

Это чисто стереотипное представление. На самом деле все гораздо проще.

На днях я встречался с министром Великобритании по делам Европы Джейфом Хуном. И я ему сказал, что не казахстанский режим виноват в сложившейся внутри страны ситуации, это страны Запада виноваты! Смотрите, что происходит: Германия за председательствование Казахстана в ОБСЕ, Великобритания против, Франция колеблется, США – то за, то против. То есть проблема не в Казахстане. Если четыре великие державы займут согласованную позицию и проведут необходимые консультации, проблема будет решена. И политический режим Казахстана поймет, что лавировать между ними нет смысла, что их позиция

выверена и согласована. А если при этом Казахстану будут четко поставлены определенные условия и указаны сроки их выполнения, режиму придется пойти на уступки.

А пока Запад не определился со своей позицией в отношении Казахстана, он продолжает свою игру.

То есть пока великие державы судятся и рядятся, наши власти спокойно «закручивают гайки», потому что им так удобнее управлять?

Конечно! Я и сказал об этом Джейфу Хуну. Он говорит: а что надо сделать? Какие условия должен выполнить режим, чтобы получить председательствование в ОБСЕ?

Но когда Запад задает такие вопросы, в ответ слышится разноголосица либо ставятся условия, на выполнение которых нужно два-три года. И казахстанские власти говорят Западу: «Посмотрите на них! Они же глупцы! Они живут вне политических реалий! Пусть они нам поставят конкретные условия, которые мы можем выполнить прямо сейчас!»

А наша оппозиция ставит максимально запредельные, недопустимые условия, которые невозможно выполнить даже в течение трех лет! Хотя самое главное – будет направлен на Казахстан прожектор международного внимания или нет. Если этот прожектор будет, то он прожжет любой недемократичный закон в пять секунд! Поэтому мы должны работать в этом направлении! Хватит уже строить из себя Бабу-Ягу, которая все время против. А те, кто ратует за изоляцию режима и в то же время борется якобы за свободу СМИ, они и есть главные враги и свободы слова, и свободы СМИ. Они не понимают главного: если мы не можем продавить ситуацию изнутри, значит, надо просить помощи извне. Если же и с внешней помощью ничего не получается, значит, нам нужно интегрироваться в международные институты и оттуда продавливать.

А пока не решится вопрос о председательстве, нам сидеть, сложа руки?

Никто не говорит о том, что нужно сидеть, сложа руки. Мы должны подталкивать казахстанские власти к всемерной, тотальной интеграции, инкорпорации, интродукции в международное сообщество! И чем больше у нас здесь будет мероприятий международного масштаба, тем лучше. К примеру, Совещание по мерам доверия в Азии – очень хорошо, пусть едут сюда. Совещание стран – участниц Шанхайского договора – замечательно! Пусть приезжают! Казалось бы, локальные дела, а для их освещения сюда едут американские и европейские журналисты. Классно? Конечно! А по ходу они берут интервью у оппозиции, у журналистов «Республики», у наших правозащитников, чтобы о нас узнали во всем мире. А если бы не такие мероприятия, то кому бы мы были нужны? Да никому! То есть мы должны протянуть миллион нитей связи с миром, с Западом! И дергая за эти ниточки, мы используем дополнительный ресурс давления на власть.

Значит, по вашему мнению, власть внутренне готова пойти на «издержки», связанные с председательством. Но чем тогда можно объяснить неожиданную идею Рахата Алиева – мол, Казахстану нужна монархия?

Все объясняется очень просто. Это некий политический торг.

Кого с кем?

Политической элиты Казахстана с Западом, которому сообщают: вы не хотите нашего председательства в ОБСЕ, вы не хотите нас интегрировать в международное сообщество, принимать в Совет Европы? Тогда вы получите монархию! То есть Западу предложена реальная альтернатива! Пускай в форме шантажа, угрозы, которая политически кажется нереальной. Но ведь эта угроза исполнима. Если Запад

скажет «нет», мышеловка захлопнется! И процесс пойдет в другую сторону. Тогда ни вашей газеты не будет, ни других независимых СМИ, ни даже самых маленьких остатков свободы, прав человека и т.д.

Но вы же сами говорили в одном из интервью, что Назарбаев не смог бы повести страну по недемократическому пути, поскольку это обусловлено и геополитическим положением Казахстана, и его внешним окружением... Как же в такой ситуации власть сможет «захлопнуть мышеловку»?

Саудовская Аравия, Кувейт и Арабские Эмираты тоже живут на импорте, но, тем не менее, там мышеловка захлопнута, хотя население этих стран полигэтнично и многоконфессионально.

Поймите, у Алиева, точнее, у тех, кто вложил в его уста эти размышления, не было цели дать детальную раскладку, как будет происходить процесс превращения Казахстана в монархическое государство. Они просто показали, каким еще может быть путь страны, обозначив буквально штрихами этот вектор развития. И не случайно, что данная идея исходит именно от Рахата Алиева. Причем она рассчитана на умную аудиторию. И если кто-то говорит, что все это ерунда, он ошибается. Это очень серьезно, поверьте! Это сигнал и для политической элиты, и для бизнеса, и для всего гражданского общества Казахстана. Нам достаточно прозрачно намекают: если вы хотите республику, хотите демократию, то должны заплатить за это определенную цену в виде лояльности, которая принесет славу стране. Но если вы против режима и не хотите ему дать что-то взамен, например, славу, престиж, то паровоз может пойти и обратно.

Это очень сильный политический ход!

Вы думаете, власти удастся реализовать этот план?

Я не собираюсь рассуждать, сможет она это сделать или не сможет. Как свидетельствует практика, наша власть мо-

жет все. Во всяком случае, до сих пор ей удавались все ее проекты. В казахстанском обществе настолько слабо самоопределение, четкое осознание своих личных интересов, не говоря уже об общественных, что никакого противодействия оноказать не сможет.

Стало быть, не случайно в последнее время высокопоставленные чиновники заговорили о родоплеменной принадлежности казахстанских батыров?

Я думаю, что определенная связь, наверное, существует, хотя здесь другая проблема. Дело в том, что сейчас в Казахстане идет сознательная архаизация системы общественных ценностей через апелляцию к историческим ценностям. История играет роль базового фундамента для формирования новой системы ценностей. Ведь что получается? Советские ценности рухнули, а новых еще нет. Это должны быть ценности либерального общества, но оно еще только формируется, и приоритета частной собственности в стране тоже нет, как нет и уважения к частной собственности.

В первую очередь, со стороны государства?

Конечно! А взамен уже утраченных и еще не сформированных ценностей (либерализма, демократии, прав человека и т.д.) предлагается исторически обоснованный институт ценностей: батырство, бии, ханы и прочее. Часть общества, для которой этничность приоритетна, а гражданственность является атрибутом этничности, воспринимает архаизацию системы общественных ценностей положительно, хотя во всем мире наоборот: этничность является атрибутом гражданственности. А наши люди воспринимают государство, страну, гражданственность именно через этничность. Если для меня приоритетны интересы моей этнической группы, то я патриот! Идет подмена ценностей, однако наше общество, как всегда, в силу крайне низкого интеллектуального

уровня, в силу отсутствия серьезных ученых и аналитиков, экспертов, интеллектуалов, в условиях, когда журналисты «забалтывают» любую проблему, никоим образом не сопротивляется этой подмене.

И в такой ситуации «выстрел» Рахата Алиева безупречен. Он очень точен, но при этом не рассчитан на глубокий анализ. А такой анализ и не требуется, когда идет работа с общественным мнением. Идею просто забрасывают в массы, и масса ее заглатывает! Более того, масса постепенно привыкает к этой мысли – о создании монархии. Когда люди привыкнут к этой идеи, проговорят все, что было сказано Рахатом Алиевым, его идея станет частью их культуры.

Особенно если это подкрепляется ощущением принадлежности к родоплеменной системе?

Разумеется. Парадоксальность ситуации в том, что даже самые продвинутые наши оппозиционеры (не буду называть имен) предлагают вместо сената создать верхнюю палату, в которой будут представлены народы Казахстана. А ведь это этнизация политической системы страны! Чем же идея Рахата Алиева хуже? Да ничем! Просто она рассчитана на одну группу – доминантную, господствующую, поэтому она сильнее, хотя и она учитывает этнический фактор – происхождение.

Так что Рахат Алиев точнее рассчитал свой удар, нежели политическая оппозиция, предложившая распустить сенат. И когда наши оппозиционеры заявили, что им верхняя палата не нужна, политическая элита, отметив, что эти чудаки не понимают смысла функционирования двухпалатного парламента, сказала: хорошо, обойдемся без сената, только сначала давайте попробуем воплотить этническую идею, сформировав сенат из представителей всех народностей Казахстана. Затем будет следующий этап, когда

массам напомнят, что внутри народа есть родоплеменные группы. Это очень тонкая политическая игра, продуманная на много ходов вперед.

Но ведь в ОБСЕ такая идея, что называется, не прокатит! Вот для чего нам и нужно председательство в ОБСЕ! Теперь вы, надеюсь, со мной согласны?

Газета «Республика»,
22 сентября 2006 г.

Интервью брала Г. Дырдина,
«Председательство в ОБСЕ – в обмен на демократию»

...ГРАЖДАНИН И ПАТРИОТ

СФЕРЫ

В последнее время в Казахстане зазвучала тема миграции, отъезда из республики русскоязычного населения. Об этом говорили в выступлениях высшие должностные лица государства, этот вопрос затрагивали газеты, обсуждают его в разговорах и «рядовые» граждане. Наша газета уже написала об аналогичных проблемах в других республиках, теперь, кажется, пришло время взглянуть на положение дел в Казахстане.

Сегодня наш собеседник – доктор исторических наук Нурбулат Эдигеевич Масанов, президент Международного фонда интеллектуальной поддержки реформ в Казахстане и Центральной Азии. В сфере интересов Н. Масанова – проблемы истории и культуры кочевников, миграции, этнодемография, межнациональные и рыночные отношения. Этот широкий спектр и определил широту темы, поднятой в нашей беседе: миграция в Казахстане, ее история, сегодняшнее состояние, возможные перспективы и связанные с ней социальные процессы.

Миграцию порой воспринимают как что-то совершенственно противоестественное, даже апокалиптическое. Корни такого взгляда в нашем недавнем тоталитарном прошлом. Помните – паспортный режим, ограничения на выезд из страны для одних, полная невозможность этого для других. В таких условиях человек привыкал воспринимать окружающую его общность, да и себя самого, как нечто статичное, раз и навсегда привязанное к данной местности, городу, региону.

В действительности миграция – естественный процесс, на протяжении всей истории человечества игравший в ней огромную роль. Она – один из важнейших каналов передачи информации между народами. Так, перемещения кочевников веками были главными ретрансляторами культуры между Востоком и Западом (примеров масса, вот один, довольно характерный: кочевники, двигаясь из Монголии на Запад, занесли в Россию гречиху). И по мере развития цивилизации роль миграционных процессов еще более возрастет.

Но миграцию необходимо различать по ее характеру: на вынужденную, когда человек перебирается с одного места на другое не по собственной воле, а под давлением обстоятельств, и осознанную, когда он спокойно и абсолютно самостоятельно ищет условия для более полной реализации своего потенциала, чего по каким-то причинам не может сделать в данном регионе (ведь человечество развивается несинхронно, одни регионы отстают от других, и энергичные, одаренные личности всегда будут стремиться в более развитые). Осознанная миграция – не что иное, как перелив населения в те страны и регионы, где экономическая и политическая ситуация обеспечивает большую свободу деятельности. Вспомните то, о чем сейчас много говорят: отъезд научной элиты из СНГ в развитые страны.

А пример миграции вынужденной?

Классический: исход русской интеллигенции из России в годы большевистского террора. Вообще этот тип миграции преобладал в истории. Кочевники мигрировали в силу засухи, джута, других природных бедствий, земледельцы – из-за нехватки земли, и те, и другие – под давлением социальных конфликтов или более сильных соседей. И сегодня во многих регионах мира продолжается то же самое: миграция в странах СНГ почти исключительно вызвана политической нестабильностью.

Но эти процессы существуют и в развитых странах с политически стабильными режимами.

Да, даже в США имеют место постоянные миграции. С одной стороны, они способствуют переливу дешевой рабочей силы из трудоизбыточных регионов в те, где ее не хватает. Но, кроме того, миграция на цивилизованном уровне становится элитарной, избирательной: привлекаются не только рабочие руки, но и мозги. Чем выше уровень развития общества, тем большая потребность в привлечении эмигрантов.

Отношение к миграции – это лакмусовая бумажка: наиболее прогрессивны те государства, которые лояльно к ней относятся и не ограничивают ни въезд, ни выезд. По отношению к этому вопросу можно судить о цивилизационном уровне данного общества и, соответственно, данного государства.

Что ж, мы рассмотрели проблему миграции в общечеловеческом масштабе. Давайте теперь конкретизируемся на Казахстане и происходящих в нем миграционных процессах. Каков их характер?

Начать надо с экскурса в прошлое. С середины девятнадцатого века и до самых недавних пор преобладала миграция в Казахстан. Первоначально это было естественное переселение, с начала XX века стимулированное столыпинскими аграрными реформами, а с 1917 года – государственно-насильственное, когда людей брали за шиворот и вышвыривали с родных мест в совершенно им незнакомые. Примеры тому – выселение в Казахстан кулаков, массовые депортации немцев, корейцев, северных кавказцев, миллионы заключенных ГУЛАГа и т.д. плюс эвакуация во время Отечественной войны, переселения за период освоения целины. Все это привело к тому, что доля казахского населения снизилась к 1959 году в республике до 30%.

Причина многих последующих конфликтов и проблем – именно в насилиственно-плановом, неестественном характере этих переселений.

А существовала ли естественная миграция в Казахстан в советское время?

Она существовала всегда, в частности, урбанизация и развитие добывающей промышленности в Казахстане привели сюда многих специалистов. Но преобладала в послереволюционный период государственно-плановая миграция.

Сегодня же мы сталкиваемся с таким явлением – реемиграцией, выражаящейся в отъезде из Казахстана некоренного, в первую очередь, русско-украинского населения.

Это явление сейчас свойственно многим, если не всем республикам бывшего Союза, и по масштабам отъезда Казахстан стоит далеко не в первых рядах. Но, тем не менее, люди уезжают. В чем, по- вашему, причины этого? Ведь в Казахстане нет военных действий, как в Таджикистане или на Кавказе, нет дискриминационных законов, как в прибалтийских республиках.

Отъезд русскоязычного населения из Казахстана имел место и раньше, но приезжало сюда всегда больше. В обратную сторону положение начало меняться в 1991 году, в условиях распада СССР. Первым толчком стали события в Прибалтике, Грузии. В тот момент отъезд был своего рода превентивной мерой на развал Союза. После провозглашения независимости Казахстана отъезд усилился. Сейчас, на мой взгляд, он несколько ослаб, если судить по такому фактору, как беспрецедентный рост цен на квартиры.

Вообще проблеме миграции у нас уделяется мало внимания, в то время как ее необходимо очень внимательно изучать. Сейчас невозможно ответить на целый ряд вопросов: каков профессиональный аспект миграции из республики, кто подвержен ей больше: люди приехавшие сюда или здесь родившиеся?

Что же касается причин отъезда, то, на мой взгляд, их две, и обе характерны для всех без исключения бывших советских республик. Первое: естественное стремление людей найти свои корни, вернуться в ту среду, откуда они вышли

(это свойственно, прежде всего, не родившимся на данной территории, а приехавшим сюда). И вторая: повсеместный рост идеологии национал- популизма. Ее основным носителем всегда является маргинальная часть общества, то есть перебравшееся в город сельское население. В силу присущих ей психологических особенностей эта социальная группа, как никакая другая, нуждается в групповой идеологии. Раньше была социалистическая идея, сознание того, что все мы – подданные великой державы. После крушения этого образовался вакuum, который начал заполняться самой понятной и простой идеей – национальной. А она всегда предполагает суверенитет права нации над правами человека, провозглашает право данной этнической общности преобладать на данной территории и пользоваться определенными привилегиями. Национализм, как это справедливо заметил один из лидеров польской «Солидарности», является высшей стадией развития коммунизма.

В результате люди начинают интегрироваться в группы не по убеждениям, профессиональным, нравственным или каким-то иным признакам, а на основе этнического происхождения. Это обязательно влечет за собой обострение обстановки в обществе, сегрегацию социальной жизни, настороженные отношения между представителями разных национальностей, чувство неуверенности в будущем своем и своих детей. Естественно, что в таких условиях какая-то часть населения будет стремиться уехать. То есть будет усиливаться вынужденная миграция.

И каковы, по- вашему, перспективы этих процессов?

К сожалению, они будут нарастать. Самое главное, чтобы не произошло разрыва между казахской и русской интеллигентской элитой. Именно они должны, консолидировавшись, совместно противостоять национал-популизму, сегрегации и всеобщему апартеиду. При этом консолидирующими началом должна стать казахская интелигенция.

В случае победы идеологии национал- популизма и ее перерождения в национал-реваншизм не выиграет никто, а проиграют все.

Существует мнение, что российское руководство до определенной степени заинтересовано в оттоке русского населения из соседних государств в Россию, надеясь с его помощью решить некоторые демографические, социальные и экономические проблемы, в частности, заселение пустующей российской глубинки. На ваш взгляд, насколько обоснованно это мнение?

Как и любое другое, российское руководство заинтересовано в притоке в страну высокообразованных, профессиональных специалистов в любой сфере деятельности. И точно так же ни одно правительство в мире, и российское не исключение, не заинтересовано в толпах низкоквалифицированных, да к тому же еще и агрессивных беженцев. Они могут лишь обострить и без того непростую экономическую и социальную ситуацию внутри России, а в политической сфере усилить те партии, которые во взаимоотношениях с бывшими советскими республиками будут ориентироваться на конфликтность.

Что касается экономических перспектив развития самого Казахстана, то усиление эмиграции русского населения, если оно станет реальностью, может очень серьезно на них отразиться: ведь среди казахстанских русских 77% – горожане, и это определяет их преобладание в ряде сфер – научно-технической интеллигенции, промышленных рабочих, в значительной степени среди учителей, врачей, среднего и высшего управленческого звена, в сфере обслуживания.

Вы констатировали наличие проблемы и возможные перспективы в случае ее углубления. Теперь самое время поговорить о том, что нужно сделать, чтобы миграция из Казахстана не стала массовым явлением.

Главное, это решение экономических проблем, от которых в равной мере страдают все народы. Первый и самый

главный шаг в этом направлении – проведение немедленной приватизации. Это поможет ослабить напряженность межэтнических отношений, разбив противостояние нескольких больших групп в сфере межнациональных отношений на миллионы мелких противостояний в экономической сфере, где национальные вопросы решаются просто.

О приватизации часто говорят как об универсальном способе решения всех наших проблем. Не является ли это идеализацией?

Нет, хотя в первое время, действительно, возможно даже некоторое обострение проблем: известно, что вскоре после приватизации 80% собственности концентрируется в руках 20% населения. Но затем в дело вступают естественные экономические законы, начинается ее перераспределение. Что же касается национального аспекта, то если я, к примеру, владелец фабрики или магазина, то запись в пятой графе паспорта моих поставщиков, инженеров и рабочих меня совершенно не интересует – мне важно, чтобы они хорошо работали и честно вели дела. Иначе говоря, если в нашем социалистическом и тем более посткоммунистическом обществе карьеру можно сделать только с помощью личных связей и своей этнической принадлежности, то в условиях рыночной экономики на первый план выходит сам человек, его ум, знания, дарования, умение и желание работать.

Необходимо так же признание государственными языками в Казахстане казахского и русского. Язык есть средство коммуникации, это инструмент общения людей, передачи информации и не более. Решать, на каком языке общаться, должны люди, а не государственные органы, которые, в свою очередь, должны продумать систему мер, направленных на сдерживание эмиграции и создание равных условий для развития всех жителей республики и удовлетворения их специфических культурно-языковых запросов.

Следующий шаг, и он, пожалуй, самый важный, – это необходимость всем слоям общества определиться в своем

отношении к эмиграции русскоязычного населения из Казахстана и высказаться по этой проблеме. Я не думаю, что многие будут «за», только, разве что, национал-реваншисты. Я лично считаю, что отъезд русскоязычного населения только обострит социально-экономические проблемы республики и еще на больший срок отложит реформирование нашей большой экономики.

Ну и последнее – то, о чем я уже говорил: необходимость консолидации казахской и русской интеллигенции и их интегрирующая роль в казахском обществе.

«Азия» International weekly,
№4(42), февраль 1993 г.

Интервью взял Я. Разумов.

«Миграция в Казахстане – вчера. Сегодня... Завтра?»

©80

С распадом СССР миллионы граждан разных национальностей вдруг стали жить «за границей», превратились в наименьшинства, почувствовали необоснованный национальный прессинг как на бытовом, так и на административном уровнях. Так называемое русскоязычное население – украинцы, немцы, литовцы, русские, армяне и другие «инородцы», десятилетиями, а то и веками жившие в Казахстане, волна за волной двинулись на вокзалы, чтобы уехать, куда глаза глядят – от греха подальше. Эмигранты в своей стране... Такого мира еще не знала. Так что же это за явление, чем оно чревато и кому выгодно? На эти вопросы отвечает профессор Нурбулат Эдигеевич МАСАНОВ.

Когда мы говорим о миграции в Казахстане, мы всегда должны учитывать подобный опыт в других странах. Я все

время вспоминаю Алжир, Кению, Родезию, Мозамбик, Анголу и многие другие африканские страны, которые после получения независимости проводили достаточно жесткую политику в отношении бывших, как они говорили, колонизаторов. В рамках деколонизации они выталкивали эти группы населения из своих стран, предполагая, что когда уедут представители инокультуры, иноязычных групп и в стране будет достигнута большая этническая однородность, то ситуация улучшится и стабилизируется. Но, как показывает опыт, после выезда «колонизаторских этносов» ситуация в этих странах, наоборот, резко ухудшалась, возникли межклановые распри. Думаю, и у нас в Казахстане массовый выезд, скажем, русских абсолютно не решит внутренних проблем. Наоборот, обострит их.

Миграция – это яркий показатель политической и экономической ситуации в обществе. Если люди куда-тоезжают, это значит, что они не видят там места для себя, для своего будущего и не связывают свою жизнь с этим регионом. Это показатель неблагополучия. В то же время за мощными миграционными потоками стоят определенные, надо понимать, могущественные силы, ратующие за чистоту этнического пространства.

Нурбулат Эдигеевич, с переходом на рыночные отношения в нашем лексиконе появилась и «рыночная» терминология. Поэтому сразу возникает вопрос: значит, миграция населения выгодна государству?

А почему бы и нет. С выездом сотен тысяч людей из страны освобождается столько же и рабочих мест. Следовательно, экономический кризис, в том числе и безработица, смягчаются за счет выезда «лишнего» населения. Миграция освобождает десятки тысяч квартир – снимается проблема жилья. По своим последствиям это равно строительному буму в данной стране. Массовая миграция экономит огромную массу финансовых средств в связи с невыплатой эми-

грантам пенсий, социальных пособий, заработной платы и т.д. Это своего рода инвестиции в экономику Казахстана. Это политическая реальность сегодняшнего дня.

Но ведь люди, уезжающие за пределы республики, вряд ли думают о большой политике. Каждый стремится найти свою личную лучшую долю. Не так ли?

Что касается отдельных людей, то совершенно очевидно, что миграция – это большие проблемы, это большие потери. Это то же самое, что вырвать здоровый живой зуб. И сама среда, откуда он вырван, будет болеть, и этот зуб, вырванный из своей среды, уже нигде не приживется. Он везде будет не нужен. Люди бросают наследие годами, поколениями. Люди срываются со своей родины, а Казахстан – родина для тех, кто здесь живет, родился здесь. Я в этом глубоко убежден. Эти люди едут куда-то, и где они приживутся? В лучшем случае, как показывает мировой опыт, 5-10-20 процентов найдут свое место на новой родине, в новой среде. Но первое поколение этих мигрантов всегда будет больное. Это синдром миграции, это давно известная вещь.

Поэтому я считаю, что гораздо легче и дешевле проявить свою политическую волю здесь, на своей родине, нежели вырвать себя, поехать в совершенно чужую среду. И там все равно придется проявлять свою активность, чтобы выжить. Но на родине у себя, где ты обустроен, где ты связан тысячами нитей со средой, проявить свою волю будет гораздо легче и проще. Поэтому я призываю потенциальных эмигрантов здраво, отбросив эмоции, подумать над этим.

Выходит так, что от чьих-то политических амбиций страдают, теряют ущерб рядовые, ни в чем не повинные граждане?

Не только. Казахстан, как государство и его общество, при массовой миграции тоже несет ощутимые потери. Ведь уезжают люди квалифицированные, в функционально нормальном возрасте, которые могут работать. Уезжают именно умные, инициативные, образованные. А эти поте-

ри уже нельзя посчитать никакими долларами. Поэтому ущерб для Республики Казахстан колossalный. И, конечно же, надо было сделать всё, чтобы народ не уезжал. Но боюсь, что ситуация едва ли изменится к лучшему. Насколько я знаю, все казахстанско-российские договоры, внутренние акты направлены на то, чтобы облегчить миграцию.

Нурбулат Эдигеевич, нередко можно услышать, что русскоязычное население республики, хотя у многих здесь родились и деды, и прадеды, не является коренными жителями Казахстана. В то же время совсем молодые иммигранты, прибывающие из Китая, Турции и других стран, у которых предки родились за рубежом, почему-то считаются коренными казахстанцами. Как это понимать, кто есть кто?

Когда мы говорим о статусе коренного жителя, коренного населения, мы должны оперировать не эмоциональными, домостроевскими оценками, а общепринятыми международными нормами. Согласно определению ООН, под статус коренного населения подпадают, прежде всего, те жители страны, которые ведут традиционный способ хозяйствования. У нас в Казахстане под это понятие подходит очень небольшая, от силы 200-250 тыс. человек, группа казахского населения – чабаны, проживающие в отдаленных аулах и выпасающие скот кочевым образом. Зато, скажем, я, казах, живущий в городе оседло, никак не подхожу под статус коренного жителя. По критериям ООН – я не коренной.

Другим важным критерием понятия коренного жителя является фактор зависимости и самостоятельности народности. Так, индейцы Америки – это коренные жители, потому что они до сих пор находятся в зависимости, в угнетенном состоянии. Но у нас, в Казахстане, насколько я понимаю, казахов трудно назвать угнетенным народом.

У нас же статус коренного населения используется по бытовому, эмоциональному определению, что тоже представляет пагубное явление. Я считаю, что государство должно

было давным-давно разъяснить людям эти международные нормы, а не создавать предпосылки к межнациональному разобщению. И вот теперь, когда нам предстоит обсуждение нового Основного закона республики, на этот раздел необходимо обратить внимание независимым экспертам.

Значит, исторически обусловленное массовое переселение русских и других народов в Казахстан не является чистой водой колонизацией, и мы не должны чувствовать себя здесь чужаками, национальным меньшинством?

Нет. Вообще надо сказать, иммиграция, массовое переселение в свое время русских, немцев и других народов в Казахстан очень положительно сказалось на экономической и политической ситуации в стране.

Что Казахстан представлял до этого? Фактически, это на 80-90% безводная пустыня, где жили в основном кочевники-скотоводы. А термин «колонизация» означает заселение, освоение данной территории. Иммиграционные потоки в Казахстан связаны с развитием промышленности, городов, торговли, нескотоводческих видов сельского хозяйства. Ведь если бы не было этого массового переселения народов, Казахстан так и остался бы пустыней, как Сомали или Монголия, где одни кочевники и больше никого. Поэтому история иммиграции в Казахстан – это история прогресса. И мы это должны признать, как бы это не нравилось кому-то.

Нурбулат Эдигеевич, вот мы, русские, уже много-много лет слышим декларируемую сначала коммунистами, а теперь вот и демократами аксиому, что этнический фактор не должен влиять на карьеру. Тем не менее, это всегда ощущалось. Какую роль здесь играет государство?

Да, это политика тоталитарного государства. Потому что государство – это всегда чиновники, и они живые люди. Поэтому их отношение к национальному вопросу всегда субъективно. У них всегда есть симпатии, антипатии и т.д. Проблема же нормального демократического государства

заключается в том, что ему не надо бы обращать внимание на многонациональную палитру населяющих его народов. Государство должно быть нейтрально по отношению ко всем этносам, в том числе и к преобладающему; должно создавать для всех равные условия для развития и карьеры. К людям самых разных национальностей государство должно относиться только как к гражданам. Тогда на первый план начнут выходить личные достоинства и профессионализм.

А для этого нужны реформы, переход к рыночной экономике. Рынок объективен, он существует вне государства, вне управления чиновников. Рынок снимает эти симпатии-антипатии. Потому что на рынок человек выходит продавать не цвет своей кожи, не своё происхождение, не свой язык – он выходит продавать свои знания, умения, профессионализм и желание работать. И не важно, кто он такой – синенький, зелененький или в клеточку. Это никого не интересует. Поэтому рынок является универсальным способом снятия межнациональной напряженности. Но у нас нет рынка. Поэтому миграционно-этническая карта еще не раз будет разыгрываться в нашей стране. Но не стоит обращать на неё внимания, если русские, казахи, все народы Казахстана проявят свою политическую волю к единению. Ведь жить-то нам все равно придется вместе и, наверное, не один век.

Газета «Доживем до понедельника»,

19 мая 1995 г.

Интервью вела С. Тараканова.

«Кому выгодна миграция?»

Легче легкого утверждать, как это делают невежды, что в Казахстане межэтнические проблемы сняты. Они существуют во всех полиэтнических государствах. Даже в США, самой развитой стране мира, они не решены до конца. Что же говорить о посттоталитарных странах!

Нужны государственные правовые механизмы, которые позволяют защищать интересы всех людей, несмотря на их многообразие и различия. У нас же изначально, то есть, в Конституции, заложено неравенство. Положение о том, что Казахстан есть государство самоопределившейся казахской нации, уже обозначает господствующую группу. И как бы юристы ни доказывали, что в этом положении нет правовой нормы, что это просто культурно-исторический постулат, с точки зрения восприятия оно дискриминационно. Ведь психология людей, как известно, построена на принципе бинарных оппозиций, то есть самых простых противоположностей: если есть господствующая нация, значит, все остальные – второсортные. И что бы дальше в Конституции ни говорилось о равенстве, противоречие уже заложено.

Второй дискриминационный момент – государственное одноязычие. Причем государственным провозглашен даже не язык большинства населения, как утверждают сторонники этой нормы, а язык меньшинства. Казахи, по переписи 1989 года, составляли 39,7 процента всего населения Казахстана, сейчас – 44 процента. Это большинство по отношению к другим группам, но не абсолютное большинство.

Государственный статус придан казахскому языку, чтобы возродить его. Иначе, утверждают наши академики, он не выдержит конкуренции с русским.

Что выше: принцип человека или принцип языка? Всё-таки язык служит человеку, а не наоборот. Возрождение языка не может осуществляться методом большевистского нацизма. Русскоязычное население противится и психологически, и сознательно не казахскому языку, а именно насилию. «Навязать» язык силой нельзя никому. Национал-популисты считают, что возрождение казахского языка может быть осуществлено только на похоронах русского языка. Какими бы заверениями они ни пытались завуалировать смысл своих речей, он именно таков. Но, во-первых, это не реально, а во-вторых, истинное возрождение языка имеет несколько этапов. Первый – реальное двуязычие. Чтобы его добиться, нужно, как минимум, одно поколение – 25 лет. Я писал об этом еще несколько лет назад, теперь, когда истекают утвержденные пять лет назад сроки введения делового двуязычия, со мной вынужденно соглашаются и чиновники. Хорошо, согласились, что нужно минимум 25 лет, а что дальше? Государственной программы по развитию и поддержке казахского языка до сих пор нет. Нет вообще специалистов по казахскому языку. Наши патриоты по своему невежеству считают, что раз владеешь языком, значит, уже и специалист. А после работы профессора Аманжолова «История и диалектология казахского языка», опубликованной еще в 1959 году, не было ни одного серьезного научного труда! Для реального возрождения языка нужны не крики о патриотизме, не обличения русских в амбициозности, а продуманная система разнообразных мер. Но это большой, кропотливый труд, куда легче заниматься мифотворчеством, заявляя о недавнем засилье русских в эшелонах власти. На самом же деле уже в 60-80-е годы русским в Казахстане было сложнее, чем казахам, получить престижное образование и сделать карьеру. В 70-е годы половину руководящих постов всех уровней в Казахстане занимали казахи. На эту тему были тогда публикации российских

шовинистов в московской прессе: «что же это за ситуация в Казахстане, почему русские там – люди второго сорта?»

После Брюсселя (конференции по проблемам межэтнических отношений в Казахстане – ред.) я пришел к выводу, что главную опасность для гармоничных межэтнических отношений в Казахстане представляют не крайние национал-радикалы типа Куанышалина, не имеющие широкой социальной базы. Главную опасность представляют высшие чиновники: своей однобокостью, консерватизмом, нежеланием искать компромисс. И, считаю, совершенно верно все участники семинара (кроме, разумеется, чиновных) заявили, что в Казахстане нет противоречий между русскими и казахами, что межнациональную напряженность провоцирует сама власть, а стабильность сохраняется вопреки ей, благодаря разуму самих народов.

Когда приватизация обрачается коррупцией, казнокрадством и «прихватизацией», страна разворовывается, то экономическая и межэтническая ситуации ухудшаются, и любая власть заинтересована, чтобы разделять и властвовать. Ведь Закон о языках принимал не народ на референдуме, а парламент; его бездумную реализацию начало правительство. Кстати, на семинаре г-жа Докучаева зачитывала документы МВД, где говорилось, что при аттестации, выдвижении людей на должность следует учитывать знание государственного языка, приводила массу других аналогичных документов. Г-н Бусурманов каждый раз комментировал: это частное злоупотребление законами. Но извините, когда такие явления приобретают обвальный характер на всех уровнях, то это не злоупотребление, это буквальное исполнение законов. Вспомните, как келейно, насоком принималась Конституция. Её надо было принимать на референдуме, но наш парламент до сих пор не принял закон о референдуме. У нас вообще нет практики публичного обсуждения законопроектов. И напрасно министр юстиции

Шайкенов и депутат Перегрин всё время пытались доказать, что наши законы выдержат самую суровую международную экспертизу; остановка за тем, чтобы они соблюдались. Они не выдерживают самой простой экспертизы здравого смысла, жизни людей. Так что, как говорится, «нечего на зеркало пенять...»

Газета «Аргументы и факты»,
№6, февраль 1995 г.
«Человек – мера всех законов»

ОЗГО

Казахстанцев убеждают в том, что они живут чуть ли не лучшие среди стран СНГ. Однако тысячи людей каждый год покидают республику...

Я давно говорил, что отток людей из страны – это результат политики наших властей. Власть приватизировала всё, что можно, и, похоже, рассматривает население как лишние рты. С этими ртами приходится делиться доходами. Руководители, видимо, действуют по формуле: чем меньше, тем лучше. Поэтому в течение последних десяти лет проводилась, по сути, целенаправленная политика по выталкиванию иноэтнического населения из страны. В среднем, число выезжающих из Казахстана было ежегодно на 200 тысяч больше, чем прибывающих. Теперь представьте, что при таком раскладе каждый год освобождается 60-70 тысяч квартир – и ничего не надо строить. Желающие могут заполнять эти ниши.

Далее, не надо забывать и о том, что освобождаются рабочие места. Снижается безработица. А скольким бывшим

гражданам не надо платить пенсий, пособий! Это ведь гигантская экономия для госбюджета. Власти рассуждают прагматично и эгоистично. Выталкивая иноэтническое население (или ничего не делая для его удержания), они решают многие социальные проблемы. Конечно, на официальном уровне декларируются совсем другие принципы, но мы должны судить по делам, а не по словам.

Но власти не могут не замечать и отрицательных сторон продолжающейся миграции. Ведь она рано или поздно обнажит проблему незаселенности территорий?

Сегодня население Казахстана уже концентрируется лишь в отдельных городах страны. А вся остальная территория возвращается к дореволюционному уровню, когда плотность населения при кочевом типе хозяйственной деятельности не превышала 1-2 человека на квадратный километр. Сейчас у нас плотность 5,5 человека, хотя максимальна достигала 6 человек на один квадратный километр.

Продолжающийся отток остро ставит не только вопрос заселенности, но и освоенности земель. Это означает серьезное падение уровня цивилизованного развития общества. Разрушается инфраструктура, государство не инвестирует средства на её поддержание и развитие. Следовательно, ослабевают и исчезают связи между отдельными частями территории. В итоге, как мне думается, Казахстан подходит к критической точке, когда недостаточная освоенность может привести к потере управляемости государством. Это подрывает государственность как таковую. Я говорю об этом уже семь лет. Но власти, на мой взгляд, продолжают политику по выталкиванию иноэтнического населения.

Поговорка гласит, что свято место пусто не бывает. На сколько велика вероятность того, что на наши оставленные земли хлынут мигранты из соседних перенаселенных стран?

Для того, чтобы ответить на ваш вопрос, надо вспомнить о закономерностях развития миграционных процессов на

территории всей Евразии. Условно говоря, есть территории, которые являются своего рода «вулканами». В момент своей активности они выбрасывают десятки и сотни тысяч лишнего населения во все стороны света.

Но есть и настолько слабо освоенные земли, что они всегда играют роль принимающей стороны. К примеру, Россия на протяжении ста последних лет была «вулканом» и извергала население на все территории вокруг себя. Теперь российский «вулкан» прекратил свое существование. А Казахстан все эти годы принимал у себя извергающее Россией население.

Сейчас ситуация изменилась, и люди стали уезжать из Казахстана. Наша республика сама выталкивает «лишних». Можно говорить о том, что из страны сейчас выезжают люди с европейским уровнем цивилизационного развития, но на их место непременно придут другие. Потому что рядом с нами есть большие «вулканы». Это Китай, Индия, Пакистан, Узбекистан. Совершенно очевидно, что Казахстан будет вынужден принимать у себя граждан этих стран.

Чем такое развитие событий грозит нашей республике?

Произойдет смена цивилизационных ориентиров. Люди, которые придут к нам с Востока, более отсталые и религиозные. Но для режима, как ни странно, это выгодно. Таким населением легче управлять, манипулировать, навязывать свой диктат.

Может быть, реализация государственной идеи – создание общности «казахстанский народ» – предотвратит развитие негативных процессов?

Я сторонник того, чтобы мы были не русскими, казахами и еще кем-то, а стали казахстанцами. Это классический американский вариант. Государство говорит: есть казахи, русские, татары, уйгуры, евреи, но это их личное дело. Для государства имеет значение только ваш статус гражданина страны. Но, к сожалению, до сих пор нас разделяют по этническому

признаку. Если во всех бумагах, в паспортах вместо «казах», «русский» начнут писать «казахстанец», тогда будет сделан первый шаг к общенациональной интеграции.

Однако с точки зрения действующей политической системы всё это просто нереально.

У нас, оказывается, нереально даже точно узнать, сколько людей живет в Казахстане. Официальная статистика называет одни цифры, независимые демографы – другие. Кому выгодно иметь в запасе «мертвые души»?

По итогам республиканской переписи 1999 года в стране проживало 14 млн. 900 тыс. человек. Я считаю, что анализ результатов этой переписи показывает, что численность русских была занижена примерно на полмиллиона, а численность казахов завышена на полмиллиона. На организаторов переписи оказывала влияние магическая цифра. Нужно было, чтобы казахи составляли более 50 процентов населения. Похоже, что все материалы подгонялись к получению данного результата.

Сегодня сказать точно, сколько граждан живет в независимом Казахстане, наверное, не сможет никто. Вся эта статистическая неразбериха в значительной степени используется в политических целях. Любая неучтенка может пригодиться при подсчетах голосов на выборах.

Давайте от внутренних дел перейдем к отношениям Казахстана с ближайшими соседями в регионе.

Не только сейчас, но и раньше аналитики предсказывали, что у Казахстана со среднеазиатскими соседями не будет взаимопротягивающих отношений. Напротив, республики всё активнее станут отталкиваться друг от друга. Такая тенденция основана на том, что наши страны, судя по всему, являются сырьевыми придатками более развитых государств. Поэтому кооперация, интеграция, сотрудничество между ними находятся в зачаточном состоянии. Пока у нас нет общих экономических интересов с соседями, у Казахстана с

ними будут возникать большие политические проблемы. Это и пограничные, и водные, и людские конфликты.

Может быть, кто-то искусственно заставляет тлеть этот очаг напряженности?

Я так не думаю – ведь это никому не выгодно. Мы не представляем большого значения в геополитическом раскладе. Только сейчас, в связи с операцией в Афганистане, Узбекистан стал играть роль транзитной базы для союзнической авиации. В другое время о нем бы не вспомнили. Речь идет о другом. Россия, по сути дела, ушла из этого региона. Это связано с тем, что она превратилась в аналогичную нам по своей экономической структуре сырьевую, добывающую страну. Значит, мы не партнеры, мы – конкуренты на нефтяном и газовом рынках. Естественно, что между нами не будет и не может быть взаимного притяжения, но прогнозируема жесткая конкуренция.

Газета «Аргументы и факты»,
№50, 2001 г.

Взял интервью А. Грибанов
«Я – за то, чтобы мы были не русскими, казахами... а стали казахстанцами»

ОЗВУЧИТЬ

Я думаю, что у тех русских, которые не закомплексованы на национальной идеи, ниша – быть гражданами этой страны и бороться за свои права. Но, к сожалению, многие русские страдают комплексом людей второго сорта. Это связано со старыми советскими стереотипами: Россия для русских, Казахстан для казахов. Но те, кто зациклены на эт-

ничности, они никогда ни в России, ни в Казахстане не будут чувствовать себя полноценными гражданами. Скажем, у меня много русских друзей, одни говорят: вот вы, казахи, разберитесь в политике, потом мы вас поддержим. Но на самом деле казахи никогда не разберутся в политике.

Радио «Свобода»,
07 октября 2002 г.

Фигура Нурбулата Масанова в особом представлении не нуждается. Он уже давно известен своими жесткими выступлениями по многим вопросам нашей политической реальности. Он также хорошо известен научной общественности как внутри страны, так и за рубежом как историк и этнолог, специализирующийся на проблемах кочевничества и происхождения казахского народа. Масанова неоднократно обвиняли в излишне резких статьях, в которых он весьма критически отзывался о политической культуре и менталитете современных казахов. Нурбулат Эдигеевич всегда отмечает подобные обвинения и не считает, что он сгущает краски или излишне резко отзывается о казахах. «Я всегда говорю только правду как ученый-аналитик! За это и подвергаюсь нападкам маргиналов», – утверждает он. Но, несмотря на многочисленные пасквили и обвинения в свой адрес, мнение Масанова нисколько не изменилось за последние тринацать лет. Вот и сейчас он считает, что в разжигании межнациональной розни в Казахстане виноваты... казахи-маргиналы. И вот почему.

Во времена Советского Союза было создано государство этнического апартеида. Народ был искусственно разделен

на полторы сотни этнических групп. А ведь такого разделения не существовало ни в одной стране, кроме Советского Союза. Скажем, англичане – это те, кто является гражданами Великобритании. Француз – тот, кто гражданин Франции. Даже если он вчера эмигрировал из Африки, он все равно считается французом. Генерал Макмахон, президент Третьей республики, был шотландского происхождения, но он стал французским президентом. Знаменитый футболист Зинеддин Зидан алжирского происхождения, но он является французом. И так можно перечислять до бесконечности.

Наши недоразвитые, узколобые националисты пытаются рассуждать, что, мол, почему французы говорят только на французском языке? Да потому, что там нет этнического разделения. Там есть просто единая французская нация. А нация – это граждане одной страны. А вот, например, что показывают события на Украине? Сейчас там сформировалась новая украинская нация, которая не хочет плясать под дудку России. И эта новая нация находится в процессе самоопределения, саморазвития и самоидентификации. И она идет в этом направлении. И поэтому она выбирает украинского, а не русского президента.

В Советском Союзе все было дифференцировано по этническому признаку. Это было государство этнического апартеида, этнической сегрегации. Для каждой этнической группы была создана среда своего проживания – автономная или союзная республика, территория или область и т.д. Даже число детей, которых отправляли в пионерский лагерь «Артек» в Крыму, было строго сегрегировано по этническому признаку. Каждой этнической группе выделялась своя квота – полный маразм!

Единая советская нация так и не сформировалась, но она образовывалась спонтанно, самостоятельно, власть на словах поддерживала все советское, а на деле препятствовала этому процессу. И вот эта политика, с советских времен эт-

нического апартеида продолжается и в Казахстане, несмотря на то, что сейчас самые развитые государства отказываются от этого. Они понимают, что нельзя искусственно разделять своих граждан на казахов, русских, евреев, японцев и т.д. Для государства важную роль должен играть только один-единственный критерий: гражданин он или не гражданин страны. А хочешь ты быть синим или зеленым, казахом или русским, – пожалуйста, это твое личное дело. Государство не должно интересоваться твоими внутренними различиями и национальностью. К сожалению, казахстанское государство в этом направлении не сделало ни одного шага, оно продолжает политику этнического апартеида и этнической сегрегации. Казахи – это власть, это политическая «крыша», это верхушка бизнеса. У русских свое место, у этнических меньшинств – свое.

На ваш взгляд, кому это, прежде всего, выгодно?

Конечно, государству. В этом нет никаких сомнений: разделай и властью! Но, несмотря на это, спонтанно формируется единая казахстанская нация, потому что мы живем на одной территории. У нас общие экономические и политические интересы. У нас формируется слой, который является носителем идеи казахстанской нации. Этническая группа не может быть нацией. Это во времена Союза извратили понятие «нация» и стали его применять по отношению к этническим группам. Этническая группа – это когда вы свою групповую принадлежность определяете по своему происхождению. Скажем, я – казах, потому что в свидетельстве о моем рождении написано, что мои родители казахи, то есть автоматически меня проштамповали, поставили «тавро» – казах. И так по отношению ко всем гражданам нашей страны.

Получается, что вы... против того, что вы – казах?

В общецивилизационном смысле, о котором я раньше говорил, любой нормальный человек будет против того,

чтобы его групповая принадлежность определялась априори государством. Весь мир против этого, только мы за этнический апартеид. Есть слой тех, кто формирует единую нацию, казахстанскую. Это самый развитый слой – городское население республики.

Видимо, это и имел в виду Назарбаев, когда говорил о создании единой казахстанской нации?

Он просто этими лозунгами спекулирует, поэтому всерьез их воспринимать совсем не стоит. Я рассуждаю как историк, этнолог и политолог. Безусловно, есть такая тенденция, и он, как хитроумный политик, не может этого не понимать. Поэтому он и подыгрывает определенным группам этими понятиями. Но, с другой стороны, он подыгрывает и другим людям. Есть сельское население, есть городское. Сельское население – это те люди, чей процесс социализации и инкультурации проходил в маленьких по числу людей населенных пунктах. Ну, скажем, средний размер советского колхоза был 330 хозяйств. Это где-то тысяча – полторы тысячи человек. Но мы знаем, что все эти колхозы были искусственно укрупнены. На самом деле в этом колхозе было около десятка или двух десятков деревень. Это означает, что у них сформировался персонифицированный тип культуры.

Процесс инкультурации и персонификации в городе – это совсем другое. Там, в отличие от села, формируется категориальное мышление: человек воспринимается не персонифицированно, а структурно – насколько он умен, богат, в каком районе он живет, где работает, как одевается, какое у него авто и плюс миллион других критериев. Помимо этого формируются анонимные связи. То есть я прихожу и решаю свою проблему, потому что данный институт власти должен ее решать, для этого он создан.

Сельский человек всегда ищет знакомого и решает через него проблему персонифицированно. То есть на селе при-

оритет межличностных отношений, которые играют большую роль практически во всех сферах жизни: в социально-бытовых проблемах, в политической и экономической жизни и т.д. У горожан, у которых формируется категориальное мышление, наоборот, очень высок уровень индивидуализма. Поэтому для них принадлежность к какой-либо группе – это препятствие на пути личностного развития, потому что у них преобладает абстрактное мышление, тогда как у сельского населения – групповое. Отсюда именно сельское население, которое переселяется в города (так называемые маргиналы), является носителем данного типа культуры. Кто такой маргинал? Это человек, который ушел из одной культуры, но не пришел в другую. Пограничный человек, одним словом. Сельские жители живут в гармонии только в своей среде. Но когда сельчанин уезжает в город, у него начинается новый процесс инкультурации, он утрачивает первичную среду, первичные связи, пытаясь их восстановить и реанимировать в городе. А это невозможно.

Маргинал – это человек, который хочет освоить новую культуру, но не может это сделать. Он утрачивает свою прежнюю культуру, но не может ее утратить. Образуется этакий симбиоз «осваиваемого, но не освоенного» и «утрачиваемого, но не утраченного». К чему бы ни апеллировал этот «пограничный» человек, он все делает невпопад, в городе его социокультурные коды не функционируют либо работают в усеченном режиме и этого он не поймет до конца своей жизни. Вот почему маргиналы во всем мире чаще попадают в ситуацию стресса. Чтобы выйти из такого состояния, они, как правило, используют некий универсальный способ: «Да, я маленький, никчемный человек, но мой народ, мое государство – самое умное и прекрасное на свете, а раз так, то и я не такой уж и плохой». Когда маргинал хвалит казахов, то в первую очередь он хвалит самого себя, а не казахов. Тогда как городской человек, который знает много-

образие культур народов мира, отлично понимает, что казахи ничем не лучше других народов. Поэтому городской, т.е. родившийся в городе казах никогда не станет хвалиться своей этнической принадлежностью. Везде власть пытается это использовать в своих, конечно, интересах.

Среди городского населения существует единое понимание, что мы – казахстанская нация, подданные одного государства, что мы живем в одной стране и на одной территории. У нас общие политические и экономические интересы, но вот вызревание такого единства идет очень медленно, трудно, но оно набирает силу.

С другой стороны, у нас очень много маргиналов, которые постоянно кичатся своим происхождением. Это неудачники и, по сути, больные люди, которые задаются вопросом: «Почему русские успешнее нас, казахов?» Им проще дать некое групповое определение успехам или неудачам других людей, чем объяснить это индивидуальными талантами и способностями. Когда у нас будет полностью урбанизированное общество, тогда у нас не будет этнических групп, тогда их утверждения будут восприниматься как анахронизм.

В нашем обществе существуют такие противоречивые тенденции: с одной стороны, власть проводит свою политику: когда надо – она демократична, а когда нет – националистична, когда надо – власть говорит о единой нации, когда нет – говорит о величии своей этнической группы. И на уровне самого общества также существуют свои противоречия: горожане апеллируют к единой системе отношений, связей, они тяготеют к прагматизму и рационализму, деэтничной нации.

Раньше, в советское время, маргинальность была однопоколенная, то есть было плохо быть малообразованным, деревенским парнем. Сейчас у нас маргинальность стала полугорной и даже двухпоколенной. Маргиналы отдают своих

детей в казахские школы, где уровень образования очень низкий. У них на первом месте стоит язык, а не уровень знаний и подготовленности ребенка. Вот говорит по-казахски, значит, он образованный человек. Он не понимает, что главное – это гармоничное образование ребенка. А казахский язык, зачастую, в нынешней ситуации является препятствием для получения полноценного образования, потому что на государственном языке не найдешь на книжных прилавках ни Аристотеля, ни Платона, ни Сократа, ни Маркеса, ни Льосы, ни Фуэнтеса, ни Борхеса, ни Музилля, никого из подлинных интеллектуалов и т.п., то есть на государственном языке у нас нет полноценной интеллектуальной инфраструктуры.

Я не пытаюсь ругать казахов или казахский язык, а лишь констатирую факты. В свое время я призывал власть: «Если вы хотите по-настоящему сделать казахский язык развитым, то вы должны много с ним работать, для начала надо перевести на государственный язык всю сумму мировой интеллектуальной мысли». Многие у нас в Казахстане знают только разговорный казахский язык, а не литературный. Современный казахский новояз, напичканный несвойственными для казахского языка арабизмами, иранизмами, туркизмами, татаризмами и т.д., сами казахи не понимают. И в этом большая проблема. Если вы хотите модернизировать казахский язык, то модернизировать его нужно постепенно, а для этого нужно много и творчески с ним работать, а не калькировать непонятные термины из чужеродных языков.

На мой взгляд, межэтническая рознь тесно переплетается с «жузовщиной». Именно маргиналы являются носителями этой культуры – родоплеменных отношений. Тогда как городское население, ну, например, возьмите любого городского казаха в третьем поколении, вообще знать не знает что-либо о жузах и кланах. В лучшем случае – где-то и от кого-то слышал. Но в чем же отличие казахского трайбализма от африканского? В африканских странах

трайбализм основан на том, что их род, клан, трайб – это организация. У казахов никогда не было организации. Для них трайб – это способ мышления. Это фильтр, который сидит в голове каждого казаха. Вот, например, вы пришли в тот или иной кабинет, зная, что его владелец из Младшего жуза. Если вы из того же рода, то вы будете восхищаться обстановкой в этом кабинете. Если же вы из другого племени, то будете критиковать мой интерьера. Вот это и есть казахский тип мышления, то есть когда все социальное пространство позиционируется с помощью системы родоплеменных предпочтений. Это естественный стиль мышления сельских маргинальных казахов. Мы должны переболеть этими маргиналами, но для этого нужно время. Еще раз подчеркну: любая болтовня маргиналов о «национальном вопросе» малопродуктивна, бесплодна и только лишь ухудшает межэтнические отношения в Казахстане.

Интернет-сайт www.zonakz.net.

28 февраля 2005 г.

Интервью брала Д. Аркин.

«Любая болтовня маргиналов оканчивается ничем и приводит к межнациональной розни в Казахстане»

СФР

Патриотизм – это любовь к родине, к своему народу, государству, то есть, довольно простые и понятные вещи. Но это еще и способ манипуляции общественным сознанием. Когда патриотизм перестает отражать общенациональные моменты, он смыкается с национализмом и шовинизмом. Как научиться отличать гротескные амбиции от реальных дел? Как воспитать

патриотизм? Об этом рассуждает известный политолог, директор Казахского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследияnomадов, доктор исторических наук Нурбулат Масанов.

Если мы хотим добиться истинного патриотизма (не «квасного», а просвещенного – того, что в словаре Ожегова), нам необходимо выстроить некую парадигму развития, алгоритм, который приведет нас к этому результату. Это прежде всего гордость за свое отчество, за свою нацию (нацию в широком смысле. Я имею в виду – граждане Казахстана). А в основе этого лежит идентичность. Ведь почему в нас с вами нет патриотизма? Потому что наша идентичность – эфемерная, она легко размывается. Мы с легкостью готовы поменять ее на другую идентичность – американскую, европейскую. Но почему, скажем, у турок все наоборот? Почему в Германии, Франции, Америке и т.д. они остаются турками? У них очень сильная идентичность. Женщины-турчанки почти никогда не выходят замуж за мужчин из других этнических групп. А мужчины если и женятся, то партнершу ассимилируют, приобщают к своей культуре. В основе их идентичности лежат самые простые жизненные вещи. Это, например, народная музыка, национальная кухня, материальная культура. У них групповая идентичность: они привыкли вместе садиться за стол, вместе занимаются делами. Мы же индивидуализируемся во всем. И постоянно стремимся закрыться, изолироваться от всех. В этих условиях не может быть прочной идентичности.

Насколько школа может повлиять на формирование идентичности и, как результат, патриотизма?

Школа может сыграть в этом ключевую роль. Я, например, помню, как волновался, примут ли меня в октябрят, учил клятву; мечтал стать пионером. Для меня, как и для всех моих сверстников, это было очень важно. Другое дело,

что в Советском Союзе все это было профанировано. На «ходе» в ряды октябрят-пионеров ты волновался и хотел быть интегрированным в структуру, а потом терял интерес к организации, потому что дальше она тебя не вела. В основе всего лежит механизм ценностей. Если я глубоко убежден (меня так воспитали), что моя культура, наши традиции, музыка, литература – самые лучшие, то следующим результатом будет патриотизм. Поэтому нужно думать, что такое наша казахстанская идентичность. Мы должны выстроить систему ценностей, которая сформировала бы эту идентичность. Вот для американцев ценностью является демократия, частная собственность, права человека. В нашей стране таких ценностей нет. Пока. Поэтому я считаю, что первая ценность, которую мы должны выстраивать, это Человек и институт частной собственности. Если мы будем четко придерживаться приоритетов человека и его прав собственности, то тогда появится система ценностей, идентичность и, как следствие, патриотизм.

В Советском Союзе с идеологией, патриотизмом как-то получше было...

Это демагогия была! Знаете, в чем была слаба советская идеология? Половина из того, что исповедовалось, – чушь. Условно говоря, мука была хорошая, вода – плохая, поэтому тесто получалось никакое. Да, «Человек – это звучит гордо», но в то же время этого человека сажали в тюрьму, существовала 58-я статья. Никто не чувствовал себя защищенным ни законом, ни государством, ни своими правами. Ничем. Одной рукой людям раздавали квартиры, другой у них отнимали все – они не могли купить машину, выехать за границу и т.д. Патриотизм в советское время – миф. Знаете, был такой анекдот: «У армянского радио спрашивают: «Что будет, если откроют границу? – В Советском Союзе не останется ни одного гражданина».

...писалось множество книг, снимали фильмы. Толпа начинала верить, что «жизнь хороша».

Идеология строилась на том, что ваши личные интересы, жизнь ничего не стоят, нужно отдать все ради государства. Кто были советские герои? Гастелло, который пожертвовал собой, убил троих врагов, угрожал самолет. Матросов, который грудью кинулся на пулемет. То есть героя те, кто убил больше всех противников. Воспитывался «военный» патриотизм. А где же христианская заповедь «Не убий»? Героями делали убийц, тиранов, деспотов. Почему у нас героями не являлись гуманисты, ученые, писатели, поэты? В Советском Союзе действовал миллион стандартов. Нам говорили: Кутузов – великий полководец. Да, никто не спорит. Ну а где Румянцев, Барклай де Толли?..

«Патриотизм – последнее прибежище негодяев» – Сэмюэл Джонсон сформулировал это в XVII веке в Англии. С тех пор его слова часто цитировали.

Можно и так сказать. Человек может сказать: интересы нашего государства, какой-то этнической группы выше, чем некие общегуманистические идеи. Патриотизм часто используется мерзавцами для того, чтобы затуманивать мозги обществу; это может быть почвой для политических спекуляций. Можно сказать: «Убей этого, потому что он противоречит интересам нашей группы».

Проблема интеллигенции в том, что она легко колеблется вместе с линией партии, обсуждая на кухнях, но попуская подлецам.

Во-первых, у нас нет интеллигенции! В свое время нарком просвещения Анатолий Луначарский сказал: «Интеллигент – это человек, у которого дедушка окончил университет, папа окончил университет, и он сам окончил университет». То есть система ценностей впитывается с молоком матери. У нас есть маргинальная часть интеллек-

туальной элиты, у которой еще не выработалась система ценностей. Во-вторых, с идеями у нас большая проблема – дефицит! Ведь прогресс общества состоит в том, что интеллектуалы вырабатывают идеи, а общество их потом реализует. Правда, есть нюанс: в демократическом обществе идеи идут снизу, от самого общества, а в авторитарных странах импульс идет сверху. Людей, которые могут продуцировать идеи, в Казахстане можно пересчитать по пальцам.

Именно поэтому сейчас нет-нет да и появляются предложения поискать национальную идею?

Ее не надо искать. Откройте «Стратегию-2030» и почитайте: суверенитет, территориальная целостность, независимость. Вот наша национальная идея! Это то, что поддерживают абсолютно все. Другое дело, что национальная идея должна быть многоплановой, многослойной, а у нас она пока в самом упрощенном виде.

Некоторые патриоты сначала говорят: мы – самые лучшие, а потом при первой же возможности покупают «Мерседес» и недвижимость за границей.

У нас сейчас главная морально-нравственная ценность – доллар. И если мы хотим изменить эту систему, то во главе должен быть Человек, свобода, индивидуальные права, частная собственность. У нас же все это сведено до какого-то пародийного образа «А Баба Яга – против!».

Так как же воспитать патриотов?

Нужно знать, за какие ниточки дергать. Главное, с чем мы должны разобраться – с собственной идентичностью. Далее – выстроить систему ценностей. Начинать нужно с семьи: отец должен быть Отцом, мать – Матерью. Они должны быть носителями высочайших морально-нравственных ценностей. Отец не должен пить, гулять, воровать. В противном случае между ценностями и бытием наступает

конфликт: какой выбор должен сделать сын, если его отец, получив взятку, тут же начинает рассуждать о патриотизме? То есть наше бытие полностью должно соответствовать нашей системе ценностей. Родители должны формировать стереотипы на своем жизненном примере. И вот когда мы выстроим и усвоим систему ценностей, определимся с идентичностью, тогда и получим реальный патриотизм, а не «кумысный».

Если подвести черту нашему разговору, то получается, что только наши внуки смогут считать себя патриотами?

Нет, это уж вы чересчур! Знаете, Запад шел к сотовому телефону столетия. Нам же потребовалось пять лет. Поэтому, когда говорят: в Западной Европе демократию строили тысячу лет и вам столько же надо, – это заблуждение. Нам нужно одно поколение – 25 лет. Нынешняя молодежь считается потерянным поколением, потому что советское общество с его ценностями умерло, а новое еще не сформировалось. И вот поколение 80-х попало в эту яму; сейчас для 20-летних коррупция – это норма, признак виртуозности. А вот те, кому сейчас 15 и меньше, имеют больше шансов стать патриотами.

Газета «АиФ-Казахстан»,
24 мая 2006 г.

Интервью брала А. Колесникова.
«Прибежище или убеждение?»

СЛОВО

В номере 18 за 9 мая этого года мы начали дискуссию о поправках в закон «О религиозных объединениях», который находится на рассмотрении в парламенте. Сегодня эту тему продолжает известный ученый, доктор исторических наук Нурбулат Масанов.

Проблемы, затронутые в дискуссии на страницах газеты «Мегаполис», касающиеся поправок к закону «О религиозных объединениях», на самом деле гораздо сложнее и шире, нежели это представлено в публикациях. С одной стороны, я полностью солидарен с точкой зрения Нинель Константиновны Фокиной, которая говорит о необходимости свободы вероисповедания и неправомерности каких-либо государственных ограничений на свободу вероисповедания. Но хотел бы подчеркнуть, что это мнение – с точки зрения прав человека, взгляд на проблему в контексте прав человека. В то же время газета как бы пытается выйти за пределы такого подхода и поднимает вопрос о роли религии в обществе и о том, насколько правомерно вообще регулирование такого рода вопросов. Очевидна одна истина: чем меньше государство контролирует, тем лучше, ибо мы все знаем, какую пагубную роль играло государство, когда брало под свой всеобъемлющий и тотальный контроль экономику, политику, жизнь людей, их образ жизни, семейно-брачные отношения, работу, производство, культуру, образование, науку и т.д. Мы знаем, что все это имело крайне негативные последствия, хотя у такого подхода есть и свои определенные плюсы и пре-

имущества. Но в целом, в параметрах цивилизационного развития, влияние государства в основном имело отрицательный характер.

Нынешний закон, как я понимаю, является в значительной степени наследником советских законов, когда система продолжает жестко регулировать, контролировать и регламентировать сферу вероисповедания, религии. Таким образом, закон продолжает по инерции советские традиции.

Но вносит кое-что свое, еще более ограничивающее право на свободу выбора...

Конечно. Самое главное, что система продолжает традицию государственного контроля этой сферы деятельности. И поэтому вполне естественна критика со стороны правозащитника этого законопроекта, поскольку он продолжает примитивные и устаревшие советские традиции. Но меня больше интересует вопрос о том, как вообще религия влияет на общественную жизнь, как она влияет на перспективы государственного развития, может ли наступить такой период, когда религия, вернее, религиозные объединения начнут конфликтовать не только друг с другом, но и с государством, и когда может возникнуть общеполитический конфликт. С точки зрения примитивного авторитарного государства кажется, чтобы избежать конфликта, надо все взять под свой жесткий контроль, регламентировать, отслеживать все этапы развития, чтобы вовремя пресечь негативные тенденции. Как показывает опыт, это практически невозможно. Но эти советские иллюзии продолжают иметь место, и в данном законе они хорошо проявились. На самом деле у религии есть своя динамика и свои закономерности развития. Государственная политика, которая выработана, скажем, в странах Ближнего Востока или в европейских государствах, мало применима к казахстанской ситуации. У нас в

значительной степени достаточно уникальная ситуация, связанная с тем, что казахи никогда не являлись стопроцентными исламистами, казахи всегда были шаманистами. Даже сейчас мы можем почитать статьи того же г-на Кодара, где он говорит о том, что нужно возродить тенгрианство как новую религию. То есть, как видите, продолжаются традиционные казахские попытки апеллировать к шаманизму или к элементам шаманизма, в данном случае – тенгрианству, и на основе этого противостоять религиозному монотеизму.

С другой стороны,вольно или невольно, казахи в составе Советского Союза стали атеистами. Атеизм – это совсем не так плохо, как это пытаются представить. Атеизм означает, что человек является личностью и верит не в догматы религии, а только в свои собственные силы, в права человека. И поэтому изображать атеизм как некое негативное явление – просто глупо. Тогда придется выставить носителями негативных тенденций всю просвещенную, наиболее интеллектуальную часть общества, которая не верит ни в бога, ни в черта, а только в самих себя, в знания, в свой ум. Поэтому все наветы на атеизм – это все традиционалистские изыски. Сегодняшние попытки реставрации религии под жестким государственным контролем – издержки советского наследия, когда был воинствующий сталинизм, ленинизм, тоталитаризм. После крушения Союза образовался некий идеологический вакuum и сторонники традиционалистского мышления пытаются заполнить его религией – не важно какой: шаманизмом, исламом или еще чем-то. Данные попытки выглядят наивно.

При этом пытаются религию создать на официальном уровне и под каким-то контролем.

Естественно. Вопрос, мне кажется, надо ставить вообще в другой плоскости. Давайте посмотрим, насколько наше

население готово апеллировать к религиозным догматам. Как показывает опыт цивилизованных стран, к религиозным догматам наиболее склонны апеллировать так называемые группы маргиналов, то есть то население, которое является носителем традиционной сельской культуры, но приехало жить в города и не может адаптироваться в городе. И оно пытается интерпретировать жизнь в городе по-своему, переустроить ее. Именно эта группа населения наиболее склона к религиозным воззрениям. Плюс здесь надо учитывать возрастной фактор. Люди, разочаровавшиеся в жизни, люди, не добившиеся жизненного успеха, люди обделенные тоже склонны к религиозному мышлению. Маргинальное население составляет абсолютное большинство, следовательно, существует хорошая питательная среда для религии. Но при этом – вследствие того, что вообще ислам – городская религия, любая сельская община адаптирует исламские догмы под себя. А уж кочевники, которые не могут в силу самого образа жизни соблюдать основные доктрины и основные ритуалы, просто приспосабливают доктрины ислама под себя. Поэтому ислам приобретает сильно деформированный, маргинализированный характер. И он утрачивает свои, так сказать, базисные постулаты.

А та прослойка населения городского, в которой на одном конце – люмпенизированное население, а на другом – люди, которые чисто материально оторвались от населения и поклоняются западным стандартам, она знает, что религия на Западе имеет важное место в обществе?

Городское население, о котором вы говорите, является людьми атеистического склада. При этом я бы не стал преувеличивать роль религии на Западе. Религия там играет вообще другую роль. Вопрос состоит в том, что на Западе религия играет социализирующую роль. Она

является фактором инкультурации человека в общество, в общчину, в местный сегмент населения; религия вплетена в социальную жизнь общества. Она не является неким особым феноменом, который противостоит обществу, как у нас это пытаются представить. Там совершенно другая роль религии. В традиционном обществе – дореволюционном казахском или русском – люди были интегрированы в общины или локальные группы. В рамках общин принимались ключевые решения, касающиеся жизни данного общества. Высказывались какие-то принципиальные установки нормативного, нравственного, морального характера. Задавались некие идеалы, и это было способом инкультурации индивидов в жизнь общества. Чтобы стать членом общества, человек проходил через сеть локальных групп, общин. И когда общество развивается естественно, исторически, то религия становится инструментом инкультурации индивида, его социализации. В советское время вся низшая социальная инфраструктура была уничтожена: общины и локальные группы и т.д. Вместо них возникли новые структуры. После того, как советские структуры рухнули, наступил вакуум. Самый минимальный уровень социализации в обществе сегодня – это КСК, когда люди, хотя они или не хотят, но вынуждены сотрудничать, интегрироваться, находить общий язык и т.д. Если при каждом КСК, условно говоря, будет своя религиозная община, то тогда люди пойдут туда, потому что это станет инструментом социализации общества, способом решения социальных задач, обсуждения, дискуссий и т.д. У нас же такого инструмента нет. Наши люди, не понимая специфики Запада, того, что там религиозные объединения не являются духовными центрами жизни, а играют именно регулятивную, регулирующую роль, инкорпорируют человека в жизнь общества, соци-

альную жизнь. На Западе не пытаются придать религии некий самостоятельный характер.

Это ведь было в традициях советского государства – придавать религии некую самостоятельную роль...

Да и стремление по-прежнему урегулировать и одновременно придать религии некую самостоятельную роль продолжается по инерции. Наши руководители воспитаны в рамках советских стандартов, идеологии, где религия выдавалась за феномен, который противостоит государству. Чепуха! Религия прошла путь, когда она пыталась конкурировать с государством. В Европе это было в средневековую эпоху, в исламских странах еще раньше.

Но ведь наш автор Антон Птиц об этом и пытается сказать...

Мне бы не хотелось комментировать его высказывания. Понимаете, в нормальном обществе религия является элементом социальной жизни человека. В таком контексте у религии есть большой потенциал и перспектива развития. Те, кто видят в религии некий особенный феномен, противостоящий, с одной стороны, обществу, с другой стороны, государству, ошибаются. Религии в таком виде нигде в мире нет. Даже если мы возьмем исламский Иран, то даже там государство поставило религию на свою службу. Я вот недавно слышал, что в Алматы есть более 2000 КСК. Фактически если религиозные объединения займут эту нишу, то тогда можно будет серьезно говорить о религии как общественном и культурном феномене. Но у нас, в силу этнической мозаичности и мультикультурности, ни у одной религии нет шансов внедриться в социальную структуру общества. Может быть, через сотню, другую лет... Естественно, что связи общества в виде контактов, возникающих у КСК с религиозными объединениями, у нас нет. Вместо этого религия пытается инкорпорировать-

ся в общество через догматы, прежде всего сверху, через государство. Я совершенно однозначно могу сказать, что это путь в никуда. Религия, таким образом, никогда не завоюет большого социального пространства. Если бы государство играло роль «отца народа» и являлось социальным государством, то тогда были бы шансы. Но поскольку государство у нас антинародное, политика государства, которую оно проводит, антинародна, экономическая политика вообще провальная и права человека нарушаются, то, естественно, у религии через государство внедриться никаких шансов нет. И мы это прекрасно видим.

Другое дело, что такие шансы возникают, когда религия сама станет политической религией. Вот здесь Птиц как раз не понимает разницы между государственной религией и политической религией. Он политической религией называет государственную религию. Политической религией называется такая религия, когда религиозные догматы используются в борьбе за политические цели. То есть это совершенно другое. У нас пока нет политической религии – ни политического ислама, ни политического православия. Но у политического ислама, как мы видим на примере Узбекистана, имеются определенные перспективы развития. Когда люди не могут реализовать свои интересы через государство, они пытаются претворить их в жизнь через религию. Но в Узбекистане социализирующая религиозная инфраструктура реально существовала и в советское время. Она, конечно, не являлась сильной и прочной, но она существовала. А сейчас такая инфраструктура только укрепила свои позиции, и когда государство начало бороться с религией в Узбекистане, то религиозные объединения получили мощную подпитку снизу. Ислам в Узбекистане сегодня на деле становится политическим. У нас же пока нет

перспектив для подобного поворота. Но говорят, что на юге и западе Казахстана определенные тенденции для политизации ислама складываются, по отзывам экспертов, которые лучше меня знакомы с этими регионами. Но Казахстан – полигэтничная и мультикультурная страна, и против религии у нас в Казахстане всегда есть этническая идея – идея этноцентризма. Религия не конкурентоспособна как политическая идея против этноцентризма, этнократии. Поэтому в Казахстане я оцениваю перспективы политического ислама невысоко.

Как в целом вы прокомментируете поправки к закону «О религиозных объединениях»?

Законопроект направлен на то, чтобы вся религия была государственной и находилась под государственным контролем, но когда государство начинает таким образом беспардонно оказывать давление, то, как его зеркальное отражение, может появиться политический ислам. В то же время перспективы политического ислама в нашей стране я оцениваю очень осторожно, потому что, если даже это явление и будет, то в лучшем случае только как региональное, локальное, местное, но никогда не приобретет общенационального значения.

То есть в полигэтническом государстве религия в качестве национальной идеи быть не может?

В идеале да, но мы не знаем, к чему наши непредсказуемые власти поведут нас. Мы знаем их глупость, некомпетентность и развращенность, и поэтому от них можно ожидать всего, что угодно.

Некоторые эксперты полагают, что нужно идти на переговоры с талибами, поскольку от них исходит угроза внедрения политического ислама в Центральную Азию и Казахстан. Они утверждают, что руководство России и Казахстана поступает опрометчиво, поддерживая Северный альянс...

Я думаю, что какие-либо серьезные выводы преждевременны. Нужен очень серьезный мониторинг, к которому мы призывали раньше, но власти игнорировали наши призывы и никогда не вели серьезного мониторинга ситуации, касающейся Афганистана. Это первое. Второе – необходимо реально представлять то геополитическое пространство, которое существует, перспективы и возможности выхода конфликта за пределы Афганистана. Третье – осознавать четко наличие и возможности тех сил, которые способны оградить наш регион от проникновения политического экстремизма. Кстати, Афганистан является единственным государством, где именно исламские лидеры захватили власть и используют государство в исламских целях. Это произошло только потому, что на протяжении 20 лет в этой стране идет война, и низшая социальная инфраструктура общества практически разрушена. Там полный вакуум социальной жизни общества, там само общество разрушено, и поэтому религиозные деятели сумели захватить власть. Когда общество вернется к нормальной жизни, то оно, конечно, отторгнет политический ислам. Но проблема заключается в том, что критическая ситуация такого социального вакуума, разорванности социальных связей, очень выгодна экстремистскому исламу. Поэтому не исключено, что экстремистский ислам будет и дальше продолжать подталкивать общество к атомизации, сегментации, разрыву социальных связей, а отсюда конфликтогенный потенциал у данного политического режима очень большой.

Вопрос состоит в том, что казахстанские власти реально себе не представляют ситуации, у них не отработаны реальные механизмы по выходу из такого кризиса, нет представлений о его реальных механизмах и способах снятия этого конфликта, нет представления о тех политических силах, как внутри страны, так и на международном уровне, кото-

ные способны консолидировать общество для снятия конфликта, противостоять ему. Сама государственная модель настолько слаба и некомпетентна, что если произойдет давление с юга, то она просто рухнет в одночасье и погребет под собой всю страну. Выход только в демократизации, распределении власти и собственности, и тогда власть будет опираться на широкий фундамент и будет стоять прочно, и ничего ей не будет страшно: ни религия, ни внешнее давление. А в нынешней ситуации, когда вся политическая система сконцентрирована в руках одного человека, у этой системы нет будущего и внешним силам будет очень легко и просто уничтожить ее.

Газета «Мегаполис»,
12 июня 2001 г.

Интервью брала А. Омарова. «Казахстане нет перспектив»

«У политического ислама в Казахстане нет перспектив»

...ДЕМОКРАТ

Газета «Время ПО» обратилась к Нурбулату Масанову, выдвинутому Европейским союзом на премию за демократические преобразования и развитие гражданского общества, высказаться по вопросам демократии в современном Казахстане.

Самое главное – демократию никто не даст сверху. Она не свалится неожиданно.

Во всем мире за демократию боролись, проливали кровь.
Право на демократию надо заслужить и даже выстрадать.

Свою задачу я вижу в том, чтобы будировать в общественном сознании проблему демократии и ставить её перед властью от лица общества: власть должна пойти на встречу этой насущной потребности в демократии.

Другой аспект: как засвидетельствовал опыт истории, за счет авторитета и силы власти ни одна страна не способна долго, стабильно и счастливо жить и экономически процветать.

Для будущего Казахстана вопрос о становлении демократии имеет принципиальное значение. Будущее самого государства и народа Казахстана невозможно без демократии. Только демократия способна скементировать распадающееся общество и пространство, дать толчок развитию экономики.

Сила и авторитет власти приобретают конструктивный характер и являются созидающей силой только в том случае, если власть опирается на демократические принципы и нормы и соблюдает права человека.

В современном Казахстане ситуация с демократическими ценностями, правами человека вызывает большие опасения.

Демократические нормы в нашей стране были в значительной степени унаследованы от горбачёвской перестройки. Но в последующее время на всём постсоветском пространстве ситуация стала развиваться по разным направлениям. И в этом смысле Казахстан движется, скорее, в сторону авторитаризма, в отличие от балтийских стран, где созданы парламентские республики, и даже от России, где состоялось реальное разделение ветвей власти.

Созданная в Казахстане государственно-политическая система сделала страну управляемой только лишь в отдельных сферах: в сфере бюджета, приватизации, финансово-денежной политики и... – почти все. Но она утратила возможность оперативно решать кризисные ситуации, то и дело возникающие в реформируемой стране.

Ключ в решении наиболее болезненных проблем, и, прежде всего, проблем экономики, находится в руках общества, а не власти.

Рональд Рейган сказал: «... не правительства обеспечивают экономический рост, а народ. Всё, что может сделать правительство, это поощрить людей полнее использовать их предпримчивость и оживить в них дух предпринимательства, а потом просто уйти с дороги и не мешать».

В демократии важно одно понятие – ВРЕМЯ. Часы должны быть запущены для любого политика. А с ВРЕМЕНЕМ связано и другое понятие – ответственность.

Вспомним прежние правительства Казахстана гг. Терещенко и Кажегельдина. Можно сказать, что от первого нам достались чистые долги от бездарно потраченных кредитов под госгарантии, а от второго – неэффективность в приватизации и связанная с этим череда скандалов, а от обоих – разрушенная экономика и... – мемуаристика от Акежана Кажегельдина на страницах печати и, как «Молчание ягнят», у Терещенко.

Парламент их спросит?

Демократия – это, прежде всего, ответственность власти перед обществом. В этом смысле Казахстан далек от демократии, а, значит, и спокойная жизнь его граждан – это еще не скоро.

Газета «Время ПО»,
№14, 25 февраля 1998 г.
«Демократия – это ответственность власти»

©

В нашей стране присутствуют как отдельные элементы демократии, так и декларации. Демократия в нашей стране – больше результат требований и деятельности оппозиции снизу, нежели продекларированных властями ценностей. У нас продекларирована свобода слова, но реальность такова, что существующие государственные законы очень сильно ограничивают свободу слова. С помощью экономических рычагов свобода слова находится под полным контролем властей.

Независимо от того, что декларируют и делают люди из «Демократического выбора», сам факт такого конфликта в структурах власти показывает: власть не монолитна, не консолидирована, внутри нее существуют разные группы. И вот это обстоятельство ведет к тому, что вокруг такого рода конфликтов в структурах власти образуются зазоры и ниши, куда вклинивается само развитие нашей страны. Происходит невольная демократизация, развенчивается миф о силе власти, меняется отношение людей к ней. А это уже хорошая основа для развития демократии.

Что такое демократия по-казахстански? Это ситуация, когда о демократии мечтают тысячи, но реально за нее бо-

рутся сотни. Вот это – нынешнее состояние. Когда о демократии будут мечтать миллионы, а бороться – тысячи, тогда ситуация может измениться. Пока, к сожалению, иная картина. Вы посмотрите на отношение людей к демократам. Да, с одной стороны, их уважают, но с другой – ненавидят, потому что эти люди являются отрицанием их «Я».

Вестник «Казахстанские новости»
– специально для «Мегаполиса»,
16 января 2002 г.

Свобода слова – это, конечно, мечта, но она дарована нам Конституцией Республики Казахстан. А значит, мы, граждане Казахстана, вправе требовать свободы слова. Но как всегда с приближением очередных выборов, на сей раз президентских, средства массовой информации попадают под удар власти... Чтобы прояснить, как нам в такой ситуации понимать свободу слова, как трактовать 20-ю конституционную статью о свободе слова, редакция провела небольшой опрос, попросив ответить на такие вопросы:

Казахстанское общество – в каком оно сегодня состоянии? Готово ли оно к свободе слова?

Казахстанское общество представляет собой в основном сообщество маргиналов с невысоким уровнем образования и развития культуры. В таком обществе ценность знания, ценность образования невысока. Отсюда – невысокая степень востребованности печатного слова, отсюда – невысокая востребованность истины, информации в полном объеме, разных точек зрения. То есть казахстанское общество – это

малообразованное, малоразвитое, малокультурное сообщество людей, которое, по своей сути, не нуждается в печатном слове. Лишь единицы читают книги, лишь сотни читают еженедельники, немного большее число готово читать газеты. Если мы с вами сделаем анализ, то увидим, что самые востребованные у нас – желтые газеты, которые печатают эротику, сплетни, сенсации, различные материалы на ненаучные, точнее, оклонаучные темы, связанные с гаданием, кроссвордами, в общем, со всякой чепухой. Таков уровень нашего общества. Реальная ситуация в сфере печатного слова адекватна уровню развития этого малокультурного, малоразвитого, неграмотного сообщества людей, проживающих в Республике Казахстан. Поэтому в Казахстане нет таких изданий, как New York Times, European International Herald Tribune, Financial Times. То есть серьезных изданий нет.

Нужна ли нам свобода слова? Если нужна, в каком объеме?

С одной стороны, к чему свобода слова нашему малограмматному населению, абсолютно не разбирающемуся в политике, только познающему азы либеральной экономики? Этим людям среди печатных материалов нужен только один – американский доллар. Другая печатная продукция их мало интересует. Но, с другой стороны, даже необразованное, некультурное сообщество может интересоваться политикой. Здесь есть определенное противоречие, определенная дилемма, дуализм. Нынешние СМИ в Казахстане на 90% – это жвачка, имитация прессы, но никак не пресса, и люди подспудно это чувствуют. Люди, с одной стороны, хотят свободы слова, но с другой, они боятся свободы слова в полном объеме. Самы люди боятся услышать такое, что сразу опрокинет весь их мир. То есть это сообщество малограмматных людей страшится не свободы слова даже, а того, что последует за ней.

Но в целом только сами люди, только свободный рынок могут сказать, что им нужно, а что не нужно. Люди должны

сами выбирать, должны получить право иметь любую информацию. Неконкурентоспособные СМИ просто вымрут.

Насколько правы те, кто утверждает, что журналисты и политики не умеют пользоваться свободой слова?

Болтунов, которые говорят, что журналисты и политики злоупотребляют свободой слова, нужно привлекать к ответственности. В первые годы Советской власти таких сразу ставили к стенке. У нас – переходное общество и извращенные понятия, когда чиновники пытаются нам диктовать некую систему ценностей. В основном это люди малограмотные, естественно, малообразованные, да еще ко всему подловатые, бескультурные, вороватые. Вот они и пытаются нам диктовать систему ценностей, культурные ориентиры, и им верить как раз нельзя. Эти искаженные понятия приводят к тому, что у нас в отношении граждан действует принцип презумпции виновности, а в отношении чиновников действует принцип презумпции невиновности.

Во всем же мире наоборот. В отношении чиновника всегда, везде действует принцип презумпции виновности: не мы с вами должны доказывать, что он коррупционер, это он должен доказать, что он не коррупционер, потому что объем его власти настолько значителен, что мы, общество имеем право знать и требовать прозрачных действий. А у нас все наоборот. Чиновников надо – к ногтю! Чиновников надо поставить в стойло. Добиться этого можно только одним способом – прозрачностью, контролем общества, полной свободой слова и средств массовой информации. И пусть журналисты пишут все, что угодно. Потому что рынок – это чистилище, которое очистит от всех глупых, некомпетентных вещей.

Нам необходимо создать такую атмосферу, когда чиновник, подавший в суд на журналиста, будет немедленно уволен из власти; когда депутат, подавший в суд на журналиста, никогда не будет переизбран. Это имеет место во всех

цивилизованных странах мира. Того же президента США Джорджа Буша какими только словами не характеризуют, как только не проклинают его, какие только негативные образы из него не создают, он никогда ни с кем не судится. А у нас существует в Конституции позорная статья о защите чести и достоинства президента, у нас каждый чиновник защищает свою честь и достоинство. У них нет чести и достоинства! Потому что он чиновник, он слуга народа, у слуги не может быть чести и достоинства. Если он хочет чести и достоинства, пусть подаст в отставку, судится как простой рядовой гражданин. А потом, после вынесения приговоров всеми инстанциями может вернуться опять на свою должность, если его, конечно, возьмут обратно.

Мы должны идти в направлении развитых демократических государств, и, повторюсь, должны начинать с чиновников. Надо прямо говорить, а журналистам – писать, что чиновник не имеет права на защиту чести и достоинства, которых у него в принципе не может быть!

Газета «Свобода слова»,
№02, 09 марта 2005 г.

«О свободе – с чистой совестью»

СЭГО

Профessor Нурбулат Масанов известен как непримиримый оппонент власти, генератор идей оппозиции, самый цитируемый политолог за рубежом, написал более 150 научных работ, автор нескольких трудов по истории Казахстана. День рождения стал поводом, чтобы познакомить читателей с некоторыми его мыслями.

Как вы, ученый, пришли в политику?

До 92-го года я занимался наукой в чистом виде. По специальности я историк-этнолог. Защищил докторскую диссертацию. Когда я вернулся из Москвы в Казахстан, я увидел столько ошибок в провозглашенном тогда политическом курсе, такую наивность и эйфорию от полученной независимости, что уже в марте написал статью с критикой разгула в то время идей национализма и использования их новой властью. Статья была напечатана тогда в «Казахстанской правде». А потом моя вторая статья «Как обустроить Казахстан» с критикой руководства страны мгновенно превратила меня с марта 92-го года в ярого сторонника либеральных реформ в экономической сфере и демократических реформ в политической. Так я стал постоянным оппонентом власти. С 99-го года я активно начал заниматься политикой. Вошел в руководство партии РНПК, потом был одним из руководителей Форума демократических сил Казахстана, потом вошел в политсовет движения «Демократический выбор Казахстана».

Почему же вы не вступили в партию ДВК, в новое движение «За справедливый Казахстан»?

Я всегда говорил, что я политик поневоле. Я вынужден был заниматься политикой, потому что в начале 90-х годов некому было ею заниматься, а я считал, что долг интеллигенции – не стоять в стороне в момент важных судьбоносных периодов для страны. Я к тому времени уже переквалифицировался в политолога и, как профессионал, пытался корректировать действия оппозиции. У меня никогда не было политических амбиций, и я не рвался к власти. Но в последнее время ситуация изменилась, в лагерь демократической оппозиции пришел очень большой круг крупных общественных деятелей, бывших министров, депутатов, политиков и чиновников высокого ранга. Поэтому мне, как политику поневоле, я считаю, стало делать нечего. Я со-

спокойным сердцем отошел от занятий политической деятельностью и хотел бы сосредоточиться на науке.

Вы хотите вернуться в академическую науку?

Я уже 10 лет никак не могу переиздать свою книгу, несмотря на предложения различных издательств. Надо сесть и полгода поработать. В следующем году исполняется 80 лет моему отцу, он тоже известный ученый, и я хотел бы переиздать его книги, не знаю, смогу или нет. В планах переиздать 4 книги и отдать в типографию рукопись новой книги, которая еще не опубликована и называется «История суверенного Казахстана». Эта рукопись была закончена полтора года назад, но теперь ее нужно обновлять и дорабатывать. Многие проблемы уже осмысляются по-другому, по-новому. Но уйти только в науку не получается, потому что отойти от политической общественной жизни просто невозможно. Есть определенные связи, люди и чувство долга и ответственности, что я должен это делать. Я не могу бросить проект дискуссионного клуба «Политон», где есть реальная возможность создать нейтральную площадку для политических дискуссий, для обсуждения наиболее актуальных проблем. Сейчас в них участвуют известные политики, журналисты, ученые-политологи. Если бы чиновники высокого ранга еще приходили, если они склонны вступить в спор с интеллектуальной элитой страны, аргументировать курс государства и ситуацию в целом, тогда бы и совещания типа ПДС и НКВД были бы более продуктивными. Вот и разрываюсь между «Политоном», творческими планами и желанием переиздать и издать новые книги.

Вы известны как аналитик, который во многом точно прогнозировал развитие авторитаризма в Казахстане и политические события, которые произошли внутри и вокруг нашей страны. Остались ли сожаления?

Прогнозы делаются на основе анализа аргументов и тенденций. Когда-то в начале 90-х казахстанская интеллигенция

ополчилась на меня за критику подъема национализма в ту пору, не поняв моих предостережений. А сегодня мы видим, что именно эта интеллигенция пострадала больше всего от режима, который уничтожил вместе с этой интеллигенцией науку, образование, культуру и искусство. Фактически их низвели на роль поденщиков, которые за копейки выполняют черновую работу. Опыт показал, что интеллигенция, стоявшая в авангарде национализма и шовинизма, становится потом первой жертвой репрессий. Законы рыночной, либеральной экономики расставили все по своим местам. Когда этот механизм запущен, национализм теряет свою актуальность. Если приходится выбирать между доходом, прибылью и национализмом, побеждает первая мотивация, и национальный патриотизм становится второстепенным по сравнению с возможностью заработать.

Почему президент считает вас своим личным оппонентом и даже рекомендовал запретить вам читать лекции студентам во всех вузах страны?

Еще в 94-м году я написал, что сам институт президентства с его необъятными полномочиями в принципе не способен реагировать на все вызовы времени. И дело даже не в самом Нурсултане Назарбаеве. Ни один человек, обремененный такой властью, не способен быть демократом в принципе. В моей критике никогда не было ничего личного, но тем не менее многое им воспринимается сквозь призму личного отношения и преданности себе. Тогда я предлагал идею – упразднить должность президента. Потом я неоднократно пытался вновь озвучить ее, но эта идея не получила поддержки даже среди демократов. Они не представляют ситуации, когда не будет президента вообще! А зачем нам президент? Нам не нужен президент, который дублирует своим аппаратом всю исполнительную власть. Если у нас будет нормальный парламент и правительство, то достаточно спикера парламента и премьер-министра.

Кто может заменить Назарбаева?

Кто будет после – не принципиальный вопрос. Если изменить политическую систему, то президент будет как английская королева. Есть присутствие, но решение зависит от других. Сейчас же к фигуре президента завышенные требования, поскольку он наделен слишком большими полномочиями, с которыми невозможно справиться никому. Ошибочны мысли Назарбаева, что он как президент способен знать лучше и больше, чем весь народ, как двигатель развития общества вперед. Общество не должно зависеть от одного человека, от того, болен он или нет, болит у него мозоль или геморрой, с левой ноги встал или с правой. Идея, что президентом может быть только великий человек, – это маргинальная идея, президентом может стать любой уважаемый человек. Если удастся изменить политическую систему, которая будет опираться на нормально функционирующие государственные институты и двигать общество к прогрессу и процветанию, тогда будет стабильность без всяких голословных грантов в лице одного человека. Надо менять систему, а не одного человека, хотя и это сейчас важно.

Но Ертысбаев считает, что у Назарбаева еще есть шансы вывести страну в передовые.

Но президент отмахивается от этих шансов. Надо действительно остановить коррупцию в стране, передать часть полномочий парламенту, ввести в норму проведение честных выборов и т.д. Но он занят другим. Я понимаю, что обогащение – это тоже азарт, как собирание и коллекционирование марок. Но всегда нужно уметь остановиться. Смена власти будет в любом случае, вопрос только в том: когда и как... Хотелось бы как можно быстрее и мирным путем.

Могут ли на перемены в Казахстане оказать влияние такие страны, как Россия?

Россия сейчас ассоциируется с имперскими амбициями, усилением диктатуры, хаосом, повсеместным нарушением закона самой властью, бардаком. По всему периметру российских границ страны СНГ уходят от нее, стараясь избавиться от ее замашек. Если рассуждать здраво, из пятнадцати постсоветских стран семь уже ушли от влияния России. Латвия, Литва, Эстония, Украина, Молдавия, Грузия и Кыргызия ушли в сторону демократии. Для этого им фактически понадобилось 13 лет. Осталось еще 7 государств, их судьба сложится по-разному, но чтобы окончательно избавиться от российского империализма и диктатуры, им понадобится еще лет десять.

Если Казахстан будет вырван из-под влияния сегодняшней России в сторону демократии, то Россия останется в политической изоляции, без союзников. Получается, что Казахстан становится ключевым фактором, который Запад пока недооценивает. Находясь в изоляции, либо Россия развалится, потому что все процессы пойдут внутрь страны, не имея внешнего приложения, либо Россия вынуждена будет сменить политическую элиту и реформироваться. Демократия в Казахстане может сильно изменить ситуацию вокруг себя.

Насколько сильна сегодня политическая оппозиция в Казахстане?

Политическая оппозиция в Казахстане сильная – это Кажегельдин, это Нуркадилов, это старая оппозиция. Сегодня пришла новая плеяда, подающая большие надежды. Но они допускают иногда старые, уже пройденные ошибки. Это издержки созревания и становления. Много занимаются формированием структуры, а самой деятельностью – недостаточно. Они только подписали протокол о намерениях. Но реально политическая оппозиция – это совсем другая деятельность! Это ежедневное, ежечасное, ежеминутное оппонирование режиму. А где это? К сожалению,

не вижу в новой оппозиции серьезных предпосылок для изменений в стране. Надо завоевать авторитет, а пока никакой работы нет. Идет имитация. Оппозиция, которая пришла из власти, к сожалению, принесла и все пороки власти: интриги, сплетни, доносы, недоверие к единомышленникам, бюрократию и свою элитарность, свои обиды и некоторую некомпетентность в оппозиционной работе. Оппозиция должна стать публичной, открытой и прозрачной, быть постоянно на устах.

В России Немцов, Явлинский, Хакамада тоже не являются оппозицией, поскольку за ними нет электоральной поддержки. Поле размазано и у них, и у нас. Сегодняшние лидеры хороши для дворцового переворота, но тогда надо было оставаться во власти и там это делать. А пока я не вижу сильных предпосылок. Такое ощущение, что придется ждать до следующих парламентских выборов...

Но ведь в союзе с ними и опытные политики, такие как Кажегельдин!

Кажегельдин вне Казахстана. Скорее, он сейчас политическое лобби казахстанской оппозиции.

Довольны ли вы прожитой жизнью?

В принципе все нормально: написано 9 книг, бурная общественная деятельность, лекции читаю в зарубежных институтах, миллион знакомых в разных странах, занимаюсь интересным для меня делом. Дети растут и радуют.

А разочарования есть в жизни?

Одно из открытий в жизни – исчезло советское романтическое представление о мужской дружбе. С годами начинаешь понимать, что дружба – это иные взаимоотношения, чем я представлял в юности, а иногда кажется, что настоящей дружбы не бывает. Бывают близкие друзья, искренние партнеры, товарищеские отношения. А вот той дружбы и тех идеалов, которые нам дала юношеская романтика, по большому счету нет. А когда завы-

шена планка, ты сталкиваешься с разочарованием. Приходит понимание, что главное в жизни – ты сам и твое дело. Если верен принципам до конца, есть удовлетворение. Это главная опора в жизни, не считая семьи. Целью не могут быть деньги, власть, они – сопутствующие успеху комфортные условия. Они не могут быть смыслом и целью жизни. Личность, алчущая только власти и денег, распадается. Я на власть и деньги никогда не делал ставку. И уже этим счастлив.

Спасибо, Нурбулат, за откровенную беседу. С наступающим днем рождения. Успехов, удачи и счастья в семье и в детях.

Газета «Жума-Таймс»,
№14 (22) 14 апреля 2005 г.
Интервью брала Р. Таукина.
«Казахстан – ключевой фактор.
Запад его пока недооценивает!»

ОЗНО

Принято считать, что в своем отечестве пророков нет. Поэтому мы зачастую отдаем предпочтение всякого рода пришлым «варягам» при оценке тех или иных явлений, процессов, тенденций. События последних месяцев в Украине и Кыргызстане показали, что жизнь сложнее самых хитроумных умозрительных комбинаций. И, тем не менее, мнение профессионалов остается приоритетным. Поэтому мы обратились к Нурбулату Эдигеевичу МАСАНОВУ с просьбой высказаться на страницах нашего издания. Наш собеседник не нуждается в особом представлении. Его суждения всегда отличаются глубиной анализа, выверенной логикой и только ему присущим сарказмом.

Нурбулат Эдигеевич, как вы оцениваете текущий политический момент в Казахстане?

Сложный вопрос, с одной стороны, а с другой – вроде бы все ясно и понятно. Мы имеем власть, которая не хочет реформироваться, власть, которая не хочет идти на политический диалог, власть, которая не желает прислушиваться к важнейшим потребностям общества. Власть, которая создала и поддерживает коррумпированную систему в стране. Власть, которая хочет сохранить «власть ради власти» и «власть ради денег» на века. В этом проблема.

С другой стороны, мы имеем очень пассивное общество, которое не хочет участвовать в политическом процессе, фактически избегает его, оставаясь в роли стороннего наблюдателя. Но так не должно быть, казахстанское общество должно взять на себя ответственность за политическую ситуацию в стране.

Мы также имеем оппозицию, которая не хочет учиться у своих предшественников и все время как бы повторяет их ошибки. В результате мы имеем не совсем адекватных игроков политического процесса.

Мы имеем перманентный политический кризис внутри элиты, когда многие «игроки» уходят из элиты. Внутри элиты имеют место постоянные конфликты. Идет беспредостанная борьба за ресурсы, за собственность, за влияние, за власть и т.д. Так что ситуация очень непростая и весьма напряженная.

И я, по большому счету, не вижу мостиков, наведенных между различными игроками политического процесса. Президент Назарбаев понимает, конечно, важность налаживания отношений с обществом, но он поступает очень просто. Он пытается подкупить его. Кому пенсии повысили, кому какие-то социальные льготы обеспечили и тому подобное.

Но важнее не подкупать, гораздо важнее найти компромисс в политической сфере и найти политическое решение

насущных проблем нашего общества. Пока этого, к сожалению, нет. Так что можно пожелать власти быть гибче и быть более компромиссной. Оппозиции можно пожелать быть сильнее и мужественнее. Можно пожелать нашему обществу быть более политизированным, менее инфантильным и смелее отстаивать свои интересы. Но, к сожалению, пока все фигуранты политического процесса неадекватны.

На ваш взгляд, почему у нас не складывается цивилизованный диалог между властью и оппозицией? При этом они взаимно обвиняют друг друга в отсутствии гибкости. Есть ли выход из этой ситуации?

Я думаю, что выход есть всегда. Другое дело, что многое зависит от политической воли. Когда мы говорим о президенте и его команде, многое зависит от того, есть ли эта воля у них. На кону стоят, конечно, большие деньги, большие ресурсы, большая власть и поэтому президент как бы говорит: «Я могу пойти на диалог, но с кем идти?!» И в этом случае оппозиция должна дать адекватный ответ. Но оппозиция часто самоустраниется из политического процесса. Например, она не участвует в работе Национальной комиссии по вопросам демократизации. Она ограничивает свою деятельность в основном диссидентскими акциями. Пикет организовать, что-то проигнорировать, выступить на митинге протеста и т.д. Политический процесс предполагает нечто другое: более активные действия, более наступательные, более агрессивные. Но из-за того, что не учитывается опыт старой оппозиции (Смеется...), оппозиция нынешняя совершает уже свои собственные ошибки, не имея при этом серьезного опыта политической борьбы. Поэтому она действует пока на невысоком уровне.

И президент видит эти «детские» ошибки и как бы говорит: «Это не игроки. Они еще только учатся играть в шахматы. Они еще не настоящие шахматисты». То есть нельзя быть чиновником и думать, что ты понимаешь что-то в

политике. Потому что государственная служба и политика – это совершенно разные сферы. Политика предполагает ответственность, предполагает постоянную апелляцию к обществу, предполагает мужество и активные действия. А чиновник всегда сидит и ждет решений вышестоящих инстанций. И инициатива обычно наказуема. Поэтому бывшим чиновникам очень трудно стать политиками. Они, как правило, не самостоятельны. Они действуют в основном, по стереотипам. А в политике нужны творчество, самостоятельные активные действия, реакция на события. И тем, кто долго работал в чиновничьей среде, очень трудно перестроиться и стать самостоятельными политиками.

Из ваших слов напрашивается вывод: сегодняшняя оппозиция, игнорируя наработки и опыт своих предшественников, совершает непростительные ошибки. А президент, условно говоря, являясь гроссмейстером политической игры, не считает возможным опускаться до их уровня. Но разве не сильный должен сделать шаг навстречу слабому?

(Вздыхает). В политике, к сожалению, свои законы. Обычно сильные никогда не делают такого шага. Одно из азбучных правил политики гласит, что слабый должен подняться до уровня сильного и только тогда с ним будут играть на равных. Но если он не может подняться до такого уровня, его всегда будут игнорировать. И в этом большая проблема.

С другой стороны, законы жанра таковы, что диктаторы не любят идти на перемены, не любят идти на диалог. Иначе они перестанут быть диктаторами (Смеется...). Но природа нашего режима такова, что он в принципе не способен идти на диалог. Он в принципе не реформируем. То есть этот механизм либо должен породить нового мини-диктатора, либо он должен быть сломан. Другого не дано.

Когда в той же России Ельцин отдал власть Путину, многим казалось, что Путин – слабая фигура, и что он будет

продолжать курс Ельцина. Но на деле-то оказалось всё не так. Сколько шагов назад сделала Россия, насколько далеко она отошла от демократии. И сейчас на фоне Путина фигура Ельцина воспринимается совсем иначе.

Как сказал недавно один известный российский политолог: «Путин – это не папа». То есть в глазах элиты авторитет Путина не смог подняться до уровня авторитета Ельцина. И, соответственно, решения и действия, предпринимаемые Путиным, уже не имеют такого веса, как действия Ельцина.

Путин подчинил всю деятельность госорганов борьбе со своими политическими оппонентами, чего не делал Ельцин, который создавал политическое пространство и давал жить всем другим. Путин же действует по рецептам обычных диктаторов латиноамериканского либо центральноазиатского типа.

К сожалению, Н. Назарбаев не демонстрирует соответствующей моменту ответственности и глубины понимания политических процессов. Поэтому трудно надеяться на какие-то серьезные перемены, связанные с инициативами Назарбаева. Он, в основном, делает ставку на социальный аспект, на возможность откупиться с помощью социальных пакетов и сохранить власть. Но он не готов идти на правовые, демократические и серьезные экономические реформы: на демонополизацию экономики, децентрализацию политической жизни и т.д.

Если такая тенденция будет сохраняться, в обозримой перспективе диалог невозможен?

Пока для этого нет серьезных предпосылок. С одной стороны, нет соответствующих моментов в действиях оппозиции. И с другой стороны, нет желания и политической воли со стороны власти идти на диалог. Я считаю, что мы можем говорить о кризисе власти, о кризисе личностей, о неспособности президента ответить на вызовы времени.

Наверное, будет вполне уместно утверждать, что из кыргызских событий всем политическим силам Казахстана нужно сделать выводы. В этом плане какие уроки для себя должна извлечь казахстанская оппозиция?

Я думаю, что главный урок состоит в готовности к возникновению хаоса, безвластия. В осознании полной ответственности и способности взять власть в свои руки. Не только бороться за власть, но и взять власть и ответственность за эту власть.

Что показали кыргызские события? Что власть оказалась настолько слабой, что хватило небольшого взрыва народного возмущения, и власть вылетела как «пробка из шампанского». И в стране наступило безвластие, хаос.

В чем проявилась сила кыргызской оппозиции, так это в том, что она оказалась способной взять власть в свои руки именно в этот момент. Она смогла «оседлать» волну народного недовольства и взять ситуацию под свой контроль. Это фантастическая вещь.

Конечно, это только начало. Тем не менее это свидетельство того, что оппозиция в Кыргызстане работала с людьми и пользовалась авторитетом среди народа. Наша оппозиция такого авторитета пока не имеет. Если у нас произойдут аналогичные события, то мне кажется, наша оппозиция сейчас, в данный момент, не сможет сразу взять все под свой контроль.

Но, повторюсь, в Кыргызстане все только начинается. «Авгиевы конюшни» режима – коррупцию, неэффективную власть, приватизацию госорганов под свои интересы – еще предстоит разгребать и разгребать. Это все очень сложно. Реально все взять под государственный контроль и обеспечить эффективное функционирование – для этого новой кыргызской власти понадобится два-три года. При этом всегда будет присутствовать соблазн обеспечить это с помощью жесткой диктатуры. И сам народ будет подталкивать к этому. И обыватель поддержит такие меры. Дескать, хватит бардака, дайте нам порядок.

Вы имеете в виду ностальгию по «сильной руке»?

Да. С одной стороны, людей можно понять. Им хочется порядка, справедливости. Они хотят, чтобы госорганы были именно госорганами, а не бандитскими конторами. И это нормальные требования. Когда народ требует порядка, он требует порядка с точки зрения функционирования органов государственной власти. Но природа такова, что когда ты требуешь порядка для них, то получаешь «порядок для себя», но беспорядок для них. И здесь возникают определенные противоречия и проблемы.

Очень важно, чтобы наша оппозиция отдавала себе отчет в том, что это очень сложный процесс и готовиться к нему надо загодя. Нужно готовиться и к тому, чтобы искать компромисс с властью. И к тому, чтобы реформировать эту власть, насколько это возможно. Для этого нужно создавать общественное мнение и это требует продвижения в общество каких-то важных ценностей. А когда оппозиция закрывается в своем узком пространстве и говорит: «Мы никуда не пойдем» и не идет на диалог с властью, бойкотируя её, то тогда она не выходит на диалог и с самим обществом.

Мне представляется, что если бы сейчас вся оппозиция пришла на заседание НКВД и показала, что эта структура ни к чему не пригодна, это бы увидели журналисты, простые люди, началось бы какое-то движение.

Невозможно изолировать себя от политического процесса. Нужно быть в этом политическом процессе. Да, приятно. Да, мы проигрываем. Да, как будто бы нет смысла контактировать с властью. Но в этом и состоит искусство политики. Оно означает бесконечный поиск компромисса, достижение какой-либо поставленной цели через череду компромиссов. Лучше сделать два шага назад, но потом пять шагов вперед, чем упереться и не делать шага назад и потом все время отступать.

Так что было бы здорово, если бы оппозиция продемонстрировала больше мудрости и желания идти на все это. Я думаю, что это один из главных уроков кыргызских событий. Оппозиция должна быть гибче, масштабнее, ближе к народу, конечно. И в то же время она должна уметь просчитывать не на один шаг вперед, а на десять-пятнадцать шагов. И быть готовой к тому, чтобы взять власть в свои руки в кризисный период.

Наш следующий вопрос связан с тем всплеском вдохновения, который явно испытала определенная часть нашей оппозиции. Как свидетельствует исторический опыт, эмоции в политике не всегда способствуют более рациональному восприятию ситуации. В связи с этим, не существует ли для казахстанской оппозиции опасности впасть в некоторую эйфорию по поводу событий в Кыргызстане и совершиить стратегические или тактические просчеты?

Я думаю, главная проблема, связанная с Кыргызстаном, состоит в том, что может сложиться иллюзия, что «плод уже созрел» и вот-вот упадет в руки. И что только нужно «оседлать» коня вовремя и возглавить движение.

Или подставить ладони.

Да. Подставить ладони в том смысле, что люди за тебя подготовят и сделают всё необходимое. А ты должен только все суметь возглавить. Есть опасность такой иллюзии. Есть ощущение, что многие оппозиционеры не понимают того, что необходима тяжелая черновая работа в массах по их активизации, организации масс, по актуализации определенных экономических, политических, социальных интересов людей. Вместо этого они ограничиваются, как я уже говорил, диссидентской деятельностью. Вот это и есть главный минус оппозиции и прежде, и сейчас.

Нельзя ограничиваться простой критикой власти. Этим будет заниматься интеллигенция. Политическая же оппозиция должна стать именно политической оппозицией.

Что это значит на практике? Это значит выстраивать мостики к душам и сердцам разных людей, политиков, различных групп, слоёв и классов. А когда лидеры оппозиции элементарно не могут договориться между собой, то о какой политике вообще может идти речь? Если они не могут договориться между собой, то тогда они не могут претендовать на роль политической оппозиции.

А роль политической оппозиции состоит в том, что нужно договариваться хоть с самим чёртом, только тогда получишь нужный результат. К сожалению, пока этого не наблюдается. И отчасти я могу согласиться с вами в том, что кыргызские события вызывают некоторую эйфорию. Так же, как и украинские. Что можно, как говорится, без труда выловить рыбку из пруда. В этом есть некоторая опасность. Считаю, что очень важно, чтобы само общество приводило в чувство оппозицию, щелкая её по носу, заставляя более трезво оценивать ситуацию.

Можно ли оценить ваши слова как призыв никому не поддаваться иллюзиям?

Конечно. Я и сам, грешным делом, как и все люди, болею этими иллюзиями. Понятно, что любой из нас склонен к ним. Но если удается абстрагироваться, понимаешь, что это плохо. Мечтательность в политике – одна из худших болезней. Политика строится на функциональных действиях, на самопожертвовании.

Политика – это как бизнес. Здесь необходимы инвестиции. Не столько даже финансовые, сколько интеллектуальные, трудовые – капелькой пота. Тогда процесс пойдет. А когда кто-то считает, что он до поры до времени может быть сторонним наблюдателем, а подключится в нужный момент, тот заблуждается. Так не бывает.

Прежде всего, сам народ должен участвовать в этом процессе. Без его заинтересованного участия все остальное теряет смысл. Мы это наблюдали и в Грузии, и в Украине, и в

Кыргызстане. Но мудрая оппозиция, если она действительно мудрая, подсказывала, как это надо делать. Это очень важный момент.

Нурбулат Эдигесович, что вы думаете по поводу утверждений о том, что события в Кыргызстане только умножили число сторонников президента Н. Назарбаева как некоего символа стабильности?

Нет, конечно, с этим я не согласен. Для меня стабильность это, скажем, конституция на века. Например, самая стабильная государственно-политическая система – это США. Их Конституции более двухсот лет. За все это время в ней было внесено не более трех десятков поправок. А у нас парламент одним махом, например, в октябре 1998 года внес почти два десятка поправок. И у нас такие вещи возможны чуть ли не каждый год.

Ну что это такое? Чуть ли не каждый год – новый закон о СМИ, на каждый выборный период – новый закон о выборах. О какой стабильности в нашей стране может вообще идти речь? У нас есть только стабильность института президентской власти и бесправия народа. Но нет стабильности государства, нет стабильности экономики, нет стабильности нашей реальной жизни.

Казалось бы, многие люди стали ассоциировать свою стабильность со стабильным курсом доллара. А доллар взяли и на двадцать процентов опустили. Многие люди пострадали. А как могут считать свою жизнь стабильной люди, работающие на производстве? Разве у наших наемных рабочих есть реальные права? Ни в коем случае. В любой момент их могут уволить или просто вытолкнуть взашей без объяснения причин. И работодатель не несет за это никакой ответственности. Потому что он монополист в вопросах права.

О какой стабильности может идти речь при нестабильном курсе национальной валюты? Вернемся к тому же доллару. Его курс упал на двадцать процентов. Следовательно,

все цены на импортируемые товары должны были также снизиться на двадцать процентов. А у нас инфляция десять и более процентов в год. Ну и что, это тоже признак стабильности? Нет, такая стабильность нам ни к чему.

Сейчас у нас зародился миф о кыргызских событиях, дескать, там были мародеры, грабители и т.д. Извините, но это называется совсем по-другому. Это явление квалифицируется как «налог на богатство». Этот налог платили всегда и везде. Так было в Грузии после «революции роз». Так было и после украинской «оранжевой революции», когда начался пересмотр некоторых итогов приватизации. В России господин Ходорковский заплатил чуть ли не за всех двадцать пять миллиардов и продолжает платить своей свободой.

В Кыргызстане были самые безобидные «налоги на богатство» – всего два дня. В России безобразие над Ходорковским продолжается больше года, и неизвестно, сколько ему ещё «впаяют». Не говоря уже о других фигурантах, помимо Ходорковского, которых также разоряют. Так что «налог на богатство» придется заплатить и в Казахстане. Обязательно. Все это понимают.

Придется заплатить олигархам, придется заплатить буржуазии, придется заплатить работодателям. Потому что, извините, надо выстраивать нормальную систему уже сейчас. И ответственен за это, прежде всего, президент. И никто другой. Именно он должен обеспечить баланс интересов различных групп населения, различных слоёв, классов, стратов и т.д. Но он не может пока обеспечить этот баланс. Тогда о какой стабильности может идти речь?

Власть закладывает основы длительной нестабильности в нашей жизни. И это очень плохо. Мы должны это понимать. Хорошо, что в Кыргызстане все обошлось в два дня. Это счастье для них. Так что «налог на богатство» придется платить. Обязательно. И наша буржуазия, и наши олигархи это прекрасно понимают.

Если рабочие на одном из наших заводов получают какие-то копейки, а владелец этого завода входит в список миллиардеров журнала «Форбс», о чём тут можно говорить в смысле стабильности? Стабильности безобразий? Может, стабильности нищеты? Тогда да. Но это не есть стабильность в позитивном смысле слова.

Поэтому я за стабильность государственно-политической системы, как в Америке. Я за стабильность государственного законодательства, как там. Я за стабильность баланса интересов в нашей стране. Я за стабильность равновесия между составными частями нашей экономической, политической, государственной и общественной системы. Вот такая стабильность нам нужна. Все остальное – мифы. И от них надо избавляться.

Некоторые аналитики, отслеживающие политическую ситуацию в нашей республике, считают, что реальные подвижки у нас возможны только при вступлении в действие так называемого «внешнего фактора». Что вы думаете по этому поводу?

Последние события показывают, что внешний фактор должен быть, условно говоря, третейским судьёй. От этого никуда не денешься. Вспомните украинские события. Чтобы избежать гражданской войны, пришлось приезжать представителям Евросоюза, президентам Польши, Литвы. И плюс представителям России, пусть и задним числом. Так что в кризисные моменты третейский судья просто необходим.

Когда двое дерутся, всегда нужен кто-то третий, который бы их растаскивал или хотя бы был арбитром, чтобы борьба велась по правилам. Поэтому я считаю, что без участия Евросоюза, без участия США, ОБСЕ и России политический процесс в Казахстане может вообще стать нестабильным. А отсюда недалеко и до потери управляемости. Поэтому обязательно нужны переговорные усилия с участием третьей стороны. И нельзя отмахиваться от этого.

В идеале можно обойтись и без третейского судьи. Но для этого нужно провести максимально честные выборы. В таких условиях роль третейского судьи играет народ. Но у нас нет этого механизма. Поэтому, скорее всего, у нас будет диалог элиты, и Запад будет играть роль третейского судьи.

А внешний фактор не может сработать как катализатор?

Как показывает ситуация, внешний фактор нигде не играет роль катализатора. Это скорее пропагандистское клише, с помощью которого пытаются нагнетать страсти, запугать обывателя. Вот, мол, там американцы что-то спровоцировали, или еще кто-то. Но мы же с вами видели, что американцы не участвовали в событиях ни в Грузии, ни в Украине, ни в Киргизстане. Хотя в Украине довольно активно проявила себя Россия, но потерпела полное фиаско. Поэтому абсолютизация внешнего фактора – это очередной миф. Никакой реальной роли во внутренних процессах он не играет. Он может быть третейским судьёй, он может поддержать одну из сторон либо победившую сторону. Но победить или что-то сделать за кого-то он не может. Разве только высадит армию. Да и то не получится, наверное. Вон в Ираке – внешний фактор ого-го какой! Ну и что? В итоге на парламентских выборах победили шииты, а президентом стал курд. Вот так.

Но, с другой стороны, тоже можно понять опасения по поводу демократических перемен. Ведь демократия иногда – это джин, выпущенный из бутылки. Опьянеть можно и от свободы. Многим вполне справедливым кажется: нельзя без «твёрдой руки», и хорошо, когда никто «не вякает», все тихо сидят, всюду порядок. Но такой порядок тоже достигается путем определенных «издережек». Если мы вспомним нашу недавнюю историю, то это стоило нам миллионов безвинно убиенных, слез и страданий еще большего числа людей. Простой обыватель думает: «Ничего страшного,

до меня дело не дойдет». Дойдет, дойдёт, дорогой. Никуда ты не денешься. Мы это уже проходили. Поэтому еще раз, говоря о внешнем факторе, можно сказать, что он может играть роль третейского судьи и конституирующего факто-ра. И все на этом. Больше никаких функций у него нет.

После кыргызских событий на самом высоком уровне было объявлено о политических «похоронах» СНГ. Каково ваше видение перспективы или отсутствия оной у этого политического образования?

Надо реально представлять, что СНГ с самого начала был неэффективным органом. В рамках СНГ было принято более тысячи двухсот различных законов и актов, и практически ни один из них не заработал. Почему? Потому что на постсоветском пространстве абсолютно бесперспективны многосторонние союзы. Эффективны только двусторонние отношения. Почему не работают многосторонние союзы? Потому что если авторитарные режимы идут на интеграцию, то они должны поступиться какими-то своими полномочиями, интересами. Но сама природа этих режимов не позволяет им сделать это. Если они не идут на это внутри страны, то с какой стати они это будут делать на внешнем рынке? Это абсолютно нереально. Поэтому с самого начала было ясно, что это неэффективно и невозможно.

Но идея СНГ была своего рода «жевательной резинкой» для приглушения чувства психологического дискомфорта народа от раз渲ла СССР. Политический смысл СНГ состоит в очень простой вещи. Задачей Содружества было отстаивать приоритетность постсоветских связей в экономике и политике. Вот эта функция в принципе была выполнена. В определенной степени приоритетность постсоветских связей сохранялась. В частности, в том, что был безвизовый режим передвижения, в каких-то налоговых послаблениях и т.д. Но сейчас, когда страны, входящие в СНГ, состоялись как суверенные государства, все это уже не нужно.

С другой стороны, нынешняя Россия, Россия Путина – это диктаторское государство. И Путин с подачи других диктаторов начал сколачивать некий альянс диктаторских государств. И фактически он сейчас и существует. И когда возникает кризисная ситуация внутри страны, каждый из них бежит к своему патрону – Путину.

В итоге такие понятия, как «диктатура», «альянс диктаторских государств» и «Россия Путина» стали синонимами. Что в итоге? Из четырнадцати республик бывшего Союза, кроме России, семь уже ушли из-под влияния России. Следовательно, они ушли из-под влияния диктатуры. Следовательно, они пошли в сторону цивилизованного мира, в сторону демократии и прав человека. Республики Прибалтики, Грузия, Украина и сейчас Молдова и Киргизстан.

Для этого процесса понадобилось почти четырнадцать лет. Оставшимся семи странам понадобится еще десять-двенадцать лет для того, чтобы уйти из-под влияния России и всяких союзов типа СНГ и прочих псевдообъединений. Но уйти от такой опеки они смогут только посредством демократических преобразований и отказом от авторитарных типов государственности. Так что ждать осталось недолго.

Благодарю вас.

Газета «Эпоха»,
№ 14, 15 апреля 2005 г.
Интервью взял К. Татиль.
«Предаваться иллюзиям –
политически смертельно!»

С легкой руки лидера партии «Асар» тема экспорта революций вновь стала актуальной в нашей республике. Впрочем, нас заинтересовало мнение на этот счет одного из представителей... лагеря оппозиции.

Сергей Дуванов считает, что оппозиция будущие президентские выборы уже проиграла. Вы согласны с этим мнением?

В принципе, я могу с ним согласиться. Оппозиция не готова к жестким радикальным действиям. Во всяком случае, пока...

Вы считаете, два эпизода – в Усть-Каменогорске и Шымкенте – не подвигли оппозицию перейти на радикальные рельсы?

Тут такая проблема. Как гражданин, я считал бы, что нужно дать адекватный отпор. Но как политолог, правозащитник и сторонник правового демократического развития этой страны, я понимаю, что нельзя действовать подобными методами и инструментами. Поэтому оппозиции нужно продолжать свою линию лоббирования демократических интересов.

Я понимаю, какая камень точит, за миллион лет можно и лбом Великую Китайскую стену прошибить, но... Способна ли оппозиция в данный момент быстро перестроиться и принять на вооружение какие-то другие методы?

Демократическая оппозиция, к сожалению, ограничена в выборе своих методов достижения поставленных целей. Только публичность и апелляция к демократическим ценностям. Точка. Это принципы оппозиции. Другое дело, что это можно делать разными способами и в рамках этих ресурсов нужно добиваться максимума. Но у оппозиции нет

большого опыта в этом, его надо нарабатывать уже сейчас. И, наверное, именно это имеет в виду Сергей Дуванов, говоря, что выборы мы уже проиграли. Но надо ввязываться в действия, надо нарабатывать опыт, чтобы к следующим выборам быть реальной политической силой.

А почему не попробовать политтехнологии?

У кого есть такие политтехнологии? У россиян точно нет – насколько я знаю, российские политтехнологи показали свою несостоятельность.

Украинские?

Невозможно. Там другая ситуация. Там оппозицию поддержала украинская буржуазия – раз, новая украинская нация – два, киевляне – три, государственные служащие – четыре и силовые структуры – пять. Кучма должен был уйти. Проблема состоит в том, что любая власть должна поддерживать баланс между различными группами, между различными интересами. Кучма не захотел обеспечивать этот баланс, он стоял на такой позиции: «Есть моя банда, и мы будем играть по правилам моей банды». Это не политический подход, и поэтому Кучма был обречен. Ющенко сделал ставку на народ, на новую украинскую нацию, на буржуазию, на госслужащих, наrationально думающих людей. И выиграл.

В Казахстане ситуация другая. Казахстанская буржуазия еще в полной мере не состоялась, средний класс развивается. У нас есть олигархи и средний класс, а между ними должна быть национальная буржуазия, но она еще не состоялась.

А не кажется ли вам, что в данной ситуации распри в оппозиции – это моветон?

А что вы хотите? Чтобы в оппозиции все мыслили одинаково, как пионеры? Такого никогда не будет! Вы поймите, единомыслия нигде нет. Даже в рамках одной семьи нет единомыслия. Тем более у политических партнеров не мо-

жет быть единомыслия. Почему-то журналисты считают, что во власти все как один.

Дуванов говорил, что задача оппозиции – идти в народ и элементарно, на пальцах, все объяснять, чуть ли не ликбез устраивать.

Исходя из классической коммунистической теории... – помните, нам говорили, что газету «Искра» зачитывали до дыр, что коммунисты ходили от двери к двери? Но исходя из того, что народ вне игры, а в политическом процессе участвует только политическая элита, разделенная на несколько группировок, то и работать приходится в этих условиях. Вот, например, кто-то из представителей партий говорил: наших активистов зазывают в госструктуре. Им сказали: нельзя идти. Я говорю: что вы делаете – дураки, что ли? Наоборот, пусть идут! Пусть идут ваши люди туда; вы, самое главное, с ними связь сохраняйте. Чтобы они на вас работали там, сидя в госструктуре. Ваши возможности расширяются.

То есть просачиваться мелкими группами...

Вы знаете, в чем проблема? У нас ни у кого нет политического мышления. Что такое политическое мышление, что такое политика вообще? Это искусство достижения неких поставленных целей через череду компромиссов, договоров с агентами политического влияния. Те, кто априори заявляет: надо апеллировать к народу, – правы, но если народ вне игры?

А как насчет реальных социальных программ?

Как происходит во всем мире? Власть постепенно отделяет от себя все большие и большие сферы жизни и передает их для регулирования самому обществу. У западного человека не возникает проблемы, что власть плохая. Они знают: завтра мы придем на выборы, переизберем власть, она будет такая же плохая, но, может быть, чуть-чуть лучше. При этом многие вопросы регулируются не властью.

Но вопрос в другом. События в Кыргызстане, Украине, Грузии показали, что когда власть начинают давить, ее потенциальные сторонники мгновенно исчезают, никого не остается.

Я думаю, кыргызские события стали плохой рекламой «цветочным» революциям.

Двухдневные грабежи в Кыргызстане – это очень маленький налог на богатство.

Для алматинцев даже эти двухдневные грабежи – довольно страшно.

Для алматинцев гораздо страшнее то, что Путин творит с Ходорковским. Помните, когда Путин пришел к власти, он встретился с пятьюдесятью олигархами? Сейчас, говорят, меньше четверти от этого количества осталось. Всех разгребли, разогнали, обворовали. Вот это страшнее. Процесс над Ходорковским нанес ущерб имиджу России во много раз больший, чем двухдневные грабежи в Кыргызстане. Это российские журналисты намеренно пытаются сместить акценты по заданию администрации Путина. А мы с вами реально понимаем, что российская прокуратура наносит вред гораздо больший, чем даже если бы эти грабежи в Киргизии еще бы три года продолжались.

На чью сторону сегодня склоняется политическая элита?

Во всем мире существует пожизненный найм госслужащих. Политики приходят и уходят, госслужащие остаются. А у нас что? Новый министр пришел, всех уволил, новых набрал. Госслужащие хотели бы независимости, самостоятельности и твердой гарантии своего пожизненного пребывания на службе.

Недовольна региональная элита. Они уже сейчас хотят выборности акимов в регионах. Только тогда региональная элита сможет свои отстаивать местные интересы. Приходит новый аким и начинает выкорчевывать региональную элиту. Начинается конфликт. И такие конфликты будут шириться и расти. Выборность как принцип может всех спасти.

Хорошо, давайте пофантализируем. Допустим, оппозиция устраивает переворот, приходит к власти. Что дальше?

Тут ситуация сразу меняется. Кто бы ни пришел следующий, он установит режим корпоративной власти. У него будет более широкая база. Он уже будет вынужден заигрывать с региональной элитой...

То есть договариваться со всеми группами...

Конечно. Он будет договариваться с бизнес-элитой, с государственными и так далее. То есть у следующего президента появится социальная опора.

А если он не захочет договариваться?

Куда он денется! Если захочет остаться у власти, будет вынужден. Не договорится – уйдет, придет следующий.

Так и будут постоянно тасоваться...

Конечно, это же политика. Вы что, хотите построить идеальное государство раз и навсегда, на все времена?

Я бы хотел пожить нормально энное количество лет без встрясок.

А мы с вами и будем нормально жить. Со встрясками или без. С одной стороны, для нас это будут встряски, с другой – нормальная жизнь. Это природа людей такова: заставьте их жить в концлагере – даже эту жизнь они будут, в конце концов, воспринимать как нормальную. Люди воспринимают любую жизнь, которая есть, как нормальную. Меня же интересует другой вопрос – когда же у них появится воля, чтобы участвовать в политическом процессе? Пока я не вижу такой воли у нашего народа. Кто основные игроки сейчас, чьи рейтинг и влияние постоянно растут? Олигархи, буржуазия, средний класс, журналисты, какая-то часть интеллигенции, бизнес-элита, неправительственный сектор...

Но они пока не проявляют себя. Проявление я вижу в каких-либо...

... политических акциях? Зато это проявляется в других формах. Скажем, глава Союза потребителей Савченко бал-

лотируется по списку «Асара». Это очень интересное обстоятельство. Поясню. Класс новых людей пытается встроиться в ту политическую систему, что есть, и участвовать в ней. Если раньше амбиции были движущим фактором – «я хочу и буду баллотироваться по своему участку», – то сейчас люди уже смотрят, как можно вклиниться в современный политический процесс. Происходит процесс политизации. Не тот процесс, когда мотивацией участия в политике становятся амбиции. Сейчас эти амбиции заставляют людей подстраиваться под существующие политические группы. Пусть этот процесс пока не такой широкий, все равно он очень важен. Процесс мелких изменений и трансформаций к какому-то качественному скачку может произойти за двадцать секунд. Так и у нас будет, так всегда было. Задача состоит в том, что мы с вами, как аналитики (вы – журналист, я – политолог), должны предвидеть, когда это произойдет.

Пока что слишком мало признаков грядущих изменений... Мелкие изменения, просачивание в политические структуры – это же пока что ничего не значит.

Завтра процесс этих изменений вдруг станет глобальным. Элита сама заберет власть. Самый верный путь.

Этот путь больше похож на эволюцию, чем на революцию, о которой говорит оппозиция...

Согласен. Но этот путь всех устроит. Эволюционный вариант наиболее оптимален.

Газета «Литер»,
09 июня 2005 г.

Интервью брал Р. Усманов.

«Кыргызские грабежи –
это маленький налог на богатство»

©2005

«Политолог Нурбулат МАСАНОВ весьма положительно оценивает политическую ситуацию в Казахстане» – так подали некоторые республиканские СМИ выступление известного критика казахстанской власти на созданной по инициативе депутатов Европарламента, конференции, посвященной выборам в Казахстане, проходившей на прошлой неделе в Брюсселе.

Мы решили получить информацию из первых рук и узнать у Нурбулата Эдигеевича подробности его поездки в Брюссель. А заодно расспросили других участников конференции, о которых официальные СМИ почему-то забыли.

Нурбулат, расскажите, зачем вы ездили в Брюссель? Что за мероприятие там проходило?

Я был приглашен как эксперт на конференцию, созданную по инициативе депутатов Европарламента, проходившую в стенах Европарламента и посвященную ситуации в Казахстане.

Как вы считаете, почему депутаты Европарламента так обеспокоены ситуацией в Республике Казахстан? И чем конкретно они обеспокоены?

Депутаты европейского парламента проявляют вполне резонный интерес к политической ситуации на постсоветском пространстве и, прежде всего, к Казахстану, как одной из наиболее динамично и успешно в экономической сфере развивающейся стране. Я думаю, что это связано с тем, что Европейский союз хотел бы иметь представление о политической ситуации в стране, которая со временем может стать одним из важнейших источников поставки углеводородного сырья на территорию Европейского союза. То есть

стратегические ресурсы Казахстана являются важнейшим фактором, который актуализирует интерес к нему со стороны западноевропейской общественности.

Причем на Западе готовы выслушать мнение официальных лиц и представителей оппозиции и гражданского общества. Я выступал на конференции как представитель гражданского общества.

А какова была программа конференции?

Конференция была выстроена таким образом: она состояла из трех секций, проходивших одна за другой. В начале каждой секции свою характеристику обсуждаемой проблемы давали эксперты. Модератором первой секции, посвященной политической ситуации в Казахстане, была Лайма Андрикиене, член Европарламента, а в качестве эксперта выступала профессор Лондонского университета Бхавна Деве. Затем слово взял первый вице-президент ЕП Альехо Видал-Квадрас Рока, следом за которым огласил свой доклад вице-министр иностранных дел Казахстана Рахат Алиев как представитель официального Казахстана. И последним выступил Владимир Козлов, представлявший на конференции казахстанскую оппозицию.

На второй секции обсуждалась ситуация со свободой слова и СМИ в Казахстане. Председательствовал на ней член Европейского парламента Дьердь Шопфлин, а в роли эксперта выступал глава Международной федерации журналистов Оливье Мани-Кирле. Спикерами были заместитель министра культуры, информации и спорта Казахстана Ардак Досжан, журналист Игорь Винявский и член ЕП Януш Войцеховски.

Модератором последней секции на тему «Государство и гражданское общество» был член Европарламента Чарльз Таннок. Я дал свою экспертную оценку обсуждаемой проблеме. От имени казахстанской власти выступил вице-министр юстиции Серик Нутманов, и в заключение сказал не-

сколько слов от международной организации International Freedom Network Рашид Нутманов.

Вы, наверное, знаете, каким образом было подано ваше выступление в наших официальных СМИ?

Я не хочу это комментировать, просто повторю то, что я сказал в своей речи на конференции. Думаю, что вам все сразу станет понятно. Я сказал, что главная проблема современного Казахстана – это несинхронность политических и экономических реформ. С одной стороны, в Казахстане складывается относительно дисперсная либеральная экономика, обусловленная предшествующими процессами приватизации, разгосударствления. В стране сформировался средний класс, развивается средний и мелкий бизнес, которые требуют оперативного разрешения их экономических интересов, но, с другой стороны, в государстве сохраняется политическая централизация, то есть государственная политическая система несимметрична сложившейся экономической системе. И в своей политике государство, вследствие этого, продолжает мелочную опеку либеральной дисперсной экономики. Чего стоит лишь пятиразовая налоговая статистическая отчетность, которая распространяется даже на неправительственные организации! Бесконечные проверки, инспекция, коррупция и т.д.! Налицо контроль государства, без преувеличения терроризирующий мелкий и средний бизнес.

Таким образом, очевидна необходимость синхронизировать политические реформы и экономические процессы. Но это нужно делать не так, как в России, где происходит централизация экономической системы под авторитарную модель. Казахстану необходима децентрализация экономической системы, в частности, расширение сфер инвестиций с их децентрализацией. В стране циркулирует огромная масса свободных денежных ресурсов, которые следует направить в экономически рентабельное

пространство. А это невозможно без децентрализации финансовых институтов, банков в частности, и без дальнейшей либерализации всей экономической системы. Но более всего Казахстану на современном этапе его развития необходима децентрализация политической системы: как по вертикали – через большую самостоятельность регионов, политических партий, через расширение представительства пропорциональной системы в процессе выборов, через местное самоуправление, отказ от системы жесткого унитаризма, так и по горизонтали – через больший баланс и уравновешенность всех институтов власти, через поддержку механизма сдержек и противовесов различных ветвей власти, предоставление органам представительной власти больших полномочий.

Прежде всего необходимо передать парламенту законодательную инициативу, право распределять бюджет. Парламент должен стать подлинно законодательным органом представительной власти, а не юридической фикцией такого органа. А еще важнее предоставить большую самостоятельность институтам гражданского общества. В первую очередь, следует отказаться от обязательной регистрации некоммерческих неправительственных организаций. Необходимо введение уведомительной процедуры регистрации таких организаций вместо разрешительной, которая в настоящее время создает значительное поле конфликта. Необходим отказ от фискальной политики в отношении НПО, в том числе, от пятиразовой налоговой статистической отчетности. Либерализация государственной политики позволит сбалансировать все более нарастающий конфликт между гражданским обществом, дисперсной экономической системой и концентрированной монополизированной государственной политической системой. Для этого нужна политическая воля, взаимное сотрудничество и процессы политической модернизации.

Ваш прогноз – такое возможно?

Можно прогнозировать, что в Казахстане в ближайшее время политические процессы будут развиваться по одному из двух сценариев. Первый сценарий – это конфликтный путь, альтернативно-взаимоисключающий, когда борьба между политической оппозицией и властью будет только нарастать. И эта борьба может разрушить хрупкое равновесие в стране и столкнуть Казахстан с естественно-эволюционного пути развития. Я считаю, что такой путь крайне нежелателен.

Нам необходим другой путь – путь консолидации через компромисс между государственными институтами, политической оппозицией и гражданским обществом. Для этого нужно взаимное сотрудничество и углубление институциональных, политических и законодательных реформ. Необходимы деполитизация взаимоотношений между государством и гражданским обществом, ликвидация презумпции виновности гражданского общества перед государством. В этом случае сохраняются благоприятные перспективы для продолжения естественно-эволюционного, стабильного пути развития нашего государства.

В этом контексте, на мой взгляд, Евросоюз должен способствовать дальнейшему усилению тенденций естественно-эволюционного развития страны через сотрудничество и взаимодействие власти и гражданского общества, через преодоление конфликтного, альтернативно-взаимоисключающего подхода в отношениях между политической оппозицией и властью.

Мягко говоря, официальные СМИ несколько перефразировали ваше выступление. Ну да бог с ними. Как вы считаете, что конкретно Евросоюз и Европарламент могут сделать для улучшения нынешней политической ситуации в Казахстане?

У Евросоюза есть огромные возможности для того, чтобы влиять на политическую ситуацию в странах СНГ. Это,

во-первых, соответствующие дипломатические рычаги. Вспомните хотя бы пример Лукашенко. Во-вторых, экономические взаимоотношения, поскольку сотрудничество с Европейским союзом является для любой ресурсодобывающей страны ключевым. К тому же Евросоюз, защищая определенные политические принципы, может и должен внести свой вклад в демократизацию постсоветских государств.

Каким образом?

Через выстраивание взаимоотношений европейских стран с этими государствами. Мы знаем примеры, когда зарубежные фирмы, имевшие отношения со страной, где нарушаются права человека и не соблюдаются демократические принципы, облагались двойным, тройным налогом. Однако до сих пор Запад применял только меры дипломатического давления, когда не выдавались визы тем или иным высокопоставленным чиновникам, Александру Лукашенко, в частности.

Нурбулат, а вы уверены, что диалог между властью и гражданским обществом в Казахстане возможен?

Я считаю, что это очень перспективное направление. Было бы замечательно, если бы это произошло.

Но пойдет ли на такой диалог власть?

Я думаю, что это путь, когда, условно говоря, постепенно разжимается один кулак, причем власть от этого ничего не теряет. Диалог с гражданским обществом – это некая форма компромисса, когда власти говорят, что они должны сделать послабление не в отношении политической оппозиции, а в отношении гражданского общества. В этом процессе выигрывает и гражданское общество, получая больше свободы и автоматически расширяя при этом политическое пространство, и власть, получая более лояльное гражданское общество.

А в какой форме, на ваш взгляд, возможен такой диалог?

На конференции Ардак Досжан, например, сказал, что президент Казахстана, понимая важность подобного диалога, инициировал создание Форума взаимодействия и сотрудничества с неправительственными организациями... То есть формы диалога могут быть самыми разными, тем более что идея диалога с гражданским обществом, минуя политическую оппозицию, нашей власти явно нравится.

Однако очевидно желание власти держать этот процесс под контролем. Диалог вроде бы идет, но не со всем гражданским обществом, а с избранными его представителями. И почему во всем цивилизованном мире оппозиция воспринимается как нормальное явление, а в постсоветских странах – как враг? Почему, к примеру, в Штатах сегодня могут быть у власти республиканцы, а завтра – демократы, и партия власти не преследует партию оппозиции, не сажает ее лидеров в тюрьмы, не закрывает ее газеты? Почему в республиках СНГ все по-другому?

Потому что в нормальных странах власть деполитизирована. Это всего лишь институт управления, обычное учреждение, которое служит государству. А в постсоветских республиках власть, как правило, служит интересам определенных групп. В этом вся проблема. Страны СНГ должны идти к деполитизации государственных институтов. А пока власть приватизирована какими-либо политическими группировками, оппозиция является врагом государства. Тогда как на Западе институт управления работает на все общество, в том числе и на оппозицию, как на часть этого общества.

Как вы считаете, поможет ли брюссельская конференция улучшить политическую ситуацию в Казахстане?

Однозначно поможет. Во-первых, у представителей оппозиции, которые присутствовали на этой конференции, была возможность лично познакомиться с депутатами Европарламента. На Западе личное знакомство – один из приоритетов. Это основная цель таких форумов. И, во-вторых, подобные мероприятия дают возможность для лично-

го общения власти и оппозиции. Я видел, например, как Владимир Козлов беседовал с Рахатом Алиевым. Я порадовался за Владимира, что он не воспринимается как экстремист, которого нельзя выпускать в народ без наручников, и что вице-министр иностранных дел очень дружелюбно обменивается с ним какими-то репликами. Так, во всяком случае, мне представлялось из зала.

А я сидел рядом с заместителем министра юстиции Сериком Нугмановым, и мы тоже очень мирно разговаривали. Это был не заочный диалог, а глаза в глаза. Да и в кулуарах мы обменивались мнениями. То есть мы можем находить общий язык. И это обнадеживает!..

Газета «Республика», 18 ноября 2005 г.

Интервью взяла Г.Дырдина.

«Мы ждем перемен!
Но готова ли власть к диалогу?»

СЭВО

Чем острее становится политическая ситуация в Казахстане, тем очевиднее размежевание общественного мнения. Одни (большинство) по-прежнему занимают позицию молчаливых наблюдателей, другие разделились на оптимистов и пессимистов. Вот типичное мнение последних: в клубе «Политон» на прошлой неделе состоялась дискуссия между оппозиционным деятелем Булатом Абиловым и политологом Нурбулатом Масановым. Между оптимистом и пессимистом.

Я абсолютно не согласен и считаю демагогией тезис о народе, что он самый умный и все решит. Булат, как

политик, так и должен говорить. Но реальность такова, что народ вне политики, у народа нет политического мышления. Для народа выборы – это акт демонстрации политической лояльности, а не акт политического выбора. Поэтому пройдет еще 100 выборов, но это оружие стрельнет только в какой-то исключительно один момент, когда звезды так сложатся, когда миллион обстоятельств будет. Выборы – это не тот инструмент, если мы говорим о серьезной политике. Народ не является игроком в политических процессах, поэтому нет ни 30, ни 40, ни 50 тысяч на площадях. Я знаю, какие гигантские усилия прилагаются политической оппозицией на протяжении уже не одного десятка лет, но это абсолютно не востребованная ситуация. Насколько вообще востребована демократия в нашей стране, насколько она нужна, кто у нас понимает вообще, что такое демократия? Если сейчас провести соцопрос, я вам гарантирую как политолог: 99% нашего населения не знает, что такое демократия. Для него демократия в лучшем случае – это власть большинства. Хотя от этого лозунга 200 лет назад отказались. Демократия – это права человека, защищенность каждого индивида. Лозунгом демократии охотно играют все. Нашему обществу не нужна демократия, ему нужны реальные экономические интересы. И здесь очень важен один момент.

Я сам был лидером оппозиции и тоже выражал такой оптимизм, что не сегодня-завтра мы победим и т.д. Да, с точки зрения разумных людей – интеллигенции, это так. Но с точки зрения простого населения это совсем не так. Здесь надо помнить, что у режима еще большой запас прочности. Я знаю по разговорам со многими политтехнологами, связанными с властью, что заготовлены концепции отхода, они готовы уступить лишь на 5%, если бы было соответствующее давление. Такова общая ситуация в стране. Таково

состояние общества, состояние экономики, отсутствие реальных ценностей. Например, в Турции никакой свободы слова нет, но там другая ценность – твой канал и говори, что хочешь, это частная собственность, и на нее нельзя замахнуться. Самая главная ценность – частная собственность, это нормально. Мы так не делаем, мы как зомби – демократия, выборы, свободные СМИ и т.д., будто у нас других слов нет в лексиконе. Мне кажется, искусство политика в том и состоит, чтобы нащупать эти слабые места. Надо отказаться от стереотипов.

Еще один момент. Мне кажется, наибольшим позитивом является перманентно расширяющийся конфликт внутри политической элиты. Я считаю, что как бы это страшно ни звучало, но убийства Заке и Алтынбека фактически открыли эпоху гласности в нашей стране. Ведь вчера нельзя было о многих вещах говорить в нашей стране, нельзя было тыкать в кого-то пальцем. А сейчас вы посмотрите, сколько было информации, какой был колossalный прорыв! Это колоссальный прокол властей, они здесь проиграли.

Еще один момент. Не было сделано правильных выводов из прошедших выборов. Я с Заке встречался, он у нас здесь в дискуссионном клубе выступал, я ему прямо сказал, что выборы вы проиграли уже за полгода до выборов. И сказал, что сейчас самое лучшее для оппозиции вообще не участвовать в этом фарсе. Но Заке играл определенную роль и не мог соскочить из этой сферы. Мне кажется, что сама оппозиция не действует по правилам политической системы. Постоянно преобладают персоны. Опять же, кто лидеры оппозиции? Известные лица, освященные в прошлом властью, освященные бизнесом, но среди них нет ни одной личности, которая не была бы освящена властью. Вообще, здесь миллион разных факторов и говорить можно долго.

Еще один момент насчет мобилизации населения на политическую борьбу. Никто не может мобилизовать эту толпу, ее может мобилизовать только его величество доллар, тенге, личные экономические интересы. Сейчас посмотрите, общество существует в одном экономическом пространстве, где на жилье цены растут, а это укрепление благосостояния населения. А то, что там где-то нефть, металлы и т.д. добывают, это нас не касается. Лично я вижу, что мобилизации населения нет, нет для этого реальных механизмов и инструментов, потому что у людей есть своя жвачка. Я, например, вижу перспективу, если начнется широкомасштабный снос квартир в центре Алматы, вот тогда может появиться шанс, но его надо использовать, к нему надо готовиться, целую стратегию выстроить. То есть появятся реально недовольные, которых лишают собственности. «Шанырак»? Это не центр города, может, это начало. Должна быть точка невозврата какая-то, когда это становится широким явлением и задевает интересы многих горожан – 10-15%. В «Шаныраке» маргинальные группы, там нет коренных алматинцев. Мы исходим из политических качеств поведения этого населения. Я даю 100%: их будут расстреливать, но это их не подвигнет к политическим действиям.

Это право Булата сказать, что пошли вы к черту, вы глупцы, которые мне не интересны, это его право. Мне кажется, популизм нужно забыть, нужно исходить из реального портрета населения, уровня его политического мышления. Я считаю, что наше население – неандертальцы, у которых нет ярко выраженных политических интересов. Когда наше население поймет, что его право голосовать не дано кем-то, а это его законное право, это его форма инвестиций в политическую систему, вот тогда это будет уже интересно. Тогда политический процесс будет переведен в электоральное пространство. А пока электоральное пространство у нас

отсутствует по большому счету. Мы как аналитики можем ошибаться, но ответственность политиков в том и состоит, что они ошибаться не должны.

Газета «Свобода слова»,
№16 (59), 27 апреля 2006 г.
«Диалог оптимиста и пессимиста»

©80

По мнению ряда российских и некоторых зарубежных политологов, главная проблема оппозиции в России – это отсутствие по-настоящему сильного, харизматического лидера, способного объединить оппозиционные силы и стать реальным конкурентом действующему президенту. В Казахстане ситуация практически аналогичная. Казалось бы, лидеров хватает, но... конкуренцию действующему президенту никто так и не смог составить. Но почему?

Я согласен с тем, что в Казахстане, при том, что лидеров у оппозиции достаточно, нет никого, кто мог бы составить реальную конкуренцию действующему президенту. В этом нет никаких сомнений. Что же касается того, каким должен быть лидер оппозиции, то, прежде всего, это человек высоких принципов. И одна из главных проблем для любого общества, для любой политической силы, любой политической оппозиции – это проблема, где найти такого лидера.

Чаще всего политический лидер – это человек, ставший таковым по другим основаниям. Например, из-за освященности властью, когда лидером становится тот, кто раньше был во власти, занимал высокий пост и априори имеет

высокий статус, положение, авторитет, известность и т.д. Очень часто критерий освященности властью заслоняет остальные характеристики и выходит на первый план. Известны примеры, когда лидерами оппозиции признавались люди беспринципные, но вышедшие из власти. А это очень опасно. Итак, главное качество лидера оппозиции – это приверженность высоким принципам. Для этого человека интересы – личные, политические и экономические – должны стоять на втором месте и не доминировать над его принципами, идеями, идеалами. Если такой человек появится в оппозиции, это будет неплохо. Но, с другой стороны, чтобы появился такой лидер, необходимо, чтобы и его политическое окружение соответствовало этим требованиям. Это как раз тот случай, о котором говорят, что короля делает свита. Какова оппозиция, таков и лидер. Какими морально-нравственными качествами обладает сама оппозиция, такого лидера она себе и выбирает. Условно говоря, если у этой оппозиции на первом месте – интересы, не важно какие, а принципы – на двадцать пятом, то она и лидера себе такого выберет.

Качество оппозиции и качество ее лидера – это показатель зрелости самого общества. Например, на Западе вопрос принципов не стоит, потому что там принципы соблюдаются всеми политиками, независимо от того, во власти они или в оппозиции находятся. Я имею в виду принципы морали, нравственности, этики, соблюдения прав человека, законопослушности, либеральной экономики, уважения к частной собственности, к личности других людей и т.д. И коли с принципами все в порядке, то на первый план выходят интересы тех или иных политических, социальных групп.

А в таких странах, как наша, другая ситуация. Здесь все-таки на первом месте должны стоять принципы, но – для демократической оппозиции. А для либеральной оппози-

ции главное – это интересы. У нас часто происходит подмена: те, кого мы сейчас считаем демократической оппозицией, на самом деле таковой не является. Из их лозунгов следует, что они приверженцы либерально-демократической концепции. То есть сначала – экономические реформы, а потом – демократические процессы.

Я сужу не по выступлениям на митингах и пресс-конференциях, а по программам, по действиям, по реальным декларациям. Если люди делают ставку на то, чтобы у одних забрать, а другим отдать, становится совершенно очевидно, что на первом плане – экономические интересы. Разговоры о демократии – просто антураж.

Говоря о лидере оппозиции, следует помнить, кого мы имеем в виду – демократического лидера или политического. Если это просто лидер оппозиции, то его может выдвинуть какая-то группа людей. Если мы говорим о лидере политической оппозиции, то такого человека нельзя назначить, нельзя избрать. Его кандидатура определяется в процессе согласований, компромиссов, уступок, в поиске консенсуса между разными группами. Лидер политической оппозиции, прежде всего, должен уметь находить подход ко всем, поскольку политика, как известно, это искусство достижения поставленной цели через череду тысяч компромиссов. Такого лидера у нас нет.

Перечисляя качества, которыми должен обладать лидер политической оппозиции, следует отметить, что он должен быть харизматичен, должен мыслить политически, то есть категориями компромиссов, просчитывая, на каких условиях сможет привлечь к себе сторонников, находя общий язык и с властью, и с другими оппозиционными организациями, и со своими сторонниками ради достижения поставленной цели. И, конечно, он должен вызывать доверие у электората. Это тоже одна из форм компромисса. Он обязан поджать хвост и отказаться от каких-то вещей, спо-

собных негативно повлиять на его имидж. Обязан заботиться о своей репутации, не иметь сомнительных связей, быть примерным семьянином и т.д.

Если ты политик, то должен непременно присутствовать на любом мероприятии, куда тебя пригласили, нравится тебе это или нет. А если ты не политик, а диктатор, то будешь ломаться: не хочу, да мало заплатили, да не хочу встречаться с тем или с другими... Те наши оппозиционеры, которые называются лидерами, но ведут себя подобным образом, это просто номенклатурщики еще с советских времен. Да и политической оппозиции у нас, по сути, нет, а демократическая существует на диссидентском, скажем так, уровне.

Возможно ли появление настоящего лидера оппозиции в Казахстане? Если мы будем ставить на первый план проблему лидера, а на второй – политику, интересы и прочее, то желаемого результата не получим. Лидер будет доминировать над интересами, принципами и т.д. Поэтому, прежде всего, нужна структура, у которой есть принципы, идеи, а лидер – это вторично. Лидер найдется. Конечно, для того чтобы человек стал лидером, не обязательно, чтобы он прошел через такие же испытания, что выпали на долю Гавела или Мандэлы. Но когда человека преследует и мучает власть, он тоже становится освященным властью. Когда власть его мучает, это значит, что она его боится и, тем самым, как бы поднимает его до своего уровня. Правда, не все, кого власть преследовала, становятся лидерами оппозиции.

И совершенно не обязательно, что лидер оппозиции появится из числа тех, чьи имена на слуху, кого мы знаем. В политике двери никогда не закрываются. Лидером может в одночасье стать человек, до того никому не известный. Вспомните хотя бы историю появления на политическом Олимпе России Владимира Путина, которого буквально

за полгода раскрутили и сделали президентом. Так что все возможно.

Газета «Республика»,
03 февраля 2006 г.

Опрос провела Г. Дырдина.
«Где те, кому поверят и за кем пойдут?»

©2006

Как вы относитесь к переговорам двух партий (НП «Алга!» и ДПК «Ак жол») в частности, и к общему переговорному процессу между разными партиями в целом?

Я считаю, что любые горизонтальные контакты и взаимодействия очень продуктивны. Если горизонтальные переговоры имеют место, это одна из основ национального диалога. Без них не будет вертикального диалога. Поэтому очень важно, чтобы постоянной практикой отношений всех партий стали их постоянные консультации, какие-то совместные действия, акции, поиск общих интересов и т.д. Это нормально, когда политические партии действуют таким образом. И я не понимаю попыток обвинить какую-то партию в предательстве интересов оппозиции.

Что значит – предать интересы оппозиции? Нет такого понятия – «оппозиция». Есть силы, которые стоят за демократические реформы в Казахстане, за либеральные реформы, за ускорение политической модернизации страны. Я считаю, что когда эти силы ведут переговоры, то это здорово! А вот ни с кем не контактировать, объявить всех врагами демократии и, сидя на завалинке,

присвоить себе право утверждать, что, мол, только мы демократы, – это самая удобная позиция, но и самая непродуктивная.

Как вы считаете, чего ждет сейчас народ от политических партий? Каких конкретных шагов, действий, программ?

Я думаю, что именно от политических партий народ ждет актуализации болезненных проблем, актуализации общественных, политических, экономических интересов. Скажем, сейчас самое главное для нашей страны – это выстроить реальную систему ценностей. Какие это ценности могут быть? Ну, например, приоритет частной собственности. Я недавно был в Турции и лично убедился, что там есть свобода слова, но не потому, что свобода слова – ценность сама по себе, а потому, что она необходима для поддержания другой ценности – частной собственности на СМИ. Если это средство массовой информации является вашей собственностью – делайте, что хотите, его у вас никто не сможет отобрать. А у нас пока какие ценности? Власть все может – отнять и поделить. Но такие ценности мне не нравятся. Я хочу, чтобы в нашем обществе формировались фундаментальные человеческие ценности – уважение к чужой собственности, признание приоритетного права собственности. А если вы признаете право собственности, значит, вы признаете и чужие свободы, а не только свои или государства, признаете чужое мнение и всю палитру, связанную с чужим восприятием и отношением к вещам и людям.

Что, на ваш взгляд, сегодня происходит в оппозиции? С чем связаны агрессивные нападки ее представителей на своих же партнеров?

Что же касается причин разборок внутри оппозиции, то я думаю, что она находится пока в стадии формирования, и отсюда все дрязги. Я часто сравниваю наших политиков с первоклассниками, которые не владеют азами полити-

ческой системы и не знают, как следует выстраивать отношения. И, главное, не хотят этого знать! А когда им что-то подсказывают, они это крайне болезненно воспринимают. И чем в таком случае они лучше представителей того режима, который они критикуют?

Газета «Республика»,
28 апреля 2006 г.
Опрос провела Г. Дырдина
«Шкуру какого медведя делил оппозиция?»

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

Беседа с Нурбулатом Эдигеевичем МАСАНОВЫМ всегда была наполнена глубоким смыслом, а его ответы отличались полнотой и законченностью. Идя в то сентябрьское утро на встречу с ним, я никак не предполагала, что она станет последней, а потому чрезвычайно благодарна судьбе за состоявшееся интервью. За разговором мы провели почти три часа. Нурбулат Эдигеевич чувствовал себя прекрасно, шутил, делился прогнозами по ситуации в стране, говорил о будущем возглавляемого им института. На следующей встрече, которая должна была состояться в середине октября, профессор Масанов обещал рассказать о кочевниках. Он проводил меня к выходу, мы тепло попрощались. Моя ладонь еще долго хранила тепло его руки.

У каждого правителя есть своя свита, свое политическое окружение. Каково же оно у главы государства?

В окружении президента очень много разных людей. Там идет постоянная борьба за доступ к главе государства, за влияние на него, за дружбу с ним и т.д. Каждый старается усугубить. Конкуренция в этом плане очень велика, но о ней почему-то никто открыто не говорит. Там человек каждый день проходит тест на полезность. Если от кого-то нет толка, то он вылетает из свиты, как пробка из бутылки с шампанским. Именно поэтому многие высокопоставленные чиновники, оказавшись неконкурентоспособными в борьбе за нужность власти, пришли в оппозицию.

В стране идет постоянный процесс обновления элиты. На каждую должность стоит длинная очередь претендентов. Каждый из них считает себя самым необходимым, са-

мым умным. Конкуренция сейчас особенно велика еще и потому, что любого крупного чиновника подпирает молодежь, получившая образование в самых престижных вузах Запада, готовая работать в соответствии с международными стандартами.

Президенту есть из кого выбирать. Ротация кадров идет, но хотелось бы, чтобы она была публичной, контролируемой обществом и СМИ. Этого нет. Все решения принимаются кулачно. В Казахстане есть примерно пять разных политических коалиционных групп, ведущих борьбу за ресурсы, за сферу влияния. Касаясь какой-то определенной сферы, коалиция может состоять из одной комбинации групп, а в другой отрасли они выстраиваются иначе. Это похоже на химический процесс, в котором постоянно находятся в движении одни и те же молекулы. То они группируются, то они распадаются.

Данный процесс бесконечен. При этом каждая группа старается оказать на президента давление с тем, чтобы продвинуть своих людей на ключевые посты в госаппарате. Если «наших» ребят поставили на руководящие посты в этом министерстве, то из другого их могут выкинуть. Президент внимательно следит за неким балансом между коалициями, для того чтобы никто не имел превосходства.

Насколько глава государства свободен в своем выборе?

Есть определенные сложности, но в целом Нурсултан Назарбаев с каждым годом становится все свободнее в принятии решений. Чем больше у него власти, тем он независимее. С одной стороны, он вроде бы как заложник этой системы, с другой стороны он свободен.

Мы называемся президентской республикой. Не является ли она, по своей сути, конституционной монархией?

Не конституционной, а абсолютной. При конституционной монархии вся власть принадлежит парламенту, который обладает законодательной властью и формирует

состав кабинета министров, которому принадлежит вся исполнительная власть. Король и королева при конституционной монархии никакой власти не имеют. Они являются символом нации, ее единства.

Так получается, что мы уже живем в монархическом государстве?

Разница в том, что президент в нашей стране всегда формально может ограничить свои действия. Фактически наша власть бесконтрольна.

Каким вы видите результат утверждения Казахстана на пост главы ОБСЕ? Каким будет период до декабря 2006 года?

Я сторонник того, чтобы Казахстан получил право председательства в ОБСЕ. Это принципиально важно. Было время, когда я сам был автором политической изоляции режима. Я много ездил по миру и говорил об этом. Теперь я считаю такую концепцию ошибкой. Она привела к изоляции от мира нашего народа, нашего государства. Но не режима. Режим каким был, таким и остался.

Сейчас я понимаю, что нужна тотальная интеграция Казахстана в мировое сообщество, в результате которой, тем более, если мы станем председательствовать в ОБСЕ, весь мир узнает, что есть такая страна Казахстан. К нам приедут сотни корреспондентов со всего мира. Откроют свои корпункты такие организации, как Си-Эн-Эн, Би-Би-Си, «Евроньюс». Мы попадем в центр всеобщего внимания, и никакой закон «О СМИ» не ограничит право на свободу слова.

Зарубежные журналисты не захотят контактировать только с властью, они пойдут к политической оппозиции, так как захотят дать широкую палитру событий в стране. Мы станем открытыми для всех. Когда говорят, что не надо давать право Казахстану председательствовать в ОБСЕ, что этот пост станет подарком режиму, это неверно. Мышеловка захлопнется, если нам откажут. Если утвердят – это станет подарком всем гражданам, всей оппозиции, СМИ. Это

будет подарок нашему народу в виде свободы, вовлеченности в мировое сообщество, контроля со стороны международных правозащитных организаций и т.д.

Зачем же в таком случае это нужно президенту?

Это уже престиж, амбиции.

Но ведь его власть будет ограничена?

Нет, не будет. Она просто будет поставлена под общественный международный контроль. Президент понимает: за престиж, известность, удовлетворение амбиций надо платить.

Очень важно Казахстану получить этот пост. Тогда мы станем не каким-то Станом, а частью цивилизованного мира. Ведь мы, по своему менталитету, европейская страна. Мы должны двигаться в Европу, несмотря на то, что наши ноги опутаны гилями в виде традиционализма. Нас все время рассматривают как придаток России, прежнего советского мира и даже исламского мира. Сейчас политики понимают, что есть Казахстан как ключевая страна Евразии.

Вот, например, что такое ШОС без Казахстана? Это просто российско-китайский междусобойчик, который не нужен ни Китаю, ни России. Только Казахстан открывает двери и приводит за собой страны Центральной Азии, исламский мир, такие мощные локальные державы как Пакистан, Иран... Именно Казахстан констатирует ШОС как нечто серьезное, имеющее всемирную значимость. Что сейчас складывается на границах России? Конфликты по всему периметру. Россия находится в колossalной изоляции, и Казахстан – единственный фактор, который повышает ее значимость. Я говорю о путинской России. Ельцинская Россия такой не была.

Сейчас Путин издал указ о российских соотечественниках. Не ринутся ли наши русские в Россию, тем более что статус русского языка постепенно снижается?

Последнее интервью

Переход делопроизводства на казахский язык уже произошел. Русский язык будет постепенно вытесняться из сферы госслужащих, но сохранится как язык межэтнического общения. Де-факто. Не важно, как будет написано в Конституции. В этом отношении позиция русского языка очень прочна. Учебники, художественная литература написаны на русском языке. Это язык науки, образования, культуры, престижа, торговли. Здесь сокращения сферы употребления русского языка не произошло.

Казахский язык расширяет свою сферу только в государственных органах. Новое поколение уже его знает. Процесс пошел и отхода назад не будет. В этом плане идет мощное давление со стороны казахского общества. Но с каждым днем сфера госконтроля сокращается. Растет сфера либеральной, рыночной экономики, гражданского общества, в которых русский язык имеет очень прочные позиции. Пресса как на 90% была русскоязычной, такой и останется. Нельзя все взять под контроль.

Каким вы видите визит Назарбаева в США?

Там ситуация простая. Вы хотите быть председателем в ОБСЕ? Что вы предложите взамен? Вся политика строится на том, как кого использовать.

А «Казахгейт»?

Кого он интересует? Прежде всего – geopolитические интересы.

Вернется ли Акежан Кажегельдин в Казахстан?

При нынешнем политическом режиме такое невозможно. Да и зачем ему это? Жена у него русская, дети – западные люди. Может быть, когда ему будет 80 лет, он приедет в Казахстан – поклониться земле предков.

Процесс по делу Алтынбека Сарсенбаева завершен. Но осталось ощущение, что обвиняемые в убийстве политика были уверены в своей безнаказанности, как будто им это пообещали?

У меня было ощущение того, что в этом деле больше политики, чем юридической составляющей. Оппозиция использовала этот процесс для критики и разоблачения режима. Не важно, убийцы – не убийцы сидели на скамье подсудимых. Для оппозиции главным было поставить под сомнение все судебные дела. Под огромным микроскопом на все говорилось «нет». С другой стороны, власть выбрала «козлов отпущения» и выстроила концепцию вокруг них. На одном из звеньев цепочки обрезали.

Наказание подсудимым вынесено очень жестокое, и обществу дали понять, что все справедливо. Но процесс остался как бы незавершенным. Истину мы никогда не узнаем. Кто давал команду, кто нажимал курок? Для меня важен позитив, вытекающий из этой трагедии. Сама жестокость наказания приведет к тому, что каждая «шестерка», прежде чем выполнить задание, подумает о том, не сделают ли ее козлом отпущения.

Создана системная угроза страха для людей из исполнительной власти – быть обвиненными в политике. Для госслужащих лучше держаться подальше от нее. Теперь каждый сотрудник полиции, КНБ сто раз подумает, прежде чем выполнять подобный приказ. Оппозиция получила огромное преимущество. Все должны понять, что нельзя убивать политиков, нельзя участвовать в их преследовании, нельзя давать себя использовать вышестоящему начальству и т.д. Если вчера любой представитель МВД и КНБ был готов слепо исполнять волю начальства, то теперь он вряд ли на это пойдет.

Газета «Эпоха»,
№40(212), 13 октября 2006 г.
Интервью брала Е. Войткевич.
«Дорога из мышеловки»

СПИСОК ИНТЕРВЬЮ И СТАТЕЙ, ВКЛЮЧЕННЫХ В СБОРНИК

- «Я, НУРБУЛАТ МАСАНОВ, ПОЛИТОЛОГ». Газета «Новое поколение» (НП), №4 (88), 28 января 2000 г.
- «ПУСТЬ НЕ ДОВЛЕЕТ ГРУЗ ТРАДИЦИЙ». Газета «Ленинская смена», 23 сентября 1988 года.
- «НЕВОСТРЕБОВАННАЯ ИСТОРИЯ». Газета «АЗИЯ», №2, июнь 1993 г.
- «ИЗУЧАТЬ СОВРЕМЕННОСТЬ – ОПАСНО!». Газета «Ваше право», №31, 8 августа 1997 г.
- «ИНАКОМЫСЛИЕ ПРЕСЛЕДУЕТСЯ». Газета «XXI век», 20 апреля 2000 г.
- «КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАЗАХОВ». Газета «Новости недели», 18 июля 2002 г.
- «ЛИТЕРАТУРА И НАУКА МЕРТВЫ БЕЗ НОВЫХ ИДЕЙ». Газета «Начнем с понедельника», 21-27 февраля 2003 г.
- «ПУЧОК ДИПЛОМОВ В БАЗАРНЫЙ ДЕНЬ». Газета «Время», 13 июня 2002 г.
- «МЫ – МАРГИНАЛЫ». Интернет-сайт www.dialog.kz. 17 августа 2004.
- «НЕ НАДО КОМПЛЕКСОВАТЬ ИЗ-ЗА СВОЕЙ ИСТОРИИ!». Газета «Начнём с понедельника», 23 июня 2006 г.
- «КОНЦЕПЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ – НАСЛЕДИЕ КОЧЕВНИКОВ». Газета «Central Asia Monitor», 05 февраля 2006 г.
- ПОСЛЕДНЯЯ ТЕЛЕСЪЕМКА. Телепередача «Центр внимания», 31 канал, 12 октября 2006 г.
- «ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКА». Газета «Караван», 6 сентября 1996 г.
- «МОЯ ЛЮБОВЬ – ФУТБОЛ!». Газета «Доживем до понедельника», 16 февраля 1996 г.
- «Я МЕЧТАЛ ОБ ЭТОМ 30 ЛЕТ». Газета «Караван», 17 июля 1998 г.

«В ЕВРОПЕ КАЗАХСТАН НЕ ЖДУТ». Газета «Время», 4 октября 2001 г.

«К ИТОГАМ ХОККЕЙНОГО СЕЗОНА В НХЛ». Газета «Время ПО», №№49-54, 27 июня 1997 г.

«ЖИВИ ПО СОВЕСТИ И ПРАВДЕ – ВОТ ЛУЧШАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ». Газета «Свобода слова», №21, 20 июля 2005 г.

«ДЕМОНТАЖ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ НЕОБХОДИМ». Газета «Экономика сегодня», №2, ноябрь 1996 г.

«ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАЗАХСТАНА: ОТ ОСТАТОЧНОЙ – К ЕСТЕСТВЕННОЙ». Радиопередача.

«У НАС ПРОСТО РЕЖИМ ЛИЧНОЙ ВЛАСТИ». Газета «Республика», 29 апреля 2005 г.

«СРЕДНИЙ КЛАСС НАЧИНАЕТ И... ВЫИГРЫВАЕТ?». Газета «Время», 19 сентября 2002 г.

«ВОРЮТ ВСЕ». Газета «Бизнес и власть», №24(041), 23 июля 2006 г.

«ЗАПРЕТИТЬ КОРРУПЦИЮ ПРИКАЗОМ НЕВОЗМОЖНО». Газета «Литер», 23 августа 2006 г.

«КАЗАХСТАН – ЕВРОПЕЙСКАЯ СТРАНА». Газета «Начнем с понедельника», 30 июня 2006 г.

«МНОГОПАРТИЙНОСТЬ ВОЗМОЖНА». Газета «XXI век», 3 декабря 1998 г.

«ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ОППОЗИЦИИ». Газета «Известия» (Казахстан), 18 июля 2001 г.

«ДАЛЬНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ БУДУТ РАЗВИВАТЬСЯ ПО ЧЕТЫРЕМ СЦЕНАРИЯМ». Газета «Деловое обозрение «Республика», № 47, 29 ноября 2001 г.

«Я – ЗА ВЛАСТЬ ОЛИГАРХОВ». Газета «Время», 28 апреля 2005 г.

«НАМ НУЖЕН КОМПРОМИСС». Газета «Время», 16 марта 2006 г.

«МЫ СВЯЗАНЫ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ». Газета «XXI век», 4 сентября 1998 г.

«ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ». Радио «Свобода», 20 января 1999 г.

«В.ПУТИН... СТАЛ СИМВОЛОМ НОВОЙ РОССИИ, ВОЗРОЖДАЮЩЕЙСЯ ПТИЦЫ ФЕНИКС». Интернет-сайт www.zonakz.net. 17 января 2000 г.

«САММИТ «ОДНОКЛАССНИКОВ»». Программа «Итоги», 3 марта 2002 г.

«НОВЫЙ ПОСТСОВЕТСКИЙ СОЮЗ – ФИКЦИЯ». Газета «Столичная газета» (Москва), №16, 04 марта 2003 г.

«ТО, ЧТО ПРОИЗОШЛО В КЫРГЫЗСТАНЕ, – НАСТОЯЩАЯ НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ». Интернет-сайт www.zonakz.net. 25 марта 2005 г.

«БАЙГА». Газета «Свобода слова», №06, 6 апреля 2005 г.

«БЕЗ НАЗВАНИЯ». Газета «Свобода слова», №03 (46), 26 января 2006 г.

«МЫ ПРОКЛЯТЫ НЕФТЬЮ». Газета «Литер», №187(642), 07 октября 2006 г.

«ВРЕМЯ – ДИАЛОГУ И КОНСЕНСУСУ». Газета «XXI век», 4 марта 1999 г.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО В ОБСЕ В ОБМЕН НА ДЕМОКРАТИЮ». Газета «Республика», 22 сентября 2006 г.

«МИГРАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ – ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... ЗАВТРА?». «Азия» International weekly, №4(42), февраль 1993 г.

«КОМУ ВЫГОДНА ЭМИГРАЦИЯ?». Газета «Доживем до понедельника», 19 мая 1995 г.

«ЧЕЛОВЕК – МЕРА ВСЕХ ЗАКОНОВ». Газета «Аргументы и факты», №6, февраль 1995 г.

«Я – ЗА ТО, ЧТОБЫ МЫ БЫЛИ НЕ РУССКИМИ, КАЗАХАМИ... А СТАЛИ КАЗАХСТАНЦАМИ». Газета «Аргументы и факты», №50, 2001 г.

«БЕЗ НАЗВАНИЯ». Радио «Свобода», 7 октября 2002 г.

«ЛЮБАЯ БОЛТОВНЯ МАРГИНАЛОВ ОКАНЧИВАЕТСЯ НИЧЕМ И ПРИВОДИТ К МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ РОЗНИ В КАЗАХСТАНЕ».

Интернет-сайт www.zonakz.net. 28 февраля 2005 г.

«ПРИБЕЖИЩЕ ИЛИ УБЕЖДЕНИЕ?».

Газета «АиФ-Казахстан», 24 мая 2006 г.

«У ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В КАЗАХСТАНЕ НЕТ ПЕРСПЕКТИВ».

Газета «Мегаполис», 12 июня 2001 г.

«ДЕМОКРАТИЯ – ЭТО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ».

Газета «Время ПО», №14, 25 февраля 1998 г.

Вестник «Казахстанские новости». Специально для «Мегаполиса», 16 января 2002 г.

«О СВОБОДЕ – С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ».

Газета «Свобода слова», №02, 9 марта 2005 г.

«КАЗАХСТАН – КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР. ЗАПАД ПОКА ЕГО НЕДООЦЕНИВАЕТ!»

Газета «Жума-Таймс», №14 (22), 14 апреля 2005 г.

«ПРЕДАВАТЬСЯ ИЛЛЮЗИЯМ – ПОЛИТИЧЕСКИ СМЕРТЕЛЬНО!» Газета «Эпоха», №14, 15 апреля 2005 г.

«КЫРГЫЗСКИЕ ГРАБЕЖИ – ЭТО МАЛЕНЬКИЙ НАЛОГ НА БОГАТСТВО». Газета «Литер», 09 июня 2005 г.

«МЫ ЖДЕМ ПЕРЕМЕН! НО ГОТОВА ЛИ ВЛАСТЬ К ДIALOGУ?» Газета «Республика», 18 ноября 2005 г.

«ДИАЛОГ ОПТИМИСТА И ПЕССИМИСТА».

Газета «Свобода слова», №16 (59), 27 апреля 2006 г.

«ГДЕ ТЕ, КОМУ ПОВЕРЯТ И ЗА КЕМ ПОЙДУТ?»

Газета «Республика». 03 февраля 2006 г.

«ШКУРУ КАКОГО МЕДВЕДЯ ДЕЛИТ ОППОЗИЦИЯ?»

Газета «Республика», 28 апреля 2006 г.

«ДОРОГА ИЗ МЫШЕЛОВКИ».

Газета «Эпоха», №40(212), 13 октября 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Я, Нурбулат Масанов... ..	5
...ИСТОРИК (первое интервью)	7
...УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ.....	35
... СТРАСТНЫЙ БОЛЕЛЬЩИК, ПРЕКРАСНЫЙ ЗНАТОК.....	101
...ПОЛИТОЛОГ	177
...О ГЕОПОЛИТИКЕ	243
...ГРАЖДАНИН И ПАТРИОТ.....	287
...ДЕМОКРАТ.....	331
ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ	383
СПИСОК ИНТЕРВЬЮ И СТАТЕЙ, ВКЛЮЧЕННЫХ В СБОРНИК.....	389

Я, НУРБУЛАТ МАСАНОВ

Сборник статей и интервью

Дизайн и верстка *Б. Шаяхметов*
Е. Ананьева

Подписано в печать 16.04.2007 г.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.п.л. 24,6. Тираж 1000 экз.

Заказ № 202

Отпечатано в ЧП «Алексеев А.В.»

Типография «Искандер»

ГАЛМАТЫ, УЛ. ФУРМАНОВА, 103.

Тел: (327) 272-62-68, 261-55-45

iskander@iskander-network.kz

Мне, как журналисту, практически постоянно доводилось общаться с Нурбулатом Эдигеевичем по долгу службы. Это был не просто компетентный специалист, политолог, историк, аналитик. Нурбулат Эдигеевич был мыслителем, глубоким, тонким, анализирующим не отдельные этапы политического процесса, а держащим в поле своего внимания сразу все политическое пространство со всеми его надводными камнями и подводными течениями. Он всегда был, что называется, в материале, в теме, всегда был готов ответить на самый сложный, даже порой каверзный, вопрос, как будто заранее знал, что он прозвучит. Он был один такой... И другого, похожего на него, пока, к сожалению, больше нет...

Галина Дырдина

Самое удивительное достоинство Нурбулата Масанова состояло в том, что он умел с поразительной логичностью и ясностью влиять на ситуацию. То, что казалось массам непредсказемым, после выступлений Нурбулата Масанова обычно представлялось в новом свете. Он обладал огромной, чисто интеллектуальной силой убеждения, настоящей на принципах демократии и социальной справедливости.

К Нурбулату всегда тянуло за правдой. Он отрезвлял от иллюзий и заблуждений. Он был моим любимым героем интервью.

Гульжан Ергалиева

Я впервые увидел Нурбулата Эдигеевича в 1988 году; он читал в Зимнем саду Дома ученых лекции по историиnomadov. Тогда, еще в советскую эпоху, многое из того, что он рассказывал, становилось для аудитории открытием. Потом времена сменились, но это умение всегда быть интересным, генерировать идеи, порой спорные, но никогда не банальные, всегда продолжало тянуть к нему.

Ярослав Разумов

Нурбулат поражал способностью легко и логично оперировать сложнейшими научными категориями и, в то же время, доступно и просто не выхолащивая смысла! «переводить» их на язык, одинаково понятный и рафинированному интеллектуалу, и рядовому обывателю. Он всегда считал свое пребывание в политике неизбежной данью обстоятельствам, оставаясь, прежде всего, ученым блистательным, дерзким, порой непредсказуемым Историком и Философом.

Виктор Верк

Когда большая часть интеллигенции билась над проблемой - то ли кусать салог, а то ли лизать, Нурбулат Эдигеевич Масанов показал кардинально иной подход. И власти, и обществу он предлагал варианты решений, от которых оказывались в выигрыше все. В то время как «классическая» схема предполагает выигравших и проигравших.

Владислав Юрицын